
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»,
организованной при финансовой поддержке РФНФ (грант № 15-01-14013)

И. С. Агафонов (ИРИ РАН)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАРРАТИВАХ
ЗНАМЕНСКОГО ЦИКЛА XV–XVII в.

С точки зрения восстановления хода событий похода на Новгород 1170 г. наибольший интерес представляют, безусловно, ранние повествования — новгородских летописей, с одной стороны, и Лаврентьевской и Ипатьевской — с другой. Однако и поздние нарративы, не содержащие нового фактического материала, важны для анализа, так как помогают понять идеологические установки редакторов разного времени.

Наиболее ранним нелетописным нарративом Цикла считается «Слово о Знамени Пресвятой Богородицы». Л. А. Дмитриев относил его создание к XIV в., считая, что к этому столетию относится список «Слова» из пергаменной праздничной минеи РНБ. Соф. № 396 [Дмитриев, с. 111–112]. После передатировки рукописи А. А. Туриловым (им была обоснована дата — вторая четверть XV в. [Сводный каталог, с. 8, 15]) О. В. Лосева определила древнейший список в Прологе РНБ. Ф.п.І. 48 (1431–1434 г.) [Лосева, с. 202].

По событийному ряду сюжет «Слова» близок к легендарным версиям летописных рассказов о Знаменском чуде (в позднем компилятивном варианте), но это развернутое литературное произведение, причем развитие получает именно «чудесная» сторона сюжета. Подчеркивается роль архиепископа Иоанна-Илии и чудотворение от иконы. Очевидно, что новые памятники Знаменского цикла создаются в связи с усилиями новгородской владычной кафедры сформировать пантеон «своих» святых [Бобров, с. 213], среди которых фигура архиепископа Иоанна была призвана занять важное место. К моменту обретения мощей архиепископа (1439 г.) краткое его Житие, видимо, уже существовало, но целый ряд его деяний не был по достоинству освещен. С этой же целью архиепископом новгородским Евфимием был приглашен Пахомий Логофет, написавший, в том числе, и произведения, вошедшие в Знаменский цикл («Воспоминание о Знамени», Слово похвальное Знамению, возможно, Службу Знамению).

Сдвиг акцентов проявился и в нарушении иерархии перечисления основных фигур: князь, посадник, архиепископ. Все поздние тексты нарушают этот порядок: Якун называется последним, причем часто его упоминание выглядит как вставка, архиепископ же занимает центральное место в повествовании.

Никоновская летопись (далее — Ник), которой свойственны компиляции, в данном случае соединяет новгородскую и «антиновгородскую» версии. Повествовательная часть довольно искусно соединяет рассказ о действиях союзников, разоряющих новгородские земли, и о самой битве — по антиновгородской версии с сообщением о вынесении иконы Богородицы из церкви Спаса на Ильбине, переговорах, которые не привели к успеху, — по новгородским (ранней и легендарной). Описывается чудо, тяготы обратного пути суздальцев, которые ели конину в Великий пост. Сначала все оценки следуют новгородской версии, говорится даже об установлении празднования «чюдеси Пречистей Богородицы», которая избавила «градъ сеи свои». Но далее вспоминается о трех плачущих иконах — по антиновгородской версии. Компилятор творчески переработал заключительную сентенцию, хотя и упоминая «зло», творимое новгородцами, но, в отличие от трактовок северо-восточного летописания, подчеркнул, что новгородцы смирились, покаяться и были прощены.

Редакция Степенной книги (далее — РСК) использует в качестве источников Ник, новгородский летописный памятник и «Слово о Знамени». Составитель ее дал как предысторию конфликта, так и его последствия. Вначале он кратко приводит историю Новгорода от Рюрика, причем отмечает, что в древние времена князь поступали в Новгороде «по своей воли». Затем в самом негативном свете говорится о бесчинствах и кровопролитии, допускаемых жителями Новгорода, которые, тем не менее, соблюдали обязательство избирать князей из рода Ярослава. В отличие от новгородских летописей и Ник, нападающей стороной в столкновении из-за дани назван Новгород. Самая же существенная новация в интерпретации событий — это заключение, где в монархическом духе утверждается, что новгородским беспорядкам положил конец только Иван III.

Лицевой свод Ивана Грозного использует РСК, но без предыстории и послесловия. Заключительная часть совпадает с соответствующим текстом Ник, сохраняя неопределенность и двойственность оценок.

В основу *Редакции И. Т. Грамотина* (далее — РГ) (30-е годы XVII в.) лег текст «Воспоминания о Знамени», но в числе источников был и текст РСК. При этом в РГ очевидна полемика с РСК. Идеологическая направленность этого текста целиком проновгородская, в отличие от текста РСК, явно проводящей московскую монархическую линию. Причем элементы сюжета, создающие образ новгородцев в этих двух редакциях, акцентируют противоположные моменты. В частности, РГ тоже имеет предисловие, но в нем восхваляется «преславный» Великий Новгород, «благочестием украшающемся». Прозцветание

его достигнуто благодаря «самовластному управлению» и «непопущению» князьям «обладати собою». Поход же против Новгорода автор редакции считает проявлением зависти к его богатству. Как отмечает А. В. Сиренов, «для людей, прошедших через ужасы и соблазны Смутного времени, концепция абсолютной монархии, проводимая в Степенной книге, не казалась самой лучшей для их современности» [Сиренов, с. 221].

Литература

- Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. Л., 1973.
Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой четверти XV вв. М., 2009.
Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.
Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. СПб., 2010.

С. Н. Азбелев (ИРЛИ РАН)

МЕСТО КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ ПО ЛЕТОПИСНЫМ ДАННЫМ

Научный спор о месте сражения на Куликовом поле разгорелся после юбилея 1980 г. «Традиционному» представлению о том, что битва была на правом берегу Непрядвы, около впадения ее в Дон, противостояла «альтернативная» точка зрения, переносившая место боя на левый берег Непрядвы. Сторонники этого мнения опубликовали картосхемы, на которых было обозначено место битвы при впадении этой реки в Дон, но — на левом ее берегу. Для разрешения спора произвели исследования палеопочвоведы. Они показали, что в низовьях Непрядвы левый ее берег в прошлом был покрыт лесом. Но при этом обнаружилось, что на правом берегу располагалась тогда лесостепь, где открытые участки были слишком невелики. Так было дискредитировано традиционное представление о самих масштабах сражения на Куликовом поле, опиравшееся на совокупность показаний как русских, так и иностранных письменных источников.

Новое обращение к летописным свидетельствам позволило пересмотреть мнение о низовьях Непрядвы как о месте сражения 1380 г. при ее «устье». Обнаружилось, что словом «устье» в XIV в. и позже обозначали *исток реки из озера*. В летописях же сказано об *устье* Непрядвы, но не о *слиянии Непрядвы с Доном*. Влиятельные помещики юго-востока Тульской губернии *примыслили* такое истолкование только в первой четверти XIX столетия, опираясь на закрепившееся к тому времени в литературной речи значение слова «устье». Существенно, что перед впадением в Дон Непрядвы, на правом ее берегу, находились земельные владения именно тех помещиков (Нечаевых, а впоследствии и Олсуфьевых), которые активно добывались и постепенно добились возведения как раз здесь достаточно известных ныне мемориалов Куликовской победы, уже существовавших к 1917 г.

Непрядва до ее обмеления вытекала из Волова озера, расположенного в центральной части Куликова поля на расстоянии 40 километров от слияния этой реки с Доном. При истоке из озера в XIV–XV столетиях находилось *устье* Непрядвы, оговоренное в летописных повествованиях о Куликовском сражении. Впоследствии Волово озеро сократилось в своих размерах. Но к востоку от его теперешних берегов до сих пор сохраняются следы прежнего русла Непрядвы.

Устье Непрядвы — географический ориентир, указавший цель движения русской армии — для соприкосновения с армией Мамаю раньше, чем к ней сможет присоединиться войско Ягайла. Дабы упредить действия противников, русские войска спешно направились к истоку Непрядвы — «перидоша за Дон вскоре». Однако ордынцам все же удалось первыми занять господствующие высоты у истока Непрядвы. Но русская армия успела развернуться к северо-востоку от позиций Мамаю — перекрывая ордынцам путь на Москву. Все наши летописи единодушно и неоднократно упоминают именно открытую местность («поле чисто»), по которой русское войско «поидоша за Дон в дальняя части земля». На открытой местности у верховьев Непрядвы, на пространстве в *десять верст*, согласно летописным данным, происходило противоборство двух стотысячных армий.

Передовой полк великого князя Дмитрия Ивановича и наемники Мамаю сошлись на равнине, спускаясь с противоположных холмов. Генуэзская пехота двигалась от Волова озера на юго-восток, между левым притоком Непрядвы и правым притоком Упы, которая вытекала тогда из Волова озера в западном направлении. Навстречу шли ратники русского ополчения. Они спускались с другого холма, расположенного между правыми притоками Дона. «Русский» холм несколько ниже «татарского»: теперешняя высота их 15 и 30 метров соответственно. Ставка же Мамаю находилась в стороне, согласно устному преданию, — на Красном холме. Дольше существующая под таким названием деревня располагается несколько восточнее, на более крутом, значительном возвышении, на левом берегу Непрядвы (в двух километрах севернее этой реки и в семи километрах на восток от Волова озера). С Красного холма и в наше время открывается широкий обзор центральной части Куликова поля.

Согласно источникам, после ожесточенного трехчасового сражения его исход решила внезапная атака засадного полка из дубравы, находившейся позади русских войск. На современных картах

Тульской области остатки дубового леса обозначаются к северу от города Богородицка, построенного на месте южной части этой дубравы. Здесь укрывался, ожидая критического момента битвы, конный полк князя Владимира Андреевича Серпуховского. Он был заранее отправлен «вверх по Дону» — от места переправы русской армии (проведенной, очевидно, около впадения в Дон речки Муравлянки).

Мамай обратился в бегство, увидев поражение своих войск. Остатки их рассеялись в разных направлениях. Ордынцы, устремившиеся на восток, к месту своей переправы через Дон, встретили на пути Непрядву — в среднем (меридианальном) течении этой реки. Они тонули в ней, переплывая на правый берег. Настигаемые преследовавшими их русскими, татары гибли и на обоих берегах Непрядвы.

А. В. Аксанов (Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ)

ШИБАНИДЫ И ТАЙБУГИДЫ В СИБИРСКОМ ЮРТЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В историографии широко распространилось представление о многолетней борьбе Шибанидов и Тайбугидов за власть в Сибирском юрте [Вельяминов-Зернов, с. 391; Нестеров, с. 17–23]. Есть мнение, что это противостояние продолжалось более столетия и способствовало ослаблению ханства [Файзрахманов, с. 131]. Вместе с тем в последние годы историки все чаще подвергают сомнению достоверность известий о политической борьбе в Сибири [Маслюженко, с. 18–19; Исхаков, с. 45–46; Парунин, с. 72–77]. Впрочем, эти гипотезы нуждаются в дополнительных аргументах, которые может дать герменевтический анализ, направленный на установление семантики известий.

Самую раннюю попытку последовательной репрезентации политической истории Сибирского юрта находим в грамоте Федора Ивановича от 1597 г. Согласно ей, после Ивака в Сибири правили Тайбугиды, и все они платили дань Москве¹. Симптоматично, что независимые источники опровергают эту информацию².

Сибирские летописи содержат уникальные известия об отношениях шибанского хана Ивака с Тайбугидами. По ним, Ивак овладел Чимги-Турой, убив тайбугидского князя Мара. А внук Мара Мамет убил Ивака, разрушил Чимги-Туру и основал «град Сибирь»³.

То есть в результате цареубийства и разрушения столицы появляется новое государство. Подобные сюжеты были хорошо знакомы знатокам Священной Истории. В Ветхом Завете в нескольких местах приводится рассказ о смерти ассирийского царя Сеннахирима от рук своих сыновей, один из которых воцарился после него (4 Цар 19: 37; Тов 1: 2; Ис 37: 38; 2 Пар 32: 21). Согласно «Казанской истории», схожим образом — «мечем и на крови» — возникло «Казанское царство» [Аксанов, с. 140]. В свою очередь, взятие Казани в 1552 г. знаменовало «обретение царства» и начало нового этапа в развитии русской государственности [Плюханова, с. 202].

Таким образом, в библейских и средневековых преданиях неотъемлемым прологом возникновения новых царств нередко являются цареубийства и разрушения. Возможно, перед нами проявление «литературного этикета», позволявшее книжнику объяснить появление нового государства в русле идей христианской историософии.

Литературная природа летописных статей подтверждается и тем, что отдельные сообщения не верифицируются или даже опровергаются другими источниками. Неподтвержденными являются известия об отношениях между Иваком, Маром и Маметом и о разрушении Чимги-Туры. А факт основания Сибири (Искера) Маметом противоречит данным археологии [Нестеров, с. 18]. К тому же существуют многочисленные сведения о правлении Шибанидов в Сибирском юрте и после смерти хана Ивака [Трепавлов, с. 386–387; Исхаков, с. 45–46]⁴.

Начало второй волны конфликтов между Шибанидами и Тайбугидами связывают с присягой бека Едигера Ивану IV в 1555 г.⁵ Уникальное известие о том, что в 1562 г. «Едигеря князя» убил некий «Едигерь царевич Казанской»⁶, комментируется в контексте сообщений сибирских летописей, согласно которым именно Кучум убил князей Едигера «и прозвася сибирский царь»⁷. В то же время известие о том, что Едигера убил Кучум, датируется официальными сообщениями, даже не упоминающими хана Кучума!

Таким образом, в грамоте Федора Ивановича дипломаты, говоря о том, что хан Ивак и последующие сибирские правители платили дань Москве, прибегли к искажению истории. Вероятно, результатом фальсификации стало и выдвигание на первый план Тайбугидов. Тем более что такая историографическая рокировка хорошо вписывалась в официальную идеологию и дискредитировала

¹ СГД. М., 1819. Ч. II. С. 132.

² ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 248; Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 81–84, 199.

³ Сб. РИО. М., 1987. Т. 36. С. 47, 129, 179, 236, 303–304, 357–358.

⁴ См., например: ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 213; М.; Л. 1959. Т. 26. С. 290; Л., 1982. Т. 37. С. 99.

⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 248, 276, 285.

⁶ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 323.

⁷ ПСРЛ. Т. 36. С. 48.

действия хана Кучума, оказывавшего сопротивление. В этом историческом контексте военные походы в Сибирь, организованные Иваном IV и его преемниками, выглядели не завоевательными действиями, направленными на присоединение Сибирского юрта, а вполне законными мероприятиями по защите государевых владений от посягательств хана Кучума.

Сибирские летописцы следовали историографической традиции, заложенной в период правления Федора Ивановича. Но так как перед ними стояли более масштабные задачи, они дополнили повествование реминисценциями из Библии и других авторитетных источников. В результате сложилась картина последовательной смены царств: после уничтожения Тюменского юрта Шибанидов возникло государство Тайбугидов, на смену которому установилось «царство» Кучума, разрушенное, в свою очередь, православным государем. Неотъемлемым элементом этой истории стала обусловившая смену царств вековая борьба «шибанских царей» с «сибирскими князьями» из рода Тайбути.

Литература

- Аксанов А. В. Образование Казанского ханства глазами современников и потомков // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 135–147.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2.
- Исхаков Д. М. Сибирский юрт в конце XV века — начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-татарские государства: Сборник статей. Казань, 2010. Вып. 2. С. 43–46.
- Маслюженко Д. Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. Казань, 2010. Вып. 2. С. 9–21.
- Нестеров А. Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 17–23.
- Парунин А. В. Дискуссионные моменты гибели лидера сибирских Шибанидов Ибак-хана // Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 13–14 мая 2011 года). Тюмень, 2011. С. 72–77.
- Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Трепавлов В. В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и-Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник 2007–2008. С. 370–395.
- Файзрахманов Г. Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. Казань, 2007.

А. И. Алексеев (РНБ)

ЕЩЕ РАЗ О ПОЛЕМИКЕ ИОСИФЛЯН И НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ

Знаменитая полемика иосифлян и нестяжателей, открытая выступлением Нила Сорского на соборе 1503 г. призывом отказаться от владения «селами», в следующем году была осложнена спором об отношении к еретикам-жидовствующим и продолжалась вплоть до смерти преподобного Иосифа Волоцкого в сентябре 1515 г. В истории этой полемики остается еще довольно много неясного. Уровень источниковедческого изучения значительно отстает от того уровня, на котором ведется историографическая дискуссия. В работах Д. Островски и А. И. Плигузова была предпринята попытка объявить спор иосифлян и нестяжателей вымышленным полемистами эпохи «Стоглава». Эта линия аргументации страдает неустраиваемыми противоречиями и всевозможными натяжками, следованием априорным построениям в ущерб результатам источниковедческих исследований. При этом общепринятая трактовка событий полемики в исторической науке на сегодняшний день отсутствует. Необходимо изучить основные источники, с тем чтобы выявить идеологически противостоящие тексты, вышедшие из-под пера полемистов обоих лагерей. Также необходимо установить исторический контекст, в котором зародилось противостояние внутрицерковных группировок.

С. В. Алтатов (МГУ)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ В СПОРАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ КЛИРОСНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ XVII в.¹

Одним из ярких эпизодов Жития архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия, составленного между 1648–1654 г. Симоном Азарьиным, является прение преподобного Дионисия с головщиком Логином и уставщиком Филаретом по вопросам церковного пения² [Рогов, с. 66–69]. Особый интерес представляет фрагмент Жития, в котором игумен упрекает клирошан в увлечении музыкальной стороной пения в ущерб смыслу богослужебных текстов: «Ты мастер всему, а что поеши, то же и говоришь. И тово себе не разсудишь, какъ прямее надобно в пѣнии или говорении разумѣти; и ты в церкви Божии братию смущаешъ и в смѣхъ всѣхъ вводишь... и вопишь великимъ гласомъ “Аврааму и семени его до вѣка”»³.

Пародийно-кощунственные семантические сдвиги, возникающие в результате смещения при распеве ударения с «сѣмени» на «семен», обусловлены, по мнению архимандрита Дионисия, конфликтом

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14–04–00128.

² БЛДР. СПб., 2006. Т. XIV. С. 444–455.

³ Там же. С. 448.

сакральных и бытовых значений указанных омонимов: «И рѣчь та самая безумная, а глаголется от лица властительска и от начальства — к плутишкомъ и к оманщикомъ, которые людишка отманиваются от бѣды или от правежей, или от побой и от ранъ... и ему, бѣдному смѣютца всѣ люди и глаголють: “Платися или заими и или письмо крѣпость давай, а не по семенъ вамъ не избыти бѣды манами”»⁴.

Справедливость лингвистических аргументов игумена Дионисия подтверждается данными исторической и диалектной лексикологии русского языка, фиксирующей для глагола *семенъ* омонимичные значения: 1. покрывать семенами, засеивать; 2. быстро двигать из стороны в сторону чем-нибудь: «Он начал пересеивать глазами, как вор при уликах» (1771) [Виноградов, с. 1004]. При этом синхронная омонимия значений может быть истолкована как следствие исконной полисемии глагола *семенъ* с кругом значений «порождать», в том числе «порождать знаки-значения» [Топоров].

«Воровские» ассоциации, возникающие у игумена и братии в связи с манерой пения Логина, характерным образом объединяют анализируемый фрагмент Жития архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия с известными памятниками клиросного юмора: «Службой кабаку», «Калязинской челобитной», «Стихом о жизни патриарших певчих», и особенно — со «Сказанием о крестьянском сыне», где вор сопровождает кражу литургическими цитатами⁵, но, прежде всего, с «Повестью о царе Иване и старце»⁶, в которой фольклорный сказочный сюжет типа СУС 922⁷ «Беспечальный монастырь» аккумулирует исторические анекдоты о пребывании Ивана Грозного в Троице-Сергиевой лавре.

Выявленные в ходе сопоставительного анализа агиографических и фольклорных источников языковые механизмы комизма, присущего среде церковных певчих, вносят вклад в изучение юмора русских субкультур переходного времени, что, в свою очередь, помогает адекватной интерпретации ряда литературных памятников и фольклорных сюжетов, возникших на стыке скоморошьей традиции, бытового глума и образованного юмора прицерковной среды.

Литература

Виноградов В. В. История слов. М., 1999.

Рогов А. И. Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков. М., 1973.

Топоров В. Н. К внутренней форме обозначения знака в древнеиндийском // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2009. Т. III. Кн. 1. С. 274—362.

⁴ Там же.

⁵ БЛДР. СПб., 2010. Т. XVI. С. 421—422, 642—643.

⁶ БЛДР. Т. XVI. С. 31—33, 546—547.

⁷ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Т. В. Анисимова (РГБ)

ХРОНОГРАФ ПО ВЕЛИКОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ ИЛИ «ВЛИЯНИЕ КРАТКОЙ ПАЛЕЙ?»

В 2009 г. в монографии «Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV—XVII вв.» мною был опубликован текст хронографа, обнаруженного в старообрядческом сборнике 1691 г. «Брашно духовное» (РГБ. Ф. 895. № 36). Анализ состава хронографа (далее — Хр 1691 г.) позволил достаточно надежно соотнести его происхождение с так называемым Хронографом по Великому изложению (далее — ХВИ) первого вида — гипотетическим древнерусским памятником XI в., основанным на выдержках из полного списка Хроники Георгия Амартола (далее — ХГА), дополненными сокращенной Толковой палеей. Выборка из ХГА в ХВИ отразилась в восходящих к нему Троицком хронографе и Полной и Краткой хронографических палеях (далее — Тр, Пп и Кп). Сопоставление трех последних позволило О. В. Творогову установить, что Тр восходит к ХВИ более позднего второго вида, который при этом передает текст ХГА полнее, чем архетип хронографических палей — ХВИ третьего вида. Для последнего (отразившегося и в Еллинском летописце второй редакции) характерны и новации: вставленные в текст ХГА хронологические указания с годами от сотворения мира, исторические разъяснения, а в разделе христианской истории — сведения о святых, мучениках и церковных деятелях.

При этом ХВИ второго и третьего видов используют помимо ХГА ряд общих источников: Хронику Иоанна Малалы, Книгу пророка Даниила с толкованиями Ипполита, папы Римского, Книгу пророка Иеремии, Сказание о Софии Цареградской, Житие Константина и Елены, «Александрию» второй редакции и некоторые другие памятники. Входили ли эти компоненты в архетипный первый вид ХВИ — не известно; В. М. Истрин, например, исключал из его состава Хронику Иоанна Малалы — в отличие от О. В. Творогова.

Что касается Хр 1691 г., то в нем в качестве дополнений к ХГА использованы лишь небольшие извлечения из Книги пророка Исаии (Ис 37: 3, 34, 35—37; 38: 1—6) и апокриф о Пилате. При этом текст ХГА в Хр 1691 г. представлен в характерной для ХВИ выборке, но в отличие от Тр, Пп и Кп — в значительно более полном виде.

Таким образом, Хр 1691 г. — это некий «зародыш» громоздких конструкций древнерусских хронографов, сформировавшийся на основе первого менее значительного сокращения ХГА и не

перетяжеленный еще дополнительными источниками. Обратный процесс — изъятия этих дополнений — невозможен, поскольку, как правило, они инкрустировались в историческое повествование без ссылок на источники и небольшими порциями. Хр 1691 г. присущи и другие черты архаики. Главная из них — помещение сокращенной Толковой палеи не перед выдержками из ХГА (в виде традиционной Библейской вводной части), а в их конце — в качестве некоей «заготовки». Такой порядок соединения хронографического (основанного на ХГА) и библейского материалов вряд ли является следствием путаницы в прототипе тетрадей или прихоти переписчика (переписавшего, например, сначала наиболее интересную для него часть хронографа): в каждом из этих случаев было бы невозможно объяснить, почему начало Хр 1691 г. совпало с началом выдержек из ХГА в ХВИ.

Аргументом в пользу раннего происхождения Хр 1691 г. является и завершающая его хронографическую часть статья «Царие, царствующие в Константине граде, православнии же и еретици». Последними в этом древнерусском перечне византийских царей, правящих после Романа Лакапина, упомянуты «...Константинъ Дука, 7 летъ и мѣсѣць 6 и днии 10, православнии. Евдоксия со отцемъ своимъ Романомъ». Здесь имеются в виду правившие после Константина Дуки с 1067 по 1071 г. императрица Евдокия Макремволитисса и ее супруг Роман IV Диоген, во времена которых, видимо, и был создан архетип Хр 1691 г. — судя по отсутствию в нем данных о последующих византийских императорах. Возможность утраты окончания их перечня также маловероятна — далее с новой строки и абзаца непосредственно следует текст Толковой палеи.

Публикация Хр 1691 г. не вызвала особого интереса у научной общественности, за исключением работ С. М. Михеева [Михеев, с. 126] и П. С. Стефановича [Стефанович, с. 536]. Особняком стоит реплика Т. Л. Вилкул в ее статье «Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской первой летописи младшего извода». Последнему мнению хочется уделить особое внимание; цитируем: «Хронограф 1691 г. представляет собой краткую компиляцию из менее чем 20 листов (для сравнения: полные хронографы занимают 400–700 листов текста), где прослеживаются вторичные чтения разных редакций Хроники Амартола и обнаруживается влияние Краткой хронографической палеи [Анисимова, с. 260–265, 308–309, 331–389]. Это указывает на использование нескольких поздних версий (о Краткой палее см. ниже). Следует добавить, что в том же разделе о хронографе конца XVII в. говорится, что ХВИ 1-й редакции “может быть условно датирован 1068–1071 гг.” [Анисимова, с. 265]. Ни одного аргумента для отнесения 1-й редакции ХВИ к этой, хотя бы и условной, дате не приводится... Необоснованный тезис подхвачен последующими исследователями...» [Вилкул, с. 12, примеч. 11].

Обоснование датировки архетипа Хр 1691 г., изложенное выше, читается в моей книге [Анисимова, с. 163]. Относительно небольшого размер памятника вряд ли является для Киевской Руси 1067–1071 г. чем-то трудно вообразимым, скорее как раз наоборот. Непонятен и тезис о «влиянии» Краткой палеи, с началом хронографической части которой Хр 1691 г. сходен лишь извлечениями из ХГА в первых 15 фрагментах. Почему Т. Л. Вилкул на этом основании сделала вывод, что именно Кп повлияла на архетип Хр 1691 г., а не наоборот — неясно. Да и сам термин «влияние» по отношению к древнерусским хронографам до сих пор, насколько я знаю, в науке не употреблялся в силу своей туманности и отсутствия прецедентов.

Литература

- Анисимова Т. В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.
Вилкул Т. Л. Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской первой летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 11–20.
Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
Стефанович П. С. Сказание о призвании варягов или *Origo gentis rutorum*? // Древнейшие государства

Д. И. Антонов (РГГУ, РАНХиГС)

ЗМЕЙ-ИСКУСИТЕЛЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ

В христианском искусстве иконография змея-искусителя, соблазнившего Адама и Еву в раю (Быт 3: 1–15), предельно разнообразна, что определяется целым рядом факторов. Традиционно считалось, что ключевую роль в искушении прародителей сыграл дьявол, а следовательно, он либо вошел в змею, либо преобразился в нее (см. в Повести временных лет: «видевъ же диаволь, яко почести Бог человека, позавидевъ ему, преобразися въ змию...»¹). Искуситель мог изображаться в виде простой змеи или крылатого дракона (косвенное указание на сатану), однако в средневековой европейской иконографии и пластике начиная по крайней мере с XIII в. [Gussenhoven, p. 207–208] в сцене искушения чаще фигурирует гибрид змея и женщины: чешуйчатое тело соблазнителя оканчивается головой с длинными волосами или в женском уборе, акцентируя мысль о том, что искушение пришло и до сих пор приходит в мир через женщину. Змей стоит, поднявшись на хвосте, обвивает древо или свешивается вниз, держит яблоко во рту (если у него нет человеческих рук) или протягивает его Еве. В крайнем варианте змей

¹ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 136.

почти исчезает — на ветвях Древа познания добра и зла оказывается женщина со змеиным хвостом (как на английской миниатюре 1360–1370 г.: London. British Library. Ms. Royal 6 E VI. Fol. 2). В других вариантах на стволе изображается женщина-полузмея с раскинутыми руками, будто символизирующая анти-Распятие (см.: [Махов, 2006, с. 165]). В немецкой рукописи XIV в. прародительницу искушает двуглавый гибрид: его длинное тело заканчивается змеиной головой с вытянутым носом и гребнем, а выше располагается человеческий торс с женской головой, обращенной к Еве, — в результате змеиная голова оказывается на человеческом животе (London. British Library. Ms. Arundel 120. Fol. 5) и т. п.

Популярный в Европе образ был заимствован на Руси. На многих иконах и миниатюрах тело змеи оканчивается безбородым (женским) человеческим лицом (см., например, на клейме № 4 иконы «Троица в бытии» второй половины XVI в. (ГРМ. Инв. № ДРЖ 2138; опубли.: [Вилинбахова, с. 24–25]); на миниатюре Лицевого летописного свода XVI в.²; в Синодиках XVII и XVIII в. (ГИМ. Воскр. Бум. № 66. Л. 18; БАН. Арханг. Д. 399. Л. 4 и т. п.). В отдельных случаях визуальная параллель Змей — Ева выражена ярче: у змеи видны не только женское лицо и волосы, но и человеческий торс (как в Синодике 1659 г. ГИМ. Муз. № 203. Л. 36, на иконе «Верую» 80-х годов XVII в. [Брюсова, цв. илл. 130] или на иконе «Сотворение человека» XVII в. [Сакович, т. I, илл. 82]), либо обнаженная грудь, как на клейме иконы «Символ веры» середины XVII в. [Брюсова, цв. илл. 115] или на миниатюре XVIII в. (ИРЛИ. Новг.-Псковск. собр. № 84. Л. 166). Реже у змея-искусителя с человеческой головой появляются крылья, и он напоминает необычного дракона с женским лицом (как на клейме № 6 иконы «Святая Троица, в бытии» 1580-х гг. (СПИХМ. Инв. № 344—ж; опубли.: [Рыбаков, илл. 281]) или в лицевой Библии начала XVII в. (ГИМ. Собр. Вахр. № 1. Л. 6 об.) — это позволяет более четко указать на дьявола как главного виновника грехопадения. Иногда змей превращался в дракона со змеиной головой и человеческими руками, как в гравированной Библии Василия Кореня 1692–1696 г. [Сакович, т. II, мин. 10, 12, 13]; ср. с миниатюрой XIX в.: БАН. 25.2.14. Л. 11, 12]. Тот же прием был использован в лубочной книге Ивана Любецкого (XVIII в.) и в разных лицевых рукописях (вместо человеческих рук у змея бывают звериные лапы) [Сакович, т. I, илл. 108–109]; ср. с другой лубочной картинкой XVIII в. [Сакович, т. I, илл. 126]; с миниатюрой из Синодика XVIII в. БАН. 25.2.14. Л. 11, 12. Описывая змею в эдемском саду, Аввакум утверждал, что «ноги у нее были и крылье было. Хороший зверь была, красной, докаместь не своровала»³.

Представление о змеях с человеческим лицом было хорошо известно в христианской книжности и входило в русские Азбуковники, где один из видов аспидов описан следующим образом: «...лице имеет девичье и власы девичьи, хобот змиев, нозе василисковы, криле велицы остры» [Белова, с. 60]. Идея о том, что змей-искуситель был антропоморфным аспидом, утвердилась довольно рано — в XII в., ссылаясь на Беду Достопочтенного, об этом писал парижский богослов Петр Коместор [Gussenhoven, p. 208; Махов, 2011, с. 52–55]: по его версии, эдемская змея Фарейя, в которую вошел Люцифер, имела женское лицо и была прямоходящей. Эта идея кочевала в разных сочинениях (в «Золотой легенде» Винченца из Бове, «Зерцале человеческого спасения» и др.), откуда могла проникнуть на Русь. Человеческое лицо искусителя упоминал во второй половине XVI в. игумен Снеготорского монастыря Корнилий — в кратком демонологическом «трактате», который он вставил в письмо своему сыну Ивану, поясняется, что дьявол вселился в «...избранную змию от некоего рода змиина, лице имущу девиче...» [Серебрянский, с. 528–529]. Источником этой идеи мог послужить либо какой-то из переводных текстов, либо сама иконография искушения с антропоморфной рептилией.

Литература

- Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001.
Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. М., 1984.
Вилинбахова Т. Б. Святая Живоначальная Троица с деяниями. М., 2009.
Махов А. Е. Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М., 2006.
Махов А. Е. Средневековый образ между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М., 2011.
Рыбаков А. А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII вв. М., 1995.
Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692–1696. В 2 т. М., 1983.
Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле, с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества. М., 1908.
Gussenhoven F. The Serpent with a Matron's Face: Medieval Iconography of Satan in the Garden of Eden // European medieval drama. 2000. Vol. 4. P. 207–230.

² Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI в. в 10 кн. М., 2006. Кн. 1. Музейный сборник (В 2 ч.). Ч. 1. Л. 16.

³ РИБ. Т. 39. Стб. 669, 670.

Т. И. Афанасьева (СПбГУ)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ СЯИТТЕЛЯ ФЕОДОРА СИМОНОВСКОГО († 1394)¹

Святитель Феодор Симоновский — это, пожалуй, первый русский переводчик, имя которого нам известно и о котором до нас дошли биографические сведения. Феодор Симоновский происходил из ростовских бояр и в миру носил имя Иван. Он был пострижен с именем Феодор своим дядей Сергием Радонежским в Троице-Сергиевой лавре, где получил образование и провел 22 года [Дробленкова]. В 1374 г. Феодор знакомится с Киприаном и в дальнейшем принимает активное участие в сложной борьбе за митрополичий престол Пимена, Дионисия и самого Киприана, что дало ему возможность неоднократно бывать в Константинополе, где он выполнил большую часть своих переводов [Афанасьева, 2015].

На сегодняшний день известно не менее семи переводов, сделанных Феодором. Это переводы сочинений патриарха Филофея Коккина и Иоанна Мавропода. Время создания переводов можно датировать исходя из статуса Феодора, который он всегда указывает в заглавии произведения. Так, чин малого водосвятия озаглавлен крѣнье водное творимое . чѣтными стѣли . се преложил феодоръ . епѣвъ ростовский. Это свидетельствует о том, что он был переведен в тот период, когда Федор был в сане епископа. Два канона патриарха Филофея — на бездождие и на Успение Богородицы — он перевел, будучи в сане архиепископа, то есть после 1386 г., на что указывает запись: приведевь бысть на руский язык ѿ многогрѣшнаго ѳеодора и недостоиннаго . рекше и первопрѣвитера.

Переводческая техника Феодора эволюционирует и современем испытывает приемы южнославянских переводов второй половины XIV в. Чин малого освящения воды, сохранившийся только в одном списке РГАДА. Син. тип. 42, видимо, является одним из ранних его переводов, которые он делал, пока пребывал в Константинополе с митрополитом Дионисием. Здесь обнаруживается весьма архаичная техника перевода. Так, например, Феодор редко употребляет союз *иже* в атрибутивных конструкциях: и всѣм в бѣдах мѣтвно приемила слезы; изволивый въ иерданѣ крѣтитиса (ср. другие редакции этого чина, сделанные у южных славян: *иже всѣх в нуждахъ оумилениа приемила слезы; иже во иорданѣ крѣтитиса въсприати*).

Он переводит местоимение *αὐτός* в роли подлежащего как ты, в отличие от правленных текстов, где это местоимение переводится как самъ. В каноне на бездождие, более позднем переводе, наблюдается более активное употребление *иже*, а также употребление множественного числа вместо двойственного в парных контекстах: роуками носѣщи дѣво. Подобные приемы характерны для переводов патриарха Евфимия и митрополита Киприана. Феодор начинает употреблять энклитические местоимения *ми*, *ти*, *си* в притяжательном значении вместо полноударных форм *мои*, *твои*, *свои*, что очень характерно для переводов Тырновской книжной школы: молитвами *си*, рожествомъ *си*, людем *ти*, матерними *си* молитвами. Местоимение *αὐτός* здесь переводится как самъ.

У свт. Феодора имеется одна примечательная особенность, которая неоднократно встречается в его переводах молебных канонов Иоанна Мавропода. Он переводит предикативные причастия в именительном падеже греческого оригинала причастием в дательном падеже и энклитическим местоимением, что придает этим конструкциям внешнюю схожесть с дательным самостоятельным: *τρῆπαζου ми въ печали . сѣсе пожидаю не паматозлобнаго — ὑπομένων ἐν θλίψει, Σῶτερ, ὑπομένω σε τὸν ἀμνησίκακον* (находясь в печали, я ожидаю непамятозлобного); *к тебѣ приходящу ми чѣста сѣсениа молюса полуочити — σοὶ προσερχόμενος, ἀγνή, σωτηρίας δεόμεαι τυχεῖν* (к тебе приходя, о чистая, я молюсь получить спасение); *добродѣтели прѣшедшоу ти всакого члвка и телесным смирением прѣвъзшелъ еси — ταῖς ἀρεταῖς, ὑπερβαλὼν πάντα ἀνθρώπων καὶ τὸ σῶμα τὸ τῆς ταπεινώσεως ὑπεραναβάς* (перейдя, ты добродетелью и телесным смирением превзошел всех людей). В классическом дательном самостоятельном субъект действия, как правило, не совпадает с субъектом действия при сказуемом, здесь же всегда один субъект действия. Подобные особенности не обнаружены в русских переводах домонгольского периода² и не свойственны южнославянским переводам XIV в., где предикативное причастие передается именительным падежом и при нем нет краткой формы местоимения в дательном падеже. Представляется, что перед нами уникальная особенность переводов Феодора, которая может в дальнейшем служить лингвистической приметой для атрибуции ему других текстов. Так, подобная техника перевода обнаруживается в чинах принятия в православие в составе русского перевода Евхология Великой церкви [Афанасьева, 2014], например: *яко хотѣшу ми симъ мѣтитиса — ὡς βουλόμενος ἐντεῦθεν ἀμυνάσθαι*; *проклинающе ми иудѣискиа вса ереси — ἀναθεματίζων τὰς ἰουδαϊκὰς πάσας αἵρεσεις*. Приведенные примеры позволяют выдвинуть предположение, что Феодор мог быть одним из переводчиков этого памятника.

Литература

- Афанасьева Т. И. К вопросу о времени и месте славянского перевода Евхология Великой церкви // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 237–251.
 Афанасьева Т. И. Русские переводы конца XIV в. // Сборник статей памяти В. М. Живова. М., 2015 (в печати).
 Дробленкова Н. Ф. Феодор, игумен Симоновский // СККДР. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 448–450.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00150а.

² Благодарю А. А. Пичхадзе за консультацию по данному вопросу.

Г. С. Баранкова (ИРЯ РАН)

О БЫТОВАНИИ ШЕСТОДНЕВА ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ РУСИ

Вопрос о том, в какой мере были распространены на юге и западе Руси списки Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского, по традиции часто приписываемые Василию Великому, до настоящего времени остается неизученным. Из достоверных фактов имеется лишь свидетельство А. Курбского, сетовавшего в письме к Марку, ученику старца Артемия, на отсутствие Шестоднева в ВКЛ. На основании этого письма А. И. Соболевский считал, что в XVI–XVII в. древнейший перевод Шестоднева не был известен русским книжникам, поэтому Епифаний Славинецкий сделал новый перевод Шестоднева Василия Великого, который был напечатан в Москве в 1656 г. [Соболевский, с. 289, 293–294]. Однако для русской книжности это утверждение вряд ли соответствовало действительности, так как в XVI–XVII в. Шестоднев в переводе Иоанна экзарха на Руси не только активно переписывался, но и редактировался, о чем свидетельствует существование по крайней мере 13 русских списков XVI в. и возникновение поздней русской редакции в конце XVI – начале XVII в.

Из южнорусских и западнорусских списков Шестоднева необходимо назвать следующие: РГБ. Рум. 194, XVI в., написанный, по всей вероятности, в Галицко-Волынской земле; РГБ. Рог. 791, кон. XVI – нач. XVII в., с украинскими особенностями в правописании и многочисленными украинскими скорописными записями XVII в., из ярких южнорусских особенностей списка отметим удлинение согласного перед конечным -ье (каменне); ГИМ. Хлуд. 44, XVI в., список без конца, написан западнорусским полууставом, имеет ярко выраженные среднеболгарские особенности в правописании – мену юсов, написания с ѣ вместо а после букв исконно мягких согласных, однако сохраняет и ряд восточнославянских орфографических черт, из владельческой записи следует, что эта книга «взата за саблеу посреди литовског гдрства в столномъ граде вилне».

Еще один список РГБ. Егор. 176, нач. XVI в., древнерусский по правописанию, бытовал, как это следует из записей на полях рукописи почерком XVI в., в западнорусских землях. Их анализ свидетельствует о том, что они могут принадлежать выходцу из Юго-Западной Руси (отмечены случаи аканья, мена ѣ и е, окончание -у в местном падеже у существительных с основой на *ѡ – ш знакъ, окончания местного падежа на -ы после ц (на концы, на слнцы, ш мѣцы), а также существительное вроде (ш вроде) и прилагательное остроложницкий.

Все перечисленные списки относятся к одной текстологической редакции. Согласно предложенной нами ранее группировке списков Шестоднева, это Румянцевская группа Чудовской ветви, представляющей раннюю русскую редакцию Шестоднева. К этой же группе следует отнести список РНБ. Пог. 1089, XVII в., а также сербскую рукопись 1649 г., со следами восточнославянского оригинала, переписанную в Верхо-Брежницком монастыре Св. Троицы (далее – VB), использованную Р. Айтцетмюллером при издании текста Шестоднева [Aitzetmüller].

Списки этой группы характеризуются теми же пропусками во II и IV Словах, которые наблюдаются и в списках Академической группы, представляющих раннюю русскую редакцию памятника, но к ним в IV Слове добавляются еще 5 мелких пропусков. В то же время нарушений в порядке расположения текста I и II Слов, которые свойственны спискам Академической группы, здесь не возникло. Все они не имеют самого конца в VI Слове, что сближает их с древнейшим сербским списком 1263 г. (ГИМ. Син. 345). При этом Хлуд. 44 в ряде случаев сохраняет более древние чтения, чем названные списки.

Большинство списков этой группы (Рум. 194, Пог. 1089, Рог. 791, VB) являются лицевыми, иллюстрирующими акт творения, что отличает их от остальных списков Шестоднева. Егор. 176 тоже был задуман как лицевой, однако миниатюры в нем не были выполнены, и в тексте рукописи на их месте остались чистые листы. Е. К. Редин отмечал высокое качество миниатюр Рум. 194 и близкого ему Пог. 1089 и указывал на их композиционную близость к миниатюрам византийских памятников XI–XII в., а также на распространенность изображения Христа в виде ангела в XVI в. [Редин, с. 15–16]. Это наблюдение ученого может служить датирующим признаком при определении времени возникновения юго-западной редакции памятника.

Все списки Румянцевской группы отражают в своем правописании нормы второго южнославянского влияния. Воспроизведение ряда южнославянских черт в их правописании может быть объяснено тем обстоятельством, что церковнославянский язык, используемый на юго-западе Руси, был близок к языку эпохи второго южнославянского влияния XIV–XV в. [Толстой, с. 61–62]. Однако ряд слов глоссируется или поясняется читателями на полях рукописей.

Таким образом, можно предположить, что поступивший на Русь в XI в. Шестоднев Иоанна экзарха подвергся редактированию, в результате чего появилась его ранняя русская редакция, однако в процессе бытования на юге и западе Руси из нее выделилась Румянцевская группа со своими текстологическими и языковыми особенностями, украшенная миниатюрами. Потребность в создании западнорусской редакции Шестоднева была велика, в чем убеждает переводческая деятельность Андрея Курбского и членов его кружка в Миляновичах и особенно обращение к греко-византийским духовным

ценностям, в том числе к переводу Богословия Иоанна Дамаскина. Очевидно, списки юго-западной славянской редакции Шестоднева были малочисленны и неизвестны Курбскому, однако существование этой редакции подтверждается тем, что она вышла за пределы ВКЛ на славянский юг и стала известна сербским книжникам.

Литература

- Редин Е. К. О некоторых лицевых рукописях «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского. М., 1902.
Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903.
Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes (in 7 Bände). Graz, 1958–1971.

Н. Н. Бедина, В. Н. Матонин (Архангельск)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ИНОБЫТИЙНОСТИ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ТЕКСТАХ О СОЛОВЕЦКОМ ВОССТАНИИ

Сопrotивление «ревнителей древнего благочестия» реформе патриарха Никона в середине XVII в. привело к тому, что братия соловецкого «Дома Спаса и Николы» открыто выступила против воли царя Алексея Михайловича. В результате восьмилетней осады монастыря (1668–1676) и разногласий, возникших между осажденными монахами, крепость была взята, а ее защитники преданы мучениям и убиты. Описание этих трагических событий нашло выражение в книжных и фольклорных старообрядческих текстах [Юхименко]. Мифологически обусловленное осмысление острова как иномирия, последнего рубежа земного бытия, «освоенное» средневековой северорусской культурой в контексте идеи Преображения, наследовано и старообрядческой традицией.

Авторская задача «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова, одного из основателей Выговского общежития, — дать «объективное» описание восстания и определить истоки старообрядчества — обуславливает здесь концепцию Соловков как места предельного, исключительного, реализующего хронотоп первоначала. Автор возводит значение Соловецкого монастыря в самые высокие степени. Буре, «тросу великому», поразившему всю Русскую Церковь (центр Мирowego Православия) в результате «новостей» Никоновых, противостоят только Соловки: «Никто же обрѣтется противу стоящѣ, никто же онѣя новшества возражающѣ, ни единѣ от великих монастырей и градовѣ мало постоя, страху царскаго указа вся колеблюшу»¹. Соловецкому монастырю «посредѣ российских монастырей свѣтитися, яко лунѣ посредѣ звѣздѣ». Из соловецких монахов вышли многие книжники и архиереи — прежде всего, свт. Филипп Митрополит (Кольчев) и патриарх Никон, возросший в Анзерском скиту. Соловецкие провидцы предсказывают будущие потрясения, инициированные Никоном (видение Елеазара Анзерского), а также его желание лишить Соловки мощей свт. Филиппа (предсказание пекаря Гурия). Соединение в одном контексте образов Филиппа и Никона демонстрирует амбивалентность соловецкого хронотопа — Соловецкий монастырь единственный противостоит Никону, но вместе с тем неразрывно с ним связан. С судьбой монастыря соединяется и личная судьба царя Алексея Михайловича: его смерть не только предсказана бельцом Дмитрием, но и последовала сразу после взятия и разорения обители, что однозначно прочитывается как наказание и, может быть, вразумление царя.

Той же исключительной амбивалентностью обладают символические образы, заполняющие соловецкий хронотоп: огонь — это казнь и орудие мучений, это возжигающийся гнев царя и огонь ярости мучителей, но это и маркер чуда, средство спасения и очищения. Семантику казни и одновременно спасения несут также образы льда и студеной воды, бури и ветра, мора и «вскипания червей» и, наконец, плодородного сада и цветов: «...блаженная страдалецъ тѣлеса, яже на губе морстѣй лежащая, яже на столпѣхъ различно висящая, яже на земли острова казненно поверженная... тако лежаху, яко цвѣтъ на поляхъ, яко кринь во удолѣхъ, тако цвѣтяху и благоукрашахуся». Образы райского сада и небесного Иерусалима (куда зовет с собой юродивый Иоанн накануне восстания) составляют риторическую раму, в которую вписано основное повествование, и маркируют хронотоп инобытийности.

«Описание лицевое осады и разорения монастыря Соловецкого»² в качестве одного из источников использует Повесть Семена Денисова, но поскольку Описание имеет жесткую полемическую направленность, значительнейшую часть текста составляют прения соловецких иноков с архимандритом Сергием, присланным из Москвы для вразумления непокорных, то весь образно-поэтический строй основывается на жестких оппозициях: озябшее сердце иноков — геенна огненная и огонь вечный; архимандрит Никанор, ревнитель слов Божественных, — остроглавый архимандрит Сергей; гнев Сергия, Алексея Михайловича и воевод-мучителей — радость и слезы монахов и пр. Соловки в Лицевом описании — это уже территория обостренного диалога, граница с актуализированной бинарной идентификацией. Явления, выдвинутые на экзистенциальные рубежи, получают провокативный статус и заявляют о себе в наиболее эксплицитной форме.

¹ Цит. по изд.: Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подг. Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко. М., 2002. С. 35–102.

² Повесть о Соловецком восстании. М., 1982.

А. В. Беляков (МГУПС, Рязанский филиал)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ КОНЦА XVII в.

В Москве до начала XVII в. включительно прагматично подходили к проблеме наличия в государстве значительного числа неправославных подданных, будь то служилые люди или же земледельцы. Главное, чтобы они хорошо исполняли возложенные на них обязанности. В XVII в. московский царь стремится по возможности править только истинными христианами. Данные изменения не были одномоментными и претерпели сложную эволюцию во времени. В настоящий момент мы находимся в самом начале пути по изучению этого сложного явления. Здесь очень важно собрать воедино по возможности наиболее полный комплекс законодательных актов по данной тематике.

Говоря о политике насильственного крещения неправославных народов России в конце XVII в., чаще всего ссылаются на указ от 16 мая 1681 г. об отписке у мирз и татар поместий и вотчин¹. В соответствии с ним, у татар «низовых» городов отписывались на государя их поместья, если в них проживали православные крестьяне и бобыли. В будущем их все же обещали наделить поместьями, населенными кадомской и темниковской мордвой. Однако это только один из целого ряда указов последней трети XVII в., направленных на христианизацию народов России. Их анализ позволит нам установить, как протекали данные процессы.

В 1675/1676 г. был принят указ об оставлении поместий и вотчин, отобранных у татар и иных иноверцев, за теми, кому они были отданы после этого. В случае принятия православия бывшими владельцами земель, им следовало приискать иные поместья². Получается, что до указа от 16 мая 1681 г. был еще, как минимум, один подобный законодательный акт, возможно, распространявшийся на строго определенную территорию (неустановленную, но, скорее всего, ею был Романовский уезд). В таком случае перед нами пример поэтапного решения проблемы служилых иноземцев в Русском государстве.

В предложенную нами схему очень хорошо встраивается и указ от 21 мая 1680 г. о монарших милостях романовским мирзам и татарам за принятие православия. Он в большей степени был направлен на мирз, которым даровалось княжеское достоинство и чин стольника. Рядовые же татары освобождались на три года от военной службы³. Определенный интерес вызывает и указ от 24 мая 1681 г. об отказе ярославским и романовским мурзам и татарам, принявшим христианскую веру, поместий и вотчин их некрещеных родственников и о посылке последних на постоянное место жительства в Углич, с обязательством содержать их крещеным родственникам, получившим их поместья⁴. Благодаря этому сообщению у нас появляется возможность несколько расширить географию первого указа о крещении татар. Скорее всего, его можно распространить на все Верхнее Поволжье. Кажется, была поставлена точка. В Романове и Ярославле развитие событий достигло своего логического завершения. Но, как мы увидим ниже, это еще не завершение истории.

Параллельно с «романовской эпопеей» происходило изменение общероссийского законодательства, призванного в конечном итоге несколько сократить размеры земельного фонда служилых татар и тем самым способствовать их переходу в православие. 10 августа 1677 г. были приняты новоуказные статьи о поместьях и вотчинах. В частности, устанавливалось новое правило, по которому преимущественное право наследования прожиточных поместий после некрещеных вдов имели их крещеные дети и внуки⁵. Это логическое продолжение указа 1651/1652 г., разрешавшего справлять прожиточные поместья «иноземцев» (вдов и девок) за новокрещеных и русских людей⁶.

Но вернемся к последствиям указа от 16 мая 1681 г. Правительство явно переоценило свои силы. То, что было возможно относительно безболезненно сделать в Романове и Ярославле (может быть, даже во всем Верхнем Поволжье), оказалось трудновыполнимым в Среднем Поволжье. Главная причина этого кроется в размерах местного неправославного населения. Поэтому уже через год намеченный план действий вначале корректируют, а затем и полностью сворачивают. Более того, происходит и некоторое отступление от ранее достигнутого на Верхней Волге. 29 мая 1682 г. издается указ об оставлении одной половины поместий и вотчин некрестившихся мирз и татар и об удержании второй половины в казне⁷. Через полтора месяца, 13 июля 1682 г., было принято решение о возвращении мирзам и татарам второй половины их поместий⁸. А 23 сентября 1682 г. издается указ, по которому вновь появляется категория некрещеных романовских и ярославских мурз и татар. Однако теперь они за службу получают поденный корм⁹.

Но что произошло с мая 1681 г. по май 1682 г. в регионе Восточной Мещеры? Указ об обязательном

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 2. № 867. С. 312–313.

² ПСЗ. СПб., 1830. Т. 1. № 616. С. 1029.

³ ПСЗ. Т. 2. № 823. С. 267.

⁴ Там же. № 870. С. 315.

⁵ Там же. № 700. С. 129.

⁶ ПСЗ. Т. 1. № 73. С. 262–263.

⁷ ПСЗ. Т. 2. № 923. С. 403.

⁸ Там же. № 944. С. 456.

⁹ Там же. № 955. С. 467–468.

крещении буксвал. Ситуацию не изменило и все нарастающее давление на служилых татар. Среди татар ходили упорные слухи о том, что их всех в обязательном порядке заставят сменить веру. Поэтому некоторые собирались покинуть насиженные места и переселиться дальше на Восток. В Москве явно не были готовы к такому развитию событий и вынуждены были пойти на попятную. 20 мая 1682 г. в Кадом и, по-видимому, соседние уезды послали грамоту, где утверждали: «которые мурзы, тотары, мордва, чуваша и черемисы не похотят креститься» их оставят в покое¹⁰. Следует отметить, что это один из первых указов царя Петра Алексеевича, вступившего на престол только в конце апреля месяца. К тому же это единственный из известных указов, посвященный внутрироссийским делам.

Данный документ подчеркивает еще один аспект религиозной политики. Дело в том, что на первый взгляд рассматриваемые нами мероприятия касались исключительно служилых татар. Однако это не совсем так. Отдельные указы содержат обещания компенсировать отобранных православных крестьян некрещеной мордвой и иными народами Среднего Поволжья. В ряде регионов, например в Мещере, мордва находилась на положении черносозных крестьян. Тем самым их положение должно было кардинально поменяться. Единственным средством избежать этого было крещение.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1122. Оп. 1. 1682 г. Д. 1588. Л. 3–4.

Е. В. Белякова (ИРИ РАН)

ПОУЧЕНИЕ НОВОПОСТАВЛЕННОМУ СВЯЩЕННИКУ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Святительское поучение новопоставленному священнику («Свиток законный»)² и Епископское поучение собору епархиального духовенства³ представляют собой культуuroобразующие тексты⁴.

Пучение новопоставленному священнику известно в списке Новгородско-Синодальной Кормчей (ГИМ. Син. 132. Л. 583 об. — 588), им открывается в Кормчей блок статей, обращенных к священникам.

В Варсонофьевской Кормчей (ГИМ. Чуд. 4) к указанному выше блоку примкнул еще один блок учительных статей, который начинается статья — Поучение к собору духовенства, имеющее заголовок «Святого великого Василья правило попом» (ГИМ. Чуд. 4. Л. 322). «Свиток законный» носит компилятивный характер, и при его создании использовались переводные тексты (именно этим объясняется пассаж о запрете смотреть «конские уристанья») и, возможно, текст Поучения собору духовенства. При отсутствии дословных совпадений содержание этих текстов близкое, что показывает сопоставление отдельных фрагментов.

«Свиток законный» вошел в Собрание формулярных грамот московской кафедры⁵ в отредактированном виде, внесена тема второбрачных и третьобрачных.

Краткая редакция поучения имеется в списке середины XV в. РГБ. Рогож. № 253 (Л. 199 об. — 201) («Наказание святых апостол и святых отец иереом о исправлении церковнем»). В этом же списке имеются и богословские статьи, известные по Кормчим Чудовской редакции. В краткой редакции опущены длинные цитаты, эпитеты, текст расположен в ином порядке, чем в пространной.

«Свиток законный» использовался и в Киевской митрополии после разделения. В 1562 г. в Новгороде священнику Михаилу был выдан список митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси Сильвестром⁶. В текст памятника, содержащего лишь небольшие изменения по сравнению с опубликованным в РИБ, было внесено важное добавление: священники обязаны были не только являться к архиерею на собор, но и приносить с собой подтверждающие документы.

Краткая редакция в двух изводах имеется в составе Сборника, содержащего западнорусскую Кормчую — РГБ. Егор. 245. Здесь она входит во вторую часть собрания, включающего Зинар, Цикл поучений к священникам [Баранкова, Белякова], Скитский устав. Первый извод, совпадающий с Рогож. 245, помещен до цикла поучений (Л. 397 об. — 398 об.), второй — по окончании цикла (Л. 418—419 об.). Сопоставление двух изводов не позволяет сделать определенных выводов о причинах переработки текста, возможно, текст протографа был затерт и редактор поновлял его.

В первом изводе важно указание на способ борьбы с теми, кто, будучи под запрещением от своего духовного отца, переходит к другому: его проклинают на соборе (Егор. 245. Л. 398 об.). Во втором изводе появилось дважды в тексте и обозначение поучения как «харитония» (а на поле — «початок хиритонии»). «Свиток законный» был использован при создании циклов поучений киевских митрополитов, имеющих, как установила Л. В. Мошкова, в трех списках Кормчих западнорусской редакции (РГАДА. Ф. 181. № 1596 (Л. 328—341 об., 9, 7); Ф. 181. № 1594 (Л. 474—511); Ф. 196. № 1620 (Л. 534 об. — 590 об.).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14–01–00279.

² РИБ. СПб., 1908. Т. VI. Изд. 2. № 7.

³ Там же.

⁴ Библиография: [Письменные памятники, с. 166–167, 164–166; Каталог, с. 425, 218; Корогодина, с. 14–29].

⁵ ГИМ. Син. 562; Русский Феодальный Архив. М., 1987. Вып. II. № 104. С. 317–320. Издатель А. И. Плигузов атрибутировал этот текст митрополиту Феодосию без каких-либо оснований.

⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. III. № 31. С. 116–118.

[Каталог славяно-русских рукописных книг, с. 443–455]⁷. Краткая редакция первого извода помещена в составе 1-го цикла как вторая его часть под заглавием «Наказание святых апостол и святых отец от правил семи вселенских соборов к иерею, попом и о исправлении церковнем». Однако в этом цикле название «херотония наука» получил уже другой текст, начинающийся словами «Поведаю и приказую вам ряд церковный как ся маете у церкви справляти». Этот новый текст определял обязанности священника содержать церковь в порядке и исполнять богослужение. Во втором цикле вторую часть занимает текст поучения священнику, но уже в пространной редакции. После его окончания идет объяснение: «Доселе есть херотония: тако каждый и приял есть от святительския руки и должен есть съблюдати я». После него следует тот же текст, что и в окончании 1-го цикла (но с разночтениями), с названием «список святительское науки и ряд се есть». Поучение собору епархиального духовенства в переработанном виде использовалось для четвертого цикла поучений. Язык поучения был приближен к разговорному, в текст поучения был вставлен список отреченных и истинных книг.

Можно предположить, что список Егор. 245 был использован при составлении поучений киевских митрополитов, в пользу чего говорят и многочисленные маргиналии. Если принять гипотезу Л. В. Мошковой о составлении одного из циклов поучений митрополитом Иосифом Солтаном, прежде бывшим епископом Смоленским, то тогда происхождение второй части сборника, возможно, связано со Смоленском, что подтверждают и запись о смерти митрополита Герасима, и особенности редакций княжеских уставов. Обращает на себя внимание и близость второй части к Кормчей РНБ. Солов. 858/968.

В 1642 г. Поучение священнику пространной редакции было издано во Львове Арсением Желиборским с приложением «изъяснения темнейших словес», «пристежением» и «Дидаскалией» Сильвестра Коссова [Голубев].

В 1643 г. на Московском Печатном дворе был издан цикл Поучений патриарха Иосифа⁸ [Булычев]. Первое из них представляло собой расширенный вариант Поучения собору епархиального духовенства. Епископское поучение новопоставленному священнику было включено в первое московское издание Кормчей (Гл. 60) и издано отдельной брошюрой в 1650 г. В дальнейшем оно неоднократно переиздавалось в течение Синодального периода.

Литература

Баранкова Г. С., Белякова Е. В. Влияние византийских канонических и учительных текстов на славяно-русскую литературную традицию // Традиции и инновации в истории и культуре. М., 2015. С. 456–466.

Булычев А. А. Поучение на «морвое поветрие» патриарха Иосифа // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 187–196.

Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (опыт церковно-исторического исследования). Киев, 1898. Т. I, II.

Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. М., 2014.

Каталог славяно-русских рукописных книг. XVI в. РГАДА. М., 2005. Вып. 1 / Под ред. Л. В. Мошковой.

Корогодина М. В. Древнерусское богословие и катехизические тексты XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 14–29.

Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003.

⁷ В настоящее время нами подготовлена публикация этих поучений.

⁸ *Иосиф, патр.* Поучение. МПД, (1643).

Ю. С. Белякин (РГБ)

ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ЦЕРКОВНОЙ ПОЛЕМИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Одна из тайн веры, оказавшаяся во время наиболее острого периода церковного кризиса после его начала в 50-е годы XVII в. в центре дискуссий наряду с разными аспектами эсхатологии и экклесиологии, — это богочеловеческая природа Спасителя, в виде вопроса о созревании после зачатия. Это направление полемики подробно освещено Симеоном Полоцким («Жезл правления», 1667), внимание ему уделено и Паисием Лигаридом.

Споры породило толкование из сборника «Скрижаль» (1656), отвергнутое «раскольниками» («не взял младенец от чистых кровей пречистыя Девы себе плоть и мало-помалу не растил, но купно совершился с словом архангела Гавриила»¹; речь шла о физической изменчивости Христа до рождения на свет). По их убеждению, «никониане» ошибочно верили, будто в зачатии Сын Божий «совершенною

¹ В передаче Игнатия Соловецкого. См.: Памятники старообрядческой письменности. СПб., 2006. С. 51; Скрижаль. С. 666 и далее.

плотию обретется»². Толкование из «Скрижали» прояснял Симеон Полоцкий в ответ на челобитную Никиты Суздальца, доказывая, что «составление воплощения Господня бысть не по общему естеству... не вообразися воображенми, ими же бывают проча отрочата, и растут помалу» (Л. 22), и подкрепляя сказанное ссылками на Иоанна Дамаскина: Сын Божий «слепи себе из честнейших Ея кровей плоть одушевленну, не помалу прилогами совершаему образу...»³. Обоснованием служил тот факт, что зачатие было от Св. Духа⁴, не плотское. Дьякон Федор отрицал толкования «Скрижали» и Симеона Полоцкого, опираясь на слова Иоанна Златоуста: «яко по Благовещении день от дни надымашеся чрево Девиче, еже есть сущего в Ней Бога Слова плоть назидашеся помалу и в сорок седмиц совершися»⁵. Симеон подчеркивал, что по природе Спасителю не может быть присуща изменчивость, чья плоть совершенна и «без временного течения»⁶. Подробно высказывался против такого толкования поп Лазарь. В момент блгаой вести Богоматерь «Слово прияла есть, а не плоть». Лазарь, как и Симеон, использовал тексты Дамаскина, но с иной трактовкой: «Дамаскин глаголет: Наг во входе, не одеяния риз, но плоти; рабий же зрак приемлет в ложеснех Девы... якоже прочии человецы в 40 дней»⁷. Он не отрицал одновременного зарождения духовного и плотского начала, однако последнее было лишь «начертание». Никита Суздалец полагал невозможными рассуждения «о страшном том непостижимом вочеловечении Божия Слова», так как даже Богородица не «смеяше изрещи о сем»⁸. Патриарх Никон, допустивший этот вопрос в «Скрижали», «забыл страх Божий»⁹.

Протопоп Аввакум, подобно Симеону и Лазарю опирающийся на Иоанна Дамаскина, писал, что «в членах, еже есть в составех, Христос в зачатии совершен обретется, а плоть Его пресвятая по обычаю исполняшешся»¹⁰.

Еще одна возникшая тогда же и более широкая дискуссия — о причастности Богоматери первородному греху. Изданные церковными властями тексты, главным образом в «Скрижали» и «Жезле правления», убедили защитников «старой веры» в том, что «никониане» не признают безгреховность Богородицы.

Согласно Симеону и выражаемой им позиции Церкви, Благовещение послужило очищению Богоматери для непорочного зачатия — не от скверны, а в виде принесенной Св. Духом «чистоты превеликия». По сути то же полагали Никита Суздалец и Лазарь — Богоматерь «архангеловым гласом» не получала очищение от первородного греха: Св. Дух «осени ю к зачатию Слова Божия, а не от скверны очисти»¹¹, «яко искони избрана бе Богом» (Св. Дух не может войти в причастное скверне¹²). Однако обращение к «Скрижали» показывает, что текст противоречит взглядам Симеона из-за непризнания непорочности Богоматери от рождения («скверна прародителна бяше в Ней»). Известно и мнение Игнатия Соловецкого, уличавшего Никона в хулении Богоматери за слова о «скверне» до Благовещения из «Скрижали»¹³.

Евфимий Чудовский и патриарх Иоаким, отвергнувший ссылки свт. Димитрия в его Минеях на авторитет «Жезла правления» [Шляпкин, с. 191], считали протокатолическими взгляды Симеона о непорочности.

В каждом из рассмотренных случаев участники полемики не противоречили друг другу в главных положениях. Как и ряд иных проблем церковного раскола, они не были порождены разногласиями об основах вероучения. Очевидно, церковный кризис оказался продуктивным для религиозной мысли, получившей импульс для дальнейшего развития, в том числе в неактуальных прежде направлениях: от споров об истинном антихристе, евхаристической полемики до вопросов триадологии.

Литература

Шляпкин И. А. Свт. Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.

² Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. IV. С. 248.

³ Согласно Лигариду, Никита Суздалец исповедовал, что Христос рос «малу-мало... во чреве Девы по обычаю отрочат, еже яснее видится противно божественному Писанию и множеству св. Отец» (Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1895. Т. IX. С. 34–35).

⁴ Жезл правления. М., 1753. Л. 22 об.

⁵ Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1881. Т. VI. С. 76.

⁶ Жезл правления. «Возобличение» 8-е. Ч. I.

⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. IV. С. 249.

⁸ Там же. С. 25–26.

⁹ Там же. С. 26–27.

¹⁰ Аввакум, прот. Книга бесед // Пустозерские узники. Ростов-на-Дону, 2009. С. 90.

¹¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. IV. С. 39.

¹² Лазарь, иерей. Челобитная царю Алексею Михайловичу // Пустозерские узники. С. 250.

¹³ Памятники старообрядческой письменности. СПб., 2000. С. 54.

С. В. Богданов (ТвГУ)

О ВРЕМЕНИ СОСТАВЛЕНИЯ «ТРЕТЬЕЙ» ДУХОВНОЙ ГРАМОТЫ ВАСИЛИЯ I

В первой публикации «третья» духовная была датирована 1455 г.¹, в последующей — 1424 г.² Со времени обнаружения А. Е. Пресняковым записей на списке с грамоты датой составления документа считается март 1423 г.³, когда, судя по записи на обороте списка, митрополит Фотий возил грамоту к великому литовскому князю Витовту [Пресняков, с. 351, примеч. 2].

Эта дата принимается не всеми исследователями. А. А. Зимин на основании отсутствия в духовной среди поручителей имени князя Константина Дмитриевича предложил датировать документ между 1419 г. и январем-февралем 1423 г. и полагал, что в марте 1423 г. эта грамота была лишь отвезена в Литву [Зимин, с. 293, 294]. Б. М. Клосс полагает, что духовная была составлена не ранее 1421 г. [Клосс, с. 119].

Датировка грамоты по записям на списке не является безупречной.

Во-первых, не получило должного объяснения отсутствие среди поручителей князя Константина Дмитриевича, хотя этот факт является одним из датирующих признаков. Есть все основания полагать, что состав душеприказчиков формировался не по личной воле Василия I, а в соответствии с договорами, заключенными между ним и представителями великокняжеской династии [Богданов, с. 20–21]. «Печалование» судьбой нового великого князя возлагалось на тех князей, которые по dokonчанию обязывались «блюсти великое княжение» и целовали на этом крест к Василию I и его сыновьям⁴.

В начале 1420 г. Василий I предпринял попытку заключить такой договор с князем Константином Дмитриевичем, который отказался возложить на себя крестоцелование к сыну Василия I⁵. Без принесения этой присяги князь Константин Дмитриевич не мог быть включен в состав поручителей, и это могло произойти не ранее его возвращения в Москву из Новгорода в начале весны 1421 г.

Во-вторых, требует проверки указанная на списке грамоты дата поездки в Литву митрополита Фотия, чья подпись стоит на подлиннике грамоты. Как показал В. А. Кучкин, слова, завершающие текст списка, — это *запись* «писца, закончившего такими словами переписку последнего завещания великого князя Василия Дмитриевича», а текст на обороте списка — это *помета*, сделанная архивистами Василия I [Кучкин, с. 127–129, 128, примеч. 80]. В связи с этими наблюдениями вопрос о датировке «третьей грамоты» может быть поставлен так: поскольку в *записи* указано средокрестье, а год не обозначен, хронологическая же детализация содержится в *помете*, то резонно предположить, что в *записи* имеется в виду средокрестье не строго 6931-го, а другого года.

Когда состоялась эта поездка?

В 6930 г. средокрестье приходилось на 16–22 марта, в 6929 г. — на 24 февраля — 1 марта (конец 6928 и начало 6929 мартовских годов), в 6928 г. — на 11–17 марта. Год 6929-й как время составления грамоты приходится исключить: митрополит Фотий был на пути из Литвы к Москве. От Рождества до Пасхи 6930 г. митрополит жил в своем селе Бисеровском⁶. Сомнительно, что Фотий в марте 6931 г. возил к Витовту грамоту, где не было имени князя Константина Дмитриевича, который к этому времени, очевидно, оформил dokonчание с Василием I (вероятно, после поездок в Литву осенью и зимой 6930 г. митрополита Фотия и великой княгини Софьи с сыном⁷ вопрос о великом княжении к весне 1423 г. был решен в пользу передачи его Василию Васильевичу, что и отражено во «второй» грамоте).

Полагаем, что поездка Фотия в Литву состоялась весной 1420 г., и в этом случае выполняется условие отсутствия в Москве князя Константина Дмитриевича. Хотя об этой поездке конкретных сведений не имеется, предполагать ее все-таки можно. Зимой сентябрьского 6929 г. в дороге из Вильно до Москвы митрополит Фотий пробыл чуть более 70 дней, двигаясь с длительными остановками. При других условиях путь из Вильно до Москвы занимал существенно меньшее время. Так, зимой 6935 г. весь путь митрополита Фотия в Литву и обратно занял 7 недель⁸. В свете этих данных представляется, что весной 6928 г. митрополит Фотий мог совершить поездку к великому литовскому князю Витовту, показать ему подготовленный текст завещания и, вероятно, договориться об официальном визите, начавшемся 1 июня 1420 г.⁹

Поэтому мы предполагаем, что «третья» духовная грамота была составлена после 25 февраля и до 11 марта 1420 г. — непосредственно после конфликта Василия I с князем Константином Дмитриевичем. Документ, в котором среди поручителей впервые был указан великий литовский князь Витовт, имел предварительный характер, чем обусловлены формулировка о великом княжении (Л. В. Черепнин признал ее «неожиданной» [Черепнин, с. 737]) и отсутствие в тексте грамоты *sanctio*.

¹ Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. М., 1788. Ч. 1. С. 153–158.

² СГД. № 42. С. 83–85.

³ ДДГ. С. 62.

⁴ ДДГ. С. 57, 59, 62: «А приказываю своего сына... и ихъ братьѣ по ихъ dokonчанию, как ми рекли».

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 412.

⁶ ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 33.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 167; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 245–246.

⁸ ПСРЛ. Т. 35. С. 33.

⁹ ПСРЛ. М., 2008. Т. 17. С. 59.

Литература

- Богданов С. В. Конфликт Василия I с князем Константином Дмитриевичем // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 20–22.
- Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 275–324.
- Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского.
- Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 112–130.
- Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
- Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

И. Г. Бурцев (ГМЗ «Куликово поле»)

ТУЛЬСКИЕ ЗАСЕКИ XVI–XVII в.: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

В середине XVI в. для защиты Московского государства от набегов крымских татар и ногаев к югу от реки Оки началось возведение грандиозной системы оборонительных сооружений — Засечной черты, или Черты (ее называют также Тульской из-за ключевой крепости). Строительство Черты началось не позднее 1554 г., а к 1560-м годам она была в основе своей готова [Бурцев, Конорев, с. 278–279]. Археологическое исследование этого комплекса укреплений до сих пор не удавалось в полной мере в связи с малым вниманием к документам. По данным письменных источников, Черта состояла из засек, валов, рвов, частоколов, надолбов, острожков, городков, башен, ям¹.

Засеки. Основной вид оборонительных сооружений, лесные завалы с «засеченными» (подрубленными, но оставленными на корню или «поднятыми на пни») деревьями. Лес засекался по всей протяженности Черты, исключая болота, овраги, реки, специальные проходы. Засечные сторожа должны были регулярно засекавать леса, своевременно укреплять поляны, дорожки, тропы, сделанные в засеках крестьянами, а также старые дороги и ворота, проломы, перелазы, броды.

Ввиду большой протяженности Черта разделялась на участки (Рязанский, Каширский, Тульский, Одоевский, Лихвинский, Белевский, Козельский), которые состояли из отдельных засек. В XVI в. было известно более двух десятков засек. В XVII в. некоторые были заброшены.

Валы и рвы. Археологические и архивные исследования подтверждают, что валы и рвы по периметру засек, часто выдаваемые за оборонительные, являлись межевыми, отделявшими засекаемые леса от частных земель [Бурцев, Конорев, с. 277–278].

Оборонительные валы и рвы создавались в составе Черты на безлесных участках. К югу от Тулы был возведен «город Завитай» (кон. XVI в.) [Бурцев, Конорев, с. 276] — земляной вал высотой до 4 м, толщиной до 6,5 м, длиной 11 км. С польской стороны вала был выкопан ров глубиной 4,3 м. На валу были устроены 8 больших (56,2 x 58,3 м или 70,2 x 75,6 м) и 12 малых (51,5 x 50 м или 27 x 22 м) башен. К северу от Тулы был возведен 4-метровый вал длиной 1 км, толщиной 6 м. С полевой стороны его был выкопан ров глубиной 4,3 м.

К настоящему времени эти укрепления не сохранились. Похоже, последним видел остатки «Завитая» в 1947–1949 г. А. В. Никитин [Никитин, с. 178, 179].

Вал в районе Венева протяженностью около 4 км был обложен дерном с русской стороны, с полевой стороны его был выкопан ров глубиной 3,2 м, подходы ко рву были заграждены надолбами и «волчьими ямами»². Это сооружение частично сохранилось.

Остроги. Основными укреплениями для защиты проходов через Черту (ворот и проломов) были остроги. Размеры воротных острогов и их устройство варьировались: высота достигала 4–6 м, периметр стен — 85–240 м. Обычно в засечных воротах ставился «острог стоячей с облами», в котором обустраивались тайники, «зеленые погреба», доступы к воде. В углах делались одна-две башни, специальные спуски со стен (быки), проездные ворота. Вокруг острога копался ров 3–6,5 м глубиной, подходы прикрывались подъемными мостами, воротами, надолбами, частиком. В составе Черты существовало до 40 ворот, сейчас известны остатки двух — Орловых и Грабороновых [Никитин, с. 182, 183].

Башни. Вместо острогов или вместе с ними в воротах ставили отдельные башни. В 1638 г. насчитывалось 8 башен с длиной стороны 6,5–7 м.

Городки. Для отражения набегов строились земляные городки для размещения войск. Городок близ Орловых ворот сохранился и имеет размеры 330 x 108 м, высоту стен около 3 м, толщину вала 3,7 м. В городке были 4 земляные и 2 деревянные проезжие башни.

Земляной городок между реками Сухой Осетрец и Большой Осетр имел размеры 259,2 x 172,8 м, высоту стен 4,3 м, толщину 4,3 м; в настоящее время распахан.

Надолбы. Вертикально или под углом бревна вкапывали практически во всех проездных зонах — в воротах, на полянах, дорогах внутри засек. В районе ворот делали «опускные» надолбы.

Частик (частокол) били по рвам, ручьям и мелким речкам, а также в ямах.

Кровати — приспособления для сторожей в местах, где не было других сооружений.

«Плавные бревна» — бревна с забитыми в них гвоздями плавали в воде на глубине аршина и препятствовали переправе конницы через броды.

¹ Засечная книга 1638 года // Записки Отдела рукописей ГМЗ «Куликово поле». М., 1960. Вып. 23. С. 189–252.

² Там же. С. 232.

Литература

- Бурцев И. Г., Конорев М. Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 272–282.
Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1955. Т. III (МИА. № 44). С. 116–213.

С. В. Васильев («Серебряное кольцо России»)

ИНСТИТУТ «ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ» ПО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИМ И
ЮЖНОСЛАВЯНСКИМ ПАМЯТНИКАМ ПРАВА

Псковская Судная грамота (далее – ПСГ) и I Литовский Статут (далее – ЛС) описывают институт «добрых людей», известный многим законодательным памятникам Средневековья. Статья 56 ПСГ гласит: «А также, кто купил на торгу, а у кого купил, не знает его, а людям будет добрым ведомо, а у него имаются человек 4 или 5, скажут како право пред Богом, пред нами в торгу купит, ино той прав, у кого имаются, и целованья ему нет; а не будет у коего свидетелей, ино ему правда дати, а то(т) не доискался» (Российское законодательство, I, с. 337). Речь идет о доказательстве добросовестного приобретения вещи. Данная норма ПСГ сходна со ст. 18, р. XIII ЛС, в которой также говорится о приобретении краденой вещи (лица) и о свидетельстве «добрых людей»: «...а заводцы ани барышников не было, але ся добрыми людьми, веры годными, высветил...» (Статут, с. 128). Подобное постановление содержится и в Судебнике 1497 г. (Российское законодательство, II, ст. 47, 48, с. 60). ПСГ и ЛС упоминают «добрых людей» неоднократно.

«Добрые люди» известны и южнославянским памятникам права. Так, хорватский Винодольский Закон 1288 г. в ст. XXVII говорит, что в случае, если кто-то скинул с женщины головной убор, «...се могло показати трими добрыми мужи вола женами» («она могла бы доказать это тремя добрыми (честными) мужами или женами») (Ягич, с. 40–41). Хорватский Полицкий Статут XV–XVIII в. в ст. 38 также упоминает свидетельство «добрых людей»: «Где бы человек от боя лежал и был болен и несколько дней потерял, тому закон не иной, как тот, чтобы добрые люди его оценили» («процинило по добрых людех») (Греков, с. 232–233). Как в Винодольском Законе, так и в Полицком Статуте, сербском Законнике Стефана Душана 1349 г. «добрые люди» представлены широко.

Кто же такие «добрые люди»? Почему законодатель использует эту характеристику, этот эпитет? Ответ на этот вопрос дают сами памятники права. Это, прежде всего, люди с незапятнанной репутацией, пользующиеся доброй славой среди окружающих.

ЛС называет в качестве людей, могущих быть допущенными к присяге в суде, «людей годных и близких в соседстве», «люди добрые, неподозренные» в каких-либо дурных поступках и тем более преступлениях. Ст. 27, р. VII ЛС говорит, что, если какой-либо осужденный на смертную казнь за какое-либо преступление «шию свою пенязями окупил, или «через приятелей своих, або гостей панов знаменитых выпрохан был, або выправен, тот утрачивает «честь и добрую славу», «не мает местца мети промеж добрыми людьми рыцарскими» (Статут, с. 92).

Показаниям «людей добрых» верили на слово, если они подкрепляли их присягой. Нравственные качества свидетеля, положительная репутация являлись по русскому праву важнейшим условием принятия его показаний и во времена Русской Правды, и в XV–XVI в. [Демченко, с. 26, 57].

Сходные отношения можно видеть в южнославянских памятниках права. Ф. И. Леонтович указывал, что «Винодольские законы требуют, чтобы к показаниям на суде в качестве “сведоков” допускались “добрые верованные люди” или подобные “сведоки”, “добрые мужи”, “свидоки добра гласа”. Только показания добрых людей, пользующихся хорошей репутацией, принимаются за “веровано сведочество”» [Леонтович, с. 42].

ЛС знает «добрых людей» в качестве судей: ст. 3, р. VI говорит, что воеводы, старосты и державцы должны «кожний у своем повете обрати двух землянинов в повете и ку присязе их привести, которые мают судити поспол з урядники их», для чего «обрати двух землянинов людей добрых и годных веры» (Статут, с. 71). По ПСГ, в суде заседали два подверника: один был представителем Пскова, другой же представлял князя. Перед вступлением в должность они приносили присягу: «правого не погубити, виновного не оправить» (Российское законодательство, I, с. 337).

Возможно, сам термин «присяжные» появился впервые в ЛС, который в уже приводившейся ст. 3, р. VI говорит также: «А без тых панов земаян присяжных, естли бы обоюх не было, тогда не мають наместникове, ани маршалкове судити...» (Статут, с. 71). ЛС упоминает также «явного писара присяжного» (Статут, с. 65, р. V, ст. 67).

Данная норма ЛС находит близкое сходство с памятниками восточно-русского законодательства, Русского централизованного государства. Так, в ст. 19 Белозерской уставной грамоты 1488 г. говорится: «А наместником нашим и их тиуном без сотцково и без добрых людей и не судити суд» (Российское

законодательство, II, с. 195). Ст. 38 Судебника 1497 г. гласит: «А без дворского, и без старост и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити» (Российское законодательство, II, с. 59). Аналогичная норма содержится и в Судебнике 1550 г.

Итак, мы видим, что как в западнорусских, так и в восточнорусских землях, а также у южных славян проходили сходные процессы встраивания института «добрых людей» в государственную правовую систему. «Добрые люди» выступают в качестве своего рода присяжных поверенных — особого рода важных свидетелей в судебном расследовании и процессе. Это могли быть как горожане, связанные с торговлей и ремеслом, так и верхи сельского общества.

Источники

Греков Б. Д. Полиця. Опыт изучения общественных отношений в Полице XIV—XVII вв. М., 1951.

Российское законодательство X—XX вв. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984.

Российское законодательство X—XX вв. Т. II. Законодательство периода укрепления Русского централизованного государства XIV—XV вв. М., 1985.

Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960.

Ягич В. Закон Винодольский. СПб., 1880.

Литература

Демченко В. Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательство по делам судебным по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859.

Леонтович Ф. И. Древнее хорватско-далматское законодательство. Одесса, 1868.

Е. М. Верещагин (ИРЯ РАН)

ФЕНОМЕН ФЛУКТУАЦИИ ТЕРМИНОВ В «НАПИСАНИИ О ПРАВОЙ ВЕРЕ», ПРЕПОДАННОМ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ ВЕЛИКОМУ¹

Преподанное Владимиру «Написание» представляет собой перевод либеллия известного византийского книжника Михаила Синкелла. По текстологическим критериям можно установить четыре древних версии этого «Написания», которые отложились в целом ряде списков. Мы изучаем версии по спискам: один летописный (по главному списку — Лаврентьевский (Л)), два из сборников разного состава (первый, древнейший (1073 г.) — Святослав (С), второй — Троицкий (Т)) и один из состава кормчих (Уваровский (У)).

Версия Л представляет собой значительное сокращение либеллия. В то же время С, Т и У содержат полные переводы, причем тексты Л и Т практически не имеют различий. Другие же версии различаются, в том числе в аспекте варьирования славянской богословской терминологии.

Судить о характере различий можно на основе краткого, но представительного перечня лексики (источники показываются разной графикой: ЛТ — прямой кириллицей, И — курсивной кириллицей и У — (условно, для отличия) гражданским шрифтом (с прибавлением недостающих букв)). Ср.: ἀσυχῆτος *неразмѣсьнѣ*, *нензмѣньнѣ*, безсѣзмѣнѣ; ὁμότιμος *равночѣстьнѣ*, *коупночѣстьнѣ*, единочѣственѣ; οὐσία *рѣдѣ*, *соуштнѣ*, свѣщество; ἀπερίνοητος *недоуѣдомѣ*, *недоумьслнѣ*, неразмьслѣнѣ; φαντασία *мьѣтаниѣмь*, *матежьмь*, привѣдѣнѣмь; θερῆλον *равѣ*, *дрогѣ*, вгодникѣ; ὁμόνομος *то* и *тоже* *моудрѣствоуѣщѣ*, *ѣдннотомьслннѣ*, единоразмѣнѣ; μορφή *лицѣ*, *образѣ*, зракѣ; νοερός *мьслнѣ*, *разумьнѣ*; υἰότης *сыновѣство*, *всыненѣ*; τρισυλόστατος *трисѣствнѣ*, *трисѣставѣнѣ*; ἡνωμένος *сѣвѣкоупленѣ*, *сѣдннѣнѣ* (и т. д.).

Стоящий за материалом феномен лингвистам известен — это (при терминологии на основе переводов) всегда наблюдаемая флукутация (колебание) терминов, конкурирование различных наименований (без смысловой дифференциации), пока не наступит период стабилизации.

Флукутации нельзя придавать самостоятельного значения. Между тем некоторые историки флукутацию терминов приняли... за присутствие арианства в «Написании» Владимира. В триадилогическом богословствовании, когда речь зашла о различии между Богом-Отцом и Богом-Сыном, в ЛТ в одном месте сказано: τῆ ἀγεννησίᾳ διαφέρων *нерожениѣ*. В другом месте в ЛТ ключевой термин ὁμοούσιος передан как *подоковосушнѣ*. Таковы мнимые признаки арианства. Между тем в других фрагментах ЛТ говорится *разньствѣнѣ* и *коупноосушнѣ*, а остальные источники (включая С и У), не зная «арианизмов», дают только: *разнчѣнѣ*, *разнчѣнѣ*, *разньствѣнѣ* *са*, *ѣдннотомьслннѣ* и *коупноосушнѣ*. Таким образом, Владимир Великий был приобщен не к какой-либо иной, а к правой (= православной) вере.

¹ В исследовании использована методика анализа переводческой техники, предложенная и реализованная автором в процессе работы по проекту РФНФ № 14-04-00431.

И. В. Вернер (Исл РАН)

ПСАЛТЫРЬ 1552 г. В ПЕРЕВОДЕ МАКСИМА ГРЕКА КАК ИНТЕРЛИНЕАРНЫЙ ТЕКСТ¹

К переводу и исправлению псалтырного текста Максим Грек обращался на протяжении всего российского периода своей жизни. Начало этой работе было положено переводом Толковой Псалтыри совместными усилиями М. Грека, Д. Герасимова и В. Игнатова в 1518–1522 г. В суровых условиях волоколамской ссылки после первого суда 1525 г., когда Максим был лишен возможности писать, свидетельством доступности для него книг монастырской библиотеки выступает рукопись Псалтыри (РГБ. Ф. 113. № 152), на последних страницах которой свободные от славянского текста места занимает прописанный каламом псалтырный текст по-гречески [Фонкич, с. 86–87]. Предположительно до 1540 г. Максим правил Псалтырь с воследованием (РГБ. Ф. 304.1. № 315). В период тверской ссылки, в 1540 г., Максимом была переписана греческая Псалтырь (РНБ. Соф. 78) со славянскими глоссами, вписанными рукой Максима и его ученика Вениамина. Многолетняя работа над псалтырным текстом была столь интенсивной, что в рукописной традиции появились специальные сводки исправлений и разночтений, связанных с М. Греком, — «Преводныя строки», «Изъявление о псалмехъ», «Псалтырныя строки» [Ковтун, с. 35–90]. «Преводныя строки», помещаемые в рукописях вместе со списками Псалтыри 1552 г., связывают итоговый, последний перевод Псалтыри с первым переводом 1522 г., являясь рабочими материалами переводчика: в них содержится сравнение пяти греческих переводов в славянской передаче, причем славянские соответствия греческим разночтениям представлены уже в комментариях к Толковой Псалтыри 1522 г. [Ковтун, с. 44–48].

Во всех этих случаях исправление славянского текста было сопряжено с греческим языком, равно как и греческий всегда соотносился с церковнославянским, причем разными способами. Перевод Толковой Псалтыри, как известно, выполнялся через посредство латыни: Максим «сказывал по-латыньски», а Д. Герасимов и В. Игнатов диктовали писцам текст по-церковнославянски. Правка в Псалтыри с воследованием носила преимущественно грамматический характер. Греческая Псалтырь, в процессе переписки которой Максим обучал греческому Вениамина, содержит некоторое количество славянских глосс и фрагментарные дидактические материалы (перевод греческих омофонов, отдельных грамматических форм, образцы склонения артикля и местоимения). «Преводныя строки», исходя из греческих переводов, толкуют как грамматические формы, так и — преимущественно — лексические варианты.

Перевод Псалтыри без толкований, выполненный М. Греком в 1552 г. в Троице-Сергиевом монастыре при участии Нила Курлятева, аккумулирует в себе весь предшествовавший опыт работы. Тексту предпослано предисловие Нила, в котором обстоятельно описан процесс перевода «противу рѣчи рѣчи», преследовавший цель обучения Нила греческому и одновременно совмещавший в себе словарную и грамматическую работу. Наиболее адекватное представление об этой работе дают две интерлинеарные рукописи Троицкого собрания РГБ. Ф. 173.1. № 8 и 9, списанные в 1619 г. (№ 9) и до 1665 г. (№ 8) в кружке архимандрита Троице-Сергиевого монастыря Дионисия Зобниновского с текста, весьма близкого по времени к переводу М. Грека. В отличие от более поздних списков, эти рукописи отражают первоначальный вид текста как параллельного подстрочного перевода, подобного латино-славянским текстам кружка архиепископа Геннадия, также использовавшимся с дидактическими целями.

Учебный характер двуязычной Псалтыри 1552 г. подтверждают многочисленные орфоэпические пометы в рукописи № 8, сделанные киноварью выше греческого текста и отражающие живое греческое произношение XVI в. Греческое письмо представляет собой своего рода славяно-греческий полуустав, многие буквы которого имеют славянизированный облик. Запись греческих глосс на полях часто использует курсивные написания и также является орфоэпической. Как в ранних глоссированных текстах Максима, присутствует некоторая условность письма — безразличие к нормам греческой орфографии.

Как конкретными дидактическими целями, так и соображениями филологической критики текста мотивированы различные по своему характеру маргинальные глоссы интерлинеарных списков. Интенсивность глоссирования особенно высока в начале текста и убывает к концу, глоссы в рукописях № 8 и 9 не вполне совпадают, часть их присутствует и в списках Псалтыри без греческого подстрочника. Подавляющее большинство глосс носит сугубо лингвистический характер, единичными исключениями выступают глоссы, являющиеся краткими историческими или теологическими комментариями к тексту. Лексика глоссируется чаще, чем грамматические формы; часть глосс двуязычна, другая часть славянских вариантов дана без перевода на греческий. Грамматические глоссы связаны с формами, которые составляют суть грекоориентированной справки Максима [Вернер, с. 109–123]. Маргинальные глоссы и греческий текст интерлинеарных списков демонстрируют синтетический тип лингвистической практики Максима Грека, совмещающей в себе перевод и лингвистический комментарий. Маргинальные комментарии, в свою очередь, в значительной степени выполняют функции словаря и грамматики как греческого, так и церковнославянского языка.

Литература

Вернер И. В. Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 104–127.

Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.

Фонкич Б. А. Греческие рукописи и документы в России. М., 2003.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00390а.

К. В. Вершинин (МГУ)

О ВОЗМОЖНОМ МЕСТЕ СОСТАВЛЕНИЯ МЕРИЛА ПРАВЕДНОГО

Где и когда было составлено Мерило Праведное (далее — МП)? В последнее время мною было показано, что этот сборник и некоторые из дополнительных статей Кормчей составляют друг другу литературное окружение [Вершинин, 2014; Вершинин, 2015], благодаря чему МП уверенно датируется концом XIII в. Однако составитель сборника и его адресат остаются неизвестными. До сих пор представления об этом опирались на общие соображения: репертуар источников позволил связывать составление МП с митрополитской библиотекой и допускать участие в нем митрополита — Кирилла или Максима [Корогодина, 2011, с. 130; Вершинин, 2014, с. 254–255]. М. В. Корогодина считает, что МП составлено во Владимире для тверского князя [Корогодина, 2011, с. 130].

Небезынтересно поэтому сопоставить МП с посланием Иакова ростовскому князю Дмитрию Борисовичу¹. Их текстуальная связь известна давно. Согласно М. Н. Тихомирову, Иаков знал МП, которое и использовал [Тихомиров, с. 96–97], однако М. В. Корогодина привела доводы в пользу обратного [Корогодина, 2014, с. 98–101]. В обоих памятниках процитированы Пандекты Антиоха, но в МП — со вставкой; послание использовано в зачине МП.

Итак, зависимость МП от послания как будто налицо. Более того, ряд сопоставлений можно продолжить. В статье «От евангелия...» [Вершинин, 2014, с. 194–195; Мерило Праведное, с. 133] цитируется 35-я беседа Григория Двоеслова на Евангелие. Иаков воспроизводит это место полнее, с цитатой из Притч 19: 11: «Мужь бо ученыи по терпенью знати» [Поньрко, с. 201]². В таком виде стих встречается только у Григория, который пользовался Вульгатой: «Писано бо есть: ученыи мужь по търпению знати есть» [Rehoř Velik, s. 1084]. В полном переводе Притчей иначе: «Милостивъ мужь тръпеливъ душею»³. В МП, а равно и в послании, есть выписка из «Огласительных поучений» свт. Кирилла Иерусалимского, но лишь Иаков приводит изречение: «Се жестоко глаголю, да жестока не искусишь» [Поньрко, с. 202]⁴. Подтверждается вывод М. В. Корогодиной, что прямая зависимость послания Иакова от МП невероятна.

Но этим проблема соотношения текстов не решается. В наших памятниках обнаруживается и обратная ситуация: одна цитата из Пандектов Антиоха полнее приводится в МП (выделяю отсутствующий в послании текст): «Благорасуден буди, да не одногои вередъ на многи взидеть, и безъ злобы исправляи, аки хитръ врачъ, вередъ леча, режеть, безъ гнева се творить» [Мерило Праведное, с. 13] (ср.: [Поньрко, с. 200]).

Замысловатые отсылки друг к другу содержатся еще в ряде фрагментов. Если послание, рассказывая о страстях Господних, цитирует только свт. Кирилла, то в статье «От евангелия...» этот фрагмент скопирован с цитатой из Пандектов Никона Черногорца [Вершинин, 2014, с. 194]. Но там, где в МП находится эта интерполяция, у Иакова читаем: «а прочая ведома ти» [Поньрко, с. 200]. Цитируя «Лествицу», Иаков видоизменяет текст: «Да не дымъ въ солнца место примеши»; «Моего ума, и самъ веси, разумъ несвершень...» [Поньрко, с. 201–202]. Между тем в МП обе цитаты соответствуют «Лествице»: «Дымъ въ солнца место держаще»; «Нашего разума умъ несвершень весь...» [Мерило Праведное, с. 98–99]⁵. Перекликаются сами по себе редкие случаи употребления слова «квас» в значении «кислота»: «Маль квась око смутить» [Поньрко, с. 200]; «Оку квась» [Мерило Праведное, с. 3]. Наконец, приводимые Иаковым слова «Мало слово ярость родить» варьируют афоризм Менандра, служащий в МП одной из немногих интерполяций в текст выписок из «Пчелы»: «Жестько слово ражаеть ярость» [Мерило Праведное, с. 42]⁶.

Сказанное дает основания для осторожной пока гипотезы об участии Иакова в составлении МП. Напомню, что редакция Кормчей, расширенная за счет дополнительных статей, содержит «Летописец вскоре» с ростовскими записями до 1278 г. [Щапов, с. 208]. Не могло ли МП быть также задумано в Ростове? Местные князья пользовались влиянием в Орде [Насонов, с. 61–67] и могли претендовать на великое княжение [Лимонов, с. 152–153]. Владимирского стола они не получили. Тем не менее Дмитрий назван «великим» в послании Иакова и в ростовских известиях 1278–1281 г. Никоновской летописи, в чем, конечно, следует видеть не заурядную [Поньрко, с. 196], а из ряда вон выходящую топику⁷.

Литература

Вершинин К. В. К вопросу о происхождении Мерила Праведного // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11. С. 147–256.

Вершинин К. В. «Правило черноризцем»: к изучению связи Мерила праведного с Кормчей русской редакции //

¹ Допущение В. А. Кучкина [Письменные памятники, с. 246] об адресации послания дмитровскому князю XIV в. отвергается дальнейшим.

² В списке, принятом за основу издания, это место исправлено на бессмысленное «Мужь бо терпеливъ по терпенью знаеться».

³ РГБ. Волок. 13, 3-я четв. XV в. Л. 111 об.

⁴ Ср.: РГБ. Троиц. 124, кон. XV в. Л. 120.

⁵ Почти так же в полном переводе «Лествицы»: РГАДА. МГАМИД. 452, XIII в. Л. 4, 60; РГБ, Троиц. 10, 1334 г. Л. 17, 79 об. Единственное отличие — наличие союза «убо» после слова «нашего».

⁶ Источник этого фрагмента в Мерило определен в [Сперанский, Приложения, с. 48].

⁷ Менее надежно именованье «великим князем ростовским» отца Дмитрия, Бориса, в похвальном слове Льва Филолога свв. Михаилу и Феодору [БЛДР, СПб., 2003. Т. 12. С. 28].

- Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 36–48.
 Корогодина М. В. О происхождении Мерила праведного // Современные проблемы археографии. Сб. ст. по материалам конференции. 25–27 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 125–131.
 Корогодина М. В. О составе Мерила Праведного // Историография и источниковедение отечественной истории. М.; СПб., 2014. Вып. 7. С. 94–110.
 Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.
 Мерило Праведное по рукописи XIV века / Изд. под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1961.
 Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
 Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи, повести, хождения, поучения, жития, послания (аннотированный каталог-справочник) / Под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003.
 Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. СПб., 1992.
 Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М., 1904.
 Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941.
 Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
 Řehoř Veliký. Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia v českocírkevněslovanském překladu / K vydání připravil Václav Konzal. Praha, 2006. Díl 2.

Т. А. Вилкул (Институт истории НАН Украины)

ПРИПИСКИ ТРОИЦКОГО ХРОНОГРАФА

Троицкий хронограф (старший список РГБ. Троиц. 728) содержит 2 приписки о руси на последнем листе, сделанные после завершения выписок из Хроники Амартола 946–948 г. На них обратил внимание уже А. А. Шахматов. Ученый считал, что два упоминания «русских событий» должны указывать на то, что составитель не был знаком ни с ПВЛ, ни с Начальным сводом, а опирался на более древнюю летопись. Он возвел к Троиц. 728 «первую редакцию Начального свода» и попытался основать на записях объемом менее листа целый ряд «общих протографов Еллинского летописца» и «Начальных сводов», которые не дошли до нас [Шахматов, с. 180–183].

Детальное рассмотрение приписок Троиц. 728 обнаруживает зависимость их от ПВЛ. Первая рассказывает о походе князя Олега, вторая касается крещения Руси. Сделаны они по одной схеме: «придоша на Царьградъ / ...на святое крещение» «съ княземъ своимъ Ольгомъ / ...Володимеромъ». Во второй — очень сокращенный пересказ летописной (?) статьи. Первая предоставляет текстуальный материал, где угадывается текст типа ПВЛ под 6415 (907) и 6452 (944) г., сближений с НПЛмл практически нет (см. таблицу). Полуужирным шрифтом обозначены сближения Троиц. 728 с ПВЛ, курсивом — выражения, которые можно было бы считать общими с НПЛмл, пунктиром в Троиц. 728 подчеркнуты индивидуальные чтения.

Троиц. 728. Л. 392c–d	ПВЛ (ПСРЛ. Т. 1)	НПЛ
«и придоша по семь роусь на Црьградъ . со княземъ своимъ Ольгомъ в лодьяхъ . множьству много . и покрыша море косянтинне .»	стб. 29–30 «6415/907. иде Олегъ на грекы... поя же множество... поиде Олегъ на коне ^x и на корабле ^x ... прииде къ Црьгра ^у » стб. 45 6452/944. «Игорь... поиде на греки въ лодья ^т и на конихъ... покрыли суть море корабли».	с. 107. «6428. посла князь Игорь на грѣкы вои русь с. 108. 6429. пристроиста воя мнозы с. 108. 6430. иде Олегъ на грѣкы и прииде Цесарюграду.
вои же въставиша лодья на колеса . въздѣша пароусы . вѣтроу соущю великоу . посухоу . взимахоуся лодья .»	стб. 30 «повелъ Олегъ воемъ своимъ . колеса издѣлати . и воставляти корабля на колеса . и бывшо покосноу вѣтроу . въспя пароусы (РАТ пароусы; И прѣ, X пре, А нет) съ поля . и идяше къ гра ^у .»	повелъ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и въставити корабля на колеса . и бывъшо покосну вѣтру, и въспяша прѣ, и с поля идоша къ граду.
они же затвориша врата градная . выслаша дары многи . злато и паволоки . мира просящи . соусь же створиша миръ . отстоуниша въ свояси .»	стб. 30 греци замкоша Соу ^а . а гра ^а затвориша . стб. 45 «посла к Игорю... тако же и къ печенѣгомъ посла . паволоки и злато много» . стб. 30 «почаша греци мира проси ^т ... Олегъ ^м мало отстоупи от гра ^а . нача миръ творити»	и греци замкоша Судъ, а град затвориша . самъ же взя злато и паволокы, и возложи дань, юже даютъ и доселѣ княземъ рускымъ»

Троиц. 728: «по малъ же лѣтъ придоша на стое крщнне . съ княземъ своимъ Володимеромъ . бы^с же по строю бжию . слѣпоу быти князю ихъ Володимероу в Коурсоуни . яко възложи роу на нь ег^птъ . въ стѣи коупѣли . и абие прозрѣ . и оттолѣ приять земля Роусьская стое крщнне . въ лѣ^т 6496 от створенія мироу: аминь».

Как видим, текст Троицкого хронографа ближе к ПВЛ чем к НПЛмл, с последней его сближает слово «князем» и два мелких разночтения. Видимо, правки сделаны независимо, ведь начальные выражения обеих приписок симметричны: «придоша со княземъ своимъ Олгомъ / ...съ княземъ своимъ Володимеромъ». В целом изложение такого характера могло быть сделано по припоминанию. Книжника явно настолько заинтересовали походы руси, что он привлек несколько сообщений. Как и в НПЛмл, составитель Троицкого хронографа привлекает информацию о двух князьях, Олеге и Игоре, но идея «Олега — воеводы Игоря» не отражена. Синтезируя чтения, книжник принял противоположное НПЛмл решение: приписать все Олегу.

На основе хронологической несообразности (запись 6415 (907) г. вписана после известия 946 г. о смерти императора Романа) А. А. Шахматов вывел использование в Троицком хронографе летописного свода без хронологической сетки, более древнего, чем Начальный [Шахматов, с. 177]. Это примечательное допущение, учитывая то, что во второй приписке указан год. При этом замену «Олега — воеводы Игоря» «Олегом-князем» ученый считал делом рук уже составителя ПВЛ. В действительности, отсутствие года в описании похода Олега может объясняться разными причинами, в том числе комбинированием нескольких известий ПВЛ, невнимательностью средневековых компиляторов к хронологическим несообразностям и даже обычной опiske. Наиболее существенно для нас то, что в Троицком обнаружена текстуальная зависимость от ПВЛ и Олег представлен самостоятельным князем, а не воеводой Игоря. Мы имеем дело с переписыванием и переосмыслением ранней истории Руси, что типично для позднесредневековой книжности.

Литература

Шахматов А. А. Начальный Киевский летописный свод и его источники // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 175–184.

В. Г. Вовина-Лебедева (СПБНИ РАН)

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ РУСИ В ПОЗДНИХ ЛЕТОПИСНЫХ КОМПИАЦИЯХ

Эта работа продолжает тему восприятия древней истории в летописных сборниках XVII в., начатую автором на конференции «Историческое повествование в средневековой России» (октябрь 2013 г.). Тогда речь шла о трех списках летописной компиляции на основе Степенной книги (далее — СК), которая послужила связкой между Повестью о Славене и Русе и Новым летописцем. Были выявлены некоторые особенности составления такого рода текстов [Вовина-Лебедева].

Теперь речь идет о сходной компиляции, представленной двумя списками: РГБ. ОИДР. 358 (кон. XVII в.) и ГИМ. Забел. 269 (сер. XVIII в.). Вводная часть компиляции — краткий летописец «От Адама...» (далее — Летописец). Основная часть Летописца — сокращенное переложение СК, но начало взято из летописи типа Новгородской первой.

Оригинальным вкладом составителя Летописца можно считать вставку расчета лет от Адама до крещения Руси, разбитого на промежутки, каждый из которых рассчитывался как от Адама, так и от окончания предыдущего промежутка. Ниже помещен еще один расчет лет, построенный по иному принципу. Эти расчеты особенно выделяются на фоне других кратких статей.

Анализ ошибочных чтений Летописца показывает, что составитель не понимал многих выражений своих источников, почему находил нужным их редактировать. Приведем некоторые примеры. Выражение «правая вера» получилось из неверного прочтения и непонимания сочетания слов «правая вира», также появилась фраза «вопиюще инья страны» (вместо «воююще»). По всему тексту Летописца рассыпаны подобные чтения, которые можно отнести к типу «разъясняющих» ошибок. Под «разъясняющей ошибкой» мы понимаем новацию, которая появилась в результате осмысления текста переписчиком. Примеры: «имаху дань варяги... от мужа по белеве реке». Владимир забрал себе предназначавшуюся в жены Ярополку княжну «Разгневу» («Розгневу»). Последнее прочтение, повторенное дважды, конечно, не простая случайность. Имя княжны оказывается говорящим, показывающим, что действия Владимира вызвали ее гнев. Эта деталь косвенно указывает на вторую половину XVII в., когда в письменности подобные трактовки имен были не редкостью (ср. занимающийся волхованием князь по имени Волхв (Волхов) из Повести о Славене и Русе).

Другой тип новаций — появление псевдодеталей. Прибыв «на гроб Игорев», Ольга просит древлян остаться там три дня («да плачюся три дни»). Последнее, вероятно, произошло из механического сокращения текста СК: «да плачюся над гробом его и тризны сотворю ему». Составитель Летописца, видимо, точно не знал, что такое «тризна», хотя далее у него Ольга повелела «могилу копати и тризны творити, яко же обычаи в неверных». В представлении Летописца могилу Игорю сделала именно Ольга, и это согласуется с тем, что она прибыла «на гроб Игорев» — это составитель понял так, будто Игорь не был захоронен до приезда Ольги, которая оплакивала его три дня и захоронила в земле, но не в кургане — подчеркнуто, что могилу «копали». В СК в этом месте приведен длинный плач Ольги и сказано, что она повелела «могилу сыпати», то есть в СК это курган, чего, видимо, не мог себе представить составитель Летописца.

Имя древлянского князя передается как Сал («ему ж имя Сал»). Это простая описка, но любопытно, что далее древлянский князь именуется Мануйлом, и это несоответствие не смущало составителя. Составитель Летописца взял из СК драматический отрывок о плаче древлянских послов, брошенных Ольгой в яму на «тюремном дворе», но счел необходимым облечь его в стихи. Согласно

моде второй половины XVII в., древляне стонут стихами: «О горе нам, аще Игоря убихом, а благого не учинихом!» и «О горе нам, бысте!»

Составитель Летописца не понял рассказа своего источника о воеводе Ярополка по имени Блуд, где Блуд — прозвище, тогда как в Летописце — это намек на соответствующий порок. В Летописце сказано, что философа, присланного к князю Владимиру, звали Кирилл, чего нет в СК. Таким образом, у составителя Летописца моравские братья переносятся во времена Владимира Святого.

Подобного рода компиляции появлялись оттого, что составителям, имевшим в своих руках один или несколько крупных исторических текстов, хотелось соединить их в одну рукопись, чтобы они приобрели более привычную читателю форму летописи. При таких условиях особую важность приобретало начало, древняя часть, которой нужно было снабдить тексты, изначально ее не имевшие.

Литература

Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец и Степенная книга // Историческое повествование в средневековой России. Материалы Всероссийской научной конференции. М.; СПб., 2014. С. 221–235.

Е. Э. Вологина (МПГУ)

ДВА СПИСКА ПОЛНОЙ РЕДАКЦИИ «ЗАВЕТОВ ДВЕНАДЦАТИ ПАТРИАРХОВ»¹

Полная редакция «Заветов двенадцати патриархов», соответствующая греческому оригиналу, была известна ранее лишь по одному списку — Архивскому Хронографу 3-й четв. XV в. (РГАДА. МГАМИД. 279. Л. 69–88 об., далее — Арх), однако недавно был выявлен [Грищенко, с. 104–105] еще один полный список данной редакции «Заветов» — РГБ. Троиц. 730, пер. пол. XVI в., в котором представлен тот же текст, что и в Арх, но с рядом любопытных расхождений.

Многочисленные разночтения в тексте «Завета Левия» по спискам Арх и Троиц. 730 можно разделить прежде всего на собственно текстовые (пропуски и вставки) и языковые (фонетико-орфографические, лексические, словообразовательные и морфологические). Поскольку ранее не был известен второй список полной редакции, исследователи не могли сделать никаких выводов об истории перевода «Заветов» на славянский язык, теперь же, сравнив между собой два списка, представляющих наиболее раннюю редакцию этого перевода, можно в дальнейшем с большей уверенностью судить о протографе. Возможно, основываясь на лингвистических данных, удастся сделать предположение о времени и месте осуществления славянского перевода «Заветов».

Нами рассмотрены разночтения «Завета Левия», и среди 24 текстовых 9 таких, когда греческому оригиналу более соответствует Арх, и 11, когда греческому оригиналу более соответствует Троиц. 730, еще в 4 случаях списки не совпадают ни друг с другом, ни с греческим оригиналом, например: V.7 Арх *ангела хранящего семья Израилево* — Троиц. 730 *ангела хранящего племя Израилево о всем* — греч. τὸν ἀγγέλον τὸν παραϊουδαίων τοῦ γένους τοῦ Ἰσραὴλ καὶ πάντων τῶν δικαίων «ангела, хранящего род Израиля и всех праведных».

В числе языковых разночтений есть фонетико-орфографические (рассмотрены только имена собственные и нестандартные написания), например, отражение эпентезы -жр- → -ждр-, аналогичной эпентезе -зр- → -здр- [Грищенко]: VIII.14 Арх *царь... сотворет жречество ново* — Троиц. 730 *царь... сотворит ждречество ново*. Всего разночтений данного типа нами выделено 10, и все они в целом свидетельствуют о том, что Троиц. 730 отражает антиграф с более архаической орфографией, поскольку такого рода эпентеза и передача греческого υ при помощи ю (например, *Еюпет* в Троиц. 730 (греч. Αἰγύπτος) вместо *Египет* XI.8, XII.5), безусловно, старше, чем отсутствие такой эпентезы и передача υ при помощи и [Кривко].

Лексических разночтений насчитано 26, из них 9 таких, когда греческому оригиналу более соответствует Арх, и 13, когда греческому оригиналу более соответствует Троиц. 730. Кроме того, выявлено три случая, когда списки не совпадают ни друг с другом, ни с греческим оригиналом, и, наконец, еще одно разночтение, возникшее на славянской почве и не зависящее от греческого текста, ср.: VIII.2 Арх *встав облецыся... в плащаницу правды разума и в онущу истины* — Троиц. 730 *встав облецыся... в плащаницу истины и разума. и в онущу мира*; по сравнению с греческим оригиналом Ἀναστάς ἐνδύσασθαι... τὸ λόγιον τῆς συνέσεως, καὶ τὸν ποδήρη τῆς ἀληθείας оба списка вставляют *правды/ истины* после *плащаницы* при том, что соответствующее греческому чтению *разум* сохраняется.

Ввиду незначительного количества словообразовательных разночтений (всего 13), которые касаются только славянского текста и не зависят от греческого оригинала (например, XVII.10 Арх *и в пятую седмицу возвратятся* — Троиц. 730 *и в пятую седмирицу възвратятся*), принимать их во внимание пока затруднительно.

Морфологических разночтений выявлено 24, из них только 5 таких, когда греческому оригиналу более соответствует Арх, и 10, когда греческому оригиналу более соответствует Троиц. 730; наконец, в 9 случаях списки либо не совпадают ни друг с другом, ни с греческим оригиналом, либо дают разночтения, возникшие на славянской почве (в силу вариативности славянской морфологии) и не зависящие от греческого текста, например, XVIII.6 Арх *небеса радующеся отверзутся* (прич. наст. вр.) — Троиц. 730 *небеса радуются и отвръзутся* (спрягаемая форма наст. вр.), а в греческом тексте глагол со значением «радоваться» отсутствует.

Подводя итог статистике разночтений, можем с уверенностью отметить, что чтения Троиц. 730 гораздо ближе греческому оригиналу (особенно в части морфологии), чем чтения Арх: из 97 в общей

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-4528.2015.6.

сложности разночтений 34 более правильных с точки зрения зависимости от греческого текста «Заветов» оказываются в Троиц. 730, а 24 — в Арх. При этом зафиксировано множество и таких разночтений, которые возникают лишь на славянской почве, — их 40.

Литература

Гриценко А. И. Славянские приключения греческого Keřata // Slověne = Словѣне. 2012. Vol. I. № 2. С. 104–105.
Кривко Р. Н. Функции буквы У в древних славянских рукописях (Преимущественно на материале Бычковско-Синайской псалтири) // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28/3. С. 317–359.

Г. С. Гадалова (ТвГУ)

К ВОПРОСУ О РЕДАКЦИЯХ ЖИТИЯ ЕФРЕМА НОВОТОРЖСКОГО

Житие новоторжского подвижника привлекало внимание исследователей, большей частью, как исторический источник, свидетельствующий о событиях в Северо-Восточной Руси: поход в 1316 г. под Торжок великого князя Михаила Ярославича Тверского, христианизация новгородской земли, история Борисоглебского монастыря и другие. Истории создания Жития и его редакциям посвящены труды архиепископа Филарета, В. О. Ключевского, И. Некрасова, Н. П. Барсукова, статьи Н. Ф. Дробленковой в Словаре книжников и А. В. Кузьмина в Православной энциклопедии. Среди последних исследований — работы В. В. Викторова и И. Тирет.

Для церковных нужд в 1774 г. были опубликованы Служба святому и Сокращенная редакция его Жития по трем спискам. Кроме того, дважды было издано Проложное житие. Вместе с тем Житие преподобного Ефрема Новоторжского до сих пор не имеет комплексного научного исследования и критических изданий, кроме выделенной И. У. Будовницем «Повести о разорении Торжка в 1315 г.» и публикации фрагмента Жития по 13 спискам памятника. Следует также отметить публикацию списка БАН. 17.5.3 в 2003 г. и факсимильное издание тверского музейного списка Пространной редакции Жития святого в 2011 г.

Согласно исследованиям В. О. Ключевского, «Житие Ефрема Новоторжского сохранилось в поздней и плохой редакции, которая состоит из бессвязного рода статей», в том числе повествующих об утрате древней редакции Жития, увезенной в XIV в. князем Михаилом Тверским. Автором Жития, написанного после обретения мощей подвижника 11 июня 1572 г., большинство исследователей считает иеромонаха Иоасафа из Новгородского Юрьева монастыря¹. В середине XVII в. Житие было переработано, дополнено Похвалой святому и новыми чудесами, последнее из которых датируется 1647 г. Новое чудо 1681 г. в ряде списков Похвального слова, судя по предисловию, написано тем же автором.

В дореволюционных исследованиях выявлено более 10 списков Пространного Жития преподобного Ефрема Новоторжского («Тайны царицы добро есть хранить...») и 1 список Краткого Жития («Тои преподобнии отецъ нашъ Ефремъ родомъ угринь...»). Будовниц ввел в научный оборот еще 8 списков Пространного Жития и выделил две редакции памятника XVI в., рассмотрев подробно Повесть о разорении Торжка.

На материале 14 списков из коллекции РГБ В. В. Викторов высказал предположение, что первая часть Пространного жития была составлена архимандритом Мисаилом, а вторая — иеромонахом Иосафом. Исследователь выявил еще два списка Краткого Жития, один из которых дополнен текстом второй редакции согласно классификации И. У. Будовница (РГБ. Ф. 98. Собр. Егорова. № 1446).

В настоящее время выявлено более 40 списков Жития Ефрема Новоторжского, в том числе пять списков в хранилищах Твери. Указанный В. О. Ключевским и Н. П. Барсуковым «редкий список» Краткого Жития (Барс. 122), к сожалению, не выявлен, а другие списки, отнесенные к этой редакции, представляют собой текст Проложного Жития, дополненного разным количеством чудес.

Вместе с тем среди тверских рукописей в коллекции Государственного архива Тверской области в сборнике середины XVIII в. находится вариант списка Краткого (или Сокращенного?) Жития Ефрема Новоторжского, текст которого отличен от других известных списков памятника. Инципит аналогичен началу главы о царе Симеоне Пространной редакции Жития: «Послушайте, отцы и братия и священноначальники...» (ТАО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 882. Л. 38–51 об.). В состав Жития включены два посмертных чуда — о царе Симеоне и о Деменше Черемисинове (конец последнего утрачен). Текст тверского списка логически последователен и содержит биографические сведения о подвижнике, начиная с его происхождения из «Угорской земли» и службы с братьями Моисеем и Георгием князьям Борису и Глебу, до кончины в созданном им Борисоглебском монастыре в Торжке. По сравнению с другими краткими редакциями в тверском списке текст значительно расширен. Так или иначе, в основе списка лежит текст Пространной редакции, но интерес представляет работа анонимного книжника-компилятора, умело составившего свое произведение из фрагментов разных частей Пространного Жития.

Для дальнейшего изучения Жития Ефрема Новоторжского крайне важна публикация Егоровского списка, поскольку он содержит не только раннюю редакцию памятника, но и по сравнению со списком БАН имеет исправный текст.

¹ И. Тирет, опираясь на рукописную традицию Жития, полагает, что оно было создано в XVII в.

М. Гардзанити (Флорентийский университет)

МАКСИМ ГРЕК И КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В РОССИИ

Прошло почти пятьсот лет с отъезда Максима Грека с Афонской горы в Москву (1516), и, напоминая эту дату, хотел бы предложить свои наблюдения над рядом факторов в его жизни и произведениях, которые определили глубочайшие изменения в культурной истории России.

Биография Максима Грека наглядно подтверждает, насколько трудно классифицировать его личность в соответствии с традиционными категориями. Начав свое образование на византийском Корфу, он продолжает его во Флоренции, учась у лучших гуманистов той эпохи. Там же произошла его встреча с Савонаролой, наиболее захватывающим духовным реформатором своего времени, и начался его религиозный кризис. За отъездом на гору Афон, где он пробыл только десять лет, последовал долгий «русский сезон», ознаменованный судебными преследованиями и заключением, но сопровождавшийся настолько интенсивной деятельностью, что Максим Грек стал наиболее важной интеллектуальной личностью в России XVI в. Наследие его в последующем неоднократно становилось предметом спора между православными и раскольниками, в то время как канонизация состоялась гораздо позднее, совпав с тысячелетием крещения Руси (1988). Только семьдесят лет назад (1943) были сведены вместе основные факты его биографии благодаря русскому эмигранту Е. Денисову. И только сейчас ведется работа над научным изданием его произведений — под редакцией Н. В. Синецкой вышел первый том его сочинений¹.

Греческое и итальянское образование Максима Грека должно быть прочитано в свете той роли, которую сыграл его наставник Ианас Ласкарис, а также значения идей освобождения от оттоманского ига, которые греческий гуманист, как и многие другие изгнанники, развивал во время своего долгого пребывания на Западе. Во Флоренции Ласкарис занимал кафедру греческого языка и позже служил на дипломатическом поприще при дворе французского короля, живя также в Венеции, в то время как Михаил Триволис работал со знаменитым печатником и гуманистом Альдо Мануцио. Возможно, именно Ласкарис открыл перед Триволисом двери горы Афон.

Из итальянского периода хотелось бы особенно подчеркнуть контакты Михаила Триволиса с тем направлением религиозного гуманизма XV в., которое открыто поддерживало религиозное обновление, идущее от Савонаролы. Несомненно, оставило глубокий след и сотрудничество с Джованни Франческо Пико дела Мирандола, племянником более известного мыслителя Пико дела Мирандола, который критиковал аристотелевскую философию и противостоял Марсилио Фичино в отношении античной философии.

Краткий перерыв послушничества в доминиканской обители св. Марка во Флоренции (1502) стал началом духовного кризиса, который закончился вступлением в Ватопедский монастырь на Афоне (1506). В этом решении Максима Грека — вернуться на родину и стать монахом на Святом Афоне — можно усмотреть не только экзистенциальный выбор, но также политическое видение, которое не было больше обращено на Запад, как у его греческих соотечественников, оставшихся в Италии, а обратилось на Константинопольскую церковь, находящуюся под властью турок-османов, и на православные государства от Молдавского и Валахского княжеств до Московского царства.

Решение Афона послать Максима Грека в Москву, чтобы заняться переводом и исправлением священных книг, преследовало цель укрепить отношения Великого княжества и его митрополии с Константинопольской церковью и пробудить сочувствие русских к ее трудному положению.

Его прибытие в Москву (1518) совпало с серией посольств, стремившихся убедить Великое княжество Московское уладить конфликт с королем Польши и великим князем литовским Сигизмундом I и объединиться с Западом для борьбы с Османской империей. Важно отметить миссию, отправленную папой Львом X, сыном Лоренцо Великолепного. Ее руководитель — легат Николас (Николай) фон Шонберг, немец по происхождению, — принадлежал к доминиканскому ордену и был последователем Савонаролы в монастыре св. Марка. Во имя римского престола он взывал к византийским корням великого князя Василия III и предлагал возвысить митрополита Московского до сана патриарха.

Годы большого труда Максима Грека включали в себя не только переводы с греческого, но также преподавание языка. Представляется очевидным его намерение предложить Московской церкви и в целом всему православному славянскому миру эти основополагающие истолковательные инструменты для понимания главных библейских книг. И в его работах Священное Писание занимало центральное место и представляло основной авторитет, сопровождаемая комментариями Отцов церкви и много реже цитатами из античных философов. Присутствие такого разнообразия источников разной степени авторитетности и их последовательное использование как для доказательства какого-либо тезиса, так и для создания определения представляли собой новизну в русской культуре.

Важно обратить внимание и на его неуклонно возрастающую включенность в полемику внутри Русской церкви, которой он предложил модель строгого монашества и Церкви, которая вернулась бы к своим истокам. По его мнению, Московия не обладала культурными инструментами, чтобы достойно встретить вызовы современного мира. Прежде всего Максим Грек опасался влияния культуры Возрождения и преклонения перед языческой культурой, проявлявшегося, в первую очередь, в распространении астрологии и эстетического соблазна, которые вели к отрицанию свободы воли («самовластия»). Его размышления о бедности в связи с полемикой среди монашества (стяжателями и нестяжателями) сопровождались радикальной критикой лихоимства и эксплуатации чужого труда и, в более широком

¹ Сочинения преподобного Максима Грека / Отв. ред. Н. В. Синецкая. М., 2008. Т. 1.

плане, обостренной восприимчивостью к социальной несправедливости, что было непривычно в России того времени.

Церковные иерархи, в большинстве своем консервативные, выступили против Максима Грека с тяжкими обвинениями, приведшими к повторному осуждению. Однако впоследствии, прежде всего при митрополите Макарии, произведения афонского монаха стремились использовать в полемике против Запада. Несмотря на длительное заключение, которое смягчилось в течение 30-х годов XVI в., Максим Грек оказал глубокое влияние на свое окружение и сумел сформировать личности, которые были в состоянии не только критиковать церковную иерархию и монашескую жизнь, но и, подобно князю Курбскому, поставить под сомнение идею царского абсолютизма.

Биография Максима Грека показывает невероятную новизну этой личности и его произведений в России, которые, напротив, очень скоро стали восприниматься исключительно как феномены сугубо консервативные.

Т. В. Гимон (ИВИ РАН, ГАУГН)

К СЕГМЕНТАЦИИ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

А. А. Гишпиус показал, что, по данным языка, графики и стиля, текст Новгородской I летописи за XII – начало XIV в. может быть разделен на сегменты, соответствующие, как правило, правлениям архиепископов и атрибутируемые сменявшим друг друга владычным летописцам [Гишпиус].

А. Тимберлейк предпринял схожее исследование текста Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.) за 6685–6701 (1177–1203) г. [Timberlake]. По его данным, текст, легший в основу Лавр., пополняли четыре автора: 1) до середины статьи 6693 г.; 2) за 6693–6696 г.; 3) за 6697–6698 г.; 4) с 6700 г. И как раз на 6693 (1185) и 6697/6698 (1189/1190) г. приходятся смены ростовских епископов. В более ранней работе ученый на основе ряда лингвистических параметров отметил границу между статьями 6729 и 6731 (1221 и 1223) г. [Тимберлейк, с. 67–68, 81]. Мною было сделано наблюдение, что тематика летописных сообщений в статьях 6726–6739 г. оказывается несколько более широкой, нежели до и после. Данный интервал соотносится с правлением епископа Кирилла I (1216–1229 г.). При этом статьи 6737–6739 (1229–1231) г., видимо, составил тот же летописец (под 6737 г. суд над Кириллом I описывается сочувственно по отношению к отстраненному иерарху; Кирилл II заступил на кафедру только в 6739 г.; с 6740–6741 г. резко уменьшается объем погодных статей) [Гимон, с. 44–46].

Несколько дополнить сегментацию Лавр. позволяет анализ сообщений о церковном строительстве. Если не считать подробных известий 6665–6668 г., в дальнейшем можно отметить ряд последовательно сменяющих друг друга моделей (различие моделей 2 и 3 отмечено [Timberlake, p. 252–253]):

- 1) «Почата бысть писати (священа бысть, заложена бысть) церкви...» (6669, 6672 (дважды) г.);
- 2) «Исписана бысть (священа бысть) церкви... блаженным Лукою епископом» (6695, 6697 г.);
- 3) «Заложити благоверный князь (блаженный епископ) церковь... при блаженнѣмъ епископѣ (благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ великомъ князѣ)...» (6700, 6704, 6708 г.; отчасти схоже под 6702 г.); в этой же зоне известия об освящении: «Священа бысть церкви... юже создалъ...» (6705 (дважды), 6710 г.); известие 6715 г. как будто комбинирует черты тех и других;
- 4) «Христолюбивый (благоверный, великий, в одном случае – без эпитета) князь (епископ)... заложитъ...» (6721, 6722, 6723, 6724, 6726, 6730, 6733 (с инверсией), 6738, 6742, 6745 г.); в этой же зоне известия об освящении: «Священа бысть церкви... епископом...» (6726, 6727, 6732, 6739, 6747, 6761 г.; схожи с этими записи о росписи под 6738 и 6741 г. и о епископской постройке под 6733 г.).

Эти зоны коррелируют с правлениями ростовских епископов:

1) 6669–6672 г.	Леон (6665–6672 (1157–1164))
2) 6695–6697 г.	Лука (6693–6697 (1185–1189)) (по А. Тимберлейку, летописец Луки (6693–6696) и «промежуточный» летописец (6697–6698))
3) 6700–6715 г.	Иоанн (6698–6722 (1190–1214)) (по А. Тимберлейку, летописец Иоанна с 6700 г.)
4) 6721–6761 г.	Пахомий (6722–6724 (1214–1216)) Кирилл I (6724–6736 (1216–1228)) Кирилл II (6739–6769 (1231–1261))

Интересно отсутствие известий о церковном строительстве с 6673 по 6694 г. В 6693 (1185) г. был рукоположен Лука и начал работу его летописец. Для предшествующего периода мы даже не знаем

¹ Работа подготовлена в ГАУГН в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России. Все даты даны по Лавр. (без учета разных стилей летосчисления).

имени епископа (после Феодора, казненного в 6677 (1169) г.). Означает ли молчание летописи и о епископе, и о церковных постройках тенденциозную редактуру, или это особенность пополюнявшего ее из года в год летописца — сказать трудно.

Подведу итоги. Говорить о сегментации Лавр. в части до 6685 (1177) г. пока затруднительно. Для последней четверти XII в. мои наблюдения не противоречат выводам А. Тимберлейка. Для XIII в. можно предварительно говорить о следующих моментах смены летописцев:

- перед 6721 г. (по данным анализа записей о церковном строительстве);
- между 6729 и 6731 г. (по лингвистическим данным А. Тимберлейка);
- на рубеже 6739—6740 г. (по данным анализа тематики сообщений).

Если это верно, то статьи 6700—6720 (?) г. написал летописец Иоанна, статьи 6721—6729 (?) г. — летописец Пахомия и Кирилла I, статьи 6731 (?) — 6739 г. — второй летописец Кирилла I, а статьи 6740—6769 (?) г. — летописец Кирилла II².

Литература

Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156—1263 г.) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6. Ч. 3. С. 42—47.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). I // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004—2005. М., 2006. С. 114—251.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

Тимберлейк А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 66—86.

Timberlake A. Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177—1203) // Zeitschrift für slavische Philologie. 2000. Bd. 59. S. 237—266.

² Ср., однако, анонсированные С. М. Михеевым [Михеев, с. 22, примеч. 28] наблюдения о том, что швы в Лавр. коррелируют со сменами владимирских князей.

М. А. Гириевич (НПО «Калужское Завершьё»)

ТАРУССКИЙ ГОРОД ОГДЫРЁВ. ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ

По окончании первой московско-литовской пограничной войны, в 1494 г., между противоборствующими сторонами состоялись переговоры, закрепляющие территориальные приобретения Московского государства.

Во время переговорного процесса литовской стороной был предоставлен список смоленских пригородов¹. В списке среди перечня населенных мест были названы два города, принадлежащих князьям Мезецким: Мезецк (Мещовск) и Огдырёв.

Московская сторона называла «Говдырѣвъ, да Устье, да Жебынь... волости Тарускіе» отчиной князей Мезецких². Такие утверждения согласуются с родословными книгами. Князья Мезецкие являлись потомками Всеволода Юрьевича Тарусского и Михаила Всеволодовича Черниговского³.

Первое письменное упоминание города Огдырёва встречается в книге № 3 Литовской метрики, в записи, датированной 14 апреля 1456 г., подтверждающей права князей Мезецких Федора, Романа и Ивана на их отчины, «што отец их держалъ князь Анѣдрей, а князь Дмитрей»⁴.

Местоположение города Огдырёва до сих пор остается неизвестным. В русских летописях, литовских метриках и посольских книгах нет указаний, позволяющих разрешить проблему локализации города. Среди работ, затрагивающих историю этого региона, проблема нахождения города обходится стороной из-за отсутствия схожих топонимов на более поздних картах. Из трех населенных мест, названных тарусскими, предположительно лишь «Жебынь» можно условно отождествить с современной Свято-Веденской Макариевской Жабынской пустыней, расположенной в пяти километрах от г. Белёва, вниз по течению р. Оки.

Населенное место с названием Устье белорусский историк В. Н. Темушев, занимавшийся картографией и историей литовско-московского пограничья, располагал на месте населенных мест Усты, или в Думиническом, или в Сухиническом районах [Темушев, Карта 2].

В Атласе калужского наместничества наиболее близким к г. Тарусе (около 70 км) с названием Устье можно найти село при впадении р. Медынки в р. Суходрев.

В различных списках посольской книги названия города варьируется — Акдырёвъ⁵, Окдырёвъ⁶, Говдырёвъ⁷ и Огдырёвъ⁸. И прозвища потомков князя Федора Андреевича Мезецкого в письменных

¹ Сб. РИО. Т. 35. С. 118—119.

² Там же. С. 120.

³ Памятники истории русского служилого сословья. М., 2011. С. 60.

⁴ РИБ. Т. 27. Стб. 64; ЛМ. Кн. 3. С. 44.

⁵ Сб. РИО. Т. 35. С. 118.

⁶ Там же. С. 246.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ РИБ. Т. 27. Стб. 64.

источниках не очень устойчивы — Говдырёвские⁹, Адырёвские¹⁰, Одырёвской¹¹. Неизменной оставалась некая общая основа для всех наименований — -дырёв.

Среди названий населенных мест, имеющих в названии ту же часть -дырёв и располагавшихся в непосредственной близости от с. Устье (10 км), было с. Кондырёво на р. Шене. Ныне это г. Кондрово.

Первое упоминание с. Кондырёво встречается в писцовой книге Медынского уезда в 1615 г. Село Кондырёво, несомненно, получило свое название от фамилии владельцев — Кондырёвых. Первое упоминание рода Кондырёвых в Медынском уезде приходится на середину XVI в. Согласно Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в. (далее — ТКДТ), известны Кондырёвы по Мещовску и Медыни¹². Те, что значатся по Медыни, названы «литвой дворовой», а по Мещовску — «дворовыми сынами боярскими». Братья Гаврило и Добрыня, записанные за разными городами, также имеют разные звания.

Согласно Бархатной книге, род Кондырёвых берет свое начало от Ивана Киндыря, выехавшего из Литвы¹³. В родословной книге Иван Киндырь ведет свой род от Марко Демидова, выехавшего из Литвы на службу к великому князю Ивану Михайловичу Тверскому¹⁴. А. В. Кузьмин полагает, что легенда, ведущая родословную Киндырёвых от Марко Демидова, является несостоятельной [Кузьмин, с. 272].

Сопоставление росписи тверских Киндырёвых и рода Кондырёвых, упоминаемого в ТКДТ, позволяет утверждать, что оба прозвища имеют различные корни (см. таблицу 1).

Взаимосвязь рода Кондырёвых с Мещовским и Медынским уездами позволяет представить некую территориальную общность, ведущую свою историю с конца XV в. Возможно, Кондырёвы являлись потомками служилого человека — боярина князей Мезецких, получившего свое прозвище от трансформации прозвища своего хозяина — Говдырёва. Род Кондырёвых, выслужив свои земли у князей Мезецких, мог получить их лишь в непосредственной близости с городами Мезецком и Огдырёвом.

Вероятно, г. Огдырёв мог находиться близ сел Кондырёво и Устье. На такое местоположение города может указывать не только близость к г. Тарусе, но и отсутствие упоминания города в списке литовских городов, расположенных на левобережье р. Угры, разоренных ханом Ахматом в 1480 г.¹⁵

На момент составления Археологической карты Калужской области в 2006 г. в Дзержинском районе близ г. Кондрово и с. Устье средневековых городищ выявлено не было¹⁶. Вместе с тем на сегодняшний день сотрудникам Кондровского краеведческого музея известно необследованное городище в черте современного г. Кондрово.

Разрешить проблему локализации города могли бы дополнительные археологические изыскания.

Таблица 1

1453 г.	1476-1510 г.	1524-1525 г.	1530-1560 г.		
Иван Киндырь	Константин Иванович (б/д)				Тверь Родословная книга
	Дмитрий Иванович	Андрей Дмитриевич			
		Василий Дмитриевич	Федор Васильевич Иван Васильевич († 1548)		
	Михаил Иванович	Григорей Михайлович			
	Василий Иванович	Григорей Васильевич			
		Петр Васильевич			
1440-1470 г.	1470-1500 г.	1500-1530 г.	1530-1560 г.	1584 г.	

⁹ Сб. РИО. Т. 35. С. 127.

¹⁰ Памятники истории русского служилого сословья. Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского. М., 2011. С. 117.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

¹³ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. II. С. 330.

¹⁴ Памятники истории русского служилого сословья. Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского. С. 136.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

¹⁶ Археологическая карта России. Калужская область. Изд. 2. М., 2006. С. 103.

Кондырёв (?)	Кондырёв (?)	Тимофей Кондырёв	Алешка Тимофеев		Медь	Тысячная книга и Дворовая тетрадь		
			Иван Тимофеев					
			Михалко Тимофеев					
	Кондырёв (?)	Михаил Кондырёв		Гаврило Михайлов			Мезецк	
				Добрыня Михайлов	Иван († 1580)			
		Коптей Кондырёв		Бровка Коптев	Иван Коптев			
					Юрий			
					Семейка			
					Казарин			
		Курбат Кондырёв		Сенька Курбатов	Образец Курбатов			Богдан
	Василий							
	Федор							
Иван Кондырёв			Богданко Иванов	Семен				

Литература

Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014.

Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494. М., 2013.

О. В. Гладкова (ОИДР)

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЖИТИЯ СВ. ИСИДОРА ТВЕРДИСЛОВА

Житие Исидора Твердислова Ростовского (далее – ЖИ) – фактически первое русское житие юродивого. Созданное в конце XV в., оно сразу же получило широкое распространение, что, по-видимому, было связано «со стремлением Ростовского архиерейского дома упорочить свое положение» [Голод].

Полного текстологического исследования ЖИ не проводилось¹, однако в начале XXI в. были предприняты три не зависящие друг от друга попытки представить некоторые предварительные результаты изучения этого памятника.

Э. Н. Исидорова предложила классификацию текстов ЖИ на основе наличия/отсутствия двух новых посмертных чудес, характера подзаголовков и отличий в подробностях рассказа о погребении юродивого [Исидорова]. Исследование основывалось на изучении 14 списков ЖИ и предлагало разделение их на 4 редакции (А, Б, В, Г). При этом практически не учитывались наличие или отсутствие крупных, сюжетно завершённых частей ЖИ (например, предисловия) и некоторые другие особенности текстов.

Наша работа основывалась на анализе 17 списков ЖИ, которые получили распределение по 7 редакциям (Основная, С добавлением двух посмертных чудес, С добавлением стиха, С добавлением двух посмертных чудес и стиха, С добавлением стиха и вступления, Полная, Проложная). Такое деление учитывало наличие или отсутствие сюжетных единиц текста, но не принимало во внимание более мелкие отличия, например, появление подробностей в эпизоде погребения.

Е. В. Голод, не ссылаясь ни на статью Э. Н. Исидоровой, ни на нашу работу, на основе 53 списков (в статье указаны 8) выделяет 2 группы текстов: ЖИ в составе сборников преимущественно ростовских святых и ЖИ, переписываемое вне зависимости от ростовских памятников. Исследование Е. В. Голод если и свидетельствует «о намеренном утверждении почитания Исидора в первые годы после его смерти», не несет никакой информации о сложении текста Жития.

¹ Известно более 120 списков ЖИ [Голод].

Древнейший на настоящий момент список ЖИ (РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 646, филигранный 1479–1488 г.) указал А. Г. Мельник, посвятивший ряд работ св. Исидору [Мельник, с. 32]².

В докладе предлагаются новые данные по самому раннему из известных на сегодня списку Службы св. Исидору и одному из ранних списков ЖИ – ГИМ. Чуд. 333 (филигранный 1489–1505 гг. [Клосс, с. 192]). К исследованию также привлекаются новые данные по не изученным ранее 4 спискам ЖИ первой четверти XVI в. – 1600 г. из Чудовского собрания ГИМ (№ 264, 314, 324, 325), 4 спискам начала XVI в. – 1630 г. из собрания Троице-Сергиевой лавры РГБ (№ 618, 630, 676, 780) и 1 списку 1675–1676 г. из Калужского краеведческого музея (№ 7055 (7184)). Таким образом, в научный оборот вводятся еще 10 списков ЖИ.

Предлагается уточненная рабочая классификация списков ЖИ, согласно которой все списки можно разделить на 7 групп, ранее называемых «редакциями» [Гладкова], и ряд редакций, входящих в ту или иную группу. Это позволяет классифицировать все рассмотренные к настоящему моменту списки: например, Краткая редакция А с краткими заголовками, отличиями в рассказе о погребении и пропусками в Похвале (по З. Н. Исидоровой) относится к Группе со стихом, к Редакции с краткими заголовками и пропусками в Похвале; Краткая редакция Б с пространными заголовками и прошением в Похвале, близкая Редакции В (по З. Н. Исидоровой), также относится к Группе со стихом, но к Редакции с пространными заголовками и прошением в Похвале. Список РНБ. Соф. 1364, имеющий вступление и отнесенный З. Н. Исидоровой также к Редакции Б, относится к Группе со стихом и вступлением и т. д.

Чуд. 333 относится к Группе со стихом³, к Редакции с пространными заголовками. В чудовском тексте достаточно много ошибок и результатов редактирования, так, например, там отсутствует упоминание о «киевском митрополите» в чуде о князе, что может свидетельствовать о сглаживании антимосковских настроений в этой редакции, а также о том, что она не могла служить основой для Группы полного текста.

Новые данные о текстах ЖИ подтверждают вывод, сделанный на разном материале разными исследователями, о том, что формирование основных групп и редакций Жития, а также составление Службы произошли феноменально быстро – в течение нескольких десятилетий, прошедших после кончины святого († 14 мая 1474 или 1484 г.) до начала XVI в.

Литература

Гладкова О. В. Древнерусский святой, пришедший с Запада (о малоизученном Житии Исидора Твердислова Ростовского) // Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002. С. 167–210.

Голод Е. В. Рукописная традиция Жития Исидора Твердислова и почитание святого в конце XV – начале XVI вв. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=7828> (дата обращения: 20.04.2015).

Исидорова З. Н. О редакциях Жития святого Исидора Твердислова // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 1. С. 96–110.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

Мельник А. Г. Становление культа юродивого Исидора Ростовского // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. Вып. 4. С. 29–35.

² Шифр рукописи и филигранный в статье не указаны.

³ К Группе со стихом относится, судя по всему, и Пог. 646.

Э. А. Гордиенко (СПбИИ РАН)

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ХОР В КОНСТРУКТИВНОЙ СИСТЕМЕ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

Хоры, или галереи, в православном храме, располагаясь в верхнем этаже здания, выполняя заданную конструктивную функцию, представляют собой помещения, предназначенные для разных потребностей, обусловленных особенностями богослужебной практики, для хранения церковных принадлежностей, ведения канцелярских и хозяйственных дел. Особенности конструкции хор в контексте византийской традиции и самостоятельного развития в русских храмах подробно рассмотрены А. И. Комечем и Вл. В. Седовым [Комеч, с. 25, 62, 71, 238, 241, 244, 310; Седов, с. 67–82].

Важнейшим источником для выяснения правил участия императора и его свиты в церемонии богослужения в Софийском соборе и других константинопольских храмах является Византийский придворный устав, или Царский чин Константина VII Багрянородного (913–959 г.). Полный и обстоятельный анализ этого сочинения проведен Д. Ф. Беляевым [Беляев, кн. II; кн. III].

С принятием Устава Константина Багрянородного в период литургии в великие господские праздники царь находился близ алтаря в юго-восточной части Софийского собора, в нижнем, большом царском мутатории [Беляев, кн. II, с. 127–132; кн. III, с. 163, примеч. 1, 2]. Здесь, согласно ритуалу, император несколько раз передвигался и по ходу службы должен был выходить к алтарю и возвращаться в мутаторий [Беляев, кн. III, с. 163–179].

Более простой богослужебный ритуал был принят в неделю Православия, Крестовоздвижения и в понедельник Великого поста. Тогда император оставался на южной стороне галереи Софийского собора в катихумении, верхнем мутатории [Беляев, кн. II, с. 134–135], где слушал Евангелие и ектенью, ждал конца литургии, когда приходил патриарх и приглашал императора к себе на завтрак в большую палату. В эти дни царь оставался в своем мутатории, не спускался к алтарю и не общался со Святыми Таин.

Однако византийский ритуал на великие праздники с выходами, переодеваниями и целованиями не мог быть принят в Новгороде, если князь во время литургии находился на хорах Софийского собора, откуда вместе со свитой он должен был несколько раз подняться и спуститься по высокой лестнице. В верхнем этаже галерей новгородского Софийского собора были палаты, где князь мог находиться во время службы, когда не ходил к причастию. Но в нижнем этаже галерей не было соответствующих помещений для совершения главной церемонии по правилам византийского устава.

В русском православном ритуале XI в., возможно, был воспринят раннехристианский обычай присутствия князя перед алтарем вместе с народом. В церкви Благовещения на Городище (1103 г.), в собственном княжеском храме, ход наверх осуществлялся через лестничную башню, но едва ли князь со своей дружиной и двором во время литургии несколько раз спускался с хор и поднимался на них вновь. В Никольском соборе на Ярославовом дворище (1113 г.) князь, его семья и дружина во время праздничного богослужения также не могли находиться на хорах. Чтобы совершить причастие, они должны были выйти через ход в западной части южной стены [Архитектурное наследие, с. 194] во дворец, спуститься и только после этого войти в храм, где относительно продолжительное время их ожидали клир и верующие. Согласно правилам традиционного церемониала, подобный порядок был недопустим. В княжеской церкви Спаса Преображения на хоры ведет тесная, темная и весьма крутая лестница с неровными ступенями. Там находилась собственная уединенная молезна князя, но во время литургии он также стоял перед алтарем с монахами и своей дружиной. В Рождественском соборе Антониева монастыря (1117–1119 г.) на хорах могла быть трапезная (трапезица), которую пристроили к основному объему в 1127 г.¹ В церковном уставе имеется подтверждение такого использования компартамента, когда на день апостола Филиппа 14 ноября обед в поминовение братии «совершался на синях» [Голубинский, с. 583–584]. Подобным образом могли использоваться хоры и в княжеском Георгиевском соборе (1119–1140 г.) Юрьева монастыря, где литургия также совершалась по монашескому уставу.

Литература

Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008.

Беляев Д. Ф. ВУЗАНТИНА. СПб., 1893. Кн. II; СПб., 1906. Кн. III.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1881. Т. I. II половина.

Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.

Седов Вл. В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. // Церковь Спаса на Нередице от Византии к Руси: К 800-летию памятника. М., 2005. С. 67–82.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 21, 206.

А. А. Горский (ИРИ РАН)

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ – ВЛАДИМИРСКИЙ ИЛИ СУЗДАЛЬСКИЙ?

В исторической науке закрепилась традиция именовать верховных правителей Северо-Восточной Руси начиная со второй половины XII в. «великими князьями». Это соответствует данным источников, в которых определение «великий» при княжеском титуле последовательно употребляется по отношению к Всеволоду Юрьевичу (с 80-х годов XII в.) и его преемникам [Рорре]. Не столь ясен вопрос о территориальном определении титула. В историографии великие князья Северо-Восточной Руси фигурируют либо без него, либо как «великие князья владимирские», то есть определяются по городу, ставшему столицей земли с правления Андрея Боголюбского. Вопрос о том, каково было территориальное «наполнение» титула в источниках, не ставился – видимо, потому, что в подавляющем большинстве случаев оно не упоминается, речь идет просто о «великом князе». Однако это не значит, что территориального определения не существовало. Большинство упоминаний великих князей Северо-Восточной Руси присутствуют в источниках местного происхождения, где в уточнении не было необходимости: их авторам и предполагаемым читателям было ясно, что речь идет о великом князе их земли. В источниках же, происходящих из других политических образований, территориальное определение встречается.

Галицко-Волынская летопись под 6732 г. (повесть о битве на Калке): «Юрья же, князя великого Соуждальского, не бы в томъ свѣтъ»¹. Там же под 6734 г.: «ѣха Василко Соуждалю на свадьбу шурина своего ко великому князю Юрью»². Под 6745 г. (повесть о нашествии Батые): «Кюръ Михайловичъ же оутече со своими людьми до Соуждала и поведа великому князю Юрєви безбожных агарянь приходъ нашествие»³. Под 6758 г. говорится, что татары «Ярослава, великого князя Суздальского, и зелиемь умориша»⁴. В рассказах о битве на Калке и об отравлении Ярослава определение «суздальский» присутствует прямо, а в двух других случаях фактически: рядом с упоминанием Юрия с великокняжеским титулом называется Суздаль (как синоним земли).

О наличии в титуле верховного правителя Северо-Восточной Руси элемента «суздальский» свидетельствуют также иностранные источники. Генрих Латвийский в «Истории Ливонии» определял его

¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 741.

² Там же. Стб. 758.

³ Там же. Стб. 779.

⁴ Там же. Стб. 808.

как «князя суздальского» или «великого князя суздальского» (*rex de Susdalie, magni regis de Susdalia*)⁵. Венгерский монах Юлиан, посетивший Северо-Восточную Русь накануне Батыева нашествия, именует Юрия Всеволодича «князем Суздаля» (*dux de Sudal*)⁶. Посол римского папы к монгольскому великому хану Плато Карпини в своей «Истории монголов» называет Ярослава Всеволодича (с которым он общался в Монголии в 1246 г.) «великим князем в части Руси, которая называется Суздаль» (*dux magnus in quadam parte Ruscie que Susdal nominator*)⁷.

Таким образом, полный титул верховного правителя Северо-Восточной Руси звучал как «великий князь суздальский». То есть он был ориентирован на название не столярного города, а государства. А таковым была «земля Суздальская» (по старой столице, времен первого самостоятельного князя — Юрия Владимировича Долгорукого) [Горский, 2008а, с. 20–21]⁸. Соответственно и главный князь мыслился как великий князь суздальский, то есть «главный князь Суздальской земли».

В ордынскую эпоху определение «суздальский» в титуле главного князя Северо-Восточной Руси выходит из употребления. С 40-х годов XIII в. верховные правители Суздальской земли получают под свою власть от монгольских ханов Киев. Это давало им номинальное старейшинство на всей Руси и, соответственно, право именоваться «князьями всея Руси» (как в домонгольский период могли определяться только киевские князья). В конце XIII в. владимирские князья утрачивают Киев, но сохраняют статус главных русских князей. В результате титул великий князь суздальский сливается с определением князь всея Руси в единую формулу — великий князь всея Руси. Так именуется владимирские князья начиная с Михаила Ярославича (1305–1317 г.), хотя официальным (обязательным в документации, исходящей из великокняжеской канцелярии) титулом «великий князь всея Руси» стал только при Иване III в конце XV в. [Горский, 2008б, с. 48–50]. Определение «суздальский» в «объединенный» титул не вошло, так как, с одной стороны, территориальное наполнение титула великих князей стало шире (распространилось на всю Русь), а с другой — Суздаль с 50-х годов XIII в. стал столицей особого княжества со своей собственной линией потомков Всеволода Юрьевича и во владения великих князей, как это было в домонгольскую эпоху, больше не входил.

Литература

- Горский А. А. Земли и волости // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–32 (Горский, 2008а)
 Горский А. А. Титулование «всея Руси» и русские князья XI–XIII вв. // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 43–50 (Горский, 2008б)
 Poppe A. Words that Serve the Authority: On the Title of Grand Prince in Kievan Rus' // Acta orientalia Polonica. Warszawa, 1989. T. 60. S. 159–184.

⁵ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь: Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 103, 107.

⁶ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // ИА. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 88, 106.

⁷ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. P. 331.

⁸ Этот термин встречается и в иностранных источниках: *terram Svdal, terram Sudal* у Юлиана, *de terra susdaliensi, in terram susdaliensem* у Плато Карпини (Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе. С. 88–89, 106–107; Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 331).

А. П. Горюшкина (МГУ)

О ДАТАХ ВОЕННЫХ ПОХОДОВ В ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ III И ИВАНА IV

Вопрос о выборе дней для военных походов поднимался в отечественной историографии (см. работы Н. С. Борисова, А. В. Лаушкина, А. Е. Мусина, Е. А. Погосян и др.), были намечены подходы к его рассмотрению, однако широко он не обсуждался.

Для 1505–1563 г. официальное летописание и разрядные материалы (Государев разряд и Книга Полоцкого похода) сохранили точно датированные известия (известия с точностью до конкретного дня) о 18 походах (как наступательных, так и «стояний» на рубежах в случае ожидаемой угрозы) с участием государей (восьми в правление Василия III и десяти — Ивана IV). Анализ этих известий представляет интерес, поскольку войска не выходили в поход одновременно и передвижения государя были меньше скованы сугубо практическими ограничениями (даже в случае оборонительных выступлений). В случае же наступательных кампаний государю принадлежала определенная инициатива, а значит, и возможность выбирать конкретные сроки. Большая часть дат происходит из официального летописания, то есть это те даты, которым придавалось значение, которые стремились заметить и зафиксировать.

Описание и в летописи, и в разрядных материалах неравномерно для разных этапов похода. Составителей гораздо больше интересовало начало кампании, его описывали более подробно. Началом похода, видимо, следует считать выступление из столицы государя. Соответствующие известия сохранились только для 15 походов. Чаще всего выбирались воскресенья и четверги (по 40%), полностью отсутствуют среды и субботы, единственная пятница совпала с двенадцатым праздником. Не все походы заканчивались победой, но и с учетом этого сложно сказать, что именно для современников являлось окончанием кампании. Возвращения государя в столицу фиксировались реже: имеются лишь 11 известий. Вновь выделяются воскресенья (четыре случая), но в целом наблюдается большее разнообразие (две среды и по одному случаю на остальные дни недели).

Если к этим «рамочным» датам похода добавить известия о датах пребывания государя в значимых городах на пути к месту боевых действий, то наблюдения можно несколько скорректировать. Так, в целом более предпочтительными (но не исключительными) днями для государевых выходов были воскресенья (около 30 % в среднем, хотя процент их резко упал в правление Ивана IV, по сравнению с годами правления Василия III, — с 38 до 27 %), четверги (чуть больше 20 %), вторники (в среднем 17 %). Большое разнообразие в выборе дня недели Иваном IV, как нам кажется, может быть объяснено не только (и, возможно, не столько) его личными предпочтениями, но и более подробной фиксацией его перемещений (количество известий увеличилось более чем вдвое).

При выборе дней уделялось внимание и памятям церковного календаря. «Рамочные» даты походов, а также дни пребывания государя в важных городах часто соотносились с памятями святых — покровителей воинского дела (вмч. Екатерина, вмч. Феодор Стратилат, прор. Илья), святых — покровителей московского дома (митр. Петр), с двенадцатыми праздниками (Успение) и памятями широко почитаемых святых (Алексий Человек Божий). Однако приуроченность к значимому дню церковного календаря не была обязательной (в том числе и для наступательных походов). Для ряда случаев можно отметить, что государь выдвигался в путь не в самый день праздника, а спустя день.

Известия о передвижениях войск немногочисленны в летописях и частично восстанавливаются по разрядным материалам. Любопытны редкие указания на дни сбора войск, а также сообщения о планах командования о передвижении войска. Все они соотносятся с широко почитаемыми праздниками церковного календаря и выражаются через них (Николин, Петров и Ильин дни, Филиппово заговенье, Введение).

А. И. Грищенко (МПГУ)

ТЕКСТЫ-СВЯЗКИ МЕЖДУ АПОКРИФИЧЕСКИМИ «БЛАГОСЛОВЕНИЯМИ ИАКОВА» И «ЗАВЕТАМИ ДВЕНАДЦАТИ ПАТРИАРХОВ» В ПАЛЕЯХ И ОТДЕЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ «ЗАВЕТОВ»¹

Апокрифические «Благословения Иакова своим сыновьям», основанные на каноническом тексте Быт 40, в славяно-русской книжности оказались постоянным конвоем «Заветов двенадцати патриархов», причем во всех их редакциях: в полной отдельной — только в двух списках (*Арх* и *Тр730*)², в сокращенной толковой — в составе Толковой Палеи (основной список — *Кол*)³, в редакции Барсовской Палеи (*Барс619*)⁴, в восполненной толковой — в Полной Хронографической Палеи (основной список — *Син210*)⁵, в краткой отдельной редакции Лицевого летописного свода и сверхкраткой отдельной в составе Краткой Хронографической Палеи. Однако «Благословения» не примыкают непосредственно к «Заветам», поскольку между ними должны располагаться сюжеты Быт 50: погребение Иакова, окончательное примирение Иосифа с братьями и смерть Иосифа. Как известно, именно благодаря такой сюжетной последовательности «Завет Иосифа» был в сокращенном виде перенесен в редакции *Кол* на первое место с исходного одиннадцатого (как в *Тр730*, но в *Арх* он замыкает цикл, оказавшись после «Завета Вениамина»), а затем в редакции *Син210* восполнен и возвращен на законное место.

При этом возникла следующая текстологическая проблема: начальный фрагмент «Завета Иосифа» (из первых двух глав, согласно общепринятой рубрикации), переосмысленный в *Кол* как его примирительная речь, обращенная к кающимся братьям (соответствует его библейской речи в Быт 50: 19–21), сохранился в текстах-связках между «Благословениями» и «Заветами» как в *Арх* и *Тр730*, так и в *Син210*, и получилось, что один и тот же фрагмент «Завета Иосифа» представлен в одном памятнике дважды, в двух разных местах и в двух несколько отличных друг от друга версиях, ср. в *Тр730* (Л. 40–40 об. и 100–100 об.; курсивом выделены лексические, грамматические и словообразовательные различия, а также перестановки, полужирным шрифтом — добавления по сравнению с другой версией):

	Речь Иосифа после смерти Иакова	Фрагмент «Завета Иосифа»
I.4	Братие, възненавидѣсте мене, но Господь възлюби мя. (<i>Кол</i> (л. 97б): Вы убо хотѣсте мя убити, и Богъ отецъ нашихъ схрани мя. В ровъ мя ввергосте , но Вышнии изведе мя.)	Братиа си възненавидѣшиа мя, и Господь възлюби мя. <i>Си възхотѣшиа</i> мя убити, и Богъ отецъ моихъ съхрани мя. В ровъ мя въврѣгошиа , и Вышній възведе мя.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-4528.2015.6.

² РГАДА. Ф. 181. № 279. Архивский Хронограф трет. четв. XV в.; РГБ. Ф. 304.1. № 730. Сборник пер. пол. XVI в., ошибочно названный в описании «Палеи с прибавлениями».

³ РГБ. Ф. 304.1. № 38. Коломенская Палея 1406 г.

⁴ ГИМ. Барс. 619. Палея кон. XIV — нач. XV в.

⁵ ГИМ. Син. 210. Псковская Палея 1477 г.

5	И в работу мя продасте, но всѣх владыка Господь свободи мя и всему Египту господина мя и судию сѣтвори. Въ плѣн бо влѣзох, и рука крѣпка поможе ми. Гладом объят бых, сам Господь прѣплита мя.	Продаша мя въ работу, и всѣх Господь свободи мя. Въ полонѣ влѣзох, и крѣпкаа Его рука поможе ми. Гладом объят бых, и Сам Господь прѣплитѣ мя.
6	Един убо бѣх въ рвѣ , но Богъ отца моего утѣши мя. Въ болѣзни бѣх, но Господь присѣти мя. Въ темницы бѣх, но Спасѣ радость ми сѣтвори. Въ юсѣ Ѡрѣши мя, въ клеветаніи Господь избави мя, въ словесѣх егѣптяныни избави мя. Въ зависти сущия съ мною въ работѣ, и възнесе мя.	Единъ бѣх, и Господь утѣши мя. Въ болѣзни бѣх, и Господь присѣти мене. Въ темницѣ бѣх, и Господь радость ми сѣтвори. Въ усѣ, и Ѡрѣши мя, въ оклеветаніи избави мя, въ словесѣх егѣптяныни горюхъ избави мя. Въ зависти сущия съ мною въ работѣ, и възнесе мя.
II.1	—	И тако скопчѣскыи старѣшина поручи ми весь дом свои.
2	Тужде и страсть прѣимшу ми Ѡ жены съверепы, нудяща мя сѣгрѣшити съ нею, но Богъ отца моего Израилевъ избави мя Ѡ пламени того горящаго.	И страсть прияхъ Ѡ жены свѣрѣпы, нудящи мя сѣгрѣшити съ нею, но Богъ отца моего избави мя Ѡ пламене горящаго.
3	Но и в темницу всажденъ бых, и бѣень бых и укарѣемъ , и въда мя Господь въ щедроты пред всѣми стражи въ темницѣ.	Въ темницу въсажденъ бых, и въда мя Господь въ доброту пред тѣмничным хранителем.
4	Не бо <i>остави</i> Господь боящихся Его истиною въ темници или въ узахъ, въ печалех и въ бѣдах.	Не бо <i>оставит</i> Господь боящихся Его въ тѣмѣ или въ узах или въ печалех или въ бѣдах.

В палейных версиях этот фрагмент длиннее еще на три стиха, ср.:

	Кол (л. 97в)	Тр730 (л. 100 об.)
II.5	Не бо яко челоуѣкъ стыдиться <i>Господь</i> , ни аки земень изнемогаетъ или Ѡступаетъ;	Не бо <i>акы</i> челоуѣкъ стыдится <i>Богъ</i> , ни <i>акы сынъ челоуѣчь боится</i> , ни акы земный изнемогает, или Ѡступаетъ;
6	но всѣхъ сихъ навѣжаѣтъ Господь и въ различныхъ скорбехъ оутѣшаетъ присѣщая.	но всѣхъ же сих навѣждаетъ и въ различныхъ скръбехъ утѣшаетъ присѣщая, и въ искушеніи душевныхъ мысли.
7	Въ 10 искушении крѣпка <i>створи</i> мя Господь .	Въ деяти искушеніи крѣпка <i>мя</i> показа и въ всѣхъ въ нихъ длѣготрѣпѣхъ, яко великъ съпасъ есть длѣготрѣпѣніе.

Текст в правой колонке в большей степени соответствует греческому оригиналу, тогда как по тексту в левой хорошо видна редакторская правка, заключавшаяся в том числе в переводе форм третьего лица во второе: так рассказ Иосифа в его «Завете» о событиях с некими третьими лицами сделан воспоминанием об общих с братьями злоключениях.

Речь Иосифа после смерти Иакова в редакции Полной Хронографической Палеи (Син210, л. 145а–б; соответствует тексту левой колонки), в отличие от остальных редакций, несёт на себе следы правки по началу «Завета Иосифа» (Син210, л. 179–180а; соответствует тексту правой колонки. Кроме того, имеются более существенные отличия в композиции фрагментов, связывающих «Благословения» и «Заветы». Так, в Тр730 и Арх, в отличие от палейной версии, отсутствует пересказ истории с египтянкой Амефрией, и вместо него идет еще несколько апокрифических стихов, обращенных к братьям, а затем Быт 50: 23–26. В Син210 сделана попытка восстановить палейный пересказ библейских событий каноническим текстом, поэтому между речью Иосифа и «Благословениями» вставлены стихи Быт 50: 1–18.

Таким образом, полноценное текстологическое исследование данных связочных фрагментов может пролить свет на историю составления Толковой Палеи и дальнейшей ее трансформации в Полную Хронографическую (конечно, с учетом текстологии славянской Библии), а также историю бытования в древнерусской книжности славянского перевода «Заветов двенадцати патриархов» и «Благословений Иакова своим сыновьям».

А. Л. Грязнов (НПЦ «Древности», Вологда)

СИСТЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ РОДОВЫХ ВОТЧИН БЕЛОЗЕРСКИХ КНЯЗЕЙ В XIV—XV в.

Русские князья, наделяя сыновей владениями, учитывали территориально-политическую структуру княжества, но кроме того в этих распоряжениях закладывалась проекция желаемого будущего во взаимоотношениях наследников. Ярким показателем в этом плане является «ряд» Ярославов, не только закрепивший преимущественное положение Изяслава Ярославича, но и заложивший ограничения, защищавшие младших братьев от его возможных злоупотреблений [Назаренко]. Для более позднего времени наиболее подробно изучено распределение владений в семье московских князей. Прослеживаются переход от равного наделяния всех наследников к безусловному приоритету старшего сына, разбросанность владений.

Реконструкция В. А. Кучкиным княжеских владений Северо-Восточной Руси показала, что преимущественной стратегией во второй половине XIV — первой половине XV в. было разделение княжества на монолитные части по числу наследников. Так формировались массивы будущих княжеских родовых вотчин. Очевидно, что завещательные распоряжения того или иного князя зависели от конкретных обстоятельств, состава владений, их расположения. Тем важнее установление содержания, мотивов и возможных последствий таких распоряжений.

Реконструкция владений белозерских князей Федора Романовича и Василия Согорского позволила В. А. Кучкину прийти к выводу, что старший белозерский князь обладал большим уделом, а младший владел землями не только на периферии, но и вблизи стольного города, чем поддерживалось политическое единство дома белозерских князей во главе со старшим князем [Кучкин, с. 314]. Уточнение географии владений потомков Василия Согорского позволяет более обстоятельно рассмотреть этот вопрос.

У Василия Согорского было четверо сыновей: Юрий Белосельский, Афанасий Шелешпальский, Семен Согорский и Иван Карголомыский. В следующем поколении выделяются фамилии Андомский, Кемский, Ухтомский, а еще позже — Вадбольские, Угольские и Дябринские. Все эти фамилии, как неоднократно отмечалось в историографии, связаны с белозерскими волостями. В них по актам XV—XVI в. обнаруживаем вотчины прямых потомков названных князей. Вполне обоснованным будет предположение, что этими волостями владели основатели соответствующих фамилий. Так из отдельных частей «собираются» владения сыновей Василия Согорского, а затем и его самого. В общей сложности удел Василия состоял как минимум из десяти микрорегионов. Всех их мы можем нанести на карту. Становится ясно, что ранее часть территорий к уделу Василия Согорского была отнесена ошибочно. Например, западный, северный и восточный берега Белого озера, правобережье Согожи и бассейн р. Углы. Здесь родовые вотчины белозерских князей отсутствовали и, наоборот, прослеживается землевладение нетитулованных вотчинников. С другой стороны, владения Василия Согорского расширяются за счет верхних течений Ухтомы и Кемы и правобережья верховьев Шексны. Это позволяет по-новому увидеть территорию его удела и проследить процесс дробления. Общая площадь была примерно в два раза меньше, чем в реконструкции В. А. Кучкина. На территории удела не было вотчин нетитулованных землевладельцев. Исключение составляет Карголома. Следовательно, удел был образован из домениальных владений белозерского князя. Обширные вотчины боярства и княжеских вольных слуг располагались в других волостях, находившихся под юрисдикцией старшего белозерского князя. Вотчина идет не сплошным массивом, а делится на три части, состоящие из нескольких волостей, расположенных на окраинах княжества. Основные водные коммуникации остаются в руках старшего князя. В таком виде удел Василия Согорского, очевидно, не виделся самостоятельным политическим образованием, а представлял неотъемлемую часть Белозерского княжества. На этом же принципе основывалось распределение волостей между сыновьями Василия Согорского. Каждый из них получил долю в основной части его удела в Пошехонье и вторую часть на более удаленных территориях — по Андоге, Кеме и в Карголоме. Для внуков Василия Согорского сохранение политического единства Белозерского княжества было уже неактуальным, поэтому они получили обособленные владения, без анклавов в других частях княжества.

Смысл такой конфигурации белозерского удела видится в ограничении размеров владений удельных князей, их экономической мощи и, следовательно, политического влияния. Это должно было снимать угрозу политического ослабления княжества, его дробления. Судя по всему, такой подход оказался эффективным, и он же привел к ликвидации политической самостоятельности Белозерского княжества, поскольку после гибели князя Федора Романовича у удельных белозерских князей не было ресурсов для борьбы за старший белозерский стол.

Литература

- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.
Назаренко А. В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). М., 2010. С. 268—283.

О. Л. Губарев

А БЫЛИ ЛИ ВАРЯГИ СКАНДИНАВАМИ? ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ «НОРМАНИСТОВ» И «НОРМАНИЗМА» ПО А. А. РОМАНЧУКУ

В последнее время снова обострилась дискуссия между сторонниками балтийско-славянской гипотезы происхождения Руси, называющими себя «истинными антинорманистами», и остальными историками, попадающими у этих «истинных антинорманистов» в рубрики «мнимых антинорманистов» и «норманистов».

В октябре 2013 г. вышла статья А. А. Романчука «Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны» [Романчук]¹.

Следует отметить к чести автора, что он предлагает вернуть обсуждение вопроса из политизированного в научное русло, обращаясь к обеим сторонам, участвующим в дискуссии. Но данный призыв будет услышан сторонами только в одном случае — если они способны вести чисто научную дискуссию, поскольку эти призывы к «патриотизму» и политизация вопроса являются частью стратегии в полемике у тех, кто не имеет в своем распоряжении других аргументов, а именно, научных.

Как показал И. Н. Данилевский, сомнительная часть политизации «варяжского вопроса» принадлежит первому антинорманисту в российской истории М. В. Ломоносову.

Современные антинорманисты также делают политизацию чисто научного вопроса органичной частью своей аргументации, поэтому предложение А. А. Романчука, обращенное к антинорманистам, является по сути верным, но нереалистичным.

А. А. Романчук предлагает историкам, выступающим против южнобалтийской славянской гипотезы, критиковать ее «с научной точки зрения». Пока этого не сделано, данная гипотеза, по его мнению, не может быть отвергнута.

Гипотеза происхождения Руси от балтийских славян, как бы ни утверждал А. А. Романчук обратное, нигде четко не сформулирована. Гипотеза, изложенная еще С. А. Геденовым в его работе «Варяги и Русь», подверглась критике рецензентов за то, что представлена только в виде полемики, что чрезвычайно затрудняет ее критику. То же самое можно сказать о работе В. В. Фомина «Варяги и варяжская Русь». Критика данной гипотезы, высказанная в XIX в. И. Первольфом, В. О. Ключевским, Д. И. Иловайским и другими историками, осталась без ответа.

Оправдать требование научного рассмотрения данной гипотезы может то новое, что появилось в составе данной гипотезы с того времени. Приводимая А. А. Романчуком ссылка на интерпретацию находок керамики южнобалтийского типа на Северо-Западе Руси им самим признана спорной и дискуссионной.

Вместе с тем можно отметить ряд моментов, характеризующих современные попытки защитить данную гипотезу:

1. Использование сомнительных источников XV–XVIII в. при изучении событий IX в.;
2. Преодоление разногласия антинорманистов по поводу локализации родины русов, объявив все эти так называемые «Русии», существовавшие на совершенно разных территориях согласно противоречивым гипотезам антинорманистов XIX в., причастными к образованию Древней Руси (А. Г. Кузьмин);
3. Использование данных «ДНК-генеалогии», позиционируемой в качестве нового направления, способного решить «варяжский вопрос» (А. А. Клесов).

Очевидно, что все это не может быть признано основанием для пересмотра сложившихся в исторической науке взглядов на происхождение Руси.

А. А. Романчук, как и другие антинорманисты, постоянно использует термины «норманисты», «норманизм», «норманнская теория», хотя в историографии нет единого о них представления.

По мнению А. А. Романчука, для определения «норманизма» «совершенно четким критерием здесь служит ответ на вопрос: «Были ли летописные варяги скандинавами?». В этом случае почти все современные российские историки, за исключением А. Г. Кузьмина и небольшой группы его последователей, попадают в разряд «норманистов».

Таким образом, для научной критики отвергнутой еще в XIX в. «балтийско-славянской» гипотезы нет оснований, так же как нет оснований для использования в научной терминологии скомпрометировавших себя терминов «норманизм», «норманнская теория», «норманист».

Литература

Романчук А. А. Варяго-Русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2013. № 5. С. 283–299.

¹ Полная версия статьи А. А. Романчука размещена на сайте *Moldavian Cultural Project Fun Anthropology*.

Д. Г. Давиденко (ЦГА Москвы)

ПЕРЕРАБОТКА СЮЖЕТА «ПОВЕСТИ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ» В ЖИТИИ ФЕОДОРА АРХИЕПИСКОПА РОСТОВСКОГО

Известное произведение древнерусской литературы — «Повесть о Тимофее Владимирском» — насчитывает около 30 списков. Они группируются по нескольким редакциям, не имеющим принципиального сюжетного различия [Скрипиль; Амосов, Бубнов, с. 286–298; Дмитриев, с. 287–288; Волкова, с. 122–141; Нестеров].

Кратко напомним сюжет. При великом князе Иване Васильевиче и митрополите Филиппе священник из города Владимира по имени Тимофей во время исповеди девицы, дочери знатных родителей, согрешил с ней. Испугавшись наказания, он переодевается воином и бежит во враждебную Казань. Там он принимает бусурманскую веру, получает высокую должность и живет 30 лет. Однажды, возвращаясь из похода с большим полоном, отстав от отряда, он запекает православное песнопение. Его слышит беглый русский отрок-пленник и подходит к Тимофею в надежде на спасение. Тот хочет убить пленника, но пленнику удается его разжалобить. Тимофей начинает каяться и рассказывает историю своей жизни. Он отпускает отрока и просит его передать свое раскаяние князю и митрополиту, а потом привезти письменное прощение. Отрок выполняет поручение, присылает Тимофею разрешительную грамоту от князя и митрополита. Тимофей, получив ее, умирает. Отрок возвращается на Русь и излагает все увиденное.

Поскольку произведение повествует о том времени, когда Казань еще не была присоединена, а была серьезным противником Москвы, то персонажей произведения великого князя Ивана и митрополита Филиппа отождествляют, соответственно, с Иваном III и Филиппом I. Время повествования относят к концу 60-х — началу 70-х годов XV в. Заключительные слова первой (по атрибуции М. О. Скрипиля) редакции («Сия же повесть многа лет ненаписана бысть, но тако в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах ползы ради читающим») побудили исследователя предположительно датировать произведение рубежом XV—XVI в. [Скрипиль, с. 290, 291, 304].

Сюжет, заимствованный из «Повести о Тимофее Владимирском», но существенно сокращенный и измененный, прослеживается в одном агиографическом произведении — Житии Феодора архиепископа Ростовского. Оно известно в двух списках, текст которых существенно различается¹. Житие составлено в период с середины XVII в. (к этому времени относятся позднейшие изложенные там события) по первую четверть XVIII в. (датировка списков). Интересующий нас сюжет имеется только в списке Жития из РНБ (Л. 35—37 об.)².

Приведем основные отличия в сюжете из Жития свт. Феодора, от традиционного сюжета «Повести о Тимофее Владимирском»:

1. Общее сокращение (не названо имя главного героя, митрополита);
2. Главный герой был священником не во Владимире, а в Москве;
3. Его жертвой была не дочь знатных родителей, а красивая жена богатого мужа;
4. Имело место не только совершение главным героем с исповедывавшейся у него дамой блудного

действия, но и зарезание жертвы.

Сюжет в Житии помещен между двумя эпизодами о походе Ивана Васильевича на Казань, из которых первый был безуспешным, а второй удачным (возможно, два Ивана Васильевича здесь слились в одно лицо). Однако агиограф, излагая интересующий нас сюжет, противореча себе, назвал Казань завоеванным градом: «И взем нож, зареза ю. И паки оубояся, остави жену и дети и дом, бежа с Москвы, и прииде в завоеванный град Казань»³.

Подчеркнем, что изложенный сюжет не выступает в качестве отдельного произведения, а является эпизодом другого произведения, причем агиографического. Он находится в контексте серии повествований о Казанском взятии, но в стороне от основной смысловой линии Жития свт. Феодора (биография святого, его посмертные чудеса и судьба основанного им Симонова монастыря).

Наши наблюдения позволяют ввести в научный оборот новый сюжетный вариант известной древнерусской повести. Вольная переработка ее содержания и, на наш взгляд, не вполне осмысленное ее включение в агиографическое произведение свидетельствуют об интересе к «Повести о Тимофее Владимирском», а также, принимая во внимание концовку первой ее редакции, позволяют предполагать ее активное бытование и редактирование в устной традиции при не очень широкой распространенности списков.

Литература

- Амосов А. А., Бубнов Н. Ю. Археографические экспедиции библиотеки Академии наук СССР в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области (1975—1976 гг.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 262—298.
- Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в кругу чтения печорских крестьян. Сыктывкар, 2005.
- Дмитриев Л. А. Повесть о Тимофее Владимирском // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 287—288
- Нестеров И. В. Отношения Казани и Москвы 2—3 четверти XV века в «Повести о Тимофее Владимирском» // Открытый текст. Электронное периодическое издание. 2009. <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=2816>.
- Родосский А. С. Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санкт-Петербургской духовной академии и составляющих первое по времени ее собрание. СПб., 1893.
- Скрипиль М. О. Повесть о Тимофее Владимирском // ТОДРА. М.; Л., 1951. Т. VIII. С. 287—307.

¹ ГИМ. Син. 580. 1723 г.; РНБ. СПбДА. 282. Перв. пол. XVIII в. (?).

² Описание списка см.: [Родосский, с. 280—281].

³ РНБ. СПбДА. 282. Л. 35.

М. И. Давыдов (Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник)

НОВАЯ СТАРОДУБСКАЯ РАЗЪЕЗЖАЯ 1566/1567 г.

В литературе уже изучались источники, освещающие результаты работы стародубских писцов Федора Ивановича Бутурлина и подьячего Майка Кузьмина сына Тукмачева по размежеванию на территории региона в 1566/1567 г. владений Ивана IV и князя Владимира Старицкого [Юрганов, с. 57–65]. К этой же группе документов следует отнести еще одну разъезжую, сохранившуюся в трех позднейших списках¹. Отметим ключевую особенность новой грамоты: в своей основе (примерно на 80 %) она в точности дублирует содержание уже введенной в научный оборот разъезжей на земли сел Лучкина, Алексина и Васильевского, в то же время обнаруживая ряд серьезных расхождений с текстом последней. Разногласия по преимуществу носят чисто технический характер — вроде несоответствия ориентиров в описании маршрута прохождения межвотчинных рубежей в районе озер Ламхра, Васкра, Алексева и Калачей. Другие, более значимые несоответствия представлены ниже в сравнительной таблице:

<p>Ранее известная разъезжая (по публикации) (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 г. (далее — АСЕМ). М., 1998. С. 286–291. № 147.)</p>	<p>Вновь выявленная разъезжая (по копии, хранящейся в РГАДА) (Для экономии места разночтения списков не приводятся, а дефектные чтения исправляются без специальных оговорок)</p>
<p>С. 290: ...до Чиркина истоку — направе земля и лес, и луги, и всякие угодыя царя и великого князя... а налеве земля и лес, и луги, и всякие угодыя князя Володимера Одреевича села Введенского да села Селищ Южской волости.</p>	<p>Л. 541, 541 об.: ...до Чиркина истоку — направе земля и лес, и луги, и всякие угодыя, и Чиркин исток, и вешней ез, и зимняя плотина царя и великого князя... а налеве земля, и луги [села] Старого Олексина старца Ионы Протопопова. Да к селу ж Лучкину на устья реки Шижехты пруд с мелницею, а пруду вверх по Шижехте по Ионино озеро Протопопова по Васкро. А пруд вода промоет, или прорвет вешняя вода, и княине Марье да княине Федосье княж Семеновым дочерям Мезецкого вольно на тот пруд лес сечи, чей ни будь пришел блиско того пруда, и земля им велети копати на тот пруд без доклада, чей берег к тому пруду пришел блиско, потому что тот пруд... от их земли отошел далече.</p>
<p>С. 290: ...и те озера Пурхло Большое да Пурхлец Меньшой и с истоки княине Марье да княине Федосье княж Семеновым дочерем Мезецкого да князю Никите да князю Силе Григорьевичем Гундоровым. Да изо княж Володимерова Одреевича стороны ездити князю Юрию Ивановичу Шапкину Мезецкого да старцу Иене Протопопову рыба ловити и бобры гонити, и перевесья седети, и всякие угодыя ведати им вопче по их духовным и по деловым, и по даным грамотам, и по старым своим крепостям, потому что те озера вотчинные.</p>	<p>Л. 541 об.: ...и озеро Зимничное, Липное, Прудецкое, и ез Прудецкой, Завахрянец, Воронье да Воронец, Осровское, Горбачи, Обловичи, Торхи, и лес, и пожни, и всякие угодыя, потому что те озера и ез Бык, да озеро Елино, да озеро Олексево, да ез Терлык, да ез Толмачи, да Подборошной вотчинные княине Марье да княине Федосье княж Семеновых дочерей Мезецкого по их духовным и по деловым, и по даным грамотам, и по старым своим крепостям.</p>

Наконец, в новом источнике нельзя найти ни имен князей Никиты и Силы Григорьевичей Гундоровых, ни хотя бы косвенных указаний на нахождение в их руках части земель села Лучкина. Эти умолчания, входящие в противоречие с сообщениями других актов о действительной передаче обоим братьям и принадлежности второму из них в начале 70-х годов XVI в. некоторой доли села², позволяют говорить, во-первых, о сравнительном хронологическом старшинстве обнаруженного нами документа, а во-вторых, о нереализации его положений на практике в связи с произошедшими непосредственно в период проведения межевания (и, надо думать, связанными с возвращением из казанской ссылки летом 1566 г. большого числа представителей местной княжеской корпорации) изменениями в структуре землевладения региона; последние же, в свою очередь, как раз и обусловили появление «исправленного» (то есть верно отражающего актуальную картину перераспределения вотчин в этой части Стародуба Ряполовского) варианта разъезжей, известного специалистам и прежде.

Литература

Юрганов А. Л. О стародубском «уделе» М. И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 34–70.

¹ Копия 1: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11321. Л. 531–542 (ок. 1669–1676 г.); копия 2: Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 417. Оп. 3. № 14. Л. 500–510 об.; № 13. Л. 556 (1746 г.); копия 3: ГАВО. Ф. 602. Оп. 1. № 7. Л. 8 об. — 14 об. (1752 г.).

² ГАВО. Ф. 575. Оп. 2. № 17; АСЕМ. С. 325. № 167. В 1572/1573 г. вдова Силы Гундорова Ульяна дала Владимирскому Рождественскому монастырю 19 мужских деревень «в Олексине в Маньшине углу», из которых более половины в конце 50-х годов XVI в. тянули к селу Лучкину (Кистерев С. Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 116; ср.: АСЕМ. С. 222. № 97).

А. В. Дедук (РГАДА)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ИСКАНИ ДУХОВНОЙ ИВАНА III

В духовной великий князь завещал Василию Ивановичу среди прочего «горѡд Торусѹ з Горѡдцѡм, и с-Ыскан(ь)ю, и с Мышегою, и с Колѡдною»¹.

Городец — это Новой Городок «на устье Протвы». Мышега — центр удела князей Мышецких [Шеков, с. 245]. В Тульском уезде существовал в XVI—XVIII в. Колоденский стан, который можно соотнести с Колодною [Лаврентьев, с. 189]². Следовательно, Искань духовной Ивана III нужно искать на землях Тарусского уезда и смежных с ним административных единиц.

В. Н. Дебольский, анализируя духовную Ивана III, гипотетически расположил последнюю в 7 верстах от Тарусы и поместил ее на карте на левом берегу р. Оки [Дебольский, с. 42; карта]. О. Л. Прошкин и А. С. Фролов предположили тождество Искани уставной грамоты XII в. Ростислава и духовной Ивана III, локализовали ее на селище у с. Исканское современного Тарусского района [Прошкин, Фролов, с. 198—209].

Не затрагивая в данном сообщении проблему локализации Исконы грамоты Ростислава (эта локализация подтверждается и упоминаниями «можайской» волости Исконы, и данными археологии), попробуем рассмотреть проблему расположения Исконы духовной Ивана III.

О. Л. Прошкин и А. С. Фролов, к сожалению, не провели работу по выявлению упоминаний с. Исканского в источниках. Между тем деревня Макаровский починок, Исканское тож, упоминается в составе Городецкого стана в самом раннем полностью дошедшем до нас «кадастре» тарусских земель — дозорной книге Тарусского уезда дозору Томилы Прончищева 1616/1617 г. Исканское тогда входило в состав вотчины Замятни Иванова сына Кунакова³. По писцовым книгам Тарусского уезда 1627/1628—1628/1629 г., письма и меры Петра Софонова и подьячего Григория Ефимова за Замятней Кунаковым была «старая вотчина сельцо Макаровской починок, Исканское тож, на речке на Синей на Рыковском отвершку...»⁴. Таким образом, у локализации О. Л. Прошкина и А. С. Фролова нет явных исторических противоречий.

Однако топоним «Исканское» может быть не видоизмененным названием Искани, а указывать на географическую (ближайшие географические аналогии: Оболенское, Каширское) или владельческую принадлежность (см.: [Цеханович, с. 336—344]). По второму допущению, следует отметить, что в Тарусском уезде был испомещен род детей боярских Исканских⁵.

Также не стоит забывать, что в Тарусском уезде XVI—XVIII в. существовал и второй топоним с корнем *искан-*, владельческую принадлежность которого можно проследить с середины XVI в. В 1559 г. Иван IV выдает жалованную грамоту Серпуховскому Рождественскому монастырю на «два сельца Искань и Волковичи» в Тарусском уезде [Рождественский, с. 118—125]. Данная грамота неоднократно подтверждалась во второй половине XVI — начале XVII в. [Рождественский, с. 124—126]. По дозорной книге 1616/1617 г. и писцовой книге 1627/1628—1628/1629 г. сельцо Искань остается за Серпуховским монастырем и находится в Городецком стане Тарусского уезда⁶. По материалам Генерального межевания д. Искань и с. Волковичи оказываются в подчинении Коллегии Экономии⁷. Таким образом, д. Искань локализуется на правом берегу р. Оки к северо-востоку от современного города Тарусы.

Стоит отметить, что оба топонима с корнем *искан-* оказываются по административному делению XVII—XVIII в. на территории Городецкого стана Тарусского уезда. Название Городецкому стану дал Новый Городок — Городец, который находился на городище Спас-Городец, на правом берегу р. Протвы [Мазуров, Никандров, с. 35—36]⁸. Впервые Новый Городок упоминается в духовных грамотах Ивана Ивановича 1359 г.⁹ Впоследствии Новый Городок именуется Городцом и входит в состав Серпуховского удела (исключение составляют московско-рязанские договоры, где сохраняется архаичное название)¹⁰. Городец вместе с Исканью фигурирует в духовной Ивана III. Если рассматривать Искань и Исканское как некую единую административную единицу, то можно предположить, что она оказалась «приписана» к Городецкому стану Тарусского уезда.

Таким образом, на данный момент можно определить только примерное местонахождение Искани духовной Ивана III.

¹ ДДГ. № 89. С. 354.

² Писцовые книги XVI в. Отд. 2. СПб., 1877. С. 1184—1207.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15. Л. 96.

⁴ Там же. Кн. 10334. Л. 208—208 об.

⁵ См., например: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15. Л. 87 об., 94 об.; Кн. 10334. Л. 12, 15, 58.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15. Л. 102 об.; Кн. 10334. Л. 272.

⁷ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 161. Ч. 1. Ед. хр. В — 13 кр.

⁸ Археологическая карта России: Калужская обл. 2-е изд., переработ. и доп. М., 2006. С. 128—129.

⁹ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в.: [1359 г.] Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 98, 99; *Его же*. Издание завещаний московских князей XIV в.: [1359 г.] Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 96. Также см.: ДДГ. № 4. С. 15—18.

¹⁰ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. М., 2003. С. 343; ДДГ. № 13. С. 37; № 16. С. 44; № 17. С. 46, 49; № 45. С. 129, 132, 135, 138; № 58. С. 180, 183.

Литература

- Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 2 // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. VI. С. 1–57.
- Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. М., 2011.
- Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. М., 2008.
- Прошкин О. Л., Фролов А. С. Поселение у с. Исканское (к вопросу о локализации древнерусской Исконы) // Археология Подмоскovie. Вып. 11. М., 2015. С. 198–209.
- Рождественский В. А. Историческое описание Серпуховского Владычного общежительного девичьего монастыря. М., 1866.
- Цеханович М. А. Суффикс -СК- в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных // Вопросы географии. М., 2009. Вып. 132. С. 336–344.
- Шеков А. В. Верховские княжества: Середина XIII – середина XVI в. М., 2012.

И. В. Дергачева (МГППУ)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ПОСЛАНИЯ КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА
ПРЕСВИТЕРУ ФОМЕ»

Климент Смолятич, родом из Смоленска, подвизавшийся в Зарубском монастыре под Киевом¹, стал вторым на Руси (после Илариона) русским митрополитом, возведенным на первосвятительский престол без благословения константинопольского патриарха собором русских епископов в 1147 г.² Как показано А. В. Назаренко, это можно расценивать как попытку установить автокефалию и привело к временному каноническому разрыву с Константинопольским патриархатом [Назаренко, с. 97–117]. И далее положение Климента оказалось нестабильным, его не признали ряд иерархов. В 1149 г., когда Изяслав был изгнан с киевского стола Юрием Долгоруким, с ним вместе принужден был покинуть Киев и митрополит Климент. Но уже в 1150 г. Изяславу Мстиславичу удалось вернуть себе киевское княжение, вместе с ним вернулся в Киев и митрополит Климент. Однако после смерти Изяслава Мстиславича в 1154 г. в начале следующего года он был вынужден оставить митрополичий престол, хотя есть основания предполагать, что он ненадолго возвращался на митрополию в 1159 г.

Л. В. Левшун справедливо отмечает, что, «по всей вероятности, Климент — имя схимное» [Левшун, с. 256].

Долгое время было известно два списка памятника, но в последнее время их перечень существенно пополнился. С. Ю. Темчин нашел новый список с самоназванием «А се грамота Климита митрополита» в архиве Института литовского языка в составе сборника-конволюта, частично датированного XV и XVII в. К. В. Вершининым обнаружены фрагменты Послания в сборнике XV в. (БАН) и XVI в. (РГАДА), в последнем также с указанием на авторство Климента («А се толк Климита митрополита»)³.

«Послание пресвитеру Фоме» — сочинение, определенно атрибутируемое Клименту. В источниках есть указания и на другие его произведения, но авторство Климента по отношению к ним на сегодняшний день не подтверждено. До нас дошли восторженные отзывы летописцев, знакомых с его творчеством: «...и бысть книжник и философ так, якоже в Руской земли не бяшетъ»⁴. Текст Послания подтверждает слова летописца об учености автора, трудно не согласиться с предположением Е. Э. Гранстрем о том, что Климент получил образование в Константинополе [Гранстрем]. Время создания Послания определяется периодом между 1147 г., годом возведения Климента в митрополиты, и 1154 г., годом смерти князя Изяслава Мстиславича, упоминаемого в Послании как здравствующего. Послание митрополита Климента дошло до нас с наслоением толкований некоего монаха Афанасия, внесенных в текст в виде вкраплений. Н. В. Поньрко предприняла попытку выделить толкования Афанасия из текста Климента [Поньрко, с. 116–123].

Само Послание является полемическим по отношению к словам некоего пресвитера Фомы, укорившего Климента в том, что он прославляет «себя писанием, философом себя почитая». Климент создает в ответ экзегетический трактат о толковании Священного Писания. Г. Подскальски отмечал зависимость второй части Послания от византийских «вопросно-ответных» патристических сочинений [Подскальски, с. 166].

Текст Послания содержит как информативные высказывания повествовательного и аргументирующего типа, так и верификативные с функцией эмоционального воздействия. Сам монолог Климента носит эмоционально-оценочный характер с ярко выраженной модальностью — уверенностью его в том, что новообращенные христиане должны научиться толковать Слово Божие. Информативные высказывания автора передают авторское видение мира, верификативные же высказывания создают информацию оценочную, в том числе и подтекстовую. Отдельные части текста объединяются общей гипертемой — экзегетическим толкованием христианских истин. Гиперсвязность текста достигается именно его коммуникативной целевой установкой. Текст Послания относится к типу текстов аргументирующих с

¹ Иную трактовку прозвища «Смолятич» см.: [Поппэ, с. 455–458].

² Первоначально Изяслав Мстиславич отправил посольство в Константинополь, но, по-видимому, положительного ответа не получил. О событиях 1147 г. см.: [Конявская, с. 90–91].

³ Благодарю С. Ю. Темчина и К. В. Вершинина за предоставленную информацию.

⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 340.

функциональным типом речи-рассуждения. В нем реализуются коммуникативные установки — объяснения, определения, сообщения с выводами, в меньшей степени доказательства в кратком виде, причинно-следственные связи, отношения противопоставления и сопоставления. Рассуждения представлены как эксплицитно, с лексическими сигналами причинно-следственной связи, так и имплицитно, на логико-смысловом уровне. Таким образом, целостность данного текста обусловлена единством тематическим, концептуальным, модальным.

Литература

- Гранстрем Е. Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» // ТОДРА. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 20–28.
- Конявская Е. Л. Черниговские владыки и князья в церковных конфликтах середины — второй половины XII в. // Чернігівські старожитності. Чернігів, 2012. Вип. 1 (4). С. 90–96.
- Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-апологетический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2009.
- Назаренко А. В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е. СПб., 1996.
- Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
- Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 443–497.

А. В. Духанина (ИРЯ РАН)

ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ ЖИТИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Житие Сергия Радонежского — памятник с долгой и сложной историей изучения. К настоящему времени библиография работ, посвященных этому произведению или привлекающих его материал наряду с другими текстами, насчитывает сотни пунктов. Большая часть этих работ в той или иной степени касается Пространной редакции Жития, занимающей особое место среди многочисленных редакций, созданных в XV–XVII в. Это связано с тем, что именно Пространная редакция частично сохранила первоначальный текст Жития, написанный младшим современником и учеником преподобного Сергия Епифанием Премудрым. Данный факт был установлен уже в XIX в., и с тех пор эта редакция служит важным источником при исследовании языка, жанровой и художественной специфики сочинений выдающегося древнерусского книжника. Не менее значима она и в историческом аспекте, будучи основным источником сведений о первых годах жизни преподобного Сергия. Наконец, Пространная редакция интересна и с искусствоведческой точки зрения, так как дважды иллюстрировалась и представлена двумя уникальными лицевыми списками, созданными один в конце XVI в., другой — в конце XVII в. Особое значение Пространной редакции выразилось в том, что именно ей отдается приоритет при издании и переводе текста Жития Сергия Радонежского: сегодня существует уже несколько полных и частичных лингвистических изданий списков этой редакции и вариантов перевода, факсимильное издание лицевого списка (РГБ. Собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры. № 21). Объем выполненной учеными работы по исследованию данной редакции, без преувеличения, огромен. Однако оценить ее не представляется возможным без обобщающей работы, которая позволила бы подвести итоги и показать перспективы изучения этого памятника в разных аспектах.

Поставив перед собой цель хотя бы отчасти решить эту задачу и попытаться дать целостную картину изучения Пространной редакции на сегодняшний день, мы пришли к неутешительному и одновременно оптимистичному выводу о том, что во многих отношениях этот памятник продолжает оставаться *terra incognita*. Слова эти применимы ко всем аспектам его изучения. Текстология Пространной редакции до сих пор не разработана полностью, так что, к сожалению, остается без ответа самый важный связанный с этой редакцией вопрос: в какой степени близок к исходному тексту Жития тот отрывок Пространной редакции, который сегодня уже без сомнений приписывается перу Епифания Премудрого? Пространная редакция пока не получила комплексного лингвистического описания, хотя наблюдения, сделанные на разных языковых уровнях: морфологическом, синтаксическом, лексическом, свидетельствуют о том, что этот памятник представляет исключительный интерес с лингвистической точки зрения. Не раз отмеченная учеными уникальность лексического материала данной редакции (особенно ее епифаниевской части) так и не нашла пока отражения в словаре или хотя бы словоуказателе этого текста. Также нельзя сказать, что жанровые и стилистические особенности Пространной редакции (как всего произведения, так и отдельно ее епифаниевской части) проанализированы полностью: на каждом новом этапе изучения древнерусской литературы это произведение открывается с новой стороны. Большой потенциал имеет и такая область, как анализ источников: объем привлекавшихся как Епифанием Премудрым, так и Пахомием Сербом переводных и оригинальных сочинений до сих пор не определен. Привлечение дополнительных исторических данных и использование новых подходов позволяют предлагать новые интерпретации материала Пространной редакции, основного источника о жизни и служении преподобного Сергия. На

данный момент не имеют комплексного описания уникальные лицевые списки Жития, относящиеся к Пространной редакции.

Характеристика изучения Пространной редакции Жития Сергия Радонежского будет неполной без обращения к тем проблемам, с которыми сталкиваются исследователи при использовании этого памятника. Основной здесь является, конечно же, проблема его текстологии, от которой зависит атрибуция текста, что имеет первостепенное значение при его изучении. В решении этой проблемы сегодня достигнут значительный прогресс, что стало возможным благодаря привлечению результатов анализа текста с разных точек зрения, — можно с уверенностью утверждать, что Пространная редакция содержит первую часть единственного известного нам пока текста Епифаниевской редакции Жития, которая дополнена компиляцией из глав, взятых из четырех Пахомиевских редакций. Тем не менее этот уже доказанный факт до сих пор нередко остается без внимания, что приводит, например, к появлению работ, авторы которых делают выводы о епифаниевском тексте Жития, основываясь на всей Пространной редакции. Другая серьезная проблема связана с интерпретацией материала Пространной редакции. За этим стоит в действительности целый комплекс проблем: чрезмерное доверие к тексту или, наоборот, излишние сомнения в нем, сугубо духовная трактовка или, наоборот, исключительно научное восприятие описанных событий, недостаточный учет дополнительных источников и существующей историографии, и даже ошибки при переводе текста на современный русский язык. Все это порой приводит к неверным или спорным выводам.

Таким образом, приходится признать, что вопросов, связанных с Пространной редакцией Жития Сергия Радонежского, остается пока больше, чем ответов, причем ответы нередко порождают новые вопросы.

Н. В. Жилина (ИА РАН)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ: ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ, АРХИТЕКТУРНАЯ РЕЗЬБА И ЖИВОПИСЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В искусстве Древней Руси: живописи, белокаменной резьбе, прикладном (ювелирном) искусстве в XI—XIII в. — действовали общие стилистические тенденции. Целью доклада является анализ и хронологическая систематизация этих параллелей.

Украшения древнерусских кладов XI — первой трети XIII в. в технике перегородчатой эмали, черни, филигрны, тиснения не имеют узкой хронологической привязки. Стилистический анализ позволил выделить в рамках всего комплекса украшений группы, соответствующие этапам развития орнаментики и отображения христианских сюжетов [Жилина, с. 61—70, 88, 89, 115, 140, 160—162]. В результате же стилистического сравнения с произведениями живописи и белокаменной резьбы, которые в большинстве своем имеют точные датировки создания, предварительные даты этапов уточняются.

Наиболее ранний пласт украшений второй половины XI — первой половины XII в. характеризуется геометризацией трактовки завитково-растительных и зооморфных элементов, статикой, плоскостностью и аскетическим характером передачи христианских сюжетов.

В византийской и древнерусской живописи середины XI — первой трети XII в. также наблюдается монументальность, плоскостность, статика, аскетические настроения; нарастает внимание к линии, силуэту, контуру: Софийский (1040-е годы) и Михайловский Златоверхий соборы в Киеве 1112 г., Юрьевское Евангелие 1119—1128 г. [Сарабьянов, Смирнова, с. 51—65, 68].

Параллели находятся и в белокаменной резьбе собора Рождества Богородицы в Боголюбове и Успенского собора во Владимире (50-е — начало 60-х годов XII в.). Преобладают плоскостность, абстрактность, геометризм и графичность изображений, начинают использоваться линейная трактовка и плавная моделировка [Вагнер, 1969, с. 68—98, 104—118].

Средний пласт украшений середины XII в. характеризуется активным использованием растительных орнаментов; зооморфные и растительные элементы передаются криволинейно и имеют естественные пропорции.

В древнерусской живописи второй трети — середины XII в. нарастает динамика и экспрессия за счет линейной стилизации, линейных пробелов, языка жеста: фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове 1140 г., икона Богоматерь Знамение 1130—1140-е годы [Сарабьянов, Смирнова, с. 68, 108—118].

В рельефах собора Покрова на Нерли 1165 г. и Успенского собора во Владимире 1185 г. также появляется динамика, четкими и плавными линиями создаются естественный и красивый силуэт птиц и животных, пропорции ликов [Вагнер, 1969, с. 160—186, 210—218].

Поздний пласт украшений кладов конца XII — первой трети XIII в. характеризуется использованием орнаментальных элементов криволинейной формы, очерченных утрированно-изгибающейся линией. Нарастают сложность и плотность растительных, плетеных и завитковых орнаментальных композиций, появляются пышность, тяжесть и пространственность в передаче элементов за счет утолщения их частей.

В живописи последней трети — конца XII в. наблюдается динамичный стиль с максимальным применением линейной стилизации, используются тонкие линии белильных высветлений: Георгиевская церковь в Старой Ладге, церковь Спаса на Нередице близ Новгорода 1199 г., икона Ангел Златые Власы [Сарабьянов, Смирнова, с. 68, 126, 185]. Вслед за византийским искусством «около 1200 г.» в древнерусской живописи фиксируется новая монументальность, скульптурность, укрупнение и утяжеление

форм, но элементы динамичного стиля сохраняются: Кирилловская церковь в Киеве, Успенский (1189 г.) и Дмитриевский (1195 г.) соборы во Владимире, собор Рождества Богородицы в Суздале (1222–1225 г.), икона Спас Златые Власы, Евангелие Апракос 1220-х годов [Сарабьянов, Смирнова, с. 148, 157, 173–185].

В резьбе Дмитриевского и Успенского соборов, собора Рождественского монастыря во Владимире конца XII в. (1190-е годы) сохраняются извивающиеся побеги, возрастают пышность растительных элементов, плотность и сложность орнаментов [Вагнер, 1969, с. 222–228, 364–374]. В рельефах первой трети XIII в. Рождественского собора в Суздале (1222–1225 г.) и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234 г.) линейность преодолевается, важную роль играют монументальность и пространственность форм, относительная реалистичность фигур с гармоничными пропорциями. Возрастают сложность и плотность растительного и плетеного орнаментов. Элементы приобретают «сочность», пышность и живописность: волосы причесок, растения, шерсть и хвосты животных [Вагнер, 1964, с. 48–50, 122–135, 168–179; Вагнер, 1966, с. 25–30; Вагнер, 1975, с. 18, 36–46, 66, 79–90].

Междисциплинарное изучение позволяет увидеть археологический материал кладов в русле развития древнерусского искусства и культуры, а также уточнить его датирование.

Литература

Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014.

Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С. История древнерусской живописи. М., 2007.

Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польской. М., 1964.

Вагнер Г. К. Мастера древнерусской скульптуры. М., 1966.

Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. М., 1969.

Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. М., 1975.

О. Ф. Жолобов (КФУ)

К ЭВОЛЮЦИИ ИМПЕРФЕКТА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В древнерусских источниках образование имперфекта имеет особенности, отчетливо отличающие его от старославянских форм. Приходится признать существование древнерусского имперфекта в качестве живой грамматической подкатегории. Даже нестяженные формы имперфекта, не говоря уже о стяженных, при копировании старославянских источников в древнерусских списках не совпадают с исходными (вѣдѣаше ЕвО 1056–1057, 23г13 (ст.-сл. вѣдѣаше), хотѣаше 182в17 (ст.-сл. хотѣаше); идѣаше Изб 1073, 46г (ст.-сл. идѣаше); хотѣаше ЕВА 1092, 12а и под.). Речевой автоматизм вызывал последовательную замену старославянских форм, которые, вообще говоря, древнерусскому звуковому строю не были противопоказаны. Такая же картина наблюдается и в более поздних списках, антиграфами которых являлись ранние древнерусские копии. В консервативной новгородской традиции такие формы наблюдаются еще во второй половине XIII в., хотя и значительно уступают по количеству стяженным: прихѣдѣаше ПРН XIII₂, 1016 (< прихѣдѣаше, прихѣдѣаше), полѣахѣ 109в (< полѣахѣ), воудѣаше 1166 (< воудѣаше); идѣахѣ Зах 1271, 10г (< идѣахѣ), вѣаше 184а (< вѣаше), говѣаше 2366 (< говѣаше) и под.

Выразительной чертой древнерусского имперфекта является развитие форм от основ настоящего времени. Поскольку основы настоящего времени имели двойственную — имперфективную и перфективную — природу, в древнерусских источниках получают распространение формы перфективного имперфекта, которые, казалось бы, противоречат его базовой семантике обозначения действия, протекающего, длящегося в прошлом. См. имперфекты от перфективных основ настоящего времени в Житии Феодосия Печерского: прихѣдѣаше СБУ XII/XIII, 296, измѣлашѣць 36а, садѣаше 366, вѣстанѣаше 386, лѣажашѣць, вѣсѣдѣаше 436, дѣръзнахѣ 596. На фоне несомненных основ презенса с основами настоящего времени вероятнее всего соотнесены и образования, у которых отсутствие палатального согласного в исходе основы допускает аналогию с инфинитивом. Среди подобных основ представлены как перфективные (коу|пѣахѣ 36а, прослав|аше 38г, распоу|стѣаше 406, вѣ|звратѣашесѣ 49в, ѿпоу|стѣаше 49г, вѣ|звѣстахѣ|ть 60а), так и имперфективные (сла|вѣаше 39г, наводѣаше 506, ѿходѣаше 57а, излазѣаше 576, прихѣдѣаше 59в, исходѣахѣ|ть 59г) и под.

Исследование Ю. С. Маслова [Маслов], а также новые наблюдения А. А. Зализняка [Зализняк, с. 94–106] позволяют предположить, что распространенность перфективного имперфекта в древнерусской письменности на фоне редких форм перфективного имперфекта в старославянских памятниках доказывает его связь с восточнославянским узусом. Поскольку все основные типы перфективного имперфекта, обозначавшего многократное действие в прошлом, обнаруживаются в древнечешском, а также в сербохорватских источниках, естественно возводить его происхождение к праславянскому языку. Судя по всему, древнерусский перфективный имперфект тесно связан с хабитуальностью. Чтобы подтвердить развитие хабитуалиса в древнерусском, необходимо расширить круг источников. В. Б. Крысько [Крысько] полагает, что пока рано говорить о региональной принадлежности перфективного имперфекта, судя по его примерам в южнославянских первоисточниках. Заметим, что он наблюдается, в частности, в Зах 1271, восходящем к кирилло-мефодиевскому переводу.

¹ Исследование ведется при поддержке РГНФ (проект 15–04–00283а).

Наконец, древнерусскую письменность характеризует так называемый аугментный имперфект, дискуссия о происхождении и функциональной природе которого недавно возобновилась [Страхова; Жолобов, с. 134].

Источники и сокращения

- ЕвА 1092 – Архангельское евангелие 1092 г.: интернет-издание (<http://manuscripts.ru>).
ЕвО 1056–1057 – Остромирово евангелие 1056–1057 г.: интернет-издание (<http://manuscripts.ru>).
Зах 1271 – Захаринский паримейник 1271 г., РНБ, Q.п.1.13. 264 л.; Жолобов О. Ф., Кузовенкова А. И. Захаринский паримейник 1271 г.: интернет-издание и онлайн-указатели (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).
Изб 1073 – Изборник 1073 г.: интернет-издание (<http://manuscripts.ru>).
ПРНХIII, – Паренесис Ефрема Сирина 70–80-х г. XIII в., РГАДА. Тип. 38. 143 л.; Жолобов О. Ф. Паренесис Ефрема Сирина 70–80-х г. XIII в.: интернет-издание и онлайн-указатели (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>).
СбУ XII/XIII – Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1974.

Литература

- Жолобов О. Ф. О рефлексах *ti-* и *t-* форм глаголов в древнерусском языке // *Russian Linguistics*. 2014. 38. С. 121–163.
Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.
Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль*. М., 2011. Т. II. С. 798–837.
Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // *Вопросы славянского языкознания*. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.
Страхова О. С. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // *Palaeoslavica*. 2011. XIX (2). С. 240–293.

А. Е. Жуков (БАН)

К ВОПРОСУ О ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ «ЛЕТОПИСЦА НАЧАЛА ЦАРСТВА»

Выявление источников «Летописца начала царства» не становилось предметом специального изучения. Как правило, исследователи ограничивались констатацией факта, что большая часть известий попала в «Летописец» из официальных документов — посольских и разрядных материалов. Остается невыясненным, использовались ли другие летописные памятники при его составлении.

Исследователи предполагали, что при создании «Летописца начала царства» использовался текст, близкий к Воскресенской летописи [Лавров, с. 88; Зимин, с. 34; Морозов, 2005, с. 106]. Однако этот памятник завершается 1542 г. Не установлено, привлекались ли какие-либо летописные источники в изложении событий за последующие годы. С. А. Морозов на основании сопоставления Постниковского летописца и «Летописца начала царства» пришел к выводу, что в части с 1541 по 1547 г. они восходят к общему источнику — Своду 1547 г. [Морозов, 1982, с. 114–119; Морозов, 1984, с. 60–62]. Однако это предположение не кажется нам убедительным, поскольку «Летописец начала царства» и Постниковский летописец не имеют текстологических совпадений.

Существует еще один памятник, содержащий сходные с «Летописцем начала царства» известия. Это летописный отрывок, который был опубликован И. А. Жарковым по списку XVII в. (РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 385/815) [Жарков, с. 23–26; Тихомиров, с. 77–79]. Мы обнаружили более ранний список с этими статьями, который находится в составе конволюта БАН. Арханг. Д. 193 и датируется 50-ми годами XVI в. С. О. Шмидт назвал это произведение Сказаниями о Московских пожарах и высказал догадку, что это может быть фрагмент митрополичьего летописания [Шмидт, с. 24–25]. Действительно, кроме текстов о пожаре 1547 г. отрывок содержит ряд других известий, которые И. А. Жарков не опубликовал. В текст включены статьи о венчании на царство, о свадьбе великого князя, о местнических позициях монастырей и о падении колокола (БАН. Арханг. Д. 193. Л. 360–361 об.). Эти записи относятся к 7055 (1547) г. В самом конце отрывка помещено известие «О трусе» 7050 (1542) г. Это позволяет предположить, что перед нами фрагмент какого-то несохранившегося летописного сочинения.

Тексты «Летописца начала царства» и Сказаний существенно различаются в описании событий, связанных с пожаром 1547 г., однако в одном фрагменте, как представляется, сходны текстологически. Так, в тексте о последствиях пожаров в Сказании сообщается: «Богу попускающе казнь на ны, овогда пожаром, овогда ратию и междуособною бранию, овогда моромъ и напрасною смертию, нас грешных на разум наводя. А летописецъ и старые люди сказывают: «Таков пожар на Москве не бывал». Тогда же стоял князь великий в Воробье в селе своем» (БАН. Арханг. Д. 193. Л. 367 об. — 368). В «Летописце начала царства» этот текст передан в следующем виде: «Бог же праведным своим судом приводя нас на покаяние, ово убо пожаром, ово убо гладом, ово же убо ратных находениемъ, ово убо мором. Прежде убо сих времен памятные книзи временныи пишут, таков пожар не бывал на Москве... А после пожару стоял царь князь великий в своем селе в Воробье...». Отрывки в обоих памятниках сходны текстуально. Кроме того, в них дается отсылка к некоему летописному источнику. Малоубедительным представляется

нам предположение С. О. Шмидта о том, что сами Сказания послужили источником «Летописца начала царства» [Шмидт, с. 25]. Обозначим только один пример, когда в «Летописце» текст более исправен. Так, второй пожар по версии «Летописца начала царства» произошел 20 апреля 1547 г. Эта же дата приведена в Постниковском летописце¹. В Сказаниях точная дата не указана, но читается, что бедствие случилось «того пожару минув три дни» (первый пожар был 12 апреля) (БАН. Арханг. Д. 193. Л. 362). Следовательно, по версии Сказаний это событие случилось 15 апреля. По каким причинам произошел данный сдвиг в хронологии, сказать сложно. Однако очевидно, что «Летописец начала царства» передает более исправное чтение. Скорее всего, оба памятника восходят к общему источнику.

Таким образом, в известиях после 1542 г. составитель «Летописца начала царства» обращался к какому-то летописному источнику. Из него было заимствовано известие о пожаре 1547 г. Он доходил по крайней мере до этой даты. К этому же источнику обращался составитель летописного отрывка, известного в историографии как Сказания о Московских пожарах.

Литература

Жарков И. А. К истории московских пожаров 1547 г. // ИА. М., 1962. № 3. С. 223–226.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 55–90.

Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

Морозов С. А. О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 110–121.

Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники. М., 1984. С. 59–74.

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 51; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 29.

Е. Н. Жукова, Ю. В. Степанова (ТвГУ)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО РАССЕЛЕНИЯ В ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ¹

Погребальные памятники XIV–XVII в. Верхневолжья до настоящего момента остаются практически не изученными. Их обнаружение связано с определенными трудностями, поскольку такие могильники зачастую не имеют внешних признаков. Раскопаны лишь немногие из них, при этом изучение чаще всего проводилось в рамках полевых исследований многослойных памятников.

На важность изучения данного типа памятников указывал А. А. Спицын в своей работе 1921 г., где обобщены сведения, в том числе и о местонахождениях позднесредневековых кладбищ Тверской губернии. По его мнению, это «...дает возможность точно определять местоположение пустошей, а это имеет большое значение для вопроса о колонизации края, почему сведения о жальниках и старых кладбищах должны быть подвергаемы непрерывной регистрации»².

Единой терминологии в отношении бескурганных погребальных сооружений не сложилось. Под термином «могилища», «заброшенные кладбища», «находки человеческих костей», «могилы с валунными камнями», «надгробные памятники» могли пониматься как христианские кладбища, так и жальничные погребальные комплексы.

Из 1024 памятников, зафиксированных в дореволюционное время, на позднесредневековые кладбища приходится 150 случаев (14,6 %). Из них на 37 объектах по современной археологической карте зафиксированы памятники Средневековья (1–2 на объект): 30 селищ (из них только 5 относятся к древнерусскому времени), 5 курганных групп, 4 позднесредневековых грунтовых могильника, 3 средневековых городища, 3 сопочных могильника. Таким образом, из общего числа «заброшенных кладбищ» в 25 % случаев дореволюционные сведения подтверждаются современными разведочными данными и соотносятся с памятниками преимущественно позднего Средневековья, в 4 % — это предполагаемые сведения по зафиксированным средневековым погребальным памятникам более раннего периода. Актуальность этой проблематики тем более не вызывает сомнения, поскольку данные о позднесредневековых селищах на территории Тверской области собраны в минимальном объеме.

Данные по могильникам можно сопоставить с данными письменных источников позднего Средневековья, прежде всего писцовыми описаниями. В Историческом атласе Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495–1496 г.), составленном А. А. Фроловым и Н. В. Пиотух [Фролов, Пиотух], некоторые данные по юго-восточным погостам Новгородской земли (Велила, Жабенский, Посонский, Ясеновичский) соотносятся с кладбищами северо-западного региона

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ и Администрации Тверской области научного проекта научного проекта № 15-11-69002.

Архив Тверского государственного объединенного музея. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 267. Л. 42.

Тверской губернии. Из 13 заброшенных кладбищ 7 соответствуют деревням XV в.: Бохот, Колпино, Лукьяново, Скоморохово, Старое, Хотимирицы, Фешино [Фролов, Пиотух, т. 1, 2].

Локализация средневековых поселений Тверского уезда [Кутаков, Степанова] позволила соотнести места нахождения позднесредневековых кладбищ с топонимами писцовых книг XVI в. Из 16 кладбищ, располагавшихся на территории Тверского уезда XVI в., 4 соотносятся с крупными селами, являвшимися центрами вотчинных или поместных владений (села Мичково, Емельяново, Бели Кушальские, Теребино), и располагались, по-видимому, при храмах; 7 являлись монастырскими кладбищами (в селах Калицыно, Дмитровское, Кушалино, Б. Перемерка, Никольское, Заболотье, Никола). Еще 5 соотносятся с деревнями, в XVI в. входившими в поместные и вотчинные владения (Тованово, Ягодино, Ферязкино, Старое Константиновское, Григорьево). Таким образом, можно выделить кладбища, находившиеся при храмах, в монастырях или крупных селах, являвшихся административными и церковными центрами сельской округи, а также деревенские кладбища, вероятно использовавшиеся населением нескольких окрестных поселений.

Среди них в трех местностях позднесредневековые кладбища располагались, по-видимому, в одном комплексе с древнерусскими курганами (Емельяново, Ягодино, Большие Перемерки). Сочетание погребений XI–XIII в. и позднесредневековых в одном могильнике зафиксировано в ряде погребальных комплексов Верхневолжья, что свидетельствует о преемственности погребального обряда.

По материалам исследований начала XX в. выявляются также 7 памятников, соотносимых с пунктами Бежецкого, 11 – Новоторжского, 5 – Ржевского, 1 – Зубцовского, 8 – Старицкого уездов XVI–XVII в. Таким образом, локализация позднесредневековых могильников дает дополнительные возможности для изучения средневекового расселения в Верхневолжье.

Литература

Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Тверской уезд в XVI в. по данным писцовых описаний: опыт создания геоинформационной системы // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Петрозаводск, 2013. № 40. С. 115–120.

Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495–1496 годов). М.; СПб., 2008. Т. 1–3.

Л. И. Журова (Институт истории СО РАН)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ «СОБОРНИКА»

Самым известным памятником творчества митрополита Даниила признан «Соборник», составленный самим автором из 16 обширных Слов. Первые выводы о его рукописной традиции сделаны В. Жмакиным в 1881 г., установившим, что «разность чтений между списками Даниловского сборника очень незначительна» [Жмакин, с. 262]. Краткий опыт изучения списков «Соборника» предложен современным исследователем Ю. С. Стариковым [Стариков]. Сегодня далеко не все вопросы литературной истории «Соборника» решены.

Из шести известных списков «Соборника» предметом настоящего анализа будут две рукописи XVI в.: РГБ. Ф. 173/1 (собр. МДА). № 197, конец 20-х – 30-е г. XVI в. (далее – *М*), и РНБ. F.I.522, конец (?) XVI в. (далее – *П*) [Клосс, с. 77, 109]. Главная особенность двух списков «Соборника» – неполнота состава, но это еще не дает оснований для выделения Краткой редакции. В них отсутствует «Наказание» заключительного Слова 16 («О втором браке»). Текст рукописей XVI в. заканчивается абсолютно одинаково: на «свидетельствах» («Святого Никифора патриарха Коньстантинаграда и сущих с ним святыхъ отецъ. Правило 24... 25... 26»). Далее в обеих рукописях оставлен чистым последний лист, что может указывать на незавершенность авторского свода. Рукопись *М*, правленная рукой Даниила, оказалась недописанной? «Наказание» Слова 16, известное в списках XVII–XVIII в. (например, ГИМ. Собр. Хлудова. № 87), по содержанию совсем не связано с темой «О втором браке» (оно посвящено рассуждениям о труде и тунейдстве) и, по оценке В. Жмакина, «отличается силою слова и красноречием» [Жмакин, с. 533]. История «Наказания», архипастырского наставления, может свидетельствовать о поэтапном формировании Слов «Соборника» [Журова].

Специфика истории средневекового авторского текста, в отличие от анонимного, состоит в устойчивости его рукописной традиции. Разночтений между ранними списками «Соборника» (*М* и *П*) чрезвычайно мало, например, на 3000 слов приходится всего 10 разночтений, из них 2 семантического характера, а 8 – грамматического (Слово 2, «О смирении враждующих»).

На основе текстологического анализа *М* и *П* можно утверждать, что более исправен и первичен список *М* (В. Жмакин считал древним и полным список *П*). Основной тип разночтений в *П* – писцовые ошибки. Например, в *М* «многих умучиша и смерти предаша» (Слово 1, л. 40 об.) – в *П* «многих умучиша и смерти»; в *М* «весь уставъ христианскаго житиа: на поставление патриархом, молитвы и уставы... и на поставление цареи» (Слово 3, л. 64 об.) – в *П* «весь уставъ христианскаго житиа: наставление патриархом, молитвы и уставы... и на поставление цареи»; в *М* «вѣкъ подражаетъ подобиемъ» (Слово 4, л. 111 об.) – в *П* «вѣкъ порождаетъ подобиемъ»; в *М* «всяко о семь тѣание и подвигъ показати» (Слово 5, л. 202 об.) – в *П* «всяко о всемъ тѣание и подвигъ показати»; в *М* «Друзии же, недугом зависти одержими, многихъ напастем и бедам предаютъ» (Слово 15, л. 482) – в *П* «Друзии же, недугом зависти одержими, многимъ напастем и бедам предаютъ» и др. Единственный заметный пропуск в *М* (оценен В. Жмакиным как доказательство неполноты списка *М*) – глагология: «пѣния господскимъ»

праздникомъ» (Л. 64 об.), во всех остальных списках: «пѣнія: и сѣдальны, и тропари, и кондаки, и степенны, и всенощныя уставы и пѣнія господскимъ праздникомъ». Эти и другие немногочисленные разночтения отражают труд переписчиков *П*, но не позволяют определить развитие авторского замысла. Внешняя картина текстологии сочинений Даниила стабильна и единообразна, практически нет «движения материала».

Работу автора можно проследить при анализе текста выписок, составивших второй раздел («свидетельства») Слов митрополита, которые следует рассматривать как подготовительные материалы трудов средневекового писателя [Буланин]. Во-первых, установлено, что Даниил использовал разные источники (разные переводы) одного и того же сочинения в качестве «свидетельств» в Словах «Сборника». Даниил мог по памяти цитировать святых отцов. Так, в Слове 3 и Слове 4 одни и те же выписки из «Послания Василия Великого о Святом Духе к Амфилохию, епископу Иконийскому» текстуально различаются. Например, в Слове 3 читаем: «Потребнѣ убо молитвы яже во инѣ стоящии исполняти, Црковь наказует своих чад» (л. 82); в Слове 4: «Достоинѣ убо, яже в немѣ молитвы стояще исполняти, своя питомца Цркви наказует» (л. 111)¹. Анализ «внутреннего» текста, или текста в тексте, дал более значимые результаты для анализа творческой деятельности церковного писателя, нежели коллация списков «Сборника».

Во-вторых, отмечено, что правка (чрезвычайно важный момент истории текста) в *М* и *П* сделана только в «свидетельствах». Следовательно, особенно тщательно вычитывалось «чужое» слово, автор и редакторы выпискам придавали исключительное значение, тогда как Макарий Булгаков, В. Жмакин, Е. Е. Голубинский писали, что они «имеют мало смысла», что их подбор не понятен.

Перспективно исследование сходных сюжетов «Сборника» и Сводной Кормчей Даниила.

Литература

- Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3–13.
Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
Журова Л. И. «Наказания» в структуре Слов «Сборника» митрополита Даниила // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 50–57.
Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
Стариков Ю. С. Рукописная традиция «Сборника слов» митрополита Даниила Московского // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 36–50.

¹ В рукописи *М* на поле к слову «питомца» вписан вариант «чада», в рукописи *П* — «чада», в издании сочинений Василия Великого читается «питомца» (Святитель Василий Великий. Избранные творения. М., 2010. Т. 1. Ч. 4. Глава 27).

А. С. Золото (СПбГУ)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ГЮЛИСТАНА» СААДИ

«Гюлистан» — «Розовый сад» (озаглавленный в русских списках как «Персидский кринный дол») представляет собой сборник рассказов и анекдотов на различные темы, сопровождающихся нравоучительными выводами. Это произведение написано персидским поэтом-моралистом и философом Саади в 1258 г., а в 1654 г. оно переводится на немецкий язык голландским путешественником, участником голштинских посольств в Московию и Персию Адамом Олеарием. В конце XVII — начале XVIII в. делается русский перевод «Гюлистана» с одного из немецких изданий («Гюлистан» в переводе Олеария издавался трижды — в 1654, 1660 и 1696 г.), однако, с какого именно, точно не известно. В настоящем сообщении предпринимается попытка ответить на этот вопрос.

А. И. Соболевский считал, что перевод сделан с гамбургского издания 1696 г. [Соболевский, с. 76], М. Д. Каган предположила, что время появления русского текста — 80-е годы XVII в. [Каган, с. 28]. А. И. Соболевский и М. Д. Каган подробно не исследовали рукописную традицию этого памятника, их мнение о создании русского перевода слабо аргументировано. На наш взгляд, вопрос о времени перевода можно решить, изучив конвой этого произведения в русских рукописях в сравнении с немецкими изданиями «Гюлистана». (Палеографический анализ двух известных на настоящий момент рукописей РНБ. Ф.XVII.4 (далее — Фроловский список) и РНБ. Ф.XV.12 (далее — Толстовский список) не дал результатов: набор филиграней, тип переплета, нумерация листов и тетрадей позволяют датировать текст как 80-ми годами XVII в., так и рубежом веков).

Толстовский список представляет собой сборник, содержащий четыре текста: «Персидский кринный дол», басни Локмана, арабские изречения, первые две главы «Персидского деревенного сада», но нумерация в нем начинается с л. 174. Это позволяет предположить, что Толстовский список представляет собой продолжение другой рукописи. Фроловский список включает, помимо вышеперечисленных текстов¹, также «Восточную езду» Юргена Андерсена и Волькверта Иверсенского и «Китайское рассказание» Мартинуса без начала.

«Гюлистан» в немецком переводе Олеария издавался трижды: издания 1654 и 1660 г. содержат только «Гюлистан», а гамбургское издание 1696 г. — это 4-томный сборник, в котором «Гюлистан» окружен другими произведениями, связанными с Востоком. В 1-й том входят «Путешествие в

¹ Из «Персидского деревенного сада» во Фроловском списке представлена только 1-я глава без последнего листа.

Московию» Олеария и «Описание Персиды» Сансона, во 2-й — «Восточная езда» Мандельсло, в третий — «Восточная езда» Юргена Андерсена и Волькверта Иверсенского и «Китайское рассказание» Мартиниуса, в 4-й — «Гюлистан» и «Бустан» (в русских переводах обозначенный как «Персидский деревянный сад»).

Содержательно Фроловский список дублирует 3-й и 4-й тома гамбургского издания, правда, в нем отсутствует окончание «Персидского деревянного сада» и начало «Китайского рассказания», а Толстовский список — часть 4-го тома. Из этого следует, что версия А. И. Соболевского, возводящего Фроловский список к гамбургскому изданию 1696 г. и датирующего его концом XVII в., на наш взгляд, является верной.

В пользу последнего заключения говорят и результаты поиска остальных фрагментов когда-то, видимо, единой рукописи. Так, рукопись Отд. Ш. № 1. 134 из собрания Императорского Одесского общества истории и древностей содержит конец «Персидского деревянного сада» (фрагмент 4-го тома гамбургского издания), начало «Китайского рассказания» (фрагмент 3-го тома гамбургского издания), а также «Восточную езд» Мандельсло (соответствует 2-му тому гамбургского издания) [Рыстенко, с. 59]. Нам удалось обнаружить рукописи БАН. 34.3.1 и РНБ. F.IV.115, где имеются тексты, соответствующие 1-му тому гамбургского издания 1696 г.: «Путешествие в Московию и Персию» Олеария и «Описание Персиды» Сансона. Палеографический анализ указанных рукописей позволяет утверждать, что список БАН. 34.3.1 и Фроловский список, список РНБ. F.IV.115 и Толстовский список — части одной рукописи.

Итак, в конце XVII — начале XVIII в. на Руси был сделан полный перевод гамбургского издания 1696 г., включавшего в себя, в частности, «Персидский кринный дол». Несомненно, «Персидский кринный дол» был переведен вместе с другими текстами, то есть появился не раньше 1696 г. Из этого следует, что точка зрения А. И. Соболевского на датировку и источник «Персидского кринного дола» представляется более точной, нежели версия М. Д. Каган.

Литература

Каган М. Д. «Персидский кринный дол» и «Персидский деревянный сад» // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3. XVII в. Ч. 3. С. 28–29.

Рыстенко А. В. Рукописи, принадлежащие библиотеке Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1910. Вып. I.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903.

Н. П. Иванова (АлГУ)

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ТЕМАТИЧЕСКИМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ БАЗЫ ДАННЫХ «ХРОНОЛОГИЯ НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ IX — СЕРЕДИНЫ XV в.»)

Идея анализа тематики летописных известий и выявления закономерностей в их освещении не нова [Квирквелия; Лаушкин; Гимон, 2012; Гимон, 2014]. Целью данной работы является демонстрация перспектив использования технологии баз данных для выявления и систематического анализа тематики сообщений новгородского летописания на протяжении всего периода его существования. На основе созданной автором базы данных «Хронология новгородского летописания IX — середины XV в.» (пока внесены данные Новгородской первой летописи — Синодальный и Комиссионный списки (в таблицах — НПЛ-С, НПЛ-К), Новгородской четвертой летописи (в таблицах — НЧЛ) и Софийской первой летописи (в таблицах — СПЛ)) было выделено несколько тематических групп [Иванова]. База данных дает возможность делать аналитические обзоры по разным направлениям на всем хронологическом отрезке.

Продемонстрируем некоторые возможности использования указанной технологии на примере одной тематической группы — астрономические явления. Распределение таких сообщений по летописям и векам можно посмотреть в таблице 1.

Можно отметить некоторые особенности, связанные с этой тематической группой. Наблюдается концентрация сообщений об астрономических явлениях в НПЛ в XII в. и их фрагментарность в новгородско-софийской группе. На период наибольшего упоминания астрономических явлений (одиннадцать) приходится деятельность летописца князя Всеволода, летописцев архиепископов Нифонта, Ильи, Гавриила и Мартирия [Гиппиус, с. 21]. В этом интервале определенно прослеживается особый интерес составителей летописи к фиксации астрономических явлений. Только Кирик Новгородец зарегистрировал четыре астрономических явления из одиннадцати, причем, как и летописец Всеволода. Итак, систематический анализ сообщений об астрономических явлениях новгородского летописания позволяет отметить некоторые закономерности в фиксации астрономических явлений как в отдельных группах летописей, так и по векам. Наблюдается корреляция между сменой летописцев и их интересом к данной тематике.

Таблица 1

Количество сообщений об астрономических явлениях в новгородских летописях по векам

Летопись/подтема/ век	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	Всего событий
НПЛ-К			2	9	5	7	3	26
Необычное небесное явление				1		1		1
Кометы			1				1	2
Лунные затмения и фазы луны				1	2	1		4
Полярное сияние, метеорит			1			1		1
Солнечные затмения				7	3	4	2	16
НПЛ-С			2	11	5	2		20
Необычные небесное явления				1				1
Кометы			1					1
Лунные затмения и фазы луны				3	2			4
Полярное сияние, метеорит			1					1
Солнечные затмения				7	3	2		12
НЧЛ		1	3	8	8	7	3	30
Необычное небесное явление				2	1	1		2
Кометы		1	1		1	2	1	6
Лунные затмения и фазы луны				1	2			3
Полярное сияние, метеорит			1	2	1			4
Солнечные затмения			1	3	3	4	2	13
СПА		1	3	6	7	9	2	28
Необычное небесное явление				2	1	1		2
Кометы		1	1			2	1	5
Лунные затмения и фазы луны					2	1		3
Полярное сияние, метеорит			1	1	1	1		3
Солнечные затмения			1	3	3	4	1	12
Всего событий		2	10	34	25	25	8	104

Таблица 2

Перечень астрономических явлений новгородских летописей

Известие	НПЛ-С	НПЛ-К	НЧЛ	СПА
Появление кометы Галлея (912 г.)			6419	6419
Полярное сияние 1028 г.	6536	6536	6536	6535
Появление кометы Галлея (1066 г.)	6573	6573	6573	6573
Солнечное затмение 21 мая 1091 г.			6596	6596
Полярное сияние 1102 г.			6608	
Необычное небесное явление			6612	6612
Полярное сияние / Метеорит (?) 1110 г.			6618	6619
Солнечное затмение 19 марта 1113 г.			6622	6622
Солнечное затмение 23 июля 1115 г.	6623	6623		
(?) Лунное затмение 16 июня 1117 г.	6625	6625	6625	
Солнечное затмение 11 августа 1124 г.	6632	6632	6632	6632
Солнечное затмение 30 марта 1131 г.	6639	6639		
Солнечное затмение 2 августа 1133 г.	6641	6641		

Сообщение о фазе Луны 19 июля 1136 г.	6644			
Солнечное затмение 20 марта 1140 г.	6648	6648		
Необычное небесное явление 22 января 1141 г.			6649	6649
Необычное небесное явление 1 апреля 1141 г.	6649	6649		
(?) Лунное затмение 25 марта 1150 г.	6657			
Солнечное затмение 1 мая 1185 г.	6693	6693	6693	6693
Солнечное затмение 4 сентября 1187 г.	6695	6695		
Полярное сияние / метеорный поток Леониды 18 октября 1202 г.			6710	6710
Необычное небесное явление 1204 г.			6712	6712
Сообщение о фазе Луны 1205 г.	6713	6713		
Комета Галлея 1222 г.			6732	
Солнечное затмение 14 мая 1230 г.	6738	6738	6738	
Солнечное затмение 3 августа 1236 г.	6745	6745	6744 и 6745	6744 и 6745
Лунное затмение 12 ноября 1258 г. или 1 ноября 1259 г.	6767	6767	6767	6767
Солнечное затмение 23 марта 1270 г.	6779	6779		6779
Лунное затмение 14 февраля 1291 г.			6798	6798
Солнечное затмение 26 июня 1321 г.	6829	6829	6829	6829
Дневное наблюдение Венеры 25 августа 1331 г.		6839	6839	6839
Солнечное затмение 30 ноября 1331 г.	6839		6839	
Лунное затмение 23 ноября 1360 г.		6868		6868
Полярное сияние 1361 г.		6868		6868
Солнечное затмение 7 августа 1366 г.			6874	6874
Комета 1367 г.			6876	6876
Солнечное затмение 29 июля 1375 г.		6883	6883	6883
Комета 1381 г. / (?) Комета Галлея 1378 г.			6890	6890
Солнечное затмение 1 января 1386 г.		6893		
Солнечное затмение 29 октября 1399 г.		6907		6908
Комета в феврале-марте 1402 г.		6910	6910	6910
Солнечное затмение 16 июня 1406 г.			6914	
Солнечное затмение 7 июня 1415 г.		6923	6923	6923
(?) Солнечное затмение 26 июня 1424 г.		6931		

Литература

- Квирквелия О. Р. Методика анализа системы умолчания Новгородской I летописи // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986. С. 83–97.
- Лаушкин А. В. Точные датировки в древнерусском летописании XI–XIII вв.: Закономерности появления // ВЕДС–XVI: Время источника и время в источнике. М., 2004. С. 101–104.
- Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6–3. С. 42–47.
- Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2014.
- Гиппиус А. А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. АДД. М., 1996.
- Иванова Н. П. Возможности применения технологии баз данных для выявления и анализа тематики новгородских летописей (по материалам новгородского летописания) // Известия Алтайского государственного университета: Сер. История, политология. 2014. № 4/2 (84). С. 109–120.

В. В. Игошев (ГосНИИР)

СТРОГАНОВСКИЕ МАСТЕРСКИЕ СЕРЕБРЯНОГО ДЕЛА В СОЛЬВЫЧЕГОДСКЕ В XVI–XVII в.

До настоящего времени сохранились сотни произведений, изготовленных из серебра по заказам Строгановых — богатейших промышленников и купцов, по словам Н. М. Карамзина, «усердных стражей земли Пермской», «населителей пустынь Чусовских», «купцов — Владетелей». Строгановское художественное серебро XVI–XVII в. (церковного и светского характера) является малоизученной областью древнерусского искусства, в отличие от строгановской иконописи и лицевого шитья.

Возникновение, становление и развитие мастерских серебряного дела в Сольвычегодске — родовой вотчине именитых людей связано с именами нескольких поколений Строгановых: родоначальника сольвычегодско-пермской ветви — Иоанникия (Аники) (1497–1569), его сыновей: Григория († 1577), Якова (1529–1577), Семена († 1586) и внуков: Максима (1556–1624), Никиты (1561–1616), Андрея (1581–1649), Петра (1583–1639). Произведения из серебра, сделанные по заказам именитых людей, имеются в коллекциях многих музеев. Это Сольвычегодский и Государственный исторический музей, Музеи Московского Кремля, Третьяковская галерея, Русский музей, Великоустюгский, Вологодский и Архангельский музеи, Пермская галерея, Музей им. Андрея Рублева, Музей икон в Реклингаузене и другие собрания.

До настоящего времени все еще нет единого мнения о том, где и кем изготавливались строгановские серебряные предметы XVI–XVII в. Некоторые исследователи считали, что такие вещи созданы исключительно московскими мастерами. Причем если Г. Н. Бочаров и В. П. Выголов полагали, что серебряные оклады икон и другие произведения сделаны московскими мастерами в Сольвычегодске, то В. Г. Пуцко, утверждал, что серебряные оправы с резными складнями и другие изделия, сохранившиеся в Сольвычегодском музее, выполнены в Москве. М. М. Постникова-Лосева отмечала, что особая заслуга в развитии в Сольвычегодске художественных ремесел — скани и эмали — принадлежала Строгановым. Н. Н. Померанцев впервые атрибутировал предметы, выполненные в технике расписной эмали на белом фоне, как работу сольвычегодских мастеров конца XVII — начала XVIII в. и ввел специальный термин — «усольская эмаль» — от древнего названия Сольвычегодска — Усолье, причем происхождение и распространение таких эмалей им связывалось с деятельностью Строгановых. Вслед за Н. Н. Померанцевым многие исследователи считали, что изделия расписной эмали на белом фоне конца XVII — начала XVIII в. были изготовлены в строгановских мастерских. И. А. Бобровницкой наряду с сольвычегодскими эмальями опубликованы аналогичные произведения, изготовленные в Вятке и Москве, в результате проведенного исследования она ставит под сомнение возникновение и причастность сольвычегодских расписных эмалей к мастерским Строгановых.

В целях атрибуции многочисленных памятников, выполненных строгановскими серебряниками, автором доклада исследованы письменные и изобразительные источники XVII–XX в. Большое внимание уделено комплексному исследованию серебряных предметов, сохранившихся в музейных собраниях и утраченных, известных лишь по фотографиям и письменным источникам. На вещах прочитаны надписи, изучены стилистические и технологические особенности.

Архивные документы указывают, что в родовом гнезде именитых людей — Сольвычегодске во дворах Строгановых уже в последней трети XVI в. имелись художественные мастерские. Сольвычегодск, основанный в XV в., расположенный на берегу реки Вычегды, с XVI в. был важным торговым пунктом Русского Севера и центром обширных вотчинных земель Строгановых, связывающим Архангельск и Москву с Сибирью. Для работ в сольвычегодских мастерских привлекались серебряники из своих кабалных людей, а также искусные мастера разных специальностей из Москвы, Пскова, Великого Новгорода и других регионов России.

В строгановских мастерских вместе с иконописцами работали мастера серебряного дела разных специальностей: сканщики, резчики, чеканщики, басманщики, литейщики, черногового и эмалевого дела, а также крестечники, которые вырезали из дерева и кости кресты наперсные, нательные, напестольные, панагии, рельефные образки и складни. Здесь же трудились и писцы («писчики»), которые создавали рукописные книги для библиотек Строгановых. Они же делали образцы надписей вязью и вензеля для различных серебряных предметов. Примером такого сотрудничества строгановских мастеров разных специальностей является книгописный подлинник, созданный для Н. Г. Строганова в начале XVII в., где сложной вязью нарисованы пером различные образцы монограмм, предназначенных для резьбы на серебряных предметах: ковше, братине, стопе, кубке, блюде, лохани, рукомыльнике, сковороде, ставце, рассольнике, чернильнице, солонке, лимоннике, которые должны были быть изготовлены в мастерской Н. Г. Строганова.

Митрополиты Макарий (1542–1563 г.) и Афанасий (1564–1566 г.) благословляли Строгановых на постройку церквей, освобождая от всяких поборов и пошлин. Грамоты от московских митрополитов были присланы на имя Г. И. Строганова на постройку церквей в новых Пермских вотчинах. Для вновь

срубленных храмов и монастырей в собственных мастерских именитых людей создавались многочисленные окладные иконы, предметы богослужебной утвари и личного благочестия. Подобные предметы делались также для «крестовых горниц» Строгановых, где они использовались для домашнего богослужения.

Именитые люди не только были талантливыми организаторами всех художественных работ по обустройству и украшению своих домовых и отдаленных вотчинных храмов, но и обладали совершенным художественным вкусом, задавая определенную иконографическую программу для произведений и указывая мастерам на лучшие образцы церковного искусства, которым необходимо следовать. Поэтому неслучайно все произведения, изготовленные в строгановских мастерских, объединены единым очень органичным и ярким художественным стилем, который можно назвать — «строгановский».

И. В. Исланова (ИА РАН), Е. А. Деметьев (филиал ГАСК, Тверь)

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ИМОВОЛОЖСКОГО ПОГОСТА (ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

Вопрос о местоположении погоста Имоволожье неоднократно поднимался в научной литературе. В результате этот пункт удалось локализовать с точностью до расположенного в Вышневолоцком районе Тверской области озера Имоволожье.

Топоним впервые встречается в древнейшей восточнославянской гимнографической рукописи — Ильиной книге, датируемой рубежом XI—XII в. В переводе В. Б. Крысько упоминание звучит следующим образом: «Илия писал, бывший священник церкви Св. Вознесения; у братии Имоволожи я писал, там находясь» [Крысько, 2006, с. 223]. В. Л. Янин идентифицировал этот топоним с Имоволожским погостом [Янин, 1991, с. 149], речь о котором идет в договорных грамотах Великого Новгорода с князьями: «А на Имоволожском погосте куны ти имати и на Важанском»¹. Термин «Имоволож» есть в новгородской берестяной грамоте № 573, датируемой 60–70-ми годами XII в.², а «имоволожане» фигурируют в берестяных грамотах 50–60-х годов XII в. № 844, 885. Текст последней: «От имоволожан и от жабян к Петру и Якше. Шли мы на Млёво, а Иван с нами не ...?»³ — позволил В. Л. Янину определиться в поисках местоположения погоста: на озере Имоволожье, расположенном между погостами Млёво на Верхней Мсте и Жабны в бассейне р. Шлины [Янин, Зализняк].

В. Б. Крысько также пришел к выводу, что объект Имоволожь или Имоволоже, к концу XV в. приобретший сокращенную форму Имоволожь или Имоволоже, связан с озером Имоволожье [Крысько, 1999, с. 6]. По мнению В. Л. Янина, Имоволожский погост составлял восточную часть более позднего Коломенского погоста, тяготеющую к селу Березка [Янин, 2000]. «Переписная оброчная книга» (около 1495 г.) уже не знает Имоволожского погоста⁴. В писцовых книгах времени царя Михаила Федоровича значатся два погостных Коломенских округа: на озере Коломенском и на Берёзке [Неволин, с. 188].

В ожерелье озер левобережья Мсты, соединенных небольшими речками и протоками, озеро Имоволожье является одним из самых крупных. К началу XXI в. здесь было известно не менее 37 археологических объектов средневекового времени [Археологическая карта России, с. 65, 71–72, 77–79, 92–95, 106, 120, 121–122; рис. 25]. Несомненно, что искомым погост Имоволожье должен был находиться на одноименном водоеме или в непосредственной близости от него и, судя по тексту берестяной грамоты № 885, лежать на пути с р. Шлины к Млёво, что на р. Мсте, то есть на восточном берегу озера. «Претендентами» для поисков являются два пункта: 1) не исследовавшаяся ранее территория современной д. Березка и 2) селище Заречье 1.

Исследования в д. Березка (Березки) проводились нами в 2009, 2010, 2013 г. Выявленное здесь селище Березка 1 расположено на северном берегу озера Клин (на некоторых топокартах оно обозначено как восточный плёс оз. Имоволожья). Размеры поселения 250 × 40–50 м. В культурном слое была обнаружена керамика XV–XVII и XVIII — начала XX в. Артефакты древнерусского времени отсутствовали.

На селище Заречье 1 (первоначально зафиксированном как два пункта) рекогносцировочные работы были проведены в 2008, 2010 и 2013 г. Селище находится в 700 м к северу от д. Заречье на юго-восточном берегу оз. Имоволожье. Протяженность культурного слоя 450–500 м, ширина поселения — от 50 до 200 м. В керамике доминировали находки XI–XII в., встречены фрагменты посуды конца I тыс. н. э., XV–XVII в. и Нового времени. О неординарности этого древнерусского селища свидетельствуют и обнаруженные вещевые находки: две свинцовые пломбы дрогичинского типа, западноевропейский денарий, использовавшийся как подвеска, дирхам 992/993 или 993/994 г., фрагменты стеклянного перстня и железной кольчуги.

Крупные размеры поселения, его топография и полученные археологические материалы позволяют с достаточной степенью уверенности отождествить селище Заречье 1 с известным по письменным источникам Имоволожским погостом.

¹ ГВНП. С. 13, 36, 40, 47.

² www.gramoty.ru.

³ Там же.

⁴ Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 1-я половина. СПб., 1859. Т. 1. С. 71–100.

Литература

- Археологическая карта России. Тверская область / Авт.-сост. А. В. Кашкин, К. И. Комаров, Г. Г. Король, В. С. Нефедов, Г. А. Патрик, Б. Е. Янишевский. М., 2010. Ч. 3.
- Крысько В. Б. Из наблюдений над языком Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 3–15.
- Крысько В. Б. Еще раз об Имоволожи // Slavica Helsingiensia. 27. The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology. Helsinki, 2006. S. 222–233.
- Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853.
- Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В. Л. Имоволоже (из истории новгородско-княжеских отношений) // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 47–50.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 года // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 7. С. 594–605.

В. М. Кириллин (ИМЛИ РАН)

ОЦЕНКИ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА ПОСРЕДСТВОМ ИСТОРИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ В РАННИХ РУССКИХ ГОМИЛИЯХ

Одним из основных принципов размышления о человеке в Древней Руси был принцип исторического уподобления, когда личность литературного героя (а это всегда реальный исторический персонаж — князь, воин, боярин, церковный деятель) оценивалась через его сравнение с персонажами мировой — обычно библейской и христианской — истории, на которых он чем-то похож. Этот принцип чаще всего применялся в агиографии, ораторском дискурсе, историческом повествовании. Уже на ранней стадии развития древнерусской литературы он применен при оценке подвига великого князя Киевского Владимира Святославича как крестителя Руси в «Слове о Законе и Благодати» Илариона, в «Похвале Владимиру» Иакова Мниха, в «Чтении о житии Бориса и Глеба» Нестора Летописца и, наконец, в «Повести временных лет». И как показывает сравнение, исторические аналогии этих текстов отмечали разные черты характера князя, будучи очевидными рефлексами развития представлений о нем в древнерусском обществе. Так, согласно Илариону, Владимир Святославич — это прежде всего «подобникъ» Константина Великого, он равен ему по уму («равноумне»), такой же христоробец, так же чтит священнослужителей, так же «по всей земли своей» утвердил «вѣрѹ». Но уподобление Константину осложняется у Илариона, как известно, ветхозаветной параллелью: восхваляя Владимирову сына Ярослава-Георгия, ритор утверждает, что последний закончил начатое его отцом — возвел на месте старого деревянного каменный Софийский собор, как некогда Соломон закончил начатое Давидом строительство Иерусалимского храма. Таким образом, Иларион прямо помещал Владимира-Василия, а заодно и Ярослава-Георгия в единый ряд святых царей, прославившихся возведением величественных и главных соборов: Давид — Соломон — Константин — Василий — Георгий.

Иаков Мних также сопоставляет киевского князя с царем Давидом и императором Константином Великим. Но не удовлетворяется этим. Он вообще более настойчиво проводит исторические аналогии. Приняв крещение, Владимир «възвеселися о Божѣ Давыдъскы... и аки святыи пророкъ дивный Аввакумъ “о Господѣ веселяся и радуся”», князь «подобно Константину Великому дѣло сътвори», князь «подовися... царю Иезекію (Езекии), и тревлаженому Иосѣю (Иосии), и великому Коньстянтинѹ», князь также «възлюбил Аврамово житие и подража странолобвию его, Иаковлю истину, Моисѣву кротость, Давыдово вездобие, Константина, царя великого, перваго царя кристианского, того подражая правовѣрие, воле же всего быше милостыню творя».

Эти новые библейские соотнесения (дополняющие тождество: римский император — киевский князь) демонстрируют, прежде всего, отличное знание панегиристом ветхозаветного предания и гимнографии, образность которой неразрывно связана со Священным Писанием.

Приведенные Иаковом Мнихом параллели вполне отражают сходство жизни Владимира Святославича с жизнью — в некоторых чертах и подробностях — названных библейско-исторических персонажей. Но таким образом они определяют не только ретроспективно-историософскую глубину оценки великого князя Киевского как правителя; ими прямо и перифрастически, иносказательно — в соответствии с известными библейскими фактами — обозначается также радостный характер приятия князем веры, его борьба с язычеством и его личностные качества: гостеприимство, правдолюбие, смиренность, незлобивость, благочестие, милосердие, щедрость.

В свою очередь, Нестор Летописец в «Чтении о Борисе и Глебе» находит собственные краски для образа крестителя Руси, пополняя состав исторических аналогий к личности и деяниям крестителя Руси образом святого Евстафия Плакиды, с историей крещения которого сопоставляет историю крещения киевского князя: «Бысть во, рече, князь въ тыи годы, володый всюю землею Рускою, именовъ Владимиръ. Бѣ же мужъ правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, елинъ же вѣрою. Сему Богъ спону нѣкакѹ створи быти ему христьянѹ, яко же древле Плакидѣ. Бѣ во Плакида мужъ праведенъ и милостивъ, елинъ же вѣрою, яко же в житии его пишется. Нъ егда видѣ, явльшомүся ему, Господа нашего Исуса Христа, тѣгда поклонися ему, глагола: “Господи, кто еси и что велиши рабѹ твою?” Господь же к нему: “Исусъ Христосъ, Его же ты, не вѣдый, чтеси. Нъ иди и крестися”. Он же тѹ аenie поимъ женѹ свою и дѣтшиа своя и крестися во имя Отца и Сына и Святаго Дүха, и наречено имя ему бысть Евстафѣй. Тако же и сему Владимиру явление Божие быти ему крестьянѹ створи же. Наречено бысть имя ему Василий. Таче потомъ вѣсмъ заповѣда вельможамъ

своимъ и всѣмъ людемъ, да ся крѣстятъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Идеино ключевой в этом сравнении, на мой взгляд, является фраза «Исусъ Христосъ, Его же ты, не вѣдый, чтѣши», утверждающая факт неосознанного христианства язычника Евстафия и, соответственно, позволяющая судить о цели всего сопоставления, а именно о предумышленной трактовке и Владимира Святославича как стихийного христианина, личность которого еще в язычестве отличали вполне христианские добродетели, если иметь в виду пятую и восьмую заповеди блаженства (Мф 5: 7, 10): «вѣ же мужъ правдивъ и милостивъ к нищимъ и к сиротамъ и ко вдовичамъ, единъ же вѣрою».

Наконец, и летописец — то ли сам Нестор, то ли его предшественник — посредством исторической аналогии отмечает новые личностные черты Владимира Святославича. По его отзыву, киевский князь — подражатель ветхозаветным пророкам Давиду и Соломону и последователь Евангелия в делах милосердия и нищелюбия: «Вѣ во любя книжная словеса, слыша бо единою евангелие чтомо: “Блаженни милостивни, яко тѣи помиловани бѣдуть”, и паки: “Продайте имѣния ваша и дайте нищимъ”, и паки... и Давида глаголюща: “Благъ мужъ милуя и дая”, Соломона слыша глаголюща: “Дая нищимъ, Богу в заемъ даетъ”. Си слышавъ, повелѣ...». При этом летописное сопоставление Владимира с ветхозаветными царями Давидом и Соломоном нельзя связывать с текстом «Слова о Законе и Благодати», ибо у Илариона креститель Руси уподоблен им как храмоздатель, а не как благотворитель. Нет здесь связи и с текстом Иакова, в котором киевский князь сравнивается с Давидом на предмет испытываемой им благочестивой радости.

Как видно, авторы всех четырех текстов, выявляя через уподобления личностные черты Владимира Святославича, работали абсолютно независимо друг от друга.

А. Д. Конакова, Д. О. Цыпкин (СПбГУ)

«АЗБУКИ ФРЯСКИЕ» В ИСТОРИИ РУССКОЙ КАЛЛИГРАФИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Авторами данного материала ведется работа по комплексному изучению памятника русского письма 70-х годов XVII в. из собрания Отдела рукописей РНБ, известного как «Азбука фряского письма, или Славянская каллиграфия» (РНБ. Ф. XIII. 5). Исследование осуществляется в рамках проекта по выявлению и публикации древнерусского каллиграфического наследия¹. На современном этапе особое значение имеет определение типологии тех древнерусских азбук, к которым принадлежит рукопись РНБ. Ф. XIII. 5. Наши предварительные соображения по этому вопросу могут быть кратко сформулированы в виде следующих положений.

В конце XVI — начале XVII в. в русской письменной культуре возникает своеобразный жанр каллиграфических пособий (включающих и элементы орнаментального оформления книги) — «Азбуки фряские». К книжным памятникам такого рода, кроме названной рукописи, относятся также: Книгописный подлинник («Азбука»), заверченный в 1604 г. и выполненный для Н. Г. Строганова (Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 160), являющийся на сегодня наиболее ранним из известных и, возможно, одним из первых представителей этого жанра², и печатно-рукописная «Азбука фряская словенскаго языка» конца XVII в. (ГИМ. Синодальное собр. № 1. Л. 2—24). Для всех этих памятников «Азбука фряская» («Азбука скорописная писмо фряское» (РНБ. Ф. XIII. 5. Л. 10 об.) и т. п.) является либо самоназванием, либо названием, которым рукопись определялась современниками. Прилагательное «фряский» в данном случае, очевидно, относится к инициалам и орнаментике старопечатного стиля, образцы которых присутствуют в этих азбуках. Однако, вне зависимости от названия, представляется весьма вероятным то, что на сам факт появления в Московской Руси этих пособий в определенной мере оказала влияние западноевропейская традиция каллиграфии с ее развитой системой разнообразных учебников, прописей, листов и книг образцов и т. д. «Азбуки фряские» на данный момент должны рассматриваться как первая форма отечественных каллиграфических пособий, и, соответственно, само их возникновение является важнейшим этапом в становлении отечественной каллиграфии в качестве полноценного элемента русской письменной культуры и, безусловно, значимым этапом в развитии русского письма в целом.

Исследователи определили Строгановскую азбуку как «книгописный подлинник». Первоначальной формой таких азбук явился кодекс, позже стал использоваться и свиток (столбцы) (ГИМ. Син. 1 — столбцы были расклеены и рукопись переплетена). Азбуки-свитки, очевидно, стали следующим этапом на пути развития русских каллиграфических «пособий». С этой точки зрения еще предстоит оценить их роль в развитии актовой каллиграфии (в том числе и в качестве своего рода «актовых подлинников»). В свою очередь, азбуки-свитки неразрывно связаны с возникновением на национальной почве традиции другого типа каллиграфических пособий — пособий, предназначенных для обучения письму, — прописей.

«Азбуки фряские» содержат в себе образцы различных типов кириллического письма. Однако, безусловно, особую роль в них играет скоропись. Эти азбуки отразили осознание в древнерусской

¹ Проект предполагает подготовку исследований и публикаций памятников древнерусской каллиграфии. Руководитель проекта Д. О. Цыпкин. В состав основного коллектива проекта также входят: Е. А. Ляховицкий и М. А. Скопина. Сейчас ведется работа по подготовке серии первых монографических публикаций памятников древнерусской каллиграфии XVI—XVII в. из собрания РНБ. В работе над отдельными рукописями участвуют студенты (магистранты и бакалавры) Института истории СПбГУ. Очевидно, эта рукопись находится ближе всего к архетипу «Азбук фряских».

письменной культуре скорописи как основного, универсального (книжного, актового, бытового) типа русского письма одновременно с пониманием ее эстетического потенциала.

Что касается перспектив развития нашего исследования, то оно должно происходить как по направлению дальнейшего выявления «Азбук фряских» и сравнительного анализа их графического (типологии представленных в них каллиграфических образцов, графики письма) и текстового состава с установлением взаимосвязей рукописей, так и по направлению сравнительного анализа «Азбук фряских» с азбуками-свитками и другими азбуками с целью построения целостной картины последовательного формирования системы русских каллиграфических пособий в период конца XVI — первой половины XVIII в.

С. В. Конча (Киевский ун-т им. Т. Шевченко)

СООБЩЕНИЕ АЛЬ-МАСУДИ О «ЦАРЕ АЛЬ-ДИРЕ» НА ФОНЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Общеизвестны, но до сих пор не получили удовлетворительного объяснения сведения аль-Масуди о славянском царе аль-Дире (Алдире, Ад-дине), содержащиеся в его труде «Промывальни золота...» (946 г.).

В классическом переводе А. Я. Гаркави данный отрывок выглядит так:

«Первый из славянских царей есть царь (Ал-)Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны, мусульманские купцы приезжают в его столицу с разного рода товарами. Рядом с этим царём живёт царь Авандж(а) (Арфанджа), имеющий города и обширные области, много войска и военных припасов, он воюет с Румом, Ифранджем, Нукабардом и другими народами, но войны эти нерешительны (идут с переменным успехом). Затем с этим славянским царём соседствует царь Турк. Это племя красивейшее среди славян лицом, более многочисленное и более храброе» ([Гаркави, с. 137]; ср. также с незначительными отличиями: [Ковалевский, 1973, с. 71]).

Попытки увидеть в Ал-Дире легендарного киевского князя Ди́ра русских летописей наталкиваются на неоднозначность прочтения имени, где возможны варианты: Дин, Алдин, Аладин, Ладир и т. д. Совершенно неясно, кто такой «царь Авандж (Арфандж? Ифрандж?)», который ведет войны с Византией (Рум), франками (Ифрандж) и королевством лангобардов (Нукабард). Попытка объяснить информацию о войнах перенесением сведений из описания «царя Турк» — правителя венгров¹, воевавших в то время по всей Европе, не нашла поддержки. Интерпретация «Ал-Ди́ра» как князя одного из западнославянских племен [Lewicki] оставляет открытым вопрос, почему именно он назван «первым из славянских царей».

Д. Е. Мишин предложил видеть в «Авандж» (принимая конъектуру аль-ф(а)рандж) киевских варягов, что объясняло бы сообщение о войнах с Румом [Мишин, с. 69–71]. Что касается известия о войнах «авандж» («фарандж») с франками, то оно находит объяснение в свете того, что аль-Масуди (как и другие его соплеменники) полагал русов и западных норманнов за один народ и считал, что набеги на атлантические побережья производятся из Восточной Европы (ср.: [Гаркави, с. 129]). Название «ан-Нук(а)бард», в котором обычно видят Италию, Д. Е. Мишин сопоставляет с «ан-нукарда», встречающимся у аль-Масуди как обозначение одного из кочевых племен.

Обращая внимание на близкое соседство всех трех «царей», можно предложить другое объяснение. Соотношение Ал-Дир и Авандж или (ал-фарандж) несколько напоминает описание обычаев «царя русов» у Ибн-Фадлана, где сказано, что заместитель царя «командует войсками, нападает на врагов и замещает его (царя) у подданных» [Ковалевский, 1956, с. 146]. Отсюда представляется вероятным, что цари «Ал-Дир» и «Авандж» репрезентируют не разные государства, а дуальную структуру власти в ранней Руси, где второй «царь» соответствует военному заместителю у Ибн-Фадлана. Как уже неоднократно писалось, данная структура имеет отображение в летописи: соотношение Игоря и Олега, Игоря и Свенельда. Возможно, она существовала уже в правление Аскольда и Ди́ра, объясняя тем самым природу их загадочного тандема.

Соглашаясь с тем, что нападения на «Ифрандж» (владения франков) приписываются «царю Авандж» («ал-варандж?»), то есть предводителю варяжской дружины, вследствие смешения западных и восточных норманнов, следует заметить, что единственное за период IX — первой половины X в. нападение викингов на Италию (Нукабард арабских источников) имело место в 860 г. [Стрингольм, с. 50–54] — примерно тогда же, когда и нападение русов на Константинополь (18 июня 860 г.) Совпадение во времени этих событий дало основание некоторым средневековым авторам (а вслед за ними и современным) считать их проявлениями одной и той же акции [Кузенков, с. 152, 154]. По всей вероятности, оба события были известны в арабском мире, так как вожди Хастинг и Бьёрн, совершившие нападение на итальянский город Луна, предприняли тогда же набег на мусульманские поселения в Северной Африке.

Учитывая, что во время того же похода норманны отметились набегами и в Южной Франции, представляется вероятным, что перечень противников «царя Авандж»: Византия, Империя франков, Италия — может восходить именно к событиям 860 г., не имевшим прецедентов в раннюю эпоху викингов, но особенно заметным со стороны арабского мира. С датировкой сообщения IX веком (следовательно,

¹ Турками аль-Масуди называет венгров и в других местах своего сочинения.

заимствованного аль-Масуди из более раннего источника) согласуется и указание на соседство царей «Авандж» и «Турк», поскольку до 880-х годов венгры еще пребывали в Причерноморье.

События, сопровождавшие ранние походы норманнов в Восточную Европу и в Средиземноморье, отображают скандинавские источники, повествующие о Рагнаре Лодброге (ум. 865 г.) и его сыновьях, одним из которых был Бьёрн, захвативший г. Луну в Италии. Особенно показательны в свете сказанного сведения Саксона Грамматика о Рагнаре и его сыне Хвитсерке, якобы победивших могущественного правителя некоей восточной страны (Руси?) по имени Диан (лат. Dian), ср. различение аль-Дир / аль-Дин. Хвитсерк, ставший правителем Руси, гибнет от руки соперника (Дахон), выдавшего себя за мирного купца² (ср. рассказ о смерти Аскольда и Дира).

При всей неясности вытекающих отсюда вопросов предлагаемое прочтение сообщения аль-Масуди намечает перспективу восстановления некоторых событий, связанных с ранним периодом деятельности норманнов на Руси и летописными сообщениями об Аскольде и Дире.

Литература

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 62–79.

Кузнецов П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. Мат-лы и исследования 2000 г. М., 2003. С. 3–172.

Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

Стриннгольм А. Походы викингов. М., 2002.

Lewicki T. Państwo Wislan-Chorwatow w opisie al Masudiego // Sprawozdania z posiedzeń Polskiej Akademii Umiejetosci. Krakow, 1948. T. 49. S. 22–34.

² Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Suffolk, 1998. P. 286–289.

Е. Л. Колявская (ИРИ РАН)

РУСЬ ПРОТИВ ОРДЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIV В.)

В последние десятилетия появилось немало работ о периоде «ордынского плена» (XIII–XIV в.), рассматривающих различные аспекты ментальности русских этого времени: как интерпретировалась с христианской точки зрения реальность, в которой они были вынуждены жить после Батыева нашествия, каковы были ожидания и опасения относительно их ближайшего будущего под властью Орды. Представляется необходимым заново исследовать и другую сторону – побудительные мотивы, устремления, владевшие русскими князьями и горожанами в моменты разного рода антиордынских акций неповиновения.

О причинах карательной экспедиции монголов в 1252 г. (Неврюева рать) из русских летописей мы знаем лишь, что «здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити». По мнению Р. П. Храпачевского, поведение князя могло быть вызвано планируемой переписью, объявленной ханом Менгу [Храпаческий]. Русский князь предписание не выполнил и предпочел бежать. Летопись практически не содержит оценок, но книжник говорит, что князь спасся по воле Бога и молитве отца.

В 1258 г. монгольские представители в сопровождении русских князей пришли в Новгород и стали просить «десятины тамгы» (см. об этом: [Горский, с. 72–73]). Новгородцы «не яшася на то», предпочтя откупиться дарами. В следующем году переписчики снова явились в Новгород, уже основательно, «с женами своими, и инехъ много». Это вызвало значительные волнения и раскол в новгородском обществе. Переписчики были вынуждены просить у Александра Невского «сторожей». Летописец явно придерживается стороны тех, кто готов был умереть «честно за святую Софью и за дома ангельския», а татары награждаются самыми неслестными эпитетами.

В 1262 г. волнения фиксируются в Ростове и в целом ряде городов региона: Владимире, Суздале, Ярославле, Устюге. Летописи говорят об организации восставших вечем, князья не упоминаются, но Устюжский летописец сообщает о некоей грамоте, которая подавала сигнал к восстанию: «и прииде на Устюгъ грамота от великого князя Александра Ярославича, что Татаръ бити». То, что восстания вспыхнули сразу в нескольких городах (пусть и одного региона, но все же не совсем близких), делает маловероятной их спонтанность. Отмечалось, что участники акции рассчитывали использовать противоречия между монгольскими центрами. Изгнав чиновников хана Хубилая, они предполагали спокойную реакцию его соперника Берке. Сам по себе такой расчет означает запланированность действий и, стало быть, участие в них князя, который обладал как необходимой информацией о делах монголов, так и ресурсами для координации действий. Важна и идеология летописной статьи, в которой однозначно говорится, что Бог избавил людей ростовских «ѿ лютаго томленья бесурменьскаго», вложил в сердца христианам ярость, они не захотели терпеть «насилъя поганыхъ» и выгнали их из городов. То есть на эти действия горожане были вдохновлены Богом, а сама акция представлена как победоносная.

Под 1289 г. летописи сообщают, что ростовцы изгнали татар (снова вечем)¹ и ограбили их, когда на стол сел Дмитрий Борисович. По-видимому, в Ростове следили за конфронтацией между Ногаем и сарайскими ханами. Когда Дмитрий Борисович отнял стол у своего младшего брата Константина Борисовича, ростовцы поспешили выгнать сарайских татар, на которых ориентировался изгнанный князь. При этом, имея опыт восстания 1262 г., которое осталось безнаказанным, они, как можно предположить, и в этот раз были уверены в том, что карательной экспедиции не последует. Известно, что после этих событий Константин Борисович поехал в Орду, надо думать, жаловаться на брата, но успеха это не имело.

Лишь отчасти к акциям неповиновения можно отнести курские события 1289–1290 г., связанные с баскаком Ахматом. Здесь то один, то другой князь отказываются ехать к ханам, но при этом они не столько противостоят им, сколько, с одной стороны, надеются на их противоречия, с другой — попросту пытаются переждать острые моменты. Нападение же Святослава на Ахматовых братьев и летописцем, и Олегом названо разбойным. И хотя Святослав говорит о братьях Ахмата как будто бы знаковые слова: «то бо су^т мой ворози», вражда русских князей с татарами сопряжена с их междоусобными конфликтами и скорее носит в этой истории личный характер, нежели представляет противостояние русских и монголов.

В Орде были казнены князья: Михаил Черниговский, Олег Рязанский, Дмитрий Тверской и др. В одних случаях письменные источники дают подробные рассказы, в других глухие сообщения, но и те, и другие не представляют объективных причин казни князей, которые, безусловно, вызвали гнев «царей» какими-то проявлениями нелояльности.

Наконец, в 1327 г. произошло антиордынское восстание в Тверском княжестве, в ходе которого против татар действовали и горожане, и князь. Летописные свидетельства того, что акции имели место в разных городах княжества, бегство от карательной экспедиции всех членов княжеского дома позволяют делать вывод о том, что восстание планировалась. Однако, в отличие от вышерассмотренных ситуаций в Ростове, нестроений в Орде в это время не было, и при всем обилии источников остается неясным, на что могли рассчитывать в Твери. Возможно, вопрос ставился иначе: поведение Чол-хана вызывало реальные опасения, что он, сместив князя, собирается стать правителем Твери. При этом у Александра Михайловича был пример его отца, одержавшего победу над татарским отрядом Кавгадья (пусть за этим и последовала его трагическая гибель). Как уже отмечалось, именно тверские книжники определенно заявляли о «законопреступности» ордынской власти [Кучкин, с. 50–57, Конявская, с. 33–46]. Монах Акиндин называет царем не ордынского хана, а Михаила Ярославича: «Царь еси, господине княже, въ своей земли...». Это было важным шагом от безысходной констатации древнерусскими проповедниками ордынской власти как Божиего наказания к благословению Сергием Радонежским Дмитрия Донского на борьбу и победу.

Литература

Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.

Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007.

Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. С. 15–69.

Храпачевский Р. П. Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. М., 2013. С. 264–268.

¹ Изгнание «злых татар» из Ростова в 1320 г. представлено в летописях крайне лаконично, что затрудняет интерпретацию известия.

А. Л. Корзинин (СПбГУ)

ТЫСЯЧНАЯ РЕФОРМА ГОСУДАРЕВА ДВОРА 1550 г.

В октябре 1550 г. царь Иван Васильевич и бояре издали указ, по которому в Московском, Дмитровском, Рузском, Звенигородском уездах Русского государства, на расстоянии 50–60 верст от Москвы, предполагалось наделить поместьями «детей боярских лутчих слуг 1000 человек», предназначенных для царских посылок¹.

Н. В. Мятлев полагал, что Тысячная реформа нужна была для того, чтобы «привлечь на постоянную службу в столицу лучших отечеством и службою представителей уездного дворянства, образовать из них личную дружину государеву» [Мятлев, с. 82–83]. Рассматривая персональный состав тысячников и выборных дворян, исследователь пришел к выводу о тождестве тысячников выборным и московским дворянам [Мятлев, с. 66–68, 82]. С. Б. Веселовский не сомневался в испомещении тысячников, подчеркивая, что «это мероприятие очень крупного социально-экономического значения» [Веселовский, с. 78–79]. Ученый, как и Н. В. Мятлев, считал, что институт выбора, выборные дворяне появились благодаря Тысячной реформе и что тысячники входили в Государев двор [Веселовский, с. 81, 83]. А. А. Зимин же считал, что тысячники получили поместья под Москвой как лица, принадлежавшие к Государеву двору, а не в результате практической реализации Тысячной реформы: «не Тысячная книга,

¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 53.

а служба по дворовому списку была основанием для получения подмосковных поместий» [Зимин, с. 136–140]. А. П. Павлов согласился с Н. В. Мятлевым и С. Б. Веселовским в отношении тождества выборного дворянства составу тысячников, а также важности Тысячной реформы, цель которой состояла в приведении состава и численности Государева двора в соответствие с реальными нуждами государства. Ученый пришел к выводу, что тысячники составляли большинство членов Двора середины XVI в. и именно с Тысячной реформой было связано формирование нового Государева двора в его полном составе [Павлов, с. 86, 90].

Исследователи, занимавшиеся Тысячной реформой, часто основывали свои выводы на общих наблюдениях о численности Государева двора середины XVI в. и подробно не исследовали биографии записанных в ТК лиц. Целесообразно рассмотреть численный состав Государева двора к середине века. В правление Василия Темного (1425–1462 г.) удалось отыскать сведения о чуть более 100 представителей Двора. В правление великого князя Ивана III (1462–1505 г.) в Двор входило около 900 человек, а за все правление Василия III (1505–1533 г.) — немногим более 950 лиц². Трудно предположить, что Двор 1550 г. одновременно состоял из более чем 1 тысячи человек (1071 тысячник, а также другие дворовые дети боярские). Только в 1588/1589 г., то есть спустя 40 лет после указа 1550 г., во Двор входило одновременно 1143 человека, в 1603/1604 г. — 1500–1600 человек [Станиславский, с. 134, 203–248].

При скрупулезном изучении персональных биографий тысячников не удалось найти сведений о 200 землевладельцах, служивших по Северо-Западу (из 328, то есть более половины записанных в ТК лиц), и о 173 тысячниках Московской земли (из 743). Что касается новгородцев, псковичей, лучан, то 96 из 200 принадлежали к городovým детям боярским. Из тысячников Московской земли по пометам Дворовой тетради четверо были губными старостами (не принадлежали ко Двору), напротив многих стоят пометы «умре», «болен», «в полону» (относящиеся к 1555–1558 г.). В целом, можно говорить о проведении Тысячной реформы по испомещению тысячников и включению их в состав Двора для детей боярских московских городов. Что касается Северо-Запада, то численность тысячников, вероятно, превышала реальные потребности для службы в составе Двора по этому региону. В связи с этим далеко не все были привлечены к дворовой службе. Нет данных и о наделении большинства новгородцев и псковичей подмосковными поместьями [Корзинин]. Однако благодаря указу 1550 г. ряд помещиков Новгородской земли из городových и дворовых детей боярских к 1556 г. оказались включены в выборное дворянство, некоторые городové помещики с конца 50-х годов XVI в. стали служить в Государевом дворе. Вероятно, начиная с Тысячной реформы служба в составе Двора сопровождалась наделением дворовых дополнительными поместьями под Москвой согласно указу 1550 г.

Литература

- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
 Зимин А. А. К изучению реформ «Избранной Рады» // История СССР. 1976. № 4. С. 199–203.
 Корзинин А. Л. Дворовые дети боярские в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 1550-х гг.: сравнительный анализ // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 63–75.
 Мятлев Н. В. Тысячники и московское дворянство XVI в. Орел, 1912.
 Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
 Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.

² Подробные сведения о численности Дворов XV – первой трети XVI в. со ссылками на источники будут представлены в готовящейся к печати монографии «Государев двор в доопричный период».

М. В. Корогодина (БАН)

«ИЗ ГРЕЧЕСКИХ КНИГ ПОСЛАХ ТЕБЕ»: НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ В КОРМЧЕЙ ВАССИАНА ПАТРИКЕЕВА¹

Кормчая Вассиана Патрикеева — одно из самых необычных начинаний первой трети XVI в., издавна привлекавшее внимание исследователей. Несколько раз перерабатывавшийся, труд Вассиана Патрикеева сохранился в нескольких списках, в том числе трех прижизненных². Последний из них отражает заключительный этап составления Кормчей. Рукопись была открыта А. И. Плигузовым [Плигузов, с. 143–144]; нами найдена копия первой половины XVII в. Несмотря на значительное внимание, которое привлекает фигура Вассиана Патрикеева и его канонический труд [Мошкова, с. 380–441, 455–470; Сизинцев], заключительный этап его работы над Кормчей по-прежнему остается малоисследованным.

Между тем, желая обосновать свои взгляды, Вассиан Патрикеев внес в Кормчую немало новых текстов. Близкое общение с Максимом Греком открыло перед ним возможность опираться на сочинения, не имевшие до тех пор славянского перевода. Отрывки из различных сочинений переводились Максимом Греком или его помощниками специально для Вассиана Патрикеева, и в списках Кормчей, отразивших заключительный этап работы Вассиана Патрикеева, мы находим целый ряд новых переводов. Отдельные

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15–31–01017.

² БАН. 21.3.8; РГБ. Ф. 228. Собр. Д. В. Пискарева. № 39; ВСМЗ. 5636/399.

правила, переведенные для Кормчей, уже упоминались исследователями; наиболее полный перечень выявленных к настоящему времени переводов находится в исследовании А. И. Плигузова [Плигузов, с. 150–151]. Другие тексты, изучавшиеся по более поздним спискам, до сих пор не связывались с деятельностью Вассиана Патрикеева. К таким сочинениям следует отнести Послание патриарха Константинопольского Фотия болгарскому князю Михаилу и статью о царской власти «Сократу мудрецу еллинскому» [Синицына, с. 96–101; Буланин, с. 91–92; Плигузов, с. 69].

Некоторые тексты, переведенные специально для Кормчей Вассиана Патрикеева, до сих пор оставались незамеченными. К таким сочинениям относится «Епистолия» Аристотеля к Александру Македонскому, разделенная на две части подзаголовком. «Епистолию» Аристотеля мы находим в одном из изданий Альда Мануция — сборнике посланий античных философов и ораторов на греческом языке³; два послания вошли в переводе в собрание текстов о царской власти. Соединение двух текстов наводит на мысль, что они переведены по изданию Альда Мануция. Другой новый перевод из Кормчей — «Беседа» Александра Македонского со своим отцом Филиппом — сходен с «Епистолией» как тематикой, так и набором действующих лиц. Однако его оригинал взят из иного источника, пока остающегося невыясненным.

В Кормчую вошли также постановления Константинопольских соборов 1143–1147 г. о богомиле Нифонте. Ранее эти постановления не переводились на славянские языки. Их появление в Кормчей объясняется интересом Вассиана к вопросам, связанным с церковным судом над еретиками. Впрочем, некоторые глоссы в Кормчей заставляют подозревать, что Вассиан Патрикеев смешивал богомила Нифонта со святым Нифонтом Констанцским. Это неудивительно, учитывая, что древнерусским книжникам ничего не было известно о еретике Нифонте.

К другим новым переводам, вошедшим в Кормчую, относится отрывок из Предисловия к толкованию «Василия Великого» на книгу пророка Исаии, несомненно, переведенный Максимом Греком. Переводчиком еще одного текста — фрагмента Хроники Михаила Глики, оставшейся неизвестной славянским книжникам, — был Максим Грек или один из его сподвижников. К фрагменту из Хроники Михаила Глики примыкает Постановление о жене священника, вынесенное патриархом Михаилом Кирулларием (1043–1058 г.). Это постановление непосредственно касается одного из наиболее актуальных вопросов первой трети XVI в. о вдовых священниках и в целом о священнических браках. Та же тема рассматривается в статье «О браках иереевых» — последнем переводе с греческого языка, внесенном в Кормчую. Эта статья уже входила в Кормчую книгу Сербской редакции, однако Вассиан Патрикеев заказал подготовить для него новый, более полный перевод этой статьи.

Кормчая Вассиана Патрикеева, сохранившаяся в нескольких изводах, в XVI–XVII столетиях вызывала интерес, переписывалась, так что труды князя-инока оказали немалое влияние на умы современников. Однако последнему изводу Кормчей, в который Вассиан внес наибольшее количество новых текстов, повезло меньше всего. Рукопись, в которую было вложено столько труда, с новыми переводами и дополнениями, бережно хранилась, но не привлекалась для дальнейшей работы древнерусскими книжниками. Список, сделанный с нее в первой половине XVII в., подобно своему оригиналу, хранился в безвестности в суздальском монастыре. Таким образом, имена византийских авторов и сочинения, неизвестные дотоле древнерусским книжникам, единственный раз прозвучали в славянском мире благодаря переводам первой трети XVI в. — и вновь надолго ушли в безвестность.

Литература

- Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984.
Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2006. Вып. 1. (Мошкова)
Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002.
Сизинцев С. П. Сочинения Вассиана Патрикеева в контексте полемики о монастырском землевладении первой половины XVI века. АКД. М., 2015.
Синицына Н. В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. XXI. С. 96–125.

³ Epistolae diversorum philosophorum, oratorum, rhetorum. Venetiis, Aldus Manutius, 1499. 4e. Part. 1–2.

Н. Ф. Котляр (Институт истории НАН Украины)

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РУСИ

В сочинениях, посвященных древнерусской проблематике прошлого и современности, большинство исследователей уделяют основное внимание собственно истории, политической, социальной, экономической, церковной и культурной. Тема эволюции общественной жизни Руси звучит в них тихо и приглушенно, а проблема рождения и развития восточнославянского общества до сих пор остается малоисследованной. Вряд ли это случайно.

Очевидно, что изучение общественной жизни Руси невозможно вне исследования политических и социально-экономических явлений в обществе, без учета развития государственности. Существуют источники трудности в этносоциальных штудиях обществ эпохи Средневековья. Письменные источники Средневековья различают людей обычно по профессиональному признаку, политическим факторам или при помощи противопоставления «свой — чужой». Одно из первых мест в этнической идентификации в Средние века занимали самоощущение и самоопределение. Однако проявления такого самосознания редко проступают в памятниках письменности эпохи раннего Средневековья на Руси.

Много лет историки, и не только отечественные, преувеличивали роль социально-экономических отношений в жизни средневековых обществ. Состоянием производительных сил и производственных отношений, их развитием и упадком стремились универсально и прямолинейно объяснить временами еле заметные в источниках особенности культурной, религиозной, духовной жизни средневекового человека. В наши дни многие впали в иную крайность, стремясь отбросить роль общественно-экономических факторов в эволюции общества и рассматривать как самостоятельные и независимые от суровых реалий средневековой жизни процессы и явления истории Руси культурной, духовной, религиозной.

Восточнославянское общество до начала XI в. оставалось доклассовым (поздним родоплеменным), тогда как первое государственное образование в его среде сложилось еще в середине IX в. — Киевское княжество Аскольда (Аскольда и Дира). Рассказав о приходе в Киев воевод Рюрика («мужей его»), «Повесть временных лет» продолжает: «Аскольд же и Дирь остаа въ граде семь, и многи варягы съвокупивши, и начаста владыти Польскою [Полянскою] землею; Рюрику же княжашу в Новѣгородѣ» (862 г.). С этого времени книжники называют в летописях имена князей, главных фигур исторического процесса, чего не было в рассказах о восточных славянах предыдущего времени. Источники далее проводят идею наследственности княжеской власти, что можно считать одним из признаков раннего государства.

Уже в летописях конца IX в. отмечено социальное расслоение восточнославянского общества. Тогда же источники отмечают зарождение феодальных отношений в этом обществе. Приход Олега в Киев под условным 882 г. ознаменовал начало создания государства на пространстве Восточной Европы, охватывавшего территорию от Ладоги до Киева. Его предтечей было Киевское княжество Аскольда, политическим выражением чего стал знаменитый поход Руси на Царьград, ошибочно датированный летописью 866 г. В действительности (это установлено по византийским источникам) он состоялся в июне 860 г.

Стадиально и социально близким к княжеству Аскольда было первое время и Древнерусское государство, возникновение которого наука связывает с объединением восточнославянских земель Севера и Юга князем Олегом. Структура этого государства оставалась аморфной и при Олеге, и при сменившем его Игоре. Взимание дани было насильственным и спорадическим, оно не распространялось на всю Русскую землю, равно как и княжеские администрация и суд. Только правление Ольги (944–964) привело к относительному огосударствлению земель племенных союзов и княжений под ее властью, превращению их в государственную территорию Руси. Тогда системы взимания дани, администрации и суда были распространены на всю подвластную Киеву землю.

Однако государство и само общество Руси долгое время были нестойкими. Вхождение племенных объединений в состав формировавшегося государства оставалось непрочным. Смена князя в Киеве обычно приводила к отпадению сильных племенных образований от столяного града. Под 913 г. «Повесть временных лет» отметила: «Поча княжити Игорьь по Олзѣ... И деревляне затворишася от Игоря по Олговѣ смерти». «Затворишася» означало, что древлянские старейшины заперли ворота своих городков и перестали платить дань Киеву, они не пожелали подчиняться дружинникам князя и тем, кто чинил суд от его имени.

Источники сообщают, что в последней четверти X в. княжеская власть на Руси, оставаясь наследственной, превращается в единовластную. Приход Владимира Святославича к власти (978 г.) Нестор отметил торжественными словами: «И нача княжити Володимерь в Киевѣ единъ». Подобным образом характеризует летопись и княжение его сына Ярослава. Общность государственной жизни означала и единство общества, пусть и относительное, как и большинство явлений и процессов в средневековой Руси.

Форма и сущность управления государством определяли в значительной степени и характер общества. Государственная власть скрепляла его. Посему изменения в системе руководства государством неминуемо влияли на общество. После смерти Ярослава Владимировича (1054 г.) государственная целостность страны нарушилась, к власти пришли трое его старших сыновей Изяслав, Святослав и Всеволод, образовавших правящий триумvirат (1054–1073). С той поры и вплоть до конца XII в. на Руси преобладают совместные формы правления. Реставрация единовластной монархии Владимиром Мономахом (1113–1125) не привела к возвращению к единоличному правлению его преемников. Общество осталось разобщенным, происходят восстания горожан и селян (первое в 1068 г.), стычки между Рюриковичами, а наступление удельной раздробленности в 30-х годах XII в. приводит к ослаблению и государственной структуры, и самого древнерусского общества. Государство из федеративного к началу XIII в. превращается в конфедеративное, связи между его частями окончательно ослабевают, что в значительной степени сделало возможным поражение его в 1237–1241 г. монгольскими завоевателями.

Д. М. Котышев (МБУ «Троицкий краеведческий музей»)

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫЧЕСТВА: К ВОПРОСУ О КАПИЩЕ «ГОРОДА
ВЛАДИМИРА» В КИЕВЕ

В 1975 г. при раскопках в Киеве во дворе усадьбы № 3 по ул. Владимирской были открыты фундаменты загадочного сооружения, которые авторами раскопок были определены как остатки «пантеона», созданного Владимиром в 980 г. [Толочко, Боровский].

Данное предположение послужило основой для реконструкции капища, которая была осуществлена Б. А. Рыбаковым [Рыбаков, с. 430–431]. Впоследствии далеко не все согласились с предложенной интерпретацией памятника [Андрощук, с. 31; Комар, с. 131]. Чуть позднее Д. Д. Ёлшин пришел к заключению, что «пантеон» представляет собой сооружение, возведенное из материалов конца X в. во вторичном использовании [Ёлшин, 2008, с. 181–182].

Важное значение для уточнения датировки сооружения представляет строительный материал, обломки и целые фрагменты которого найдены в заполнении постройки и фундаментов [Боровский, Толочко, Харламов, с. 5]. Согласно новейшим исследованиям, подобная плинфа не встречается ни в постройках Ярослава Мудрого, ни в более позднем зодчестве и датируется узким промежутком конца X в. [Ёлшин, 2008, с. 92].

Обращает на себя внимание, что все строительные материалы оказались в заполнении фундаментов «пантеона» во вторичном использовании [Боровский, Толочко, с. 1, 6; Боровский, Толочко, Харламов, с. 5]. Поэтому, исходя из этого обстоятельства, Д. Д. Ёлшин склонен датировать «пантеон» вслед за А. В. Комаром XIII в. — именно тогда Десятинная церковь была разрушена во время монгольского нашествия [Ёлшин, 2010, с. 163].

В начале XII в. Десятинная церковь подверглась существенному ремонту [Иоаннисян, Ёлшин, Зыков, Ивакин, Козюба, Комар, Лукомский, с. 351–354]. Использовавшиеся при ремонте фрагменты плинфы обнаружены как в верхних слоях засыпки фундаментов «пантеона», так и при шурфовке рядом с ним [Боровский, Толочко, Харламов, с. 14]. Это обстоятельство, на мой взгляд, говорит в пользу датировки сооружения XII в.

Дополнительным аргументом является находка женского погребения в домовине, обнаруженного при исследовании фундаментов «пантеона» [Боровский, Толочко, Харламов, с. 12–13]. Большинство ученых отнесли это погребение к могильнику, который функционировал на Старокиевской горе в IX–X в. [Килиевич, с. 42, 44]. На этом основании авторы раскопок датировали сооружение временем ранее конца X в. [Боровский, Толочко, Харламов, с. 12; Щоденник, с. 4].

Единственная фотография погребения ле расчистки [Боровский, Толочко, Харламов, л. 12] не дает внятного представления о соотношении погребения и фундаментного рва, хотя визуальная оценка расположения границ погребальной ямы и засыпки фундамента «пантеона», зафиксированная в верхнем правом углу снимка, дает основание поддержать точку зрения А. В. Комара [Комар, с. 131].

Таким образом, совокупная информация об археологических исследованиях сооружения, именуемого в литературе «пантеоном», не позволяет согласиться с его интерпретацией, сделанной авторами раскопок 1975 г. Перерезание фундаментом сооружения могилы конца X в. говорит о позднем характере постройки, а наличие в засыпке фундаментов строительных материалов Десятинной церкви, и особенно следов ремонта храма начала XII в., датируют, на мой взгляд, загадочное сооружение первой половиной XII в. Точная атрибуция памятника затруднена в силу ограниченного характера материалов (вся прилегающая к нему территория расположена под фундаментом дома XIX в.). Однако можно с уверенностью утверждать, что к языческому пантеону Владимира 980 г. сооружение, открытое в 1975 г., вряд ли имело отношение.

Литература

Андрощук Ф. А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. 2004. Т. III. С. 7–47.

Боровский Я. Є., Толочко П. П. Альбом ілюстрацій до звіту про розкопки в садібі № 3 по Володимирській вул. в 1975 р. Розкопки ротонди // *Научный архив ИА НАНУ*. Ф. 1975/25. Е.х. 7568.

Боровский Я. Є., Толочко П. П., Харламов В. О. Звіт Старокиївського загону Київської археологічної експедиції ІА АН УРСР про археологічні розкопки під будинком № 3 по вул Володимирської в 1975 р. // *Научный архив ИА НАН Украины*. Ф. 1975/25. Е.х. 5431.

Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

Ёлшин Д. Д. О «монументальной архитектуре» древнего Киева в X в. // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. К 60-летию Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 151–164.

Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д., Зыков П. Л., Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. Материалы Международной конференции, состоявшейся в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. 330–366.

Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII в. Киев, 1982.

Комар А. В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. 2005. Т. IV. С. 115—137.

Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987.

Толочко П. П., Боровський Я. Є. Язичницьке капище в городі Володимира // *Археологія Києва*. К., 1979. С. 3—10.

Щоденник роботи Старокиївського загону Київської археологічної експедиції Інституту археології АН УРСР. Розкопки в садибі № 3 по Володимирській вул. // *Научный архив ИА НАНУ*. Ф. 1975/25. Е.х. 7570.

К. А. Кочегаров (Исл РАН)

КОНСТАНТИН ПОКЛОНСКИЙ И СОБЫТИЯ В МОГИЛЕВЕ НАКАНУНЕ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1654—1667 г.

Могилевский шляхтич Константин Поклонский — одна из ярких фигур первых лет эпохи русско-польской войны 1654—1667 г. Он способствовал бескровному переходу Могилева и окрестных городов под царскую власть в 1654 г. Однако уже в феврале 1655 г. Поклонский перешел на сторону противника. Интерес к его персоне и достаточно короткому периоду политической деятельности не утихает в историографии уже не одно десятилетие.

Если деятельность К. Поклонского за 1654—1655 г. известна достаточно хорошо¹, то последующий период его жизни представлен уже лишь отдельными эпизодами, а предыдущий и вовсе остается неизученным. В докладе рассматриваются некоторые новые факты, касающиеся биографии белорусского полковника в период 1650—1653 г., ранее не привлекавшие внимание историков.

На белорусских землях конец 10-х — начало 20-х г. XVII в. ознаменовались заметным натиском на права православных. Для Могилева это обернулось утратой главной святыни города — Спасского собора, который был передан униатам. Существовавшее в городе православное братство не оставляло надежд вернуть храм.

После начала казацкого восстания на Украине в 1648 г. крупные поражения польских войск заставили короля Яна Казимира пойти на уступки православным Речи Посполитой. В январе 1650 г. он издал универсал о восстановлении прав православных и возвращении им ряда храмов и монастырей, в числе которых значилась и «церковь святого Спаса» в Могилеве².

Официальная церемония передачи собора от униатов православным состоялась 2 (12) мая. После того как было окончено богослужение униатского духовенства, именно Константин Поклонский прочел собравшимся привилеи Яна Казимира о передаче православным Спасского храма [Малевич, с. 66—69]. Его возвращение во владение православных явилось для городской общины событием огромной важности. И Поклонский выступает здесь как несомненный лидер местного братства.

Борьба за Спасский собор на этом не завершилась. Некоторое время спустя после неудачной для казаков битвы под Берестечком 1651 г. королевский двор изменил свою позицию. Об этом мы узнаем из королевского иска против старших могилевского братства во главе с Константином Поклонским. Было принято решение о возвращении Спасского храма «законному владельцу», то есть, судя по всему, униатскому духовенству. Могилевское братство отказалось подчиниться указу.

Спасский монастырь перешел во владение православных вместе с принадлежавшим ему перевозом через Днепр. Возможно, в связи с этим по решению властей был построен новый перевоз. Это также вызвало недовольство могилевского братства. 11 (21) июля несколько сот вооруженных членов братства и мещан во главе с Поклонским «перевозчиков насильно ловить, бить и убивать приказали, те же... едва души свои спасли». Паром был разрушен. На обратном пути «бунтовщики» проехали мимо двора королевских комиссаров, насмехаясь и оскорбляя не только их, но и королевскую власть³.

Росту социальной напряженности в Могилеве и его окрестностях способствовал не только конфликт братства с королевскими властями. К этому добавлялись острые противоречия между администрацией Могилевской экономии и местными сельскими общинами. К концу 1653 г. в некоторых войтовствах Могилевской экономии вспыхивали либо назревали бунты, спровоцированные масштабными злоупотреблениями и поборами местного управляющего.

В начале января 1654 г. в ходе переговоров о воссоединении Украины с Россией генеральный писарь Войска Запорожского Иван Выговский заявил русскому представителю боярину В. В. Бутурлину о доходящих до него слухах, что «в литовских городех, в Могилеве и в-ьных городех, всякие люди благочестивые веры желают быти под высокою рукою великого государя», причем в Могилеве есть «благочестивые веры» шляхтич Поклонский. По совету Бутурлина Выговский обещал писать к нему, что царь готов принять их под свою власть⁴. Теперь мы знаем, что за этим эпизодом, с которого ранее историки начинали излагать биографию Поклонского, стояла активная деятельность будущего

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1889. Т. 14. (Дополнение к 3 тому).

² Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Ч. 1. Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. М., 1998. С. 68.

³ РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 581. Л. 708—708 об.

⁴ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1954. Т. 3. 1651—1654 годы. С. 474—475.

белорусского полковника как лидера могилевского православного братства, обратившегося, по всей видимости, к Выговскому за поддержкой в связи со вспыхнувшим в 1653 г. конфликтом братчиков с королевскими властями.

Литература

Малевиц А. Иосиф Кононович-Горбацкий, третий епископ Могилевский (1650–1653 г.) // Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. Могилев на Днестре, 1908. Т. 1. Вып. 2. Ч. 1. С. 78–84.

Д. Ю. Кривцов (Нижегородский филиал УРАО)

НОВООБНАРУЖЕННЫЙ СПИСОК ЧЕТВЕРТОЙ РЕДАКЦИИ СКАЗАНИЯ О МОЩАХ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСЕЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕКСТА КНИГИ СТЕПЕННОЙ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ

Читающийся в 32-м и 33-м титлах 7-й главы XI степени Степенной книги (далее – СК) текст об обретении и перенесении мощей свт. Алексея представляет собой 4-ю редакцию Сказания о мощах митрополита Алексея (далее – СМ) по классификации В. О. Ключевского. При этом В. О. Ключевский ссылался еще и на майский том Милютинских четых миней, где помещен тот же текст СМ, что и в СК. Можно было бы предположить, что И. Милютин выписал в своей минее под 20 мая фрагмент из СК. Но имеется список 4-й редакции СМ, который старше Милютинских четых миней и даже старше древнейших списков СК – Чудовского и Томского. Это список РГБ. Собр. МДА. (Ф. 173.1) № 94 – Минейя четья на май, переписанная в 1558 г. писцом Фирсишком по повелению келаря Троице-Сергиевой лавры Адриана Ангелова, при игумене Иоасафе. Там на л. 182 об. – 185 об. читается тот же текст СМ, что и в СК, и в майской Милютинской минее. Поэтому данный список СМ мог послужить источником как для составителей СК, так и для И. Милютина.

Тексты для миней И. Милютина выписывались преимущественно из лаврских рукописей, поэтому не исключено и обращение к лаврской минее 1558 г. А в Чудовском и Томском списках СК, как отметил А. В. Сиренов, между собственно Житием митрополита Алексея и СМ имеется кодикологический шов – пробел в полторы строки. Это может означать, что Житие и СМ включались в СК поэтапно, не являясь изначально единым сочинением. Возможно, составителями СК использовалась та же самая минейя МДА. № 94. Ведь Фирсишко переписывал ее по повелению А. Ангелова, который непосредственно общался с книжниками митрополита Макария.

Составлена 4-я редакция СМ была около 1555 г., как показывает находящийся в конце ее расчет лет от смерти святителя до нового «пораспространения» повести о нем: $1378 + 69 + 108 = 1555$ (МДА. № 94. Л. 185–185 об.). Подтверждением этой даты служат слова СМ: «написано же бысть последи по благословению преосвященнаго Макария, митрополита всея Руси, в лета благочестивыя державы... Иванны Василевича всея Руси и при благородном сыне его, царевиче Иванне» (МДА. № 94. Л. 185 об.), то есть после апреля 1554 г., когда родился Иван Иванович, и до рождения в июле 1557 г. царевича Федора Ивановича, о котором в СМ не упоминается.

На эти хронологические выкладки уже обращали внимание исследователи и пытались по-своему их интерпретировать. Так, В. О. Ключевский переносил хронологические показания СМ на Житие свт. Алексея в составе СК в целом и делал отсюда вывод, что эта редакция Жития была составлена не раньше 1554 года. Ему вторил П. Г. Васенко, полагавший, что написание не только Жития свт. Алексея, но и всей XI грани СК нельзя отодвигать за 1554 год. В. В. Морозов утверждал, что вся часть СК, до смерти свт. Алексея включительно, была написана в промежутке между 1554 и 1557 г. Но после обнаружения отдельного списка 4-й редакции СМ, который старше СК, становится ясно, что хронологические указания, на которые пытались опереться эти исследователи, относятся не к СК в целом, а только к более раннему по происхождению СМ.

Раннее и независимое от СК возникновение 4-й редакции СМ позволяет прояснить и недоумения исследователей относительно отсутствия Сказания о чудесах свт. Алексея в старших – Чудовском и Томском – списках СК. «Легко заметить, – писал по этому поводу Н. Н. Покровский, – черты незавершенности работы над СК в Чудовском скриптории. В гл. 7 степени XI дважды обещается завершить “Житие святого великаго чудотворца Алексия, митрополита всея Руси” созданным в 1555 г. “Сказаниемъ вкратце о чудесах святого Алексия чудотворца”. На самом деле этого сказания нет ни в тексте, ни в оглавлениях древнейших (XVI в.) списков СК» [Покровский, с. 92].

Первое «обещание» рассказать о чудесах свт. Алексея содержится в 4-й главе XI степени: «...и многая чудеса, их же сътвори в животе и по преставлении. И вся сия известно и довольно писано бысть в торжественной иже о немъ повести многочудеснаго и богоугоднаго жития, еже последи явлено естъ». Под «торжественной повестью» тут явно разумеется Житие свт. Алексея, составляющее 7-ю главу XI степени, где и без Сказания вкратце неоднократно упоминается о чудесах свт. Алексея. Таким образом, это «обещание» может считаться выполненным.

Второе подобное «обещание» находится в 7-й главе XI степени, как раз в тексте СМ. Своим появлением оно обязано источникам 4-й редакции СМ: краткой и пространной Пахомиевым редакциям того же Сказания. В подавляющем большинстве списков Пахомиевой редакции Жития свт. Алексея после СМ следует описание посмертных чудес святителя. Поэтому там вполне уместно читается фраза: «...явлену быти многыми и различными чудесы, от них же да речется мало от многих». Составитель же 4-й редакции СМ, рассказав об обретении мощей, далее помещает рассказ не о посмертных

чудесах свт. Алексея, а о повторном перенесении его мощей. Но фразу о чудесах он сохранил, хотя и в «перелицованном» виде: «О многих же чудотворенихъ святаго Алексія вмале отчасти последи речется. Зде же о пренесеніи честныхъ его мощей слово да предложится» (МДА. № 94. Л. 183 об.). Однако ни о каких чудотворениях «последи» не «речется» даже «вмале».

Это и понятно, поскольку 4-я редакция СМ составлялась в 1555 г. как торжественное слово, предназначенное для произнесения в храме 20 мая, в день обретения мощей свт. Алексея, о чем прямо сказано в ее тексте: «...святителя Алексія, его же чудотворныхъ мощей честнаго обретенія празднествовати събрахомся. Предложим же и слово вины Божія благоволенія, коимъ образомъ объяви намъ Богъ таковое сокровище, архіереа своего целебныхъ мощи» (МДА. № 94. Л. 182 об.). Отягощать и без того пространное «Слово» еще и перечислением посмертных чудес свт. Алексея было совершенно излишне. И едва ли стоит рассматривать неисполнение данного «обещания» составителем 4-й редакции СМ как «незавершенность работы над СК в Чудовском скриптории».

Литература

Покровский Н. Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 89–119.

О. Ф. Кудрявцев (МГИМО)

ОТВЕРЖЕНИЕ ДРЕВНИХ: ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI в.

В 1517 г. в Кракове вышел из печати «Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них» польского космографа и историка Матвея Меховского, положивший начало полемике, связанной с пересмотром физической карты Восточной Европы. Движимый амбициозным желанием открыть миру северные страны и народы, Матвей Меховский подверг критике ряд уходящих корнями в глубокую древность представлений о них. Но особенно часто и резко на страницах своего труда он выступал против широко принятого в античной и средневековой науке убеждения, что «в тех северных областях находятся известнейшие в мире горы Аланские, Рифейские и Гиперборейские, а из них вытекают не менее славные реки, описанные и воспетые космографами и поэтами: Танаис, Борисфен Большой и Малый и величайшая из рек Волга». И вот оказывается, что «все это далеко от истины», и он обещает, «основываясь на опыте», «это опровергнуть и отвергнуть». Похоже, на мысль подвергнуть решительной ревизии основанную на положениях древних космографов физическую карту Восточной Европы навели Матвея Меховского не какие-то частные и случайные наблюдения людей, далеких от науки, а что-то иное, обладающее в его глазах большим авторитетом.

В середине 80-х годов XV в., задолго до того, как приступить к наделавшему много шума в ученом мире трактату, Матвей Меховский продолжал свое образование в Риме, где читал лекции, посвященные комментированию античных классиков, прославленный гуманист Юлий Помпоний Лет, незадолго перед тем, в 1479–1480 г., совершивший свой «скифский вояж», или путешествие по Юго-Западной Руси. Помпоний Лет дважды, в лекциях по Валерию Флакку и по Вергилию, говорил, что Танаис [= Дон] «начинается из болота» (Tanais oritur ex palude), равно как и Борисфен (= Днепр). А это значит, что ученые древности в своем большинстве – Аристотель, Лукан, Плиний Старший, Помпоний Мела, Солин, Птолемей – ошибались, указывая на некие Рифейские горы, расположенные «за крайней Скифией», как на место, откуда берут начало великие реки Восточной Европы. Впрочем, на этот счет в сходном с Помпонием Летом духе несколько раньше его, в 50-е годы XV в., сообщал Пий II, опираясь на показания очевидца, в своей «Космографии», содержание которой должно было быть хорошо известно главе Римской академии – Помпонию Лету.

Нужно, однако, признать, что в решении затронутой проблемы Матвей Меховский сделал по сравнению со своими предшественниками существенный шаг вперед. Те доказывали, что великие реки Восточной Европы начинаются на равнине, а не в горах, однако наличие в данном регионе Рифейских и Гиперборейских гор они не отрицали, хотя к мысли об этом фактически подводили. Вот ее-то, эту мысль, Матвей Меховский и сформулировал в вызывающе резкой форме: «...три величайшие реки, Днепр, Двина и Волга... вытекают из лесистой и болотистой равнины, а не из Гиперборейских и не из Рифейских гор, да и вовсе не из гор, которых там нет. Только из-за старой выдумки греков (figmento olim Graecorum) стали говорить о горах, будто бы там существующих...».

Публикация «Трактата о двух Сарматиях» вызвала в ученом мире Европы некоторое замешательство и даже полемику, довольно резкую, предметом которой были не только и даже не столько географические реалии Восточной Европы, сколько авторитет и надежность античной географии и всего научного знания древних в целом. Любопытно, что на его защиту поднялся человек, в отличие от Матвея Меховского самолично посетивший Московию. Франческо да Колло, в 1518–1519 г. посол императора Максимилиана I к великому князю Московскому Василию III, имел, помимо прочего, прямое задание своего государя «исследовать истину», то есть проверить на месте утверждения «современного краковского автора».

За короткое время после первой публикации книги Матвея Меховского высказанный им взгляд на физическую географию Восточной Европы стал преобладающим, если не общепринятым. Его положительное и даже восторженное восприятие мы находим в написанном между 1523 и 1525 г. трактате «О Московии» голландского богослова и полемиста Альберта Кампенского. Другим сторонником

и популяризатором Матвея Меховского тогда же выступил авторитетнейший итальянский гуманист Павел Йовий.

Все эти споры с древними авторами в области космографии, сколь важными они ни были сами по себе, являются лишь частными выражениями общих процессов как переоценки ценностей, в частности значения античного научного наследия, так и утверждения мыслителями Ренессанса собственного интеллектуального превосходства в сравнении с древностью.

О. А. Кузнецова (МГУ)

О МОЗАИЧНОСТИ СТИХОТВОРНЫХ ПРЕДИСЛОВИЙ XVII в.

Традиция создания виршевых предисловий на Руси возникает в досиллабической поэзии начала XVII в. В это время в кругу поэтов приказной школы существует понимание стихотворного предисловия к сочинению как прекрасного обрамления, украшенного драгоценными камнями, для еще более важного духовного сокровища. Перед мудростью дорогие камни лишь песок, звучит в виршах Кариона Истомина, эти слова вторят основной идее стихотворства первой половины столетия: книжная мудрость (закрывающаяся, в основном, во владении достаточно широким набором определенных цитат) для ученого человека дороже всех богатств, она рассматривается на контрасте с преходящими земными ценностями и одновременно в художественном сопоставлении с ними, чудесными жемчугами и дорогими металлами. Стремлением собрать все богатство мудрости своего времени обусловлено использование огромного количества стихотворных формул-сентенций и нравственных аналогий в виршевых сочинениях. Именно такой «ювелирной» работой занимаются и составители предисловий.

Принадлежность сочинений к жанру стихотворного предисловия обыкновенно определяется самим автором в заглавии и тексте виршей. Однако, наряду со многими другими, эта жанровая форма весьма неоднородна. «Обладая более или менее ярко очерченными структурными элементами, русские виршевые книжные предисловия вместе с тем не имели своего художественного канона, нормативной поэтики. Поэтому они могли легко перерастать рамки жанра и в зависимости от индивидуальной установки творца замещаться литературной молитвой, посланием, обличением, поучением или новеллой в стихах» [Былинин, с. 8]. Примечательно, что большинству авторов и составителей свойственно «предметное» понимание символики предисловия: как сада, предместья перед городом (символизирующим само предваряемое сочинение), двери, ключа, зеркала.

Авторы второй половины XVII в. обращаются к жанровой форме предисловий не менее охотно, чем стихотворцы приказной школы, зачастую предворяя ими собственные сочинения, а не переписываемые (переводимые) трактаты и сборники, как это было в начале века. Хорошо известно предисловие Симеона Полоцкого к сборнику «Псалтирь рифмотворная» («Къ благочестивому же читателю»). Как и в стихотворных предисловиях более раннего времени, здесь ядро поэтического текста посвящено рассказу о том сочинении, которое ожидает просвещенного читателя «за дверьми сокровищницы». Но для Полоцкого особенно важно «защитить» свое сочинение, по поводу которого прозвучало немало критики. В связи с этим поэт не ограничивается традиционной просьбой не слушать хулящих невежд, но создает целую обличительную вставку о причине такого злословия в людях. Завершается предисловие каноничными для стихотворного послания пожеланиями: «Чти, пой разумно, хвали ими Бога, // От него же мзда будетъ тебѣ многа»¹.

С этим текстом, напечатанным в 1680 г., связана одна из стихотворных вставок в «Муסיкийской грамматике», предисловие (составителем виршей в этом сочинении считается Тихон Макарьевский, автор «Латухинской степенной книги» и «Ключа уразумения», также сопровождаемых стихами). Оба интересующих нас предисловия создавались в одно время и в одном ученом кругу: «в тесном общении с кругом Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева находились композиторы Николай Дилецкий, Иоанникий Коренев, Тихон Макарьевский, Василий Титов» [Сазонова, с. 332]. Несмотря на то что вирши предпосланы различным сочинениям, циклу стихотворных псалмов и трактату о музыке, в них обнаруживаются формульные сходства. Известен и еще один источник, по-видимому, занимающий промежуточную позицию между стихотворениями Симеона Полоцкого и Тихона Макарьевского — анонимное предисловие к избранным псалмам (РГАДА. МГАМИД. Ф. 181. № 250. Л. 354 об. — 355 об.). Сочинение обнаруживается в позднем списке, в составе сборника среди других стихотворных текстов, поэтому неизвестно, какие именно псалмы следовали за ним в оригинале и откуда они были выписаны, однако, возможно, речь идет о той же «Псалтири рифмотворной», поскольку в анонимном предисловии есть указания на исполнение дома (не в храме), как и у Полоцкого. При сравнении виршей неизвестного автора со стихотворной вставкой из грамматике хорошо видны последовательные замены, связанные с содержанием предваряемых сочинений, общее сходство источников явно говорит о том, что мы имеем дело с двумя редакциями. Но в текстологически близких фрагментах сходство анонимного сочинения с предисловием Симеона Полоцкого выражено сильнее:

¹ ПЛДР. М., 1994. XVII век. Книга третья. С. 161.

Вставка в «Музыкальной грамматике» (<http://www.canto.ru/index.php?menu=public&id=source.dilecky>)

Достоинъ есть сию книгу со вниманием ся поучати, сладкими и умилными гласы разумно воспевати, [...]
В доме достоинъ пению ся поучати, во церкви подобает сладко без запнения воспевати,

Должно, благочестивый книги сея снискателю, в божественном пении разумению искателю, Молю тя да здравым умом судиши, труд, иже в книзе сей предлагающей, да зриши.

Предисловие «Ко избраннымъ псалмомъ» (РГАДА. МГАМИД. Ф. 181. № 250. Л. 354 об.)

Достоинъ есть сию книгу со вниманиемъ прочитати Или сладкими и умилными гласы воспѣвати [...]
В домѣхъ частою достоинъ прочитати Или сладкими гласы воспѣвати

Должно благочестивыи книги сея читателю О Божественномъ писании жизни искателю Молю тя здравымъ умомъ да судиши Трудъ иже в книзѣ прележащѣи да зриши

Предисловие Симеона Полоцкого к сборнику «Псалтирь рифмотворная» (ПЛДР. С. 160)

Но еже в домѣхъ часто ю читати Или сладкими гласы воспѣвати.

Благочестивый книги читателю, Во писаниихъ жизни искателю! Молю тя, здравым умомъ да судиши Труд, иже в книзѣ предлагающей зриши

Литература

Былинин В. К. Стихотворные «Предисловия многообразна» в рукописях первой половины XVII в. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1983. Вып. 44. С. 5–38.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

А. В. Кузьмин (РГБ)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ГЕНЕАЛОГИЯ СЛУЖИЛЫХ КНЯЗЕЙ ИЗ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ РУСИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ПСКОВЕ В XIV – НАЧАЛЕ XV в. (В СВЕТЕ ДАННЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ДРЕВНЕРУССКОЙ СФРАГИСТИКИ)¹

Одним из актуальных вопросов, который не получил должного ответа в современной историографии, остается проблема происхождения и генеалогии служилых князей в Пскове. Несмотря на известный корпус источников (в том числе материалов по генеалогии и сфрагистике русской и литовской знати), он не используется в полной мере. Между тем выяснение этих вопросов может помочь в изучении истории внешней и внутренней политики Пскова в XIV – начале XV в., уточнить его отношения с соседями, другими землями Руси и ВКЛ.

Во второй половине XIII в. Псков стал одним из первых княжений на Руси, где в качестве служилых князей появляются выходцы из ВКЛ (например, Довмонт-Тимофей, Айгуст). Именно в Пскове складывается традиция установления взаимоотношений между местными властями, носителями или представителями великокняжеской власти, с одной стороны, и служилыми князьями из ВКЛ – с другой. В 1331 г. этот опыт, несомненно, учитывался в Великом Новгороде, когда на фоне обострения отношений с Псковом он был вынужден заключить свой первый ряд с князем Наримонтом-Глебом, сыном великого князя Гедимины.

Псковскому княжению в политике первых правителей Москвы и Вильно сначала не уделялось такого внимания, как его соседу – Новгородской земле. В Пскове, будучи служилыми князьями, Гедиминовичи правили крайне редко (например, Андрей Ольгердович, Александр). В первой половине XIV в. они предпочитали присылать сюда своих вассалов, представителей литовской знати (например, Юрий Витовтович). Эти лица принимали православие или уже были христианами, что позволяло властям Пскова видеть в них своих единомышленников.

На княжении в Пскове и его пригородах также были представители разных ветвей измельчавших Рюриковичей. Помимо выходцев из Северо-Восточной Руси, важное место среди них занимали смоленские Ростиславичи (например, изборский князь Евстафий Федорович, брянский князь Василий Будиволна). Чаще всего владения этих князей в Поднепровье, Посожье или Подесенье были либо сильно ограничены, либо отобраны старшими родственниками. Нередко все это происходило во время военной экспансии ВКЛ.

Анализ известных летописей, родословных материалов и сведений синодиков позволяет включить Александра Всеволодовича, сына смоленского князя Всеволода Глебовича, в число Ростиславичей. Этот Всеволод был младшим братом Александра Смоленского, Романа Брянского и Святослава Можайского и Брянского.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-21-01003 а(м)).

Некоторые безземельные Рюриковичи, пребывая в Пскове и его пригородах, нередко рассматривали их как политический трамплин для скорого переезда на службу в более богатую Новгородскую землю. Так, например, в 1341 г. князь Александр Всеволодович покинул Псков и отъехал в Великий Новгород после того, как местные власти сблизились с князем Ольгердом.

Укрепление на Руси политических позиций правителей Москвы привело к тому, что они постепенно начинают влиять на порядок приглашения в Псков служилых князей. Часть из них по разным причинам входит в тесные отношения с Калитичами, а затем оказывается на службе в Москве. Здесь Рюриковичи укореняются и постепенно в течение первых двух поколений входят в состав великокняжеского боярства. Наиболее ярким примером этого процесса является судьба ближайших потомков князя Александра Всеволодовича, предка нетитулованных родов Заболоцких и Всеволожей.

В конце XIV в. аналогичные процессы происходят в Пскове с выходцами из ВКЛ. Если семья Юрия Витовтовича после гибели князя в 1348 г. уехала в Литву, то семья его сына Евстафия после гибели последнего в 1367 г., напротив, осталась в Пскове. Позднее она установила служебные отношения с великим князем Василием I. Летописные записи в Псковском Прологе XV в. позволяют прийти к выводу, что князь Григорий Евстафьевич был внуком Юрия Витовтовича, а не сыном изборского князя Евстафия Федоровича.

События в ВКЛ в последней трети XIV в. приводят к тому, что Псков и Великий Новгород как объекты службы стали интересовать тех Гедиминовичей, чьи владения были утрачены или ограничены в размерах и правах в Юго-Западной Руси. Это произошло из-за войн против Венгрии и Польши, конфликтов с великими князьями Ягайло и Витовтом. В 1374 г. прецедент создал князь Александр Полоцкий. Источники позволяют видеть в нем бывшего правителя Копорья и предка князей Корецких Александра Наримонтовича. Его отец до 1345 г. правил в Полоцке. В 1378 г. эту традицию продолжил Андрей Ольгердович. Наследники именно этих князей в конце XIV — начале XV в. приглашались на княжение и кормления в Псков. Источники позволяют установить, что псковские князья Даниил и Юрий Александровичи — сыновья Александра Наримонтовича Полоцкого, а не потомки смоленских (порховских) Ростиславичей. В отличие от старших Ольгердовичей — князей Ивана Андреевича и Александра Ивановича (сторонников Витовта), князья Григорий Евстафьевич и Наримонтовичи имели тесные отношения с лицами великокняжеской администрации Калитичей и даже устанавливали с ними родственные связи. Так, например, сын Даниила Александровича князь Владимир Данилович был женат на дочери одного из ростовских князей. С конца XIV в. эти потомки Мономаха часто служили в Пскове как представители Калитичей и проводники их политики.

Установление тесных контактов властей Пскова с Гедиминовичами, выходцами из Волыни, позволяет понять, что приглашение псковичами в XV в. к себе князя А. В. Чарторыйского, зятя великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, также не было прецедентом. Действия псковичей отражают сложившуюся и хорошо устоявшуюся практику XIV в. Опыт традиционных связей между Псковом, отдельными княжескими родами Западной и Центральной Руси и ВКЛ позднее активно использовался властями Москвы (прежде всего, при назначении своих представителей в XVI в. воеводами и наместниками в бывшую вечевую республику).

С. С. Кутаков (ГАУГН), Ю. В. Степанова (ТвГУ)

МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ТВЕРСКОМ УЕЗДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.¹

Монастырское землевладение являлось важной составляющей социально-экономического образа Московского государства. В середине XVI в. духовным феодалам принадлежало больше трети населенных земель страны, поэтому исследование монастырского землевладения является важным для понимания основных закономерностей организации территории Московского государства.

Представляется важным предпринять попытку историко-географической характеристики монастырского землевладения в Тверском уезде во второй половине XVI в. на основе писцовых книг и актового материала².

В Тверском уезде значительные земельные владения входили в состав вотчин Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей. Троицкие владения были разбросаны по всему уезду и имелись практически во всех волостях, за исключением северных — Кушалино, Узкий Угол, Ракитна, Озера Спасские. Наиболее обширны были владения в Микулинском стане-уезде, а также в волостях Захожье, Суземье и Шейском стане. Тверские владения Иосифо-Волоколамского монастыря формировались на протяжении первой половины XVI в. в волостях Хорвач, Захожье и в Микулинском стане. В конце XVI — начале XVII в. прослеживаются изменения в составе тверских владений монастыря. Так,

¹ Работа проведена в рамках проекта № 14-06-97501 РФФИ и Правительства Тверской области «Сельское расселение в Тверском уезде в XVI в. по материалам писцовых описаний: создание геоинформационной системы».

² Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005; Описная книга Старицкого Успенского монастыря 1607 г. // Тверская старина. 1911. № 1. С. 19–34; № 2. С. 33–36; № 3. С. 22–26; № 4. С. 20–25; № 5. С. 34–40; № 6. С. 28–34; № 7. С. 30–33; № 8. С. 43–47; № 9. С. 21–24; № 10–11. С. 35–40; № 12. С. 16–22; 1912. № 1. С. 49–62; Шумаков С. А. Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1; АФЭХ. М., 1959. Т. 2.

с. Борисоглебское, принадлежавшее Иосифо-Волоколамскому монастырю, в конце XVI в. переходит Троице-Сергиеву монастырю [Черкасова]. Половина с. Окулова, согласно описной книге 1607 г., числилась за Старицким Успенским монастырем³.

Формирование землевладения Старицкого Успенского монастыря в Микулинском стане началось в конце 60-х годов XVI в. и было связано с пожалованиями Ивана IV, благодаря которым монастырю досталась значительная часть земель, некогда составлявших вотчинные владения князей Микулинских.

Наибольшую долю во всей совокупности тверских монастырских земель составляли владения собственно тверских монастырей, располагавшихся на территории Тверского уезда.

Наиболее крупные земельные владения среди тверских монастырей имели Отроч, Савватьевский, Оршинский, Желтиковский, Саввин, Вотмицкий и Федоровский в Твери.

Тверской Отроч монастырь являлся наиболее значимым местным духовным феодалом. Наиболее крупные земельные анклавы этого монастыря располагались в волостях Кава, Чаглово и Воловичи, в относительной близости от Твери. Большой анклав землевладения монастыря находился в Микулинском стане.

На территории Тверского уезда имели место владения многочисленных небольших монастырей и пустынок, расположенных в различных волостях, разбросанные по всему уезду.

Особое внимание в данной связи привлекает Иванишский монастырь, бывший вотчинный монастырь С. Ю. Шигоны Поджогина. После смерти своего ктитора, не оставившего наследника, монастырь стал самостоятельным вотчинником, в соответствии с духовной грамотой своего покровителя⁴.

Примерами освоения сельских территорий в рамках развития монастырского землевладения могут служить вотчины Савватьевского и Оршинского монастырей. Если в состав крупнейших Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского, а также некоторых тверских монастырей — Отроча, Желтиковского, Федоровского — попадали отдельные части княжеских, боярских и других землевладений, разбросанных по всему уезду, то крупные землевладения Савватьевского и Оршинского монастырей располагались компактно в округе самих монастырей. Оба монастыря находились на территории Шейского стана.

Обращает на себя внимание обилие починков, которое дозорная книга 1551–1554 г. зафиксировала на территории Шейского стана в землевладениях не только Савватьевского и Оршинского монастырей, но и других расположенных здесь небольших пустынок. В землевладениях небольших монастырей Шейского стана — Видогощского, Никольского на Сучку, Успенского на Холму, Спасского на Болгаре — около 40% населенных пунктов составляют починки. Это косвенно свидетельствует об активной колонизаторской политике монастырей в этом заболоченном и малозаселенном регионе.

Таким образом, наибольшую долю церковные и монастырские земли составляли в Шейском стане, в значительной степени занятом землями Савватьевского и Оршинского монастырей. Велика была доля монастырской земли в Микулинском стане и волости Воловичи. Крупные монастырские владения располагались в волостях Шестка и Суземье. Относительно невелики были монастырские владения в Хорваче, Каве, волости Озера Спасские. Наименьшую долю они составляли в северной части Тверского уезда, состоявшей из мелких волостей — Ракитна, Узкий Угол, Видимля, Кушалино. Писцовые книги и актовый материал свидетельствуют о том, что большинство земельных владений было обретоно монастырями по вкладам. В XVI в. монастырям перешли значительные части бывших вотчин тверской знати, причем в основном это были выморочные владения. С другой стороны, небольшая часть монастырей пополняла свои владения путем предоставления льгот и колонизации слабозаселенных районов.

Литература

Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996.

³ Описная книга Старицкого Успенского монастыря // Тверская старина. 1912. № 1. С. 56.

⁴ Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 года // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. С. 26–37.

В. А. Кучкин (ИРИ РАН)

ДАТИРОВКА СПИСКА «А СЕ ИМЕНА ГРАДОМ ВСЪМ РУСКЫМ ДАЛНИМ И БЛИЖНИМ»

Восточнославянский средневековый памятник, носящий название «А се имена градом всъм рускым далним и ближним», представлен многими списками XV–XVII в. В настоящее время таких списков известно 24. 20 списков происходят из сборников, содержащих летописные тексты, 2 — из Кормчих, 1 — из Толковой Палеи и 1 — из сборника 1602 г. новгородского Софийского собора. Старшим списком является список, помещенный в рукопись с Комиссионным списком Новгородской I летописи младшего извода. Этот список механически вставлен в рукопись в 1451 г. уже после написания летописи.

Сохранившиеся списки делятся на 3 редакции. Самой поздней является редакция сборника 1602 г., куда включен перечень тверских городов. Остальные списки такого перечня не содержат. Эти списки делятся на 2 редакции: Новгородской I летописи младшего извода и общерусского свода 1518 г. (Уваровской летописи). В НИм дано правильное название болгарского города Аюлякра, раздел о киевских городах имеет заголовок «Киевський гроди», город Белгород под Киевом помещается на р. Рпене (Ирпене), что правильно; верно названы р. Иква, правый приток Стыри, и р. Лана, левый приток Припяти [Тихомиров, с. 115]. Только в НИ сохранились упоминания городов Избореска и Вевереска. В свою очередь, в своде 1518 г. сохранились заголовок одного из разделов памятника «А се польский»

и уникальное указание на город Другабець. Совпадения и разночтения двух текстов указывают на существование общего протографа редакций. Этот протограф и будет предметом дальнейшего анализа.

Первоначальный текст памятника был разделен на статьи. Статьи имели следующие заголовки: «А се Болгарский и Волоцкий гради», «А се польский», «А се Киевский гроди», «А се Вольнский», «А се Литовский», «А се Смоленский», «А се Рязанский», «А се залеский». Всего перечислено 9 групп городов, но города болгарские и волошские заголовком объединены воедино. В разделе «болгарских и волошских градов» приведены названия 23 городов, «польских» — 11, в разделе «А се Киевский гроди» назван 71 город, в числе «вольнских» — 31 город, в их составе Другабець; число «литовских» городов колеблется от 93 до 95, в зависимости от того, читать ли названия Вьстиобачерь и Броницарев как одно слово или как два; «смоленских» — 10, «рязанских» — 30, «залесских» — 90 или 91, в зависимости от того, рассматривать ли указание «на Ъмцѣ на Вагѣ» как на одно место или на два. В ряде случаев один и тот же город упоминался в разных разделах памятника. Учитывая это, можно говорить о том, что в Списке было упомянуто от 355 до 362 городов.

Города в разделе «А се Киевский гроди» описаны более тщательно, чем в других разделах памятника. Названы реки, на которых стояли эти города. Таких описаний 14, тогда как подобных описаний в других разделах памятника от 3 до 12. Хуже всех описаны «залесские» города. В Списке не упомянуты такие города, как Лух, Углич, Устюжна, Холопий городок, Рыбинск (Рыбная слобода), Нерехта, Радонеж, Малый Ярославец, Кременец, Медынь, Таруса, Алексин, Калуга, Перемышль на Пахре, Хотунь на Лопасне, Лопасня, Кашира. Приведенные данные наряду с употреблением в заголовке раздела польского слова «гроди» указывают на то, что Список составлялся не в Новгороде, не на Северо-Востоке, а в Южной Руси, скорее всего, в Киеве, в среде православного духовенства. О последнем говорит отсутствие в Списке упоминания города Тулы. До 1389 г. Тула была владением Дмитрия Донского. Однако к 1432 г. Тула оказалась в руках литовских князей, принявших католичество [Полехов, с. 116, 119]. То обстоятельство, что Тулы нет в Списке «А се имена градом всѣм руским далним и ближним», можно объяснить тем, что в городе не стало православного храма. В таком случае Список должны были составлять православные монахи или священники.

История изучения Списка исследована в последнее время А. В. Дедуком [Дедук]. Это позволяет не останавливаться подробно на том, как датировался Список разными учеными. Однако из каких данных исходили они при датировке памятника, сказать необходимо. Прежде всего, это данные по истории того или иного города, которые помогали определить *terminus post quem*, а также отнесение города к определенной группе городов, которой владело то или иное государство. Так поступал М. Н. Тихомиров, который установил, что упомянутый в Списке «на Шолонѣ Порховъ камень» был укреплен каменной стеной в 1387 г. С другой стороны, болгарским в Списке был назван город Тырнов, который в 1393 г. был взят турками. Отсюда получалась дата самого Списка — 1387–1392 г. Е. П. Наумов считал, что деление в Списке городов по рубрикам отражает их деление по церковно-административному признаку, и, исходя из этого, датировал Список 1394–1396 г. В. Л. Янин полагал, что Список должен датироваться временем около 1381 г., поскольку Ржева с ее волостями записана в Списке в раздел литовских городов, а Литва владела Ржевой в 1381 г., после же — только Москва.

Однако упоминание в Списке молдавского города «Корочюнов Камен[ь]», на месте которого в 1395 г. существовало сельское поселение «villam Karachonkw», а позднее возник город Пятра (греч. *petroz* — камень), указывает на то, что в Список попали города, возникшие в XV в. О том, что Список составлен в XV в., свидетельствует и отнесение к литовским городам смоленского Торопца, что могло быть лишь после присоединения Смоленского княжества к Литве в июне 1404 г., и отнесение к киевским городам Брянска, где в 1415–1458 г. не было епископов.

В разделе «А се Литовский» Списка назван город «Онузѣ». Такое название впервые встречается в Софийской I летописи старшего извода и Новгородской IV летописи, где читается «сташа станомъ ту о Нузѣ»¹. То же чтение сохранилось и в белорусско-литовских летописях XVI в.: «сташа станом у Онузѣ», «сташа станомъ первое у Онузи», «сташа станомъ в Онузе»². Более древнее чтение — в НН: «сташа о Нузѣ»³. Очевидно, что источником Списка послужила поздняя летопись. С I и НIV имели общий источник — Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в. Это означает, что сам памятник «А се имена градом всѣм руским далним и ближним» появился между 30-ми годами XV в. и 1451 г.

В этом промежутке времени произошли важные события. 28 января 1448 г. король Польши и Литвы Казимир IV захватил у Тверского княжества Ржеву на р. Волге. В ответ тверской князь Борис опустошил ржевские волости, но Ржеву взять не смог. Тогда осенью 1448 г. Казимир IV начал войну с Тверью. Вскоре выяснилось, что на стороне Твери в войну вступила Москва. Весной 1449 г. польский король вынужден был прекратить военные действия и примириться с Борисом Тверским, вернув ему Ржеву.

Во время литовско-тверской войны произошло еще одно крупное событие. 15 декабря 1448 г. иерархи восточных епархий Русской митрополии избрали митрополитом Киевским и всея Руси Иону. Иерархи западных митрополий на выборы приглашены не были. Стало ясно, что в Русской митрополии произошел раскол. В этих условиях в Киеве и был составлен Список русских городов дальних и ближних, определявший, какие города должны быть подведомственны Ионе, а какие — западным епископам.

¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. Стб. 288; ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. I. С. 215.

² ПСРЛ. Т. XXXII. С. 23, 41, 82.

³ НПЛ. С. 74, 286.

Тверские города в Список не были внесены, поскольку за них шла война между Литвой и Тверью. Таким образом, время составления Списка — после 15 декабря 1448 г. и до весны 1449 г.

Литература

Дедук А. В. «Список русских городов дальних и ближних»: история изучения // Русский книжник. 2014. М., 2015. С. 129–141.

Полехов С. В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 111–125.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Ю. А. Лабунцев (Исл РАН)

ВИЛЕНСКО-СУПРАСЛЬСКИЙ «ЛЕИТУРГИКОН» КОНЦА XVII в. В ИСТОРИИ ХРИСТИАН ЕВРОПЫ

Литургическая практика униатской церкви в первый век ее существования в Речи Посполитой была и остается одной из самых злободневных и малоизученных проблем. В продолжение целого столетия униаты вынуждены были существовать, не имея собственного единого богослужебного канона, используя в основном традиции и опыт своих православных предков, куда в том или ином случае вносились или не вносились определенные изменения. Попытки же явной латинизации униатской литургии воспринимались как крайность, что особенно наглядно видно на примере деятельности протоархимандрита базилианского ордена Стефана Мартышкевича.

Отсутствие собственного служебника, которым ни в коей мере не мог быть известный «Служебник» 1617 г., напечатанный в виленской типографии Льва Мамонича, считавшийся «униатским», определило решение базилианской конгрегации 1667 г. о необходимости издания своего исправленного служебника и требника, чью подготовку поручили епископу Якову Суше. Однако процесс этот затянулся почти на три десятилетия, полных внутрицерковных споров о составе будущих изданий. Неудивительно, что появившийся наконец в начале 90-х годов униатский «Служебник», подготовленный группой богословов под руководством митрополита Киприана Жоховского, может рассматриваться прежде всего как его личная заслуга.

В силу сложившихся обстоятельств митрополит Киприан начал печатать свой «Служебник» в Вильно, а допечатывали его уже монахи Супрасльского монастыря. На гравированном титульном листе этого «Служебника» (Вильно — Супрасль, 1692–1695) значится «ЛЕИТУРГИКОН или ерѣхъ СЛУЖЕБНИКА Свѣдѣніа вѣсѣхъ починѣхъ Свѣтѣхъ Восточныхъ Цркви Литургич, яке въ Свѣтѣхъ Шѣхъ нашихъ Іоанна Златоустѣаго, Василиа Великаго и Григоріа Дѣбѣлола Папы Римскаго, съ вѣрѣми свѣдѣлѣми, Недеѣльными и Праздничными. въ Вилни Первое Типо» издадеа въ Обителѣ Свѣтѣхъ живончѣльныхъ Трѣхъ Чинѣхъ Свѣтѣхъ Василиа Ве' въ Лѣто ѿ Рождѣтѣа Хѣла дѣхъ», а на последнем из допечатанных в Супрасле листов читаем, что произошло это 21 сентября 1695 г. Несмотря на огромную важность для униатской церкви подобной книги, тираж которой составил 1300 экземпляров, ее принятие как в монастырях, так и приходским белым духовенством происходило с немалыми осложнениями во всех епархиях. Упорядочивание богослужения в каждом конкретном приходе и монастыре шло достаточно медленно, но его унификационной основой стал именно «Служебник» митрополита Киприана Жоховского, через четверть века явившийся стартовой базой для дальнейших литургических кодификаций, предпринятых митрополитом Леоном Кишкой. Впрочем, и деятельность митрополита Леона, и многие последующие попытки упорядочить униатское богослужение давали лишь относительный эффект. По-прежнему еще долго можно было по состоянию богослужения определять словами современника, что униатство — это «некая третья вера, и не русская и не польская, а какая-то смешанная», а сами униаты «ляхи не ляхи, Русь не Русь». Впрочем, попытки наладить в униатской церкви обрядовые реформы и во все последующие века, включая и XX, если речь вести о Галиции и выходцах из нее, приводили к тому, что нынешние греко-католические теологи сами называют «обрядовым хаосом», закончившимся, по их мнению, лишь в 40-е годы XX в., после возникновения Римской литургической комиссии.

Сохранившиеся экземпляры «Леитургикона» митрополита Киприана Жоховского и их рукописные списки, являющиеся весьма детальным и наиболее достоверным источником по истории рецепции этой книги среди нескольких народов и стран современной Европы, позволяют дать очень точную и подробную характеристику и основным перипетиям в восприятии текста данного «Служебника» в самой разнообразной христианской священнической и монашеской среде на протяжении около трех столетий. В общей сложности на сегодняшний день нам известно около ста экземпляров «Леитургикона» митрополита Киприана и несколько рукописных списков. Практически все они имеют те или иные пометы, знаки, порой достаточно подробные записи, раскрывающие их судьбу. «Служебник» 1692–1695 г. стоил достаточно дорого, еще дороже перепродавался в глухой провинции, был в конце концов распространен на огромной территории нынешней Белоруссии, Венгрии, Литвы, Польши, России, Словакии, Украины и некоторых других стран, куда попадал уже единично.

А. В. Лаушкин (МГУ)

ТРЕТЬИ «ПОГАННЫЕ»: ИЗМЕНЕНИЕ ЛЕТОПИСНОГО ОБРАЗА ЛИТВЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.

Исследователи, обращавшиеся к образу язычников-литвы в русском летописании XI–XIV в., выявили сложность данного образа и его заметную эволюцию с течением времени [Конявская; Кириченко; Косоруков и др.]. Первая его серьезная трансформация началась в первой трети XIII в., когда в изображении этого прибалтийского народа стали появляться четкие негативные черты.

Архетипический для древнерусской литературы негативный образ соседа-иноверца сложился под пером летописцев конца XI — начала XII в. при изображении половцев. Создавался он при помощи трех основных приемов: 1) использования в известиях о русско-половецких отношениях лексики этноконфессионального размежевания (негативно-конфессиональных определений для самих кочевников и понятия «христиане» с производными для обозначения русских), 2) внесения в сообщения о русско-половецких конфликтах ремарок провиденциального характера и 3) соотнесения половцев с нечестивыми народами Ветхого Завета, а также их «наследниками» в историческом настоящем. На протяжении нескольких десятилетий не только этот образ в целом, но и его отдельные элементы оставались исключительными атрибутами повествований о контактах Руси с Половецкой Степью (за мельчайшими исключениями, не имевшими систематического характера и почти незаметными на общем фоне). Лишь с середины XII в., да и то в основном в летописании Суздальской земли, первые два из этих трех литературных приемов стали переноситься в известия о волжских булгарах [Коновалова; Лаушкин].

Литва стала третьим и последним народом, который в летописании домонгольского времени начал систематически наделяться «половецкими» чертами (лишь без явных ветхозаветных параллелей, как это было и с булгарами). Такое наделение проявилось во всех сохранившихся летописных традициях рассматриваемого времени (см.: Новгородская I летопись старшего извода под 6721, 6732, 6733, 6742, 6745 г., Лаврентьевская летопись под 6733 г., Ипатьевская летопись под 6723 г.) и заложило устойчивую схему изображения литвы в дальнейшем. Анализ материала позволяет предположить, что главной причиной этой перемены стали глубокие рейды вооруженных литовских отрядов во внутренние районы Руси. Столь масштабные набеги были почти неизвестны прежде и приобрели регулярный характер как раз в первой трети XIII столетия [Любавский, с. 49–51; Пашуто, с. 366–368, 372–375]. Из беспокойного соседа литва превратилась в опасного врага, покушающегося на земли и население Руси, что в глазах современников, видимо, и практически поставило ее в один ряд с половцами. Это лишний раз показывает, что актуализация культурно-конфессиональных отличий и сопряженных с ними представлений о «чужом» происходила в Древней Руси не сама по себе, а лишь при появлении резко негативного опыта взаимоотношений.

Литература

- Кириченко К. В. Пошуки образу: Литва XIII–XIV ст. очима літописців Північної Русі та Новгородської землі // Просемінарії. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. К., 1999. Вип. 3. С. 4–17.
- Коновалова И. Г. Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 75–81.
- Конявская Е. Л. Литва в восприятии русских (на материале древнерусских литературных памятников XIV века) // Древняя Русь и Запад: Научная конференция: Книга резюме. М., 1996. С. 92–95.
- Косоруков А. А. Изображение Литвы в повестях о Куликовской битве // Древнерусская литература: Тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002. С. 38–67.
- Лаушкин А. В. Булгары как новые половцы: суздальская линия на карте древнерусской идентичности // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. (В печати.)
- Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.
- Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

А. Ф. Литвина (НИУ ВШЭ), Ф. Б. Успенский (ИСл РАН)

ЗА ЧТО УБИЛИ ЯРОПОЛКА ИЗЯСЛАВИЧА?¹

Гибель Ярополка Изяславича в ноябре 1086 г. стала первой после кончины Бориса, Глеба и Святослава смертью Рюриковича от руки подосланного убийцы. Дошедшие до нас летописные свидетельства об этом событии по сей день сохраняют детективную интригу.

Мы знаем имя непосредственного исполнителя преступления, некоего Нерадца, однако летопись дает основания полагать, что он действовал скорее по мотивам политическим, нежели сугубо личным, и что у убийства был прямой заказчик. В таком случае подозрение в соучастии падает на целый круг лиц, поскольку вся ситуация в целом — как до убийства, так и после него — во многом остается неясной,

¹ В работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

причем эта неясность ее изложения может показаться преднамеренной. Бенефициарами этого злодеяния могли быть и братья Ростиславичи (потомки Владимира Ярославича), к одному из которых бежит убийца, и Давыд Игоревич, на краткий срок заполучивший владими́ро-во́лыньский стол, но лишившийся его, когда Ярополк вернулся из Польши, и, наконец, княживший в Киеве Всеволод Ярославич и его сын Владимир Мономах, с которыми убитый вступил в конфликт и вроде бы примирился незадолго до своей гибели. Характерно, что летописец в панегирическом слове Ярополку Изяславичу говорит не о каком-то конкретном злодее, а скорее, о несправедливостях, претерпленных от родичей-князей вообще: «многы бѣды приемъ безъ вини изгонимъ ѿ бра́та своа . шбидимъ и разграбленъ . наконецъ и смѣръ горку приа» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 198).

Общую атмосферу сомнительности всей ситуации в целом усугубляет и то обстоятельство, что после убийства Ярополка не было предпринято, в сущности, никаких видимых мер, инициатором которых должен был бы выступить киевский князь. В самом деле, Всеволод и его сыновья с почетом и скорбью встречают и хоронят тело Ярополка в Киеве, в церкви св. Петра, но за всем этим не следует ни поиска, ни осуждения виновных в его гибели.

Кажется, у нас есть возможность предложить новую гипотезу, объясняющую мотивы этого политического убийства. Почему Ярополк именно в 1085 г. решился выступить против своего стряпа, киевского князя Всеволода, и почему, потерпев поражение и не получив подкрепления от поляков, он смог беспрепятственно вернуться на свой стол во Владимире? Что, наконец, сделало его тогда настолько опасным для остальных Рюриковичей, что пришлось прибегнуть к политическому убийству?

Как известно, дочь Ярополка была выдана замуж за Глеба Всеславича, представителя полоцкой ветви династии. Скорее всего, их женитьба или сговор состоялись очень незадолго до внезапной гибели отца невесты. Мы предполагаем, что между этими событиями есть не только хронологическая близость, но и непосредственная причинно-следственная связь. Вспомним, что речь идет о самом первом внутрдинастическом браке в доме Рюриковичей, этот мощнейший политический инструмент удалось опробовать на деле.

Ветвь Ярослава Мудрого, к которой принадлежали Ярополк, его отец и родные дядья, по родовому счету была младше ветви полоцких князей, потомков Изяслава Владимировича. К 80-м годам XI в. конфликты между ними, сотрясавшие династию в середине столетия, отнюдь не ушли в прошлое. Всеслав Полоцкий был единственным наследником своего отца, Ярополк — старшим в своем поколении Ярославичей. Женитьба сына одного из них на дочери другого объединяла бы и усиливала их претензии на тотальное старшинство в династии. Опасность этой созданной Ярополком матримониально-генеалогической конструкции ясно читалась остальными князьями.

Напомним, что несколько ранее, в первой половине 70-х годов XI в., одного только известия о переговорах Изяслава, отца Ярополка, со Всеславом Полоцким о браке их детей хватило для того, чтобы разрушить триумvirат Ярославичей. Эффективность грядущего матримониального союза кого-то из отпрысков Изяслава с представителем полоцкой ветви Рюриковичей представлялась настолько всеобъемлющей, что грозила перечеркнуть и давнюю упорную вражду Ярославичей со Всеславом, и узы кровного родства, объединявшие родных братьев, так что потребовалось незамедлительное изгнание Изяслава, дабы предотвратить эту опасность.

На то, чтобы сгладить конфликт между Всеволодом и Изяславом Ярославичами, ушли годы. Наследники же Святослава Черниговского, в сущности, так и не смогли примириться со своими дядьями, что и привело к гибели Изяслава в битве на Нежатиной Ниве. В 70-е годы XI в. этот нежелательный для большинства представителей Ярославовой ветви брак со всей очевидностью удалось предотвратить, однако соблазнительная возможность вступать в матримониальный союз с представительницами полоцкого дома осталась. Помимо всего прочего, с канонической точки зрения, только среди них и могли искать себе брачных партнеров внутри династии остальные Рюриковичи как в 70-е, так и в 80-е годы XI в.

Иными словами, в семье Ярополка осуществилось то, что не дано было довести до конца его отцу Изяславу Ярославичу. При этом Изяславу пришлось за свой брачный проект расплатиться киевским столом, а Ярополку Изяславичу, если наша гипотеза верна, собственной жизнью.

А. Н. Лобин (Государственный комплекс «Дворец конгрессов»)

К ИСТОРИИ ПОБЕГОВ ИЗ ЛИТОВСКОГО ПЛЕНА: ДЕЛО «МОСКОВИТА БУЛГАКА» 1517 г.¹

В последнее время проявляется интерес историков к положению военнопленных Оршанской битвы в Великом княжестве Литовском. Во многом это объясняется отмечавшимся в 2014 г. 500-летним юбилеем сражения. Как правило, историки обращаются либо к социально-правовым, либо к бытовым вопросам положения военнопленных [Grafa, s. 440–466; Граля, с. 645–679; Ерусалимскі, с. 680–713]. Менее исследовано в историографии такое явление, как побег из тюрем невольников.

Как отметил литовский историк В. Сирутавичюс, от статуса невольника зависели условия его содержания в крепости [Sirutavičius, p. 20–30]. Например, за неродовитыми детьми боярскими следили не так пристально, как за знатными пленниками, хотя положение многих

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта (№15-21-01003а/м).

было плачевным. В то же время такие «взяни» могли иметь некоторую свободу в передвижении внутри двора или замка, благодаря чему некоторым из них удалось убежать из плена (как пример: «два москвитины втекли на... конех сее зимы... звали тых москвич Течетси Федоров сын Забелин, а други Белик Негодяев»²). По документам Литовской Метрики, таких случаев было несколько.

В собрании исторического Кёнигсбергского тайного архива (GStAPK) хранятся документы о побеге из плена некоего «москвиты Булгака» (Bulhak Moskus) со своими сыновьями. Дело интересно двумя моментами: во-первых, в отличие от других беглецов, Булгак бежал не на восток, в сторону России, а на запад, во владения Тевтонского ордена; во-вторых, его побег стал причиной выяснения отношений между великим магистром Тевтонского ордена и королем Сигизмундом, что придает этому случаю статус международного инцидента.

8 февраля 1517 г. польский король извещал верховного магистра Тевтонского ордена: «Бежал из нашей земли Жемойтии с сыновьями и имуществом Булгак Московит, который укрывался в вашей крепости Рагнит» («profugit ex terra n(ost)ra Samaithien Bulhak Moskus, una cum filijs et rebus suis ad Castru uestrae Ragneth»). Сигизмунд потребовал возвратить беглеца, так как «по пакту и соглашению перебежчики должны выдаваться обратно». Король просил «содержать упомянутого Булгака под стражей до момента, пока не будет осуществлена передача его нам по взаимному соглашению» («cum uero inter pacta et federa huius ducatus n(ost)ri et terrae uestrae conuentu est ut profugi utramque restituantur, postulamus ad eade ura ut dictum Bulhak restitui nobis faciat aut teneri tantisper in custodia donec pro illo mittemus, rem mutuae concordiae pacis conseruandae congrua facture, quae ualeat feliciter»)³.

Но тевтонцы москвитов не выдали. Альбрехт Бранденбургский нарушил договоренности с Польской Короной о выдаче беглецов и сделал все, чтобы бывшие пленники были доставлены в Россию. Верховный магистр лично просил магистра Ливонии Вольтера фон Плеттенберга оказать содействие в том, чтобы освобожденный Булгак (Ballhack) с сыновьями «свободно и безопасно» могли пройти через Лифляндию («durch die landt Leyfflandt freij, sicher») домой⁴. Этот частный случай побега «москвиты Булгака» наглядно обозначил вектор последующей политики Тевтонского ордена, направленной на укрепление русско-прусского военного союза против Польши и Литвы. Нарушение соглашения о выдаче беглецов со стороны Тевтонского ордена стало очередным шагом к конфронтации между польским королем и верховным магистром. Свообразным итогом такой политики стало подписание орденским послом Дитрихом Шонбергом 10 марта 1517 г., через месяц после инцидента, договора о военном сотрудничестве России и Тевтонского ордена [Лобин, с. 11–26].

Литература

- Гралья Г. Палонныя з-пад Оршы: паміж ягелонскай «прапагандай поспеху» і дзяржаўнымі інтарэсамі Масковіі (1514–1552) // ARCHE. Пачатак. 2014. № 12. С. 645–679.
Ерусалимскі К. Взяні Вялікай бітвы: Турма ці эміграцыя? // ARCHE. Пачатак. № 12. 2014. С. 680–713.
Лобин А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517–1522 гг. // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. С. 11–26.
Grala H. Jeńcy spod Orszy: między jagiellońska “propaganda sukcesu” a moskiewska racja stanu (1514–1552) // Aetas media. Aetas moderna. Studia ofiarowane profesorowi Henrikowi Samsonowiczowi w 70-ta rocznicę urodzin.

² Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Кн. 11 (1518–1523): Įrašų knyga 11. Vilnius, 1997. P. 92.

³ GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA 21235. Письмо написано в Волкиниках («Datum in Wolkynyky die Solis octaua men(s)is February, Anno d(o)m(ino) quingentesimo decimo septimo. Regni n(ost)ri vndecim»). Подпись: «Commissio regiae Maiestis propria».

⁴ GStAPK. XX. HA (Hist. StA Königsberg). OF 39. Fol. 221.

П. В. Лукин (ИРИ РАН)

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НОВГОРОД КАК КОММУНА? ИТАЛЬЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Сопоставление Новгорода с итальянскими городами-коммунами может показаться, на первый взгляд, искусственным. Во-первых, этому способствует распространенный стереотип о российской «отсталости» — наследие эволюционистских и марксистских представлений, во-вторых, укоренившаяся «аллергия» на слишком поспешные сопоставления, в-третьих, убеждение в том, что, поскольку с культурно-исторической точки зрения Новгород принадлежит балтийскому региону, осмыслить его социально-политический строй в типологическом отношении следует именно в этом контексте. В этих оценках есть немало справедливого. Тем не менее итальянские параллели к изучению Новгорода уже привлекались, в частности, В. Л. Яниным [Янин, с. 353–354]. Говорилось о необходимости такого сопоставления и в зарубежной литературе [Schulz, s. 10–11]. И это неслучайно.

Городская коммуна как таковая возникла в середине XI в. именно в Северной Италии, и это превращает итальянскую городскую коммуны в некий «идеальный тип» средневековой городской коммуны. Итальянская коммуна-civitas, как и Новгород, была территориальной общностью, которой руководила жившая в городе знать, совмещавшая городские и сельские интересы. Это отличало как итальянские коммуны, так и Новгород от немецких или французских коммун, где основной силой был городской патрициат или верхушка цехов. Именно с итальянскими городскими республиками сближает Новгород и территориальный фактор: сюзеренитет городских властей над подчиненной им значительной

периферией — с более мелкими городами и сельскими поселениями.

Отметим вкратце два направления, по которым возможно, как представляется, такое сопоставление (акцент сделан на том, что вытекает из логики наших собственных исследований). Принципиально важно, что это не некие априорные «темы», а конкретные исследовательские задачи, обеспеченные и подкрепленные данными источников.

Коллективная политическая идентичность (отражение в источниках представлений о принадлежности горожан к соответствующим общностям). Речь идет, в частности, о формах самоопределения горожан в Новгороде и ранних коммунах Италии: например, «весь Новгород» / «все новгородцы» и *fideles nostris Pisanę urbis cives* (в Пизе¹). Также обращают на себя внимание параллели, связанные с представлениями о коллективном единстве полноправных членов политических общностей: *fraternitas, unanimitas* — «братство, единчество». Весьма интересны и представления о городских вольностях и об их происхождении. Здесь особенно любопытен казус Венеции, поскольку она (как, естественно, и Новгород) не имела древней истории: Венеция не происходила ни от одного из древнеримских городов. Следовательно, вставал вопрос о поисках или, точнее, изобретении мифа о происхождении городской свободы. И там, и там он сформировался. В Новгороде фиксируется представление о том, что «издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь наших»². Нечто подобное мы видим и в Венеции. В июне 1077 г. папа Григорий VII писал дожу Доменико Сельво и «народу Венеции», что он очень рад «свободе (*libertate*), которую они сохранили, получив [ее] от древнего древа римской знати»³. В действительности, однако, происхождение венецианской знати от какого-либо древнеримского древа более чем проблематично [Cessi, p. 323–327]. Но в данном случае важнее не это, а близость соответствующих мифов о происхождении городских свобод.

Терминология о социальном строе и представления, с ним связанные. Центральным для понимания социально-политического строя Новгорода вопрос — кто и почему входил в новгородский «политический народ», то есть был наделен правом участия в политической жизни, а кто был исключен. И из русских, и из немецких источников следует, что в вече участвовали только горожане [Лукин]. На высшую должность посадника могла претендовать только знать, бояре. По венецианским же источникам оказывается возможным проследить очень любопытное явление. Уже на заре независимости Венеции и за несколько столетий до «закрытия» Большого совета, в IX–X в., когда еще функционировало «народное собрание», определились фактические границы «политического народа». В него были включены только жители центрального острова Лагуны, Риальто. Участие же в политической жизни даже родовитых семей из Торчелло — венецианского «пригорода», если использовать древнерусские понятия, — определялось не столько их значением в местной среде, сколько тем, что они переселялись в Венецию [Castagnetti, p. 606] (то есть на Риальто). В средневековой Венеции так же, как и в Новгороде, *universus populus Venetiarum* («весь народ Венеции»), теоретически включая в себя все население герцогства (как и в Новгороде понятие «новгородцы» могло охватывать население всей Новгородской земли), практически был представлен в том числе и на народном собрании, *populus rivoaltensis*, то есть жителями центрального в лагуне архипелага Риальто. Устанавливается, таким образом, связь между участием в политической жизни и проживанием в городе, характерная как для Новгорода, так и для средневековых европейских коммун.

Этим несколько не исчерпываются возможности сопоставления социально-политического устройства Новгорода и итальянских средневековых городов, но уже из сказанного ясно, что излишний скепсис в отношении попыток осмыслить Новгород в контексте истории европейского коммунального строя (см., например: [Штайндорф]) вряд ли оправдан.

Литература

Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2015.

Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: Мат-лы круглого стола. СПб., 2012. С. 228–241.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Castagnetti A. Insedimenti e «populi» // Storia di Venezia. Roma, 1992. Vol. I. Origini-età ducale. P. 577–611.

Cessi R. Le origini del patriziato veneziano // Cessi R. Le origini del ducato veneziano. Napoli, 1951. P. 323–339.

Schulz K. «Denn sie lieben die Freiheit so sehr...». Kommunale Aufstände und Entstehung des europäischen Bürgertums im Hochmittelalters. Darmstadt, 1992.

¹ Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser. Bd. VI (Die Urkunden Heinrichs IV) / bearb. von D. von Gladiss, A. Gawlik. T. 2. Weimar, 1952 (MGH DD HIV). № 336. S. 442.

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 362.

³ Epistolae selectae in usum scholarum ex MGH separatim editae. T. II, fasc. 1. Gregorii VII registrum lib. I–IV / ed. E. Caspar. Berolini, 1920. P. 342.

Д. А. Ляпин, А. С. Пальчикова (ЕГУ им. И. А. Бунина)

ИМЕНА ЦАРЕЙ И ИХ НАСЛЕДНИКОВ В СИСТЕМЕ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ ЮЖНОРУССКОГО ПОРУБЕЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Отношение жителей южнорусской окраины в XVII в. к царю и его власти, как и русского общества в целом, носило яркий патерналистический характер, связанный с сакральным восприятием царской фигуры. Значимые события в жизни царской семьи, такие, например, как венчание царя и царицы, рождение детей, день ангела царя, отмечались населением провинции в обязательном порядке [Новомбергский, с. 154–156, 196–197, 480–483].

Даже Смутное время не смогло кардинальным образом изменить это сакральное восприятие, хотя на юге России в 20–40-е годы XVII в. документы фиксируют речи, содержащие в себе массу оскорбительных высказываний в адрес царя: «я проклинаю царя», «я убью царя», «у нас Афанасий выше государя», «нам де царь Кавыла Ивашкин» и т. д. [Новомбергский, с. 290–293, 552–554].

Однако такие речи осуждались местным обществом, о чем говорит хотя бы число доносов в подобных случаях. Отчасти в этом был и практический интерес, ведь неуважение к избранному Михаилу Федоровичу могло закончиться новой Смутой, и «от тех де царей, которых выбирали в межкусобную брань меж себя, наша братья, мужики, земля пуста стала» [Новомбергский, с. 584].

В правление Алексея Михайловича и его сыновей мысль о том, что власть царя нелегитимна, в документах прослеживается все реже и реже. Однако политические дела и процессы об оскорблении чести царя дают лишь общую картину и не отвечают на вопрос об отношении к верховной власти. Они также не учитывают специфику восприятия фигуры царской особы различными социальными группами.

Рассматривая вопрос об отношении помещиков (детей боярских) южнорусского региона (Елецкий уезд) к личности царя, мы обратились к исторической антропониимике. При этом необходимо учесть, что речь идет о провинциальных детях боярских, которые в середине XVII в. разделились на элиту, получившую в начале XVIII в. дворянский титул, и однодворцев [Ляпин, с. 199]. И тех и других мы будем рассматривать отдельно.

Данные исторической антропониимики уже использовались нами в работе, посвященной анализу восприятия событий Смутного времени южнорусскими помещиками [Ляпин, Пальчикова, с. 99–104]. Теперь мы попробуем с помощью анализа частотности имен и процесса имянаречения проследить отношение провинциальной дворянской корпорации юга России во второй половине XVII в. к личности царя (на материалах Елецкого уезда). Популярность царствующей династии также нашла отражение в частотности личных имен елецких детей боярских второй половины XVII в., связанных с наследниками престола.

В традиционной русской культуре имянаречение — важнейший акт, который придавал новорожденному статус человека. Исходя из данного определения можно сказать, что имянаречению отводилось особое место, а к выбору имени подходили с большой ответственностью [Пальчикова, с. 43].

Именослов елецких детей боярских второй половины XVII в. достаточно разнообразен (190 мужских имен и 65 женских). На фоне этой пестрой палитры имен очень ярко выделяются имена, которым в определенное время отдавалось наибольшее предпочтение, и неслучайно эти имена были связаны с жизнью царской семьи.

5 февраля 1654 г. у царя Алексея Михайловича родился долгожданный сын Алексей, наследник престола. Частотность имени Алексей в среде елецких помещиков с 1654 г. возрастает до 8 упоминаний. Причем в дворянской элите Алексеями называли своих детей больше, чем в однодворческих семьях (см. таблицу). В 1670 г. царевич Алексей умер, а наследником престола был объявлен Федор Алексеевич. Частотность имени Алексей резко упала (в этом году оно вообще не упоминается), зато имени Федор возросла (за 1650–1669 г. — 21 упоминание; 1670–1682 г. — 55, причем в 1676–1682 г. — 28). Однако если среди представителей елецкой дворянской элиты популярность имени Федор растет (с 1,25% в 1654–1670 г. до 6,45% в 1670–1682 г.), то среди однодворцев, наоборот, падает (с 5,34% до 3,5%).

Таблица 1

Частотность некоторых личных мужских имен елецких помещиков за 1654–1696 г., в %
(составлено по: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Книги Белгородского ст. Кн. 17; РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 113)

Имя	1654–1670 г.		1670–1682 г.		1682–1696 г.	
	Элита	Однодворцы	Элита	Однодворцы	Элита	Однодворцы
Иван	8,75	10,75	2,58	9,94	8	6,78
Василий	1,25	5,34	5,8	3,95	1,58	2,94
Федор	1,25	5,34	6,45	3,5	6,34	2,65
Петр	2,57	2,9	3,87	3,11	8	4
Григорий	2,57	2,67	0,64	2,27	0	4,71
Степан	1,25	2,07	1,29	3,11	1,58	4

Тимофей	1,25	1,78	1,93	2,87	1,58	0,88
Игнат	0	2,67	2,58	1,79	3,17	1,17
Кузьма	2,5	1,48	1,93	2,03	1,58	0,58
Андрей	1,25	2,07	1,93	2,39	0	0,88
Алексей	2,57	1,59	1,29	2,63	0	0,5
Семен	3,75	2,37	1,29	1,55	3,17	1,17
Михаил	2,57	2,07	2,58	1,19	3,17	2,06
Никита	0	1,78	1,93	1,55	3,17	0,88

В 1682 г. на престоле оказались сразу два правителя — Иван и Петр. Как показывают антропонимические данные, в семьях местной дворянской элиты эти два имени с 1682 г. делят первую строчку в частотности имен. В 1683–1696 г. мальчиков по имени Иван в однодворческих семьях насчитывалось 23 (для сравнения: в 1654–1670 г. их было 83). И снова популярность имен Иван и Петр выше в елецкой элите, чем в однодворческой массе (см. таблицу).

Таким образом, антропонимические данные показывают, что популярность имен царей и их наследников в местной элите была выше, чем у однодворцев. Это можно объяснить тем, что провинциальная дворянская элита во второй половине XVII в. становилась опорой центральной власти, все больше появлялось возможностей попасть на службу в Государев двор.

Имена царей и их наследников оказывали влияние на выбор имени в дворянских семьях южного рубежа России во второй половине XVII в. Объяснять это можно различными причинами, но, прежде всего, восприятием царской власти местным населением, могли играть свою роль также неизвестные нам личные мотивы. Следует отметить, что частотность имен детей боярских позволяет судить об их отношении к тому или иному царю, которое среди представителей крупного и мелкого дворянства было различным.

Литература

Ляпин Д. А. Ритуалы власти: очерки социально-политической истории России раннего Нового времени. М., 2014.

Ляпин Д. А., Пальчикова А. С. Восприятие провинциальным дворянством южных уездов политической борьбы в России в 1604–1613 годах (на примере Елецкого уезда) // Российская история. 2014. № 6. С. 99–104.

Новомбергский Н. Я. Слово и Дело Государевы. М., 2004. Т. I.

Пальчикова А. С. Отражение аграрно-бытового календаря в женских именах второй половины XVII — начала XVIII вв. (по данным Елецкого уезда) // История: факты и символы. Елец, 2015. Вып. 1 (№ 2). С. 39–48.

Е. А. Ляховицкий (РНБ)

БУМАГА СОФИЙСКОГО КОМПЛЕКТА ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТЫХ¹

Состав бумажных блоков Софийского комплекта Великих Миней Четых отличается крайним разнообразием — всего более 40 видов бумаги. При этом относительно крупный массив (более 1 стопы) составляет только один вид бумаги, с маркировочным знаком «готическая литера А». Данная бумага послужила основным материалом для первоначального текстового ядра ВМЧ. Для нее характерно невысокое качество при большом, «александрийском», формате. Отметим, что остальные виды бумаги «александрийского» формата, использованные при создании Софийского комплекта, представлены относительно небольшими объемами. Львиную долю бумажного массива составляет бумага обычного формата. При этом в ряде случаев листы были уже согнуты для написания книг «стандартного» формата «в лист».

Помимо бумаги с «готической литерой А» необходимо выделить группу видов бумаги, использовавшихся при редактировании первоначального текстового ядра миней, его дополнения выписками из Пролога, Стишного Пролога и других источников. Характер сочетания этих видов бумаги и их использования различными писцами создает впечатление того, что все эти направления работы протекали одновременно.

Важнейшее значение для понимания истории ВМЧ имеют виды бумаги, представленные как в Софийском, так и в Успенском комплектах. В литературе распространено мнение о том, что Успенский комплект начал создаваться сразу же после окончания Софийского [Кучкин, с. 97; Костюхина, с. 23–24], в результате, наличие «общих» видов бумаги интерпретируется как использование остатков бумажного запаса Софийского комплекта на старте работ над Успенским комплектом. Тем не менее есть основания полагать, что какая-то часть работы над комплектами происходила одновременно. Показательна в этом отношении бумага с филигранями «одноручный кувшин» и «двуручный кувшин», объем которой

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ (грант РГНФ № 13-01-00172).

в Успенском комплекте существенно больше, чем в Софийском — более чем 4112 отливочных листов против 261 и 2256 против 692 соответственно. При этом бумага с филигранью «одноручный кувшин» в Софийском комплекте встречается в статьях, датированных 1538 г.

Литература

Костюхина Л. М. Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. М., 1999.

Кучкин В. А. О формировании Великих Миней Четых // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1967. С. 86–101.

А. В. Майоров (СПбГУ)

REX ET REGNUM GALICIAE: КОГДА ГАЛИЦКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА КОРОЛЕВСТВОМ?

Приобретение Галицкой землей статуса королевства (*regnum Galiciae*) в польских и венгерских хрониках первой трети XIII в. (*Хроника Винцентия Кадлубка*, *Венгерско-Польская хроника*), по-видимому, было связано с принятием венгерским королем Белой III титула «короля Галиции». Это могло стать следствием вокняжения в Галиче в 1188 г. с помощью венгерских войск его сына Андрея (будущего короля Андрея II) [Майоров, с. 281–294]. В послании к Беле III епископа Скардоны Михаила (*Michael, Scardonensis episcopus*), отправленном 2 мая 1189 г. из Задара, в инскрипции среди королевских титулов значится «*rex Galaciae*»¹.

Впоследствии Андрей II в своих официальных документах (начиная с 1206 г.) стал регулярно использовать титул «король Галиции и Лодомерии»: в интитуляции к своему пышному титулу король добавлял «...*Galiciae, Lodomeriaeque rex*»². Венгерские короли сохраняли этот титул на протяжении многих столетий, затем от них он перешел к австрийским императорам.

По-видимому, королевские амбиции в отношении не только Галичины, но и Вольни (Лодомерии) у венгерского короля возникли после гибели галицко-вольнского князя Романа Мстиславича и обращения его вдовы за венгерской помощью. Галичина попала под протекторат Венгрии в результате специальной договоренности, достигнутой между ними в 1205 г. в Санюке, а после договора в Сепеше (Спише) короля Андрея и краковского князя Лешка Белого (1214 г.) Галичина была поделена между этими двумя иноземными правителями [Пашуто, с. 242, 246].

Около 1215 г. венгерский король, по всей видимости, добился от римского папы официальной коронации своего сына Коломана (Кальмана), занимавшего тогда княжеский стол в Галиче, в качестве «короля Галиции». Об этом можно судить по сохранившемуся письму Андрея II папе Иннокентию III, в котором король уверял, что «вельможи и народ Галича нижайше молят нас, дабы мы сына нашего Кальмана поставили королем над ними», за это было обещано привести галичан к «единению и послушанию святой Римской церкви» при сохранении греческого обряда; коронацию с разрешения папы должен был совершить эстергомский архиепископ³.

Однако уже через несколько месяцев (точная дата документа неизвестна) Андрей II уведомил Иннокентия III о начавшемся в Галиче восстании против иноземного правления и унии с Римом, в связи с чем отослал обратно папского легата, который привез разрешение на коронацию Кальмана и должен был сопроводить русских епископов на Латеранский собор. Называя своего сына «королем Галиции» («*regem Galicie*»), Андрей II просил прислать для него золотую королевскую корону⁴.

О коронации Коломана эстергомским архиепископом как о свершившемся факте говорит папа Гоннорий III в своем послании Андрею II от 27 января 1222 г. Здесь Коломан назван вторым по рождению сыном венгерского короля, «коронованным досточтимым братом нашим, архиепископом эстергомским, властью апостольского наместника». В этом же документе Галицкая земля впервые названа римским понтификом «королевством Галиции» («*regnum Galietie*»)⁵.

О том, что коронация Коломана прошла с соблюдением всех установленных ритуалов и в итоге он пользовался титулом «светлейшего короля Галиции», можно сделать заключение из еще одного сохранившегося документа. В датируемом 1234 г. послании к Димитрию из клана Аба, бывшему конюшему и воспитателю Коломана, последовавшему за ним из Галича в Славонию, Андрей II писал, что своего сына Коломана с разрешения апостольского престола «мы счастливо помазали и правильно короновали» («*feliciter inunctum fecissemus inclite coronary*») как «светлейшего короля Галиции» («*illustrem regem Galiciae*»)⁶.

Благодаря подробным отчетам венгерского короля, римский папа был достаточно полно осведомлен о перипетиях борьбы за галицкий стол во втором десятилетии XIII в., в частности о вступлении в борьбу за галицкий стол новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого (*Misozlau*), пленении им короля Кальмана и уступке «Галицкого королевства» Андрею-Младшему (третьему сыну Андрея II)⁷.

Очевидно, в это время при папском дворе сложилось представление о существовании в Галицкой

¹ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér (далее — CDH). Budaе, 1829. Т. II. P. 247.

² CDH. Budaе, 1829. Т. III. Vol. 1. P. 31; Т. III. Vol. 2. P. 456, 464.

³ Vetera Monumenta historica Hungariae sacram illustrantia / Ed. A. Theiner (далее — VMH). Budapest, 1859. Т. 1. Nr. 1. P. 1.

⁴ Monumenta Poloniae Vaticana / Ed. J. Ptasnik. Cracoviae, 1914. Т. III. Nr. 3. P. 2.

⁵ VMH. Т. 1. Nr. 65. P. 32–33.

⁶ CDH. Т. III. Vol. 2. P. 406.

⁷ VMH. Т. 1. Nr. 65. P. 33.

земле сразу нескольких королей, не только венгерских, но и русских. В послании Гоннория III аббату монастыря св. Николая Касульского (monasterii s. Nicolai de Casula) Ордена св. Василия Никодиму от 29 января 1218 г., где подробно перечисляются доходы венгерского монастыря св. Димитрия на Саве (Савасендемете) в Сремской Митровице, есть упоминания о предоставлении последнему какими-то «русскими королями из Галиции» («Rusorum regibus apud Galizam») ежегодно 13 кантар (около 700 кг) воска.

Как в свое время показал Дьюла Дёрффи, в папской булле на латинском языке воспроизведена выписка из составленной по-гречески между 1193 и 1196 г. жалованной грамоты венгерского короля Белы III, в которой он передавал лавре св. Феодосия Великого в Палестине греческий монастырь св. Димитрия на Саве со всеми его владениями. Источником жалованной грамоты Белы III, в свою очередь, была дарственная грамота в пользу того же монастыря, написанная епископом Симоном между 1117 и 1124 г. Вероятнее всего, упомянутыми в папской булле «русскими королями из Галиции» могли быть тербовальский князь Василько Ростиславич, его сын Иван Васильевич и племянник Владимирко Володаревич [Györfy, s. 32]. В этом документе политические реалии второго десятилетия XIII в. перенесены на предшествующую эпоху.

Литература

Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 281–294.

Пашиуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси, М., 1968.

Györfy Gy. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jahrhundert // Studia Slavica. T. V. Budapest, 1959. Fasc. 1/2. S. 9–74.

И. И. Макеева (ИРЯ РАН)

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЧУДЕС СВ. ПРОКОПИЯ УСТЮЖСКОГО И СЛОВА ПОХВАЛЬНОГО

В цикле чудес от иконы свв. Прокопия Устюжского и Варлаама Хутынского, произошедших в Сольвычегодском Борисоглебском монастыре, есть три текста, литературным источником которых стали два сказания о чудесах св. Николая Мирликийского, известные в старшем списке XII в.

В чудо св. Прокопия об Иакове почти без изменений включен фрагмент с описанием болезни из сказания о юноше Николе; фрагмент с описанием исцеления автор адаптировал.

<p>Чудо св. Николая о юноше Николе (Унд. 258. XV в. Л. 65 об. – 68)</p>	<p>Чудо св. Прокопия (Муз. 1365. XVI в. Л. 82 об. – 85)</p>
<p>оуноша бѣ нѣкын, именемъ николауѣтъ. дѣмоньскы оученіемъ вѣдержимъ лежаше .s. мѣць. вгнемъ великымъ жгомъ. и не та баше едина бѣда. но и нозѣ са емѣ ба шета скорчилѣ. тако нимало можаше ходити. ни простретиса. но ползаше на тѣртѣ. и просто да рекоу. тако всѣми составы не можаше гвати. и угнь бо великыи тотъ жыгыи. ижегъ бѣ емоу срце, и ѿ пламени вгнена, тѣло емоу баше все раславлено. неже то едино. и оуди вси исхли, емоуж баше и врачеве прихажоу. и не можахоу емѣ никоета пользы створити. и тако прише в великоу бѣдоу. тако ни врачѣ можаше дати. ни самъ не вѣдѣ в чемъ пребываше... и тако изгла вса та. и возрѣвъ на иконоу стго никола. тако на поути. и воскресна великомъ гласомъ, и ре двигнете ма. и тоу стоащии двігоша и. и шбоуимъ иконѣ стго никола, вѣѣма роукама своима. и лобызал глаше. теплыи застоупниче помилуи ма. и начаша са емѣ жылы распротирати и кости. и ста простъ на земли, и прекрести рѣкама своима, тѣло свое трижа. и помаза стымъ масломъ, ѿ стго никола кандила. и издѣ зе из него дѣмонъ, и исцѣлѣ. и стоащю простоу...</p>	<p>В то же предѣле оу соли вычегѣцкыи. бѣ некаѣ вдова. оу (не)та баше единачдын снѣ, возрасто ѣноша имене инако. и се дѣмоньскы мниѣ вдержимъ. лежаше в недужѣ лѣта два ижегъ велики жго. и не та едина баше емѣ бѣда. и нозѣ са емѣ баше скорчилѣ, тако нимало можаше хо ти ни простертѣ. но ползаше на тѣртѣ, просто реку тако состави его не могуше гватиса. угнь бо велии иже/гъ бѣ емѣ срце. и ѿ плаие (так!) вгненаго тѣло баше емѣ все раславлено. и всѣ оу и исхли емѣ баше. тако прише в великую бѣду, та ни врачѣ не можаше что дати бѣ бо ѣбогъ велми. всѣ бо видащи его х концѣ живота приближающа... и (в) то частѣ юноша раславленыи. воскресна велии гласѣ и рече. двигните ма ѿ мѣста сего. тѣ стоащага двигнуша. раславленыи оуноша прогла тазыко и рече. теплыи застѣпниче великыи прокопие помилуи ма. авне начаша емѣ жылы протиратиса и кости. и ста простъ на нозѣ свои. и прекрѣтиса рѣкама своима г скоро понде в монастырь...</p>

В чуде о беснующемся Федоре связь текстов менее очевидна. Использован распространенный сюжет — исцеление больного, которому является святой. Здесь можно было бы видеть топос, но детали явления святого и лексика указывают на то же чудо св. Николая как литературный источник.

Чудо св. Николая о юноше Николе (Унд. 258. XV в. Л. 66 об. — 67)	Чудо св. Прокопия (Муз. 1365. XVI в. Л. 93 об. — 94)
<p>...и нача полъзаа по земли нти къ стѣмъ николѣ. идущѣ же емоу по пѣти. и ависа емоу прѣтын великын, и помощникъ николак. и се ида по пѣти. и рече ты кто еси, и ѿкоудю идеши. и къ комуу идеши. или что тревоуеши. или что бѣда ти есть. или что ра нынѣ трѣдѣ понемлеши. ѿн же страхомъ веліемъ одержимъ ре. и ѿ трѣда пѣтнаго сѣда на едино мѣстѣ. исповѣда емѣ всю бѣдоу свою. и болѣзнь свою. и троу ре емоу пависа. аще хоуеши цѣлѣ быти. понди въ слѣдѣ мене...</p>	<p>авие стѣи вбращеса рече емѣ. ѿеу^д ре ѿкѣдѣ идеши и ѿ кого бежиши, и чего ищеши. нѣси мое си здѣ что встави^д что тревоуеши. или что ти бѣда есть. и что ра трѣду приемлеши. ѿ же страхомъ одержи^м и рече ѿ трѣда пѣтнаго стоаше на едино мѣстѣ. исповѣда емѣ всю бѣдоу свою и болѣзнь (так!) ею^ж одержи. тѣ ависа стѣи прокопии рече емѣ. Хоуеши ли здра быти скоро поди в монастырь...</p>

Третье чудо св. Прокопия также повествует об исцелении ослабленного юноши. На этот раз автор привлек сказание об Агрике и его сыне Василии, где речь идет об освобождении юноши из сарацинского плена. Прямых заимствований немного. Это отдельные выражения и фразы и некоторые элементы сюжета: монолог матери больного (в чуде об Агрике — плененного) и отчасти сцена после исцеления (в чуде об Агрике — после чудесного спасения-перенесения юноши в родительский дом). Описание самого исцеления подобно такому же фрагменту из чуда св. Николая о юноше Николе.

Еще одно произведение целиком заимствовано из литературного цикла св. Николая. Это «Слово похвальное св. чудотворца блаженному Прокопию и преподобному Варлааму», завершающее посвященный Прокопию Устюжскому цикл. Литературным источником стало «Похвальное слово пресвитера Андрея на перенесение мощей св. Николая Мирликийского» (начало: **днѣ наста свѣтоносное торжество...**), старшие списки которого относятся к XVI в. Н. К. Никольский считал, что это русское «Слово» написано «не ранее половины XIV в.». Автор нового текста добавил в конце большой фрагмент, в котором он упоминает св. Николая: **ты / бо на по възѣ вторын николае. тако вы твораше николае на принесение свои его мощи. да тако и ты твориши.**

А. В. Мартынюк (Белорусский государственный университет)

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГЕРБЕРШТЕЙН: «МЕЙСТЕР ИОГАНН РЕЛЛАХ» И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СЕРЕДИНЕ XV в.

В городской библиотеке города Нюрнберга находится рукопись (Nürnberg, Stadtbibliothek, Ms. Solg. 16.2), которая давно привлекает внимание исследователей в контексте изучения проблематики так называемой «долготеровой Библии». Сложная по составу рукопись состоит из трех основных разделов (см.: [Wulf]). Первый содержит несколько эмоционально насыщенных сообщений о падении Константинополя и гибели его книжных собраний, в том числе «открытой библиотеки» (*offne libery*). Второй (и главный) раздел включает в себя перевод на немецкий язык трех книг Ветхого Завета. Третий содержит два описания путешествий и призыв к покаянию. Красной нитью через все части текста проходит призыв к переводу Библии на народный язык. Наибольший интерес представляют первый и третий разделы, содержащие собственные тексты составителя рукописи. Исследователи XIX в. видели в нем и автора библейских переводов (см.: [Jostes, s. 782, 789, 792]). В настоящее время установлено, что основой библейского текста является печатное издание 1466 г. (Библия Ментелина), что позволяет датировать рукопись временем после этой даты. Датировка по водяным знакам указывает на период между 1470 и 1480 г.

Рукопись содержит два кратких описания путешествий по Северной и Восточной Европе [Wulf, s. 221–227, 243]. Описания крайне схематичны и представляют собой перечисления стран, но иногда сопровождаются неожиданными и уникальными подробностями. В качестве примера можно назвать первую письменную фиксацию нескольких фраз на финском языке. Наличие таких деталей не позволяет согласиться с гиперкритической точкой зрения, что путешествия были вымышлены автором. Кто бы ни был составителем рукописи, он несомненно побывал в Северной и Восточной Европе. Для историков из Восточной Европы будет неожиданностью обнаружить в тексте пассаж «Nowgartenn, Lygwenewitz, Wille, Witold, Russie, Schwidergal in der Lainberg», в котором легко увидеть перечисление городов/стран и их правителей: Новгород, [Юрий] Лугвеньевич, Вильна, Витовт, Руссия, Свидригайло в Лемберге [Львове]. Несмотря на всю краткость этого пассажа, он чрезвычайно интересен как свидетельство межкультурных контактов в «темный век» восточноевропейской истории.

Раскрытие обстоятельств путешествий невозможно без ответа на вопрос о личности редактора рукописи, который назван «мейстер Иоганн Реллах» (*maister Johannes Rellach*). Наименование «мейстер» позволяет предположить, что он закончил курс наук в университете. В тексте Констанцское епископство названо родиной автора, на этот же регион указывают и диалектные особенности рукописи (алеманнский диалект юго-западных регионов Германии). Однако попытки найти в источниках XV в. человека по имени Иоганн Реллах оказались безуспешны. В литературе было высказано предположение, что *Rellach* является анаграммой настоящего имени редактора рукописи, однако и поиск по предложенным

вариантам обратного прочтения *Haller* и *Schaller* (с добавлением конечной буквы от имени Johannes) не принес результатов [Wulf, s. 140]. В 1894 г. исследователь проблематики Ф. Йостес с надеждой писал: «Может быть, появится кто-то, кто что-то знает о Реллахе!» [Jostes, s. 782]; столетием спустя К. Вульф была вынуждена констатировать, что эта надежда не оправдалась [Wulf, s. 140].

Между тем ситуация не представляется столь безнадежной: немецкие исследователи остановились буквально на пороге решения загадки. По нашему мнению, имя представляет собой частичную анаграмму: *Re-llach* и *Er-lach*. В отличие от всех предыдущих вариантов, имя Эрлах хорошо известно в истории: так именовался патрицианский род из Берна, известный с XIII в. и существующий до сих пор [Erlach]. Отметим, что в церковном отношении округа Берна входила в Констанцскую диоцезию, а в языковом плане относится к области распространения алеманнских диалектов немецкого языка. Обращение к регестам Государственного архива кантона Берна позволяет предложить кандидатуру на роль «мейстера Иоганна Реллаха». В 1413 г. Иоганн Эрлах получил пребенду в Хёхштеттене к юго-востоку от Берна. В 1431 г. он был вызван на епископский суд в Констанцу. Поскольку имя Иоганна после этого исчезает из актов, можно предположить, что он потерял свое место. В 1434 г. имя «Иоганна Эрлаха из Берна» было занесено в матрикул Гейдельбергского университета. Данная тема требует дальнейшего исследования, однако само отождествление Иоганна Реллаха и Иоганна Эрлаха позволяет сдвинуть с мертвой точки проблему поиска редактора нюрнбергской рукописи.

Важно подчеркнуть одно обстоятельство, которое до сих пор не было отмечено в немецкой историографии. Путешествие «мейстера Иоганна Реллаха» на восток Европы приводило его в те регионы, где уже была распространена Библия на понятном мирянам языке. Возможно, это придало дополнительный импульс его стремлению дать немецкому читателю Библию на народном языке (напрашиваются аналогии с миссией Иеронима Пражского в 1413 г.). Таким образом, «константинопольская», «библейская» и «восточноевропейская» части нюрнбергской рукописи дополняют друг друга, являясь частями единого редакторского замысла.

Остается только пожалеть, что «мейстер Иоганн Реллах» был столь лаконичен в своих путевых заметках и оставил лавры «первооткрывателя Восточной Европы» Сигизмунду фон Герберштейну. Тем не менее его путешествия по Северной и Восточной Европе заслуживают дальнейшего изучения, а также перевода и публикации на русском языке.

Литература

Erlach H. U. von. 800 Jahre Berner von Erlach. Die Geschichte einer Familie. Bern, 1989.

Jostes F. Die "Waldenserbibeln" und Meister Johannes Rellach // Historisches Jahrbuch. 1894. 15. S. 771–795.

Wulf Ch. Eine volkssprachige Laienbibel des 15. Jahrhunderts. Untersuchungen und Teiledition der Handschrift Nürnberg, Stadtbibliothek, Ms. Solg. 16.2°. München, 1991.

С. А. Маслова (ИРИ РАН)

ОРДЫНСКИЕ ПОСЛЫ НА РУСИ

Послами в источниках русского происхождения называли монгольских посланцев, которые в официальных актах ордынских правителей обозначались тюркским термином «элчи».

Впервые русские князья принимали монгольских послов накануне битвы на Калке в 1223 г. В дальнейшем приезды послов в русские земли носили регулярный характер. На Русь приезжали послы с самыми разными полномочиями. Во время завоевания послы предлагали русским князьям добровольное сотрудничество, а после — передавали повеление хана приехать в его ставку, выступить в поход, обеспечивали вступление князей в права на княжение: привозили ярлыки от хана и в случае необходимости оказывали тому или иному князю вооруженную поддержку. Относительно численности вооруженных отрядов, которые сопровождали послов, летописи приводят цифры: около 50 человек (с послом Бочукой в 1476 г.), 600 человек (с послом Кара-Кучуком в 1474 г.), 700 человек (с послом Акхозей в 1381 г.). Сложно сказать, была ли это личная стража посла, или некоторое воинское подразделение, отданное ему в распоряжение.

В определенной степени послы были вовлечены в систему денежных выплат в пользу хана. В 1257 г. монгольские послы пришли в Новгород: «и почаша просити послы десятины, тамгы, и не яшася новгородьци по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромь»¹. Монголы потребовали выплатить торговый налог, тамгу, в размере десятины, однако город, избежавший разорения монгольскими войсками, платить завоевателям не захотел.

О некоторых фискальных полномочиях послов говорит известие Рогожского летописца за 1321 г.: «То же зимы князь Юрпи, поймавъ сребро оу Михайловичевъ выходное по докончанпю, не шель противу царева посла нъ ступиль съ сребромъ въ Новъгородъ Великий»². Летописный рассказ о невыплате ордынского серебра Юрием Московским может трактоваться двояко: либо посол отвозил ордынскую дань регулярно, либо приезжал на Русь для чрезвычайного сбора (в случае 1321 г. — собрать недоимки с Тверского княжества). Последующие упоминания об обязанности послов собрать денежные средства на Руси говорят в пользу чрезвычайности подобных действий. Судя по летописным свидетельствам, финансовые требования послов были связаны с требованием долга, изредка — с требованием чрезвычайного сбора. Постоянным элементом фискальной системы послы не являлись.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с пред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 82.

² ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41.

В XIV в. на Руси встречались послы, которых летописи называли «лют», «силен» и «велик». Известно 11 подобных посланников. Послы с определением «лют», «силен», «велик», так же как и прочие послы, сажали князей на столы, водили вооруженные отряды на русские земли, привозили ярлыки. С нескончаемыми «замятнями» в Орде практика прибытия на Русь «лютых» послов прекратилась. Нет ни одного летописного упоминания послов «сильных», «лютых» или «великих» на Руси в XV в.

Ханские ярлыки русским митрополитам фиксируют существование послов с определением «мимохожие» или «мимоездящие». Упоминание «мимохожих» послов в конце адресата указывает на их невысокое положение в административной системе Золотой Орды. «Мимохожие» послы представляются не столько послами, упоминаемыми в русских летописях, сколько рядовыми посланцами центральной власти. Их направляли по любому поручению в любой регион Золотой Орды. Проезжающие посланцы как представители монгольской власти могли требовать что угодно и этим были в тягость местному населению.

На Руси татарские послы обладали высоким статусом в силу своей принадлежности к администрации ордынского хана, сюзерена русских князей. Практически все ханские послы известны по именам. Иное дело, каким был статус степняков, приезжавших послами на Русь, в самой Золотой Орде. Происхождение большинства послов, побывавших на Руси, не известно, но некоторые из них являлись «царевичами» (то есть членами правящей династии) или «князьями» (эмирами или беками — представителями аристократии).

С ослаблением Орды менялось отношение к послам как выразителям ханской воли. Эту волю, подобно Дмитрию Донскому, могли уже не учитывать. С середины 70-х годов XV в., после того как Иван III окончательно перестал платить выход Орде, появился обычай при отбытии ханского посла обратно в Степь отправлять вместе с ним посланника великого князя. Отношения, которые некогда строились на принципе жесткого подчинения побежденного победителю, полностью перешли сферу дипломатии.

Т. А. Матасова (МГУ)

ИЗВЕСТИЯ О РОССИИ МАРИНО САНУДО: НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТЕКСТОМ СТАРОГО ИСТОЧНИКА

Для специалистов по истории русского Средневековья «Дневники» венецианского сенатора Марино Санудо (Сануто) являются кладом сведений, связанных с пребыванием русских посланников в итальянских государствах. Санудо сообщает о посольствах 1498–1504, 1525–1526 и 1527–1528 г. В науке никогда не ставился вопрос об источниках «русских» известий сенатора. Ответ на вопрос об информаторах Санудо и о месте «русских» известий в корпусе сведений «Дневников» сенатора стал возможен после осуществленного мной сплошного просмотра 58 томов этого текста.

Важным источником информации являлись, разумеется, сами русские посланники. Речь идет не только о верительных грамотах, которые они привозили, или об их выступлениях на официальных приемах, но и об их одежде и поведении, которые были для венецианцев необычными. Дары, которые русские преподносили дожу, а также привозимые ими товары на продажу представляли собой главным образом северные диковины, что способствовало складыванию в Венеции образа нашей страны как богатой северной державы [Матасова, с. 64–74].

В первой трети XVI в. русские представители проезжали через Венецию в ходе посольств в «Италийские земли» дважды: в начале и в конце своих поездок. Санудо фиксировал поэтому, в какие итальянские земли они дальше направлялись и из каких прибыли, чтобы отправиться в обратный путь. Санудо по возможности включал в свое повествование и данные о пребывании русских в других городах Италии (в том числе при дворе Климента VII в Риме 1525 г. и в Орвието зимой 1527/1528 г.). О перемещениях русских в Венецию сообщали представители Республики в других итальянских землях.

Значимые детали о России сообщались венецианскими путешественниками, оказавшимися в государствах Восточной Европы. Санудо приводит тексты двух писем «доктора искусств и медицины» Маттео Мариани из молдавской столицы Сучавы, адресованные дожу, от 5 января и 7 декабря 1502 г. В них речь идет, в том числе, о конфликте Москвы и Крыма начала XVI в. и даже о русском посольстве из Италии, которое задержал хан¹. Мариани встретился в Молдавии с греком Николаем Леондари, «у которого жена и дети в Венеции и много родственников в Константинополе»² и который находился с русскими послами М. Ралевым и М. Карачаровым. Из письма Мариани Санудо узнал, что Стефан имеет в Москве дочь и внука, которые «владеют Россией».

Порой известия о нашей стране соседствуют с данными, приводимыми Санудо о Венгрии, Польше и Литве. В известии от декабря 1500 г. сенатор сообщает сведения из Буды от посла Себастиана Джустиниани, согласно которым «князь Московии, или король России» требует именовать себя «dux duxum» (досл. «князь князей», то есть «великий князь»)³. В докладе Совету Прегадов вернувшегося из Венгрии другого посла от 1519 г. сообщается и о том, что русские захватили «крепость Смоленск, расположенную в Литве»⁴. Поскольку сведения о русско-польских и русско-литовских отношениях

¹ Sanuto M. I Diarii. Ven., 1880. T. 4. Col. 736.

² Ibid. Col. 805.

³ Sanuto M. I Diarii. Ven., 1880. T. 3. Col. 1177.

⁴ Sanuto M. I Diarii. Ven., 1890. T. 27. Col. 495.

обыкновенно поступали от поляков, неудивительно, что наша страна в этих частях «Дневников» представлена как агрессор и захватчик. Тем радостнее сообщает польский посол в 1515 г. Николай Вольс в Рим и Венецию о недавних победах над «московитами»⁵. О том же свидетельствуют и приведенные Санудо письма из Польши епископа Перемышля Матвея Древицкого⁶. «Дневники» содержат и текст письма короля Сигизмунда к дожу Леонардо Лоредану от 18 сентября 1514 г.⁷

В целом, «русская тема» является для Санудо далеко не главной, он сообщает о России нечасто и весьма кратко. Всего в 58 увесистых томах текста удалось насчитать не более 130 упоминаний России (Rossia, Rhossia, Moschavia, Moscovia) и русских (имеется в виду именно число упоминаний названия страны или народа, а известий в целом, так как известие могло содержать несколько упоминаний). Даже о предполагаемом участии России в антитурецкой борьбе Санудо пишет немного. Эта тематика более интересовала римских пап, которые не раз писали Василию III об этом.

Санудо никак не апеллирует к сведениям о России, содержащимся в изданном в Венеции в 1487 г. сочинении о нашей стране А. Контарини [Кудрявцев, с. 140]. Сенатор не сравнивает свои данные и со сведениями о северо-востоке Европы из активно публикуемых тогда античных трактатов. Санудо не обнаруживает интереса к известиям о России географического и мировоззренческого плана. В центре его внимания сухие политические и экономические вопросы (в известии от 1532 г. упомянута даже русская морская соль⁸).

Итак, сведения о России Санудо вплетены в широкий контекст восточной политики Венеции и не являются одним из доминирующих сюжетов «Дневников». Тем не менее они сыграли свою роль и в становлении образа нашей страны в Европе XVI в., и в изучении русско-итальянских отношений.

Литература

Кудрявцев О. Ф. Визит поневоле: Россия Ивана III глазами венецианского посла Амброджо Контарини // Средние века. М., 2014. Вып. 75 (1–2). С. 137–171.

Матасова Т. А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 64–74.

⁵ Sanuto M. I Diarii. Ven., 1887. Т. 19. Col. 385.

⁶ Ibid. Col. 385–388.

⁷ Ibid. Col. 345–347.

⁸ Sanuto M. I Diarii. Ven., 1901. Т. 56. Col. 135.

Е. А. Мельникова (ИВИ РАН)

АНГЛИЯ И ДОМОНГОЛЬСКАЯ РУСЬ: НА КРАЮ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ОЙКУМЭНЫ

Первые сведения о Северо-Восточной Европе начинают проникать в Англию уже в VIII в., когда «Земля финнов» и «финны» упоминаются в числе других народов в англосаксонской поэме «Видсид» и — в качестве предела ойкумены — в поэме «Беовульф». Возможно и более глубокое знакомство автора «Видсида» или его информанта с финским миром и его культурой: правителем финнов в поэме назван некий Selic, имя которого сопоставляется с именем героя финского эпоса Калева.

К концу IX в., когда при дворе Альфреда Великого был выполнен перевод «Истории против язычников» Павла Орозия на древнеанглийский язык, его географический раздел был существенно дополнен актуальными для эпохи Альфреда сведениями, в том числе рассказами о плаваниях к северу и юго-востоку от Скандинавского полуострова. Они содержат ценные сведения о народах Беломорья (беормы, бьярмы позднейших скандинавских источников) и юго-восточной Прибалтики (эстии = пруссы (?), финны, скридефинны).

Расширение географического кругозора англосаксов на восток в VIII–IX в. было прямым результатом формирования с конца VII в. единого геополитического пространства, объединенного трансконтинентальным «северным» путем Запад — Восток, заменившим после арабских завоеваний путь по Средиземному морю. Активная роль скандинавов, контролировавших балтийскую систему коммуникаций, способствовала распространению сведений о восточной Балтике на Западе.

Через Скандинавию осуществляются и первые связи между Англией и Русью, которые условно можно назвать политическими, и в их контексте впервые появляется название Руси и информация о ее правителях. В 1017 г. на Русь через Швецию привозят малолетних сыновей Эдмунда Железнобокого, спасаемых от нового правителя Англии Кнута Великого. Англосаксонские источники не только сообщают о самом этом факте, но и называют «короля» Руси Ярослава Мудрого (Malesclodus), который, однако, не оставил их у себя, а отправил далее в Венгрию. В Данию бежит и дочь последнего англосаксонского короля (1066 г.) Гида, которая в 1074 г. была выдана замуж за Владимира Мономаха, возможно, при посредстве Елизаветы Ярославны, бабушки Владимира Мономаха и предположительно жены (вторым браком) Свена Эстридссена, датского короля, принявшего Гиду и ее братьев.

О прямых связях с Русью можно говорить лишь начиная с XII в., когда в английских источниках впервые появляется наименование *Russia*, причем не в антиквизирующих западноевропейских формах *Ruthenia* и *Rugia*, образованных по созвучию, а в аутентичной форме, которая могла быть заимствована лишь в ходе прямых контактов. Одновременно *Земля агнянска* и этноним *агняне* фиксируются и во вступлении к «Повести временных лет», где политоним употреблен, чтобы обозначить границы расселения варягов.

Расширяется и географический кругозор англичан. Гервазий Тильберийский (1159–1235 (?)), описывая Европу в «Императорских досуках», включает актуальные сведения о Руси. С одной стороны, он локализует Руссию по отношению к Норвегии, с другой — очевидно, используя сведения, почерпнутые во время его пребывания в Германии, описывает русско-польские границы от «Норвегии» на севере до Византии на юге и перечисляет города Юго-Западной Руси: Галич и Владимир Волинский, а также называет Киев. Русь представлена и на Херефордской карте мира (ок. 1190 г.).

Наконец, в первой половине XII в. английские источники свидетельствуют о вывозе пушнины из Руси, прежде всего соболей и, возможно, горностаев, ареал которых не выходил за пределы севера Восточной Европы. Статуты Вестминстерского собора 1138 г. запрещают носить беличьи, соболиные, куницы и бобровые меха монахиням, а Статуты Генриха II (1188 г.) распространяют этот запрет на все население Англии. В «Описании Лондона», предваряющем «Житие Томаса Беккета», написанное в 1173–1174 г., Уильям Фитц-Стивен отмечает интенсивные торговые связи лондонцев, в том числе с Русью. Его фраза о присутствии в Лондоне русских купцов могла бы быть тропом, но в «Казначейских свитках», фиксирующих денежные поступления в казну, дважды, под 1180/1181 и 1181/1182 г., упоминается еврейский купец «Исаак из Руссии», который несет совместную финансовую ответственность перед казной с Исааком Руффом и Исааком из Беверли. Очевидно, что этих трех купцов связывали партнерские отношения.

Таким образом, отношения Руси и Англии до середины XIII в. крайне скудно освещены источниками, которые дают возможность лишь пунктиром наметить основные вехи становления контактов. В VIII–IX в. Восточная Европа — в северо-западной ее части — впервые появляется на горизонте ойкумены англосаксов и становится более знакомой в конце IX столетия. Бурные политические катаклизмы первой половины — середины XI в., вынудившие часть англосаксонской знати эмигрировать на континент, дважды привели на Русь представителей англосаксонской королевской династии. Но и географические сведения, и политические контакты этого времени — «эпохи викингов» — осуществлялись с помощью и через посредство скандинавов. Именно они, бывавшие и на востоке, и на западе Европы в качестве купцов и воинов, распространяли информацию, переносили предметы материальной культуры и завязывали контакты между обеими сторонами. Лишь к XII в. можно с уверенностью отнести первые непосредственные связи между Английским и Древнерусским государствами. К этому времени существенно расширилась английская ойкумена, Русь вошла в число известных стран, наладились торговые отношения: пушнина с русского севера стала непреходящим предметом роскоши, показателем высокого социального и имущественного статуса англичанина.

Монголо-татарское нашествие нарушило эти связи, но вызвало повышенный интерес к Восточной Европе: «европейский поход» монголов 1241–1242 г. потряс Европу своей неожиданностью и жестокостью. С этого времени сведения о «татарах» во все большем количестве проникают в ученые труды, посланцы европейских правителей к «татарам» составляют реляции о своих поездках. Но это была уже другая Восточная Европа — враждебная и опасная.

В. В. Мильков (ИФ РАН)

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ В «ТОЛКОВОЙ ПАЛЕЕ» И ИХ ИСТОЧНИКИ

В шестодневном разделе списков «Толковой Палеи» (далее — ТП) Коломенского типа (РГБ. Троиц. 38; РНБ. СПбДА. А I/119; РГАДА. Син. тип. 53; РГБ. Костр. 320; ГИМ. Увар. 85), в списках «Палеи Хронографической» (ГИМ. Син. 210; ГИМ. Барс. 619; РГБ. Рум. 453; РНБ. Пог. 1435), а также в версиях, которые соединяют в себе признаки обоих этих видов (ГИМ. Барс. 620; ГИМ. Чуд. 348; РГБ. Волок. 549; ГИМ. Хлуд. 182; РНБ. Сол. 653; РГБ. Унд. 718), имеется раздел, озаглавленный «Слово о частях и членах человеческого тела» (Барс. 620. Л. 28в–30а — *здесь и далее ссылки даются на эту рукопись*)¹. В нем описывается устройство и функционирование важнейших органов человека. Сюжет насыщен редкостными для древнерусской книжности сведениями естественнонаучного и философского значения.

В характеристике человека как существа прямоходящего из вводной части к «Слову» (Л. 28б) просматривается влияние идей Платона и Аристотеля, согласно которым положение головы отличает человека от всех прочих живых существ (ср.: *Платон*. Тимей. 44d–e; *Аристотель*. История животных. I. 62). При описании анатомического строения тела приводится признак, отличающий мужские черепа от женских: наличие или отсутствие швов на них (Л. 28г). И хотя таковых различий в действительности не существует, данное заблуждение базируется на авторитете Аристотеля (История животных. I. 40). Согласно анатомическому пассажи, черепной костной коробкой охватывается мозг, к которому от глаз, ноздрей и других органов тянутся «корни» (жилы). Мозг человека, как указывается в ТП, не имеет сосудов, поэтому он холоден и любит теплоту. Этот орган назван вместилищем ума, которому, словно царю, повинуются тело, душа и сердечные желания (Л. 28г–29а). Тезис о бескровности мозга и о передаче в него сигналов по жилам был обоснован Стагиритом в «Истории животных» (I. 67, 75–80). Вместе с тем концепция увязывания ума-владыки с мозгом соответствует платонической традиции (Тимей. 73b–d; Федр. 249b–c; Федон. 66a–b). Правда, следы концепции Аристотеля,

¹ Публикация см.: «Палея Толковая». Антропологический раздел // Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 596–603 (в переводе С. 660–661).

который считал сердце центром нервно-психической деятельности, в тексте также прослеживаются. Сердце названо «владыкой тела» и локализуется в срединном месте груди (ср.: История животных. II. 49). Далее говорится, что, господствуя над близлежащими органами, оно от внешнего воздействия защищено окружающими легкими. Слева расположена селезенка, которая тонким сосудом соединена с кровеносной артерией (Л. 29г–30а).

Истолковывается действие и назначение внешних частей тела, которые связаны с работой сенсорных механизмов, важных для понимания взаимодействия чувств и ума. Читателю сообщается, что звучащее слово по общей для ушей, глотки и губ жиле достигает ума. Сам же ум, согласно ТП, бесплотен и способен постигать то, что вне чувств (Л. 29а–в). В таком качестве он выступает как орудие познания высшего порядка, поскольку идеальная сфера не подвластна чувствам.

Наряду с характеристикой сверхчувственного знания в антропологическом разделе описывается механизм сенсорных восприятий (Л. 29г). Сведения о внутреннем ухе, природе обоняния и осязания восходят к «Истории животных» Аристотеля. И анатомический и сенсорный блоки знакомят с особенностями работы телесных органов.

Ясно, что антикизированный пласт естественнонаучных сведений ТП напрямую с текстами классиков античной философии не связан. Трактат по анатомии и физиологии человека в более полном виде читается в «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского (далее – ШИЭБ), которым составитель ТП пользовался как при описании тела «венца творения», так и при работе над другими сюжетами [Баранкова; Славова, с. 169–178]. Палейная версия является сильно сокращенной выборкой из VI Слова «Шестоднева» [Баранкова, Мильков, с. 130–136, 597–610, 800–805]. Выказывалось мнение, что в ШИЭБ воспроизводился антропологический трактат, в котором, как и в сочинении фригийского монаха Милетия «О естестве человека», доктринальные идеи интерпретируются с привлечением текстов экзегетов и естественнонаучных сведений античного происхождения. Вопрос об авторстве насыщенного научным материалом сюжета из ШИЭБ остается открытым [Трифонов; Чолова, с. 278].

Составитель ТП в своей выборке ограничился теми фрагментами, которые имеют отношение к чувству и мысли, то есть резко сместил акцент с анатомо-физиологической тематики на специфически гносеологическую. Сокращениям прежде всего подверглось описание функционирования органов. Аналогичное «вымывание» научного компонента хорошо видно на примере заимствованных из ШИЭБ космологических сюжетов ТП. Приняв плоскодно-комарную космологию, составитель вместе с чуждым для него геоцентризмом минимизировал связанные с этой концепцией научные данные [Мильков]. Однако и после сокращения большая часть текста ТП выглядит по-научному конкретной и выделяется своей энциклопедической насыщенностью на фоне других древнерусских произведений. По объему знаний об устройстве «телесного сосуда» ТП существенно отличается от оригинальных древнерусских антропологических сюжетов. Однако по критерию научности ТП все-таки не дотягивает до таких антикизированных энциклопедий христианской письменности, каковыми были «Диоптра» Филиппа Пустыинника и ШИЭБ. Там научность и философичность по максимуму прилагались к экзегезе христианской доктрины. ТП в древнерусской книжности занимает промежуточное место между естественнонаучными сюжетами и стереотипными рассуждениями о двойственной сущности человека, чуждыми всякого научного компонента.

Литература

- Баранкова Г. С. О взаимоотношениях «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского и «Толковой Палеи» (текстолого-лингвистический анализ) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 262–277.
- Баранкова Г. С. Мильков В. В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001.
- Мильков В. В. Космологические воззрения составителя «Палеи Толковой» // «Палея толковая» в контексте древнерусской культуры XI–XVII вв. М., 2014. С. 39–68.
- Славова Т. Тъждовната Палея в контекста на старобългарската книжнина. София, 2002. С. 169–178.
- Трифонов Ю. Иоанн Экзарх Български и негово описание на човешкото тяло // Български преглед. 1929. Т. 1. Кн. 2. С. 165–202.
- Чолова Ц. Естественнонаучните знания в средновековна България. София, 1988.

Н. И. Милютенко (СПбГУ)

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «СОКРАЩЕННЫЙ СВОД XV в.»: ИСТОЧНИКИ XIII–XIV в.

Памятник, названный Сокращенным сводом, в значительной своей части представляет собой оригинальный текст, отражающий летописание Ростова и Суздаля за XIII – первую половину XIV в. В целом ряде случаев информация его источников серьезно отличается по составу и по оценке происходящего от официальных владимирских великокняжеских и митрополичьих летописей, которые отразились в Троицкой летописи начала XV в., а также Тверского летописания (Рогожский летописец, Тверской сборник). При их соединении с ростовским и суздальским пластами в составе общерусских сводов начала XV в. (Софийская 1 (далее – С1), Новгородская Карамзинская (2 подб.) летописи) возникают многочисленные противоречия, дублировки и сбои в хронологии, которые серьезно затрудняют понимание текста.

Настоящая работа посвящена анализу ростовских известий за XIII–XIV в., отразившихся в Московской академической летописи (далее – МАК), в кратком «Летописце русском» (далее – ЛР; по спискам РГБ. Муз. 3841 и ГИМ. Син. 941) и в Сокращенных сводах (далее – СС). При сравнении

этих текстов с С1 видно, что в СС читаются исключительно те известия С1, которые совпадают с МАк и ЛР. Единственное сходство между всеми 4 источниками составляют известия, совпадающие с Троицкой летописью (далее – Тр). Но это не результат сокращения в СС текста С1, как полагали раньше. В самой МАк и ЛР имеются известия, изначально сходные с Тр, что объясняется давней взаимосвязью владимирского летописания и ростовского.

Начиная с 1305 г. (известия о событиях в Нижнем Новгороде) СС переходит на другой источник: Суздальский княжеский свод, а в МАк и ЛР продолжается Ростовский. Здесь на ряде известий начала XIV в. можно проследить, как в С1 совмещаются теперь уже ростовский и суздальский источники с Тр и тверским летописанием. Эта линия прослеживается до начала 70-х годов XIV в.

Таким образом, сходство СС с С1 обусловлено не сокращением Общерусского свода XV в., а использованием на значительном отрезке двух его источников: Ростовского свода (до начала XIV в.) и Суздальско-Нижегородского за XIV в.

С. М. Михеев (Исл РАН)

КАКИЕ ТИПЫ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ БЫЛИ У ЧЕРНИГОВСКИХ, СМОЛЕНСКИХ И СУЗДАЛЬСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ?

В 2010 г. Ф. А. Андрощуком была опубликована миниатюрная свинцовая печать с тамгой в виде буквы Ц с крестом на левой вертикали на одной стороне и надписью *Сѣо|шина |печа|ть* — на другой. Печать происходит из окрестностей Чернигова, вероятно, из грабительских раскопок¹. Данная находка позволяет точно определить внешний вид тамги Святослава (Святоши) Давыдовича, наиболее известного тем, что в 1107 г. он принял постриг в Киево-Печерском монастыре². Этот князь был внуком Святослава Ярославича, основателя черниговской ветви Рюриковичей. Святоша упоминается в летописи с 1097 по 1142 г.

Простой облик знака Святоши разительно отличается от изощренного контура тамги его прадеда Ярослава — рогатого трезубца, дополненного кругом на зубце (на среднем вертикальном элементе). Можно с уверенностью утверждать, что решительное упрощение основы рисунка княжеских знаков произошло уже в XI в., так как Святослав Давыдович должен был получить свой знак до конца XI в. Следовательно, княжеские знаки упрощенного контура, осложненные минимальным количеством дополнительных элементов (отрогов, перекрестий, ответвлений), должны быть знаками князей второй половины XI — первой половины XII в., а разветвленные тамги с пятью-шестью дополнительными элементами — знаками князей конца XII — начала XIII в.

Этот вывод заставляет снова вернуться к проблеме атрибуции колоколовидного знака Ростислава на камне из раскопок Е. Н. Торшина в Смоленске, подробнее о котором шла речь в статье [Михеев, с. 48–49]. Раз упрощение знаков произошло так рано, в поколении сыновей или внуков Ярослава Владимировича, то знак Ростислава, содержащий три дополнительных элемента (отрог-завиток на левой ветви, завиток на конце правой ветви и завиток на ножке), должен быть признан знаком смоленского, новгородского и киевского князя Ростислава Мстиславича, умершего в 1167 г., а не знаком его внуков Ростислава Мстиславича или Ростислава Рюриковича, как предполагалось ранее.

Обратимся теперь к новгородским печатям с изображениями княжеских знаков.

С 1136 по 1252 г. на новгородском столе побывало 13 представителей суздальских Мономашичей (Юрьевичей), находившихся в этой должности в совокупности более 50 лет, и десять представителей смоленских Мономашичей (Ростиславичей), княживших в совокупности несколько дольше 25 лет. При этом важной границей является 1221 г., до которого новгородцы приглашали к себе князей из обеих ветвей Мономашичей, а после него представители смоленской ветви уже не занимали новгородский стол, который «узурпировали» Юрьевичи, изредка перемежавшиеся (как и ранее) черниговскими князьями.

К 1998 г. в Новгороде и его округе было найдено: 42 экземпляра печатей с 10 разными Ц-образными княжескими знаками с отогнутыми краями (почти все — с большим количеством ответвлений); 16 экземпляров печатей с пятью видами колоколовидных тамг (а также три печати с тремя разными колоколовидными знаками с дополнительным центральным зубцом); несколько печатей с тамгами других типов.

Простое сопоставление приведенных данных позволяет сделать вывод, что Ц-образные знаки с отогнутыми краями использовались суздальскими, а колоколовидные — смоленскими Мономашичами, что согласуется с предложенной выше идентификацией колоколовидной тамги Ростиславу Мстиславичу.

Из печатей с Ц-образными знаками с отогнутыми краями наиболее часто в Новгороде встречаются две печати: № 292 с очень усложненным Ц-образным знаком (16 экземпляров) и № 290 (8 экземпляров), знак на которой отличается от знака на печати № 292 отсутствием одного небольшого отрога [Янин, с. 132–146, 217–221, 273–275, 315–318; Янин, Гайдуков, с. 56–57, 149–152, 272–273, 363–367]. Экземпляр № 292–7 происходит с Неревского раскопа, из слоя, датированного по дендрохронологии 1224–1268 г. [Янин, с. 218]. Судя по всему, данную тамгу следует атрибутировать Александру Ярославичу, который княжил в Новгороде рекордные полтора десятилетия (1236–1240

¹ Хранится в частном Музее Шереметьевых в Киеве, инв. № VP-721. См. публикации: [Андрощук; Алфёров, с. 32, 64–65, № 22], а также в каталоге: 1000 років української печатки: Каталог виставки: 24 травня – 15 листопада 2013 р. Київ, 2013. С. 64, 66 (автор описания – А. А. Алфёров).

² А. А. Алфёров без объяснения причин атрибутировал данную печать Святославу Ольговичу, двоюродному брату Святоши.

и 1241–1252 г.), а чуть более простую тамгу с печати № 290 — его отцу, Ярославу Всеволодовичу, княжившему там около 12 лет.

В докладе также пойдет речь о географическом распределении по территории Руси находок с княжескими знаками, включая печати.

Литература

Алфьоров О. Молівдовули київських князів другої половини XI — кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної колекції О. Шереметьєва) // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2012. Вип. II. С. 5–74.

Андрощук Ф. «Святошина печать» // Ruthenica. Київ, 2010. Т. IX. С. 131–136.

Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45–63.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I: Печати X — начала XIII в. М., 1970.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.

Г. А. Мольков (ИЛИ РАН)

РЕФЛЕКСЫ ЮСОВОЙ ОРФОГРАФИИ В ПОГОДИНСКОМ ЕВАНГЕЛИИ (по рукописи РНБ. Погод. 11)¹

До настоящего времени список евангелия из собрания Погодина (Погод. 11) в незначительной степени привлекал внимание лингвистов. По причине слабой изученности языка памятника в существующих рукописных каталогах наблюдается неопределенность с его датировкой. Рукопись относится к XII–XIII в., несмотря на то что Н. Н. Дурново предполагал ее создание в начале XII в. [Дурново, с. 59]. Погодинское евангелие демонстрирует ряд архаичных языковых черт, объединяющих его с древнерусскими памятниками письменности XI в., в том числе в области орфографии.

Обращавшийся к Погодинскому евангелию Г. А. Воскресенский отмечал, что «извод или оригинал этой рукописи древний южнославянский, юсовый» [Воскресенский, с. 28]. При редком использовании в рукописи юса большого о юсовом «оригинале» памятника позволяет судить система написания в нем букв оу, ю. В обоих почерках ПЕ встречается такое явление, как использование буквы ю вместо оу и оу вместо ю. Эта графическая особенность хорошо известна в древних славянских письменных памятниках [Кривко, с. 346–347], однако в большинстве рукописей она проявляется спорадически. В Погодинском евангелии написание ю вместо оу и оу вместо ю представлено очень широко — в 315 примерах, что дает показательный материал для уточнения особенностей и хронологии бытования в древнерусской письменности гиперкорректной графической системы, связанной с реакцией на немаркированное употребление ж.

Использование буквы оу вместо ю в Погод. 11 наблюдается после парных мягких согласных в 113 примерах, из них только в 22 примерах — не на месте этимологического и носового. Для слогов [r'u], [n'u] характерно преимущественное написание (более ¾ всех примеров) в виде роу, ноу, соу. По этой причине написания рю, ню, сю (с эффектом ю вместо оу) в Погод. 11 в большинстве случаев передают слоги [ru], [nu], [su]. Такая обратная стандартной орфография могла возникнуть вследствие того, что в юсовом антиграфе рю, ню, сю (с этимологическим 'и) почти не встречались.

Употребление ю вместо оу отмечено в 202 примерах, 83 из которых — не на месте этимологического и носового. Анализ 83 примеров появления ю в позиции этимологического и показывает, что они могут быть обусловлены неэтимологическим написанием ж в антиграфе Погодинского евангелия, то есть антиграф рукописи был древнерусским. В нем встречались неэтимологические написания юса большого в определенных морфемах, хотя этимологическое употребление ж все же преобладало. Стремление писцов Погодинского евангелия передать на письме эту особенность антиграфа свидетельствует в пользу ранней датировки рукописи.

Среди примеров с ю вместо оу преобладают написания после согласных, парных по твердости/мягкости (156 из 202). Преобладание нестандартного употребления оу и ю после л, н, р и с в Погодинском евангелии показывает, что в формировании подобной орфографии участвовали два фактора: немаркированное употребление (после твердых и мягких согласных) буквы ж в антиграфе рукописи, а также предполагавшаяся еще Н. Н. Дурново аналогия со стороны орфографии слогов с постоянно мягкими согласными.

Литература

Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей евангелия XI–XVI вв. М., 1894.

Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.

Кривко Р. Н. Функции буквы у в древних славянских рукописях (Преимущественно на материале Бычковско-Синайской псалтири) // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28 (3). P. 317–359.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РФГНФ научного проекта № 13–34–01009.

Л. В. Мошкова (РГАДА)

НЕПОДЛИННЫЕ АКТЫ XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРИЕМАХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ¹

К настоящему времени просмотрено 465 актов XV – первой трети XVI в. из фонда «Грамоты Коллегии экономии»² с целью выявления среди них неподлинных документов. Из их числа надо исключить 8, которые являются «фальсификатами Н. Г. Головина», сделанными во второй четверти XIX в. Общее число неподлинных грамот, время изготовления которых относится к концу XV–XVII в., – 57 (12,47%). Часть из них является копиями, снятыми для монастырских нужд. Однако для значительного числа актов характерна одна общая особенность: они изготовлены с целью придания им вида подлинника. Как правило, эта задача решалась с использованием трех приемов (по отдельности или в сочетании): стилизации почерка, снабжения документа рукоприкладствами и подписями, заверения текста печатью (подробнее см.: [Мошкова]). На этом фоне резко выделяется другой, особенный путь фальсификации акта: «исправление» текста подлинного документа.

К настоящему времени выявлены только 2 подобные грамоты.

1. Данная княгини инокини Евпраксии по приказу ее мужа Дмитрия Ивановича Троице-Сергиева монастырю на с. Воронино (исправлено на: «Присеки»)³. Грамота датируется 30–50-ми годами XV в.⁴, а интерполяция, как установил В. И. Корещкий, была сделана не ранее 1583–1584 г. [Зимин, с. 249]. Надо отметить, что текст фальсифицирован крайне неумело: подчистки и исправления видны невооруженным глазом. Что же заставило монастырских старцев так грубо подделать грамоту, чтобы ее можно было отнести к земельному владению, хорошо обеспеченному документами и упоминаемому в актах с 1432/1433 г.⁵? Вероятно, прав А. А. Зимин, высказавший предположение, что это связано с отменой в 1584 г. монастырских тарханов, а интерполяция сделана примерно в то же время, когда был изготовлен другой известный монастырский фальсификат – «грамота Дмитрия Донского» [Зимин, с. 248–249].

2. Жалованная тарханная и несудимая грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию на приписной монастырь Троицы, выданная 21 февраля 1473 г.⁶ Публикаторы отмечали, что после слов «не надобе моя дань» срок действия льготы «до века впрок» написан по смытому тексту иным почерком более бледными чернилами (и это хорошо видно). Надо отметить, что перед предлогом «до» слишком большой интервал (возможно, здесь смыто «т трехное», встречающееся в грамоте), а под буквой «о» виден хвост, опущенный под строку, который может быть остатком буквы «р» (то есть срок действия льготы, возможно, составлял всего три года). Время интерполяции надежно не устанавливается: в указанных в издании копийных книгах текст тот же самый. Но особенности графики (хотя материал для анализа крайне незначителен) говорят скорее о XVI в.

В публикации упомянуто мнение С. А. Шумакова, что для прикрытия подлога была вырезана дата в жалованной тарханной, несудимой и льготной грамоте дмитровского князя Юрия Васильевича от июля 1471 г.⁷ Данное мнение представляется весьма спорным: грамота с вырезанной датой не могла считаться подлинной, и ее представление в качестве подтверждения дарованной льготы было невозможным. Также надо отметить, что вырезанная часть подклеена с оборота машинной бумагой XIX в. Поэтому можно высказать следующее предположение. Дату в жалованной князя Юрия Васильевича тоже пытались исправить, но, возможно, переусердствовали, и бумага в этом месте сильно обветшала и прорвалась. В XIX в. «лохмотья» были вырезаны и акт для лучшей сохранности подклеили.

Редкость отмеченного интерполирования в текст подлинных грамот (хотя мы не можем судить о реальном количестве таких попыток) говорит о том, что подобный алгоритм действия был явлением окказиональным, вызванным сложившейся острой (с точки зрения монастырских властей) ситуацией. Именно это заставляло пренебрегать вопросами качества и создавать фальсификаты, в которых работа по «исправлению» текста была хорошо видна. А если вспомнить о том, что в подлинных актах отсутствуют подчистки и исправления (хотя добавления пропущенных слов изредка встречаются), то подобные действия представляются не слишком обдуманными и заранее обреченными на провал.

Литература

Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 247–251.

Мошкова Л. В. Неподлинные акты XV – первой трети XVI в.: «умысел на обман» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XVII Международной научной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 327–329.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 13-01-00063.

² РГАДА. Ф. 281.

³ РГАДА. Ф. 281. № 1131; см.: АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 160.

⁴ См.: АСЭИ. Т. I. № 160.

⁵ См.: Там же. № 34.

⁶ РГАДА. Ф. 281. № 8745; см.: АСЭИ. Т. I. № 416.

⁷ РГАДА. Ф. 281. № 8749; см.: АСЭИ. Т. I. № 401. Дата восстановлена по списку 1641 г. Срок, на который князь освобождал от дани, составлял 10 лет.

М. О. Новак (КФУ)

О ВАРИАТИВНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ АПОСТОЛА¹

В данном материале представлены наблюдения над греко-славянскими глагольными параллелями в списках древнеславянского Апостола XII–XIV в., отражающие начальный этап работы в рамках проекта по истории древнерусского глагола. Цель работы — выяснить тенденции соотношения перфективных и имперфективных глагольных форм в первоисточнике и переводе. В центре внимания находятся древнерусские списки Апостола (Христинопольский толковый XII в. — *Христ*, Толстовский последовательный XIV в. — *Толст*, Чудовский последовательный XIV в. — *Чуд*), показания которых обсуждаются на фоне южнославянских представителей текста и греческого первоисточника.

Широко известен и хорошо описан феномен специфического функционирования форм простых претеритов в памятниках древнеславянской, в том числе древнерусской, книжности, связанный с отсутствием дифференциации совершенного и несовершенного видов в древнеславянском языке, и, соответственно, жесткой обусловленности выбора претеритальной формы характером глагольной основы [Борковский; Маслов; Петрухин]. В переводных текстах это выражается в соответствии греческим имперфектным формам славянского аориста и наоборот. Анализ разновременного языкового материала Апостола показывает, что данный памятник не остается в стороне от указанной тенденции, причем, как и в разночтениях списков Евангелия (см. об этом, например: [Лопушанская, с. 81]), грамматическое варьирование соединяется с лексическим:

Деян 15: 37: *варнава же повелѣ* (*Толст*, л. 74а) vs. *хотѣаше* (*Чуд*, л. 69в), при греч. имперфекте (3 ед. ч.) ἐβούλετο от βούλομαι ‘хотеть, желать, предпочитать’;

Деян 16: 17: *възъпни глѣци* (*Христ*, л. 11 об.), *възпни глци* (*Толст*, л. 74в) vs. *зваше глѣци* (*Чуд*, л. 70а), при греч. имперфекте (3 ед. ч.) ἔκραζεν от κράζω ‘кричать, вопить’.

Естественно, что южнославянские списки также активно участвуют в подобных отношениях, например:

Деян 1: 4: *заповѣда имъ* (*Толст*, л. 62в, *Чуд*, л. 59а) vs. *повелѣваше* (сербский Шишатовский список 1324 г.), *прѣцаше* (сербский список *Гильф14* XIV в.) при греч. аористе (3 ед. ч.) παρήγγειλεν от παρᾶγγελλω ‘возвещать, указывать, приказывать’.

В представителях афонской редакции также может сохраняться своего рода «безразличие» к временной форме переводимого глагола. Так, для вышеприведенного чтения Деян 15: 37 афонские списки дают параллель ἐβούλετο // съвѣща; печатная Острожская Библия также дает аорист — *въсхотѣ* [Христова-Шомова, с. 102].

Описанное невнимание к перфективности/имперфективности глаголов первоисточника характерно не только для простых претеритов. Оно затрагивает также формы презенса / простого футурума, повелительного наклонения и неспрягаемые формы — инфинитив и причастия:

1 Кор 14: 15: *съпою дхмъ · съпою же и оумомъ* (*Христ*, л. 163 об.) vs. *пою* (*Толст*, л. 176; *Чуд*, л. 114а) при греч. форме будущего времени (1 ед. ч.) ψαλῶ ‘спою’;

Кол 2: 18: *никотеръин же васъ да неврѣдоу сътворитъ* (*Христ*, л. 237 об.) vs. *да никтоже васъ обидоу да не прѣменаетъ* (*Толст*, л. 336), *ни еди^н же васъ да подарьствоуе^т* (*Чуд*, л. 131а) при греч. императиве презенса (3 ед. ч.) καταβραβεύετο от καταβραβεύω ‘выносить отрицательное суждение (о ком-л.), осуждать, лишать прав или отстранять; обольщать, вводить в заблуждение’;

Флп 1: 17: *мнѣше печаль въздвижати* (*Христ*, л. 224 об.; так же в Слепченском Апостоле XII в., Шишатовском и ряде других списков архаичной группы [Христова-Шомова, с. 300]) vs. *печаль приложити* (*Толст*, л. 30в), *скорь нанести* (*Чуд*, л. 128а) при греч. ἐγεῖρεῖν — инфинитиве презенса, который ассоциируется с несовершенным видом;

Деян 21: 12: *да не изидеть въ нерлмъ* (*Христ*, л. 23) vs. *тако не възсходити емѣ въ нерлмъ* (*Толст*, л. 78б) vs. *не взити кмѣ въ терлмъ* (*Чуд*, л. 74а) при греч. μὴ ἀναβαίνειν αὐτοῦν (инфинитив презенса в обороте accusativus cum infinitivo);

Деян 27: 13: *възвъпавъшю же вѣтроу оугоу* (*Христ*, л. 37; *Толст*, л. 82в; и многие другие списки архаичной группы [Христова-Шомова, с. 123]) vs. *подъхаютю же оугоу* (*Чуд*, л. 78г) при греч. ὑποπνεύσαντος δὲ νότου (причастие аориста).

Приведенный, далеко не полный, материал указывает на то, что для славянских переводчиков и редакторов грамматические параметры первоисточника не играли решающей роли. Гораздо важнее, по-видимому, были соображения, связанные с лексической семантикой единиц текста. Почти каждое из процитированных чтений заслуживает индивидуального рассмотрения с учетом как грамматических, так и лексических факторов.

Литература

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
 Лопушанская С. П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань, 1975.
 Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
 Петрухин П. В. Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании. АКД. М., 2003.
 Христова-Шомова И. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. I. Изследване на библейския текст. София, 2004.

¹ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта (№ 15-04-00283а, руководитель профессор О. Ф. Жолобов).

О. В. Новохатко (ИРИ РАН)

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИИ XVI–XVII в.

С начала своей деятельности земские соборы в значительной степени имели характер учредительных собраний. Они созывались в переломные периоды жизни государства в качестве экстренных съездов представителей различных групп феодалов как представителей «всей земли» для решения вопросов государственного строительства.

Толчком к созданию подобной формы взаимодействия власти и общества послужили изменение политического строя в России — создание централизованного государства, его территориальный рост — и последствия этих перемен: более масштабные задачи русского правительства, укрепление государственного аппарата, а значит, усиление нажима на общество и неразрывно связанный с ним рост социальной напряженности. Для решения этих задач правительству необходимо было учитывать настроения общества и опираться на наиболее активные его элементы: сначала на представителей служилого сословия, а со временем, с ростом и усилением городов — и на представителей посада.

Одну из главных ролей в формировании земских соборов сыграла земская реформа Ивана IV, создавшая новые политические институты. Собором 1549 г. фактически было положено начало нового государственного устройства. Выборность местного управления чрезвычайно активизировала самостоятельность, самодеятельность широких слоев населения, в том числе и податных сословий. Это, в свою очередь, повысило самосознание общества, его ответственность за государство, пусть и в малой, управляемой представителями общества, части. Кроме того, с началом деятельности земских органов самоуправления стали более частыми и интенсивными как горизонтальные, так и вертикальные связи в обществе.

Важнейшее значение имел, безусловно, и собор 1598 г., поставивший на царство Бориса Годунова. Так называемое «Соборное определение об избрании царем Бориса Федоровича Годунова», а также Утвержденная грамота декларировали и на деле законодательно закрепляли новый принцип устройства монархии в России — возможность избрания на престол кандидата, не связанного с предыдущей династией, но при условии благословения последнего монарха угасшей династии и всенародной поддержки.

XVII век, с его тяжелейшими социальными и экономическими потрясениями, не мог не активизировать до высочайшей степени деятельность земских соборов.

30 июня 1611 г. «совет всей земли», созданный Первым ополчением, обнародовал свой «приговор», который определил на ближайшее будущее государственный уклад и политический режим России; Ярославский «совет всей земли» Второго ополчения продолжал играть роль учредительного собрания, которое обеспечивало устройство государства. По инициативе «совета» было предложено созвать новый, избирательный, собор. Результатом его деятельности стала Утвержденная грамота об избрании на царство Михаила Романова. По существу, это был еще один учредительный, конституционный акт о выборе государственного устройства России, теперь уже на постоянных основаниях.

Соборами рубежа 10–20-х годов XVII в., в основном 1619 г., был принят целый комплекс решений с долговременной перспективой, постепенное проведение в жизнь которых существенно меняло облик страны. Вместе с тем и положение в государстве нормализовывалось. Соответственно, необходимость в частых созывах земских соборов для решения внутри- и внешнеполитических проблем в значительной мере уменьшилась.

Возобновление деятельности земских соборов в начале 30-х годов XVII в. было вызвано новым серьезным ухудшением положения государства. Кроме тяжелой и неудачной Смоленской войны 1632–1634 г. и масштабных нападений татар на южные границы в 1632–1633 г., обострилась внутренняя обстановка. В 1648 г. градус социальной напряженности превысил допустимое значение и вспыхнули восстания в Москве и других городах.

Нерешенные вопросы общественного устройства, соединенные с антисоциальным поведением элиты и пассивностью верховной власти, потребовали нового вмешательства общества в устройство государства. Съехавшиеся в 1648 г. на собор выборные представители поставили перед верховной властью и правительством вопрос о создании новой Уложенной книги и нового Судебника, то есть, по существу, своего рода конституции вкупе с судебным кодексом. В принятом в 1649 г. Соборном уложении было законодательно закреплено установившееся после Смуты государственное устройство России — как наследственной национальной монархии, с разделением населения на сословия с определенными правами и обязанностями.

Собором 1648–1649 г. завершился столетний период наиболее активной деятельности земских соборов, в течение которого шел процесс сотрудничества общества и власти в выработке принципов государственного управления. Поэтому главной, сущностной функцией земских соборов можно считать функцию не «однократного», а растянутого во времени учредительного собрания, которое поэтапно определяло характер государственного строя и модель административного устройства страны. Земские соборы были не неким зародышем парламента, а вполне здоровым, самоценным инструментом устройства основ государственного управления.

Е. В. Орлова (Музей им. А. Рублева)

КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ИКОНОПИСИ РУБЕЖА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ: ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ

В русской иконописи XVII — начала XVIII в. получает распространение космологическая и астрологическая символика. Она во многом была связана с более ранним представлением о стихиях как действии природных и божественных сил. Образы одухотворенных стихий — воды, земли, огня, воздуха — присутствуют в иконографии многих православных праздников (Крещение Господне, Рождество Христово, Сошествие Святого Духа на апостолов). Стихии также выражаются через геометрические формы в образах Христа — «Спас в силах» и Богородицы — «Неопалимая Купина».

В типологии космологических мотивов выделяется несколько направлений: апокрифические заимствования, обращение к эмпирическому подходу (что выразится в развитии естественнонаучной мысли), но центральным местом художественно-эстетических и религиозно-философских поисков было наделение образов Иисуса Христа и Богородицы антропокосмизмом.

Антропокосмизм передает учение о системно-гармонической целостности, запечатленной в плавных силуэтах Богоматери с Младенцем. Так, на иконе Богоматери Млекопитательницы конца XVII — начала XVIII в. из собрания Г. Д. Костаки (хранится в Музее им. Андрея Рублева) мы видим по сторонам от Девы Марии, кормящей грудью Младенца на фоне райских деревьев, изображения Солнца и Луны в разверзающихся небесах¹. Земное пространство переходит в космическое: райские кущи произрастают из белого света, и Бог, накормивший Собой человечество, питается молоком Избранницы человеческого рода.

Широкий спектр космологических мотивов передан на многофигурных сложносочиненных иконах, подобных образу «Отче Наш» 1668 г. из церкви свт. Григория Неокесарийского (ГРМ). Авторство памятника связывается с творчеством мастеров выделаясь кругом Гурия Никитина, который во фреске 1680—1681 г. в церкви прор. Ильи в г. Ярославле на сюжет молитвы «Отче наш» повторяет имеющееся на иконе изображение небесного глобуса с графическими символами знаков зодиака. Небесный глобус являлся заимствованием из гравированного листа Библии Пискагора [Брюсова, с. 49].

Космология усиливает эсхатологические композиции. Так, икона «Страшный суд» 1672 г. не только синтезирует западноевропейские эмблематы и восточнохристианские иконографические черты, передающие образ мироздания через акцентирование знаков планет, аллегорических фигур времен года, сторон света и стихий, но также представляет собой структуру сопоставления нескольких взаимодополняющих смысловых частей. Идея завершения нынешнего бытия Вселенной передана целостно, здесь многочисленные сюжеты представляют ментальное соседство пространственно разделенных предметов, в которых историческое время соседствует с прорывом в бесконечный космос [Большая русская икона, с. 58—61].

Космологические мотивы приобретают яркую религиозно-художественную форму в гимнографических иконах. Примером тому являются иконы: «Хвалите Господа с небес» 2-й четверти XVII в. (ЯГИАХМЗ), «София Премудрость Божия» («Премудрость созда себе храм») из собрания М. Е. Де Буара (Елизаветина) XVII в., «Всех скорбящих радость» начала XVIII в. (ГИМ).

Обобщая вышесказанное, приведу некоторые соображения, открывающие простор для религиозно-философских и эстетических вопросов. Какова сущность «иконного» космоса? Он не имеет тяжести. Он сферичен, потому что круг позволяет соотносить на едином уровне далекое и близкое. Визуальное переживание космичности иконы — это путь рефлексии — внутреннего чувствования, направленного на раскрытие космоса как в антропоморфном облике (то есть в образе Христа и Богоматери), так и в условном пейзаже, передающем рай, и в элементах мироздания — светилах, знаках зодиака, стихиях.

Литература

Брюсова В. Г. Гурий Никитин. М., 1982.

Большая русская икона. 300 икон из коллекции Феликса Комарова. М., 2014. Кат. 15. (текст А. С. Преображенского).

¹ Дары Музею имени Андрея Рублева: 1957—2003. М., 2003. Кат. 96. С. 37.

А. А. Пауткин (МГУ)

ПОКАЯННАЯ РЕЧЬ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ ЮЖНОРУССКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ НА ПОЛОВЦЕВ 1185 г.

Покаянная речь князя Игоря Святославича, читающаяся под 1185 г. в Ипатьевской летописи, принадлежит к числу высказываний, представляющих собой плод литературных усилий составителя. Это стройная, изысканная по форме конструкция, организованная по всем правилам ораторского искусства. В уста потрясенного поражением новгород-северского князя вложен трехчастный текст, насыщенный сменяющимися друг друга тропами и фигурами (риторические восклицания, вопросы, двойное противопоставление типа катахрезы, уподобление, плеоназм, гипербла, анафора, синтаксический параллелизм). Небольшой объем речи контрастирует с высокой риторической «напряженностью» этого фрагмента. Разнообразие приемов и совершенство формы — свидетельство особой важности речи Игоря

в структуре южнорусского повествования, составленного искусным книжником. Последнее признавали многие медиевисты, в том числе К. Н. Бестужев-Рюмин, И. П. Хрущов, А. С. Орлов, И. П. Еремин, Б. А. Рыбаков и др.

Слова, полные раскаяния, по воле летописца произносятся пленником в переломный момент, на пороге неизвестности и «нечистого» мира. Здесь содержится провиденциальное объяснение случившегося, уникальная и достаточно тенденциозно поданная информация о недавних поступках предводителя Ольговичей. Речь Игоря связывает прошлое и настоящее («помянухъ» — «и се ныне»), а беспощадная самохарактеристика — не только выражение смирения и покорности божественной воле, но и элемент дидактического осмысления неудачи. Перед читателем конкретное проявление теории «казней Божьих», о чем говорят и отдельные выражения, близкие к апокрифическому «Откровению» Мефодия Патарского. Постигание божественного промысла, преодоление греха гордыни и самовластия открывают князю путь к новой жизни. Именно покаянная речь является выражением авторской позиции.

Мысль о божественной каре проводится в повести еще дважды (рассуждение летописца и краткая реплика Игоря, находящегося в плену). Близкие рассматриваемому тексту по общему пафосу, эти фрагменты имеют и существенное отличие. В обоих случаях акцент делается скорее на военно-политическом аспекте поражения: Бог не хотел порадовать врага победой («Бѣ казна нѣ грѣхъ ради нашихъ . наведе на нѣ поганѣа . не аки милоуа ихъ . но насъ казна . и вбрацѣа нѣ к покаанью»¹; «по достоянью моему восприахъ . побѣдоу ѿ повеления твоего влѣко Гѣи . а не поганьская дерзость шломи силоу рабъ твоихъ»²). Даже в плену Игорь не осознает себя отверженным христианским миром. К нему прибыл священник с причтом, а затеяв побег, он берет с собой икону и крест. В покаянной же речи все иначе. Возникает мотив исторгнутости князя, не щадившего единоверцев, из христианского мира (трижды говорится о бедах христиан). Бог отвернулся от Игоря, лишил его возможности пострадать, не даровал князю героической гибели, очищающей от прежних грехов. Венец мученичества принимают безвинные жители города Глебова и гибнущие в битве воины. Половцы в речи названы незаконными (подобное определение больше не встречается ни в самой повести, ни в окружающих ее известиях). Незаконен и сам Игорь. Это не простой риторический прием. Игорь уподобляется в нравственном отношении половцам.

Речь Игоря — особое риторико-дидактическое сочинение, инкорпорированное в летописную повесть и отличающееся от окружающего ее материала. Она появилась в эпоху, когда древнерусское ораторское искусство достигло своих вершин, и создана человеком выдающейся книжной культуры, владеющим приемами церковного красноречия. Учитывая сложный состав текста так называемой Киевской летописи 1198 г., можно предположить, что перед нами позднейшая вставка, сделанная летописцем Рюрика Ростиславича в стенах Выдубицкого монастыря. Устами Игоря Святославича закрепляются перемены в политике Ольговичей в пору стабильности правления двуумвирата Рюрика и Святослава Всеволодовича. Покаяние Игоря — своеобразное мирное и антиполовецкое обязательство, закрепленное в летописи. Следует отметить, что стилистической близости рассмотренного фрагмента со «Словом» игумена Моисея, обращенным к Рюрику Ростиславичу и завершающим Киевскую летопись, кроме выписки из откровения Мефодия Патарского, обнаружить не удастся.

¹ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 648.

² Там же. Стб. 649.

Д. А. Петров («Архитектурные мастерские — Классика»)

ОТРАЖЕНИЕ В ЦЕРКОВНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ 10–20-х годов XVI в. ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВАСИЛИЕМ III ПСКОВА И СМОЛЕНСКА

Присоединение Пскова и Смоленска было отмечено строительством «мемориальных» церквей. Сведения об этом сохранились в письменных источниках. Однако, по нашему мнению, существует еще ряд церквей, устройство которых непосредственно связано со смоленским и псковским «взятием».

Взяв Псков, Василий III «церковь постави святоую Оксенью, который день Псков взял, на Пустой улицы въ Ермолкине садники хлебникове, а потому та улица пустая слыла, что меж огородов, а домов на ней не было». Василий III приехал в Новгород 26 октября 1509 г., а в Псков — 24 января 1510 г., на память св. Ксении. Почти три месяца он находился в Новгороде, где, возможно, написал свое первое завещание. Почитание Василием св. Варлаама Хутынского, наиболее ярко выразившееся в принятии перед смертью пострига с именем Варлаам, заставляет нас предположить, что в эти три месяца он мог приехать молиться в Хутынский монастырь, где и мог перед походом в Псков дать обет о строительстве (или вкладе) новой церкви над «чудотворцевым гробом». Об этом косвенно свидетельствует развернувшееся в монастыре около 1512–1515 г. строительство большего кирпичного, с блокаменными элементами пятиглавого храма. В этой церкви, как и в ее «старшем брате» — Успенском соборе Ростова, предположительно построенном в 1507–1511 г., отразились архитектурные черты всех трех кремлевских соборов — Успенского, Архангельского и Благовещенского. Указание летописи, что «...поставилъ церковь на Футине игумень Сергии новую Преображение...», подсказывает нам, что Василий III дал большой вклад. Построить такой собор «монастырскою казною» в это время, тем более в отсутствие архиепископа, с привлечением итальянского мастера, конечно, было совершенно невозможно. Полагаем, что собор Хутынского монастыря был построен на деньги вклада и по обету великого князя в память о присоединении Пскова.

Осенью 1514 г. в Москве «...князь велики церковь постави святого Спаса, Происхождение честнаго креста господня и святых мученик Маковей по плоти и учителя их Елеозара и матери их Соломонии, от реки поставлена на рве». Церковь была поставлена в честь взятия Смоленска (1 августа, на праздник Происхождения Честнаго креста Господня). Мы знаем, что Василий III дал обет основать женский монастырь с престолами Одигитрии и Происхождения Креста, но с выполнением этого обета задержался до 1523–1525 г. Посвящение престолов Одигитрии Смоленской и Происхождению креста позволяет нам указать еще на два памятника, к сожалению, точно не датированных, но непосредственно связанных с жизнью великого князя. Это две столпообразные церкви — Одигитрии в Иосифо-Волоколамском монастыре и Происхождения креста в Покровском монастыре в Суздале.

Церковь Одигитрии иногда до сих пор датируется 1495 г. В. В. Кавельмахер предположил, что церковь могла быть построена после 1511–1512 г. Василий III впервые побывал на Волоке в апреле 1515 г., Иосиф Волоцкий умер 9 сентября 1515 г. По монастырским записям церковь была построена на вклад 100 рублей некоего Семена Андреевича Дичка Климентьева и его вдовы — иноки Федосьи. Можно предположить, что закладка церкви Одигитрии могла произойти в апреле 1515 г. в присутствии великого князя. Возможно, Иосиф Санин таким образом хотел закрепить улучшение взаимоотношений с Василием III.

Вторая церковь — Происхождения древ Честного креста Покровского монастыря в Суздале — датируется исследователями второй половиной 10-х годов XVI в. Особое внимание Василия III к этому монастырю очевидно. Монастырский собор представляет собой копию домово́й церкви великого князя — Благовещенского собора Кремля. Из монастыря происходят иконы «Елеазара, Маковеев и Соломонии» и «Происхождения креста» начала XVI в. Возможно, церковь Происхождения древ была построена по указу Василия III в память о присоединении Смоленска (предполагать посвящение церкви связанным с небесной покровительницей Соломонии Сабуровой мы не можем, так как нам не известна практика посвящения церковных престолов в честь великих княгинь).

Обе церкви представляют собой тип столпообразной церкви — колокольни. Это первые после возведения в Кремле в 1508 г. церкви Иоанна Лествичника («Ивана Великого») церкви такого типа. Взятие Смоленска после двух неудачных попыток, несомненно, явилось тяжелым испытанием для великого князя. Неудивительно, что эта победа отразилась в нескольких мемориальных памятниках, устроенных в обителях (Иосифов монастырь, Покровский монастырь, Новодевичий монастырь), тесно связанных с жизнью Василия III.

М. В. Печников (Москва)

ЕПИСКОП НИФОНТ В НОВГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКЕ 30-х — начала 40-х годов XII в.

Нифонт, постриженник Киево-Печерского монастыря¹, занимал новгородскую кафедру в 1130–1156 г., в эпоху, которой было суждено стать во многом переломной в истории Новгорода. Наиболее известно участие Нифонта в событиях, связанных с возведением в 1147 г. на Киевскую митрополию Климента Смолятича собором русских епископов по воле киевского князя Изяслава Мстиславича. Менее прояснена роль Нифонта в политических событиях предшествующего периода.

Занимавший новгородскую кафедру до Нифонта (с 1109 г.) Иоанн, бывший белый священник («поп Ян», согласно прочтению А. А. Гиппиусом его прозвища), скорее всего, был обязан своей карьерой семейству князя Мстислава Великого (он не был киево-печерским постриженником, как его предшественники Герман и Никита). Когда летом или осенью 1130 г. князь Всеволод Мстиславич отправился к отцу в Киев, с ним, по всей видимости, ушел из Новгорода и Иоанн, воспользовавшийся прибытием в том году на Русь нового митрополита Михаила (с 1126 по 1130 г. Киевская митрополия была вакантна)². Несомненно, что именно в Киеве, перед лицом митрополита, Иоанн «отвержеса епископие» (что требовало определенной процедуры)³. Причины оставления им кафедры следует искать в особенностях внутривнутриполитической жизни Новгорода в 20-е годы XII в., когда началось активное становление института выборных посадников, полномочия которых ограничивали княжескую власть. Представляется допустимым предположение, что епископ поддержал князя в вопросе о посадничестве. Поскольку к концу года этот вопрос был решен в пользу новгородцев [Янин, 2003, с. 99], Иоанн не стал возвращаться в Новгород. В сложившихся обстоятельствах кандидатура печерского инока Нифонта, «мужа свята и зело боящяся Бога»⁴, по-видимому, была компромиссной, устраивавшей и митрополию, и княжескую власть, и новгородскую боярскую элиту.

До 1136 г. Нифонт прежде всего сообразует свои действия с поставившим его митрополитом Михаилом и держит себя достаточно независимо по отношению как к Всеволоду Мстиславичу, так и

¹ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 22. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. С. 483–484. В нем же Нифонт нашел свое последнее пристанище в 1156 г. (НПЛ. С. 29, 216; погребен в Ближних, Феодосиевых пещерах).

² Представляется необоснованной точка зрения, что Иоанн Попьян был лишен кафедры за то, что в его деятельности проявлялось «стремление к автокефалии софийской кафедры от киевской митрополии» [Хорошев, с. 26; Янин, 1978, с. 54–56; ср.: Шапов, с. 67–69].

³ НПЛ. С. 22, 207.

⁴ Там же.

к руководимому боярством вечу, что демонстрируют записи новгородской летописи, перешедшей около 1132 г. в ведение епископии [Гиппиус, 1997, с. 40–42]. В 1134–1136 г., после того как, по записи владычного летописца, «раздвряся вся земля Русьская»⁵, вместе с митрополитом Михаилом (в его лице глава Русской Церкви впервые посетил Новгород) Нифонт предпринимает миротворческие усилия с целью прекращения междоусобицы между киевским князем Ярополком Владимировичем и черниговскими князьями, а также недопущения инициированного князем Всеволодом и поддержанного новгородцами военного конфликта с Суздалем (в итоге приведшего к разгрому новгородского войска на Ждане горе в январе 1135 г.). В начале 1136 г. Нифонт приехал в Киев с «лучшими мужи» (представителями новгородской знати) для участия в киево-черниговском примирении, организованном митрополитом. Не исключено, что именно тогда вне Новгорода была заключена тайная договоренность о призвании на новгородское княжение черниговского князя Святослава Ольговича.

28 мая 1136 г. князь Всеволод был арестован, «и всадиша и в епископль двор»⁶. Право новгородцев распоряжаться на территории епископского двора (в 1141 г. новгородцы вновь посадили в епископский двор князя, Ростислава Юрьевича, причем даже в отсутствие Нифонта⁷) можно сопоставить с положением «Устава великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых» (первоначальная основа которого была, возможно, составлена еще при жизни Всеволода Мстиславича [Гиппиус, 2003]): «дом Святей Софии владыкам строити с сочьскими»⁸ (последние в городе на Волхове были, как правило, новгородцами и со временем, к концу XII в., стали окончательно независимы от княжеской власти). В этот период Нифонт твердо придерживается позиции Новгорода по отношению к князьям, несмотря на смену симпатий горожан от Мстиславичей к Ольговичам и обратно, а новгородцы, вероятно, впервые обретают право некоторого участия в делах владычного управления.

Литература

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // ИИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.

Гиппиус А. А. К истории текста церковного Устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вел. Новгород, 2003. Вып. 17. С. 163–173.

Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Щапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.

Янин В. Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна // ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 47–56.

Янин В. Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003.

⁵ Там же. С. 23, 208.

⁶ Там же. С. 24, 209.

⁷ Там же. С. 26, 211–212.

⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 155.

Ф. Д. Подберёзкин (Белорусский государственный университет)

«PUGNANS CONTRA PAGANOS»: ОСАДА ПОЛОЦКА 1381 г. И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О РУСИ В НЕМЕЦКИХ ХРОНИКАХ

В нижнемецких и прусских хрониках довольно подробно освещаются события истории Руси второй половины XIV в. Достаточно отметить, что сюжет о Куликовской битве 1380 г. имеется в трех нижнемецких и двух прусских хрониках. Внимание исследователей давно привлекает «литовский след» сообщения о битве: в немецких текстах есть рассказ об успешном нападении литовского отряда на русское войско, которое возвращалось домой после битвы с татарами¹. Эта информация находится в противоречии с данными русских источников. Решение проблемы подобных противоречий невозможно без решения вопроса о происхождении сведений о Руси в немецких хрониках.

Примечательно, что о «литовском ударе» нет упоминаний ни в русском, ни в белорусско-литовском летописании. Можно выдвинуть предположение, что устными источниками для немецких хронистов были сами немцы — орденские братья или рыцари-гости. Следовательно, необходимо найти событие, хронологически близкое к битве на Куликовом поле, в котором были бы задействованы немцы и литовцы. Таким событием является осада Полоцка князем Скиргайло Ольгердовичем в 1381 г., нашедшая отражение как в русских, так и в немецких источниках. В новгородских летописях упоминается «немецкая рать», которая помогала князю Скиргайло при осаде Полоцка². Участие ливонских воинов подтверждается и данными немецких источников, которые содержат подробное описание хода осады³. Анализ источников позволяет сделать вывод, что каждое из немецких сообщений представляет собой отдельную сюжетную линию, то есть все четыре хрониста (Иоанн фон Позильге, францисканец Детмар, Виганд из Марбурга

¹ См. в любекских хрониках францисканца Детмара и Германа Корнера: Chronik des Franciskaner Lesemeisters Detmar, nach der Urschrift und mit Ergänzungen aus andern Chroniken: Erster Theil. Hamburg, 1829. S. 313; Die Chronica Novella der Hermann Korner. Göttingen, 1895. S. 74; у Альберта Кранца: Wandalia Alberti Krantz... Coloniae impressa, MDXVIII. S. 309; в прусской хронике Иоанна фон Позильге: Jahrbücher Johannes Lindenblatts oder Chronik Johannes von der Pussilie officials zu Riesenburg. Königsberg, 1823. S. 46–47. В «Торуньских анналах» о нападении литовцев ничего не сказано: Scriptorum rerum Prussicarum. Bd. III. Leipzig, 1866. S. 114.

² НПА. С. 378.

³ Wigandi Marburgensis, equitis et fratris ordinis Teutonici Chronicon seu annales, Posnaniae, 1842. S. 262–264.

и анонимный автор «Торуньских анналов») писали самостоятельно, на основе собственных устных источников. Таковыми представляются немецкие рыцари-гости и братья ордена Св. Марии, которые во время осады могли услышать рассказ о Куликовской битве в «литовской обработке».

В хронике Виганда из Марбурга есть косвенное указание на двух возможных участников осады Полоцка: «*comes Starke de Marchia comesque Clevensis*» («сильный граф Марки и граф Клеве»)⁴. Обращение к нижнемецким хроникам позволило установить нескольких представителей династии графов Марки, которые участвовали в «восточных рейзах». Выяснилось, что крестовые походы в Святую Землю, Пруссию и Ливонию являлись частью семейной традиции этого рода. Наиболее подробно в хрониках XIV–XV в. освещена деятельность Энгельберта III, графа Марки в 1346–1391 г. В текстах анонимной клеветской хроники 50-х годов XIV в.⁵ и хроники Герта ван Шюрена середины XV в.⁶ говорится о походе графа Энгельберта в Пруссию и Ливонию. Немецкая историография давно установила, что граф совершил два похода в Пруссию — в 1353/1354 и 1381 г. [Arnold]. Согласно сообщению ван Шюрена, граф Энгельберт был под городом «*Plosko*», где сражался с «сарацинами и язычниками». Во время полоцкого похода граф Энгельберт мог услышать сведения о битве русских с татарами в 1380 г. и передать рассказ о ней, а также о самой осаде на торжественной трапезе после возвращения из похода, упоминаемой в тексте ван Шюрена⁷. Во время таких трапез рассказы рыцарей-гостей могли быть записаны герольдами (о наличии подобной практики см.: [Boockmann, с. 456]), многие из которых сами были хронистами (например, Виганд из Марбурга). С большой долей вероятности можно предположить, что граф Энгельберт из западной Вестфалии был одним из устных источников нижнемецких хронистов. Таким образом, обращение к локальным немецким хроникам открывает дальнейшие перспективы для комплексного изучения важнейших событий истории Восточной Европы XIV в.

Литература

- Arnold U. Engelbert III. Graf von der Mark, seine Kreuzfahrten ins Heilige Land, nach Livland und nach Preußen // Beiträge zur Geschichte Dortmunds und der Grafschaft Mark. Dortmund, 1968. S. 210–256.
Boockmann H. Die Geschichtsschreibung des Deutschen Ordens. Gattungsfragen und „Gebrauchssituationen“ // Geschichtsschreibung und Geschichtsbewußtsein im späten Mittelalter: Vorträge und Forschungen. Bd. 31. Sigmaringen, 1987.

⁴ Scriptores rerum Prussicarum. Bd. II. Leipzig, 1863. S. 520.

⁵ Cronica comitum et principum de Clivis et Marca, Gelrae, Juliae et Montium: necnon Archiepiscoporum Coloniensium, usque ad annum 1392 // J.S. Seibertz. Quellen der Westfälischen Geschichte. Bd. II. Arnberg, 1860. S. 113.

⁶ Clevische Chronik nach der Originalhandschrift des Gert van der Schuren nebst Vorgeschichte und Zusätzen von Turck, einer Genealogie des Clevischen Hauses und drei Schrifttafeln / Hrsg. von Dr. Robert Scholten. Cleve, 1884. S. 83.

Ibid.

Г. А. Пожидаева (ВТУ им. М. С. Щепкина)

О ТИПОЛОГИИ ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВИЗАНТИИ X–XIV в.

Певческая культура Древней Руси как часть средневековой культуры Европы изначально была монодической (одноголосной). Эта традиция, пришедшая на Русь из Византии, вписывалась в общую картину церковной музыки европейского Средневековья.

Практические потребности в совершении богослужения по Уставу уже в первое время после принятия крещения диктовали перенесение многих важных составляющих церковно-певческой культуры. К таковым следует отнести типологию церковного пения.

Как и в Византии, на Руси были созданы три типа пения по степени распевности: с кратким (речитативным), пространным и промежуточным между ними — средним по мелодичности — распевом. В музыкальной медиэвистике они получили названия соответственно силлабического, мелизматического и силлабо-мелизматического пения (последнее И. Гарднер именует невматическим). В Византии X–XIII в. пение силлабическое и силлабо-мелизматическое называлось соответственно ирмологийным (ирмологическим) и стихирарным и относилось к монастырской традиции. Мелизматическое пение было связано с городской константинопольской традицией, а позднее, в XIV в., оно стало основой калофонического стиля. Записанное в книге Пападики, оно получило название пападического пения. Те же типы пения мы можем обнаружить и в письменной традиции в Болгарии и Сербии как провинциях Византии, но в более поздний период.

Важнейшим принципом **ладовой организации** церковного пения была система осмогласия, сложившаяся в Византии к VIII в. и получившая окончательное завершение в трудах Иоанна Дамаскина. Система осмогласия была перенесена на Русь, но усвоена достаточно своеобразно как с точки зрения звукорядов и финалисов (конечных тонов гласа), так и с точки зрения характерной мелодической формульности каждого гласа, что выражалось в музыкальной лексике, то есть определенном составе попевок, лиц и фит.

Как показывают новейшие исследования, адаптация византийской ладовой системы на Русь была заметной и привела к вариантности по многим параметрам. На сегодняшний день несомненно, что византийский мелос был существенно переинтонирован, это очевидно на материале и знаменного, и кондакарного пения.

Огромное значение для распространения церковного пения и его реальной жизни в богослужбной практике имела **композиционная техника распева**. Сам принцип этой техники позволял прилагать напевы к текстам, имеющим самую различную организацию. Целостная музыкальная композиция песнопений создавалась на основе **цента**, в мозаичности которого соединялись дробные структуры напева: первичные структуры — **тонемы**, и более крупные, объединяющие тонемы в характерные устойчивые интонационные обороты — **кокизы**. При соединении с текстом они складывались в музыкально-речевые единицы — **попевки**, **лица** и **фиты** (мелолексемы), из которых и составлялись строки песнопения и его композиция в целом.

Годовой певческий круг охватывал десятки тысяч текстов. Такой массив гимнографии невозможно было распеть оригинальными напевами, поэтому, естественно, возникла техника распева по образцам-моделям, то есть техника распева «на подобен». Она широко применялась в византийском церковном пении и была воспринята на Руси. Кроме пения «на подобен» применялось и самогласное пение, которое было гораздо менее употребительным.

Все это представляло собой те формы, в которые «закладывалось» русское содержание, достаточно сильно отличавшееся, как оказалось, от византийского.

Просодия песнопений греческих и русских имела большие различия. Все исследователи отмечают несовпадение количества слогов в строках греческих и русских песнопений, что уже требовало приспособления греческих напевов к славянским переводам. Весьма много сопоставлений такого рода было проведено на отдельных образцах песнопений. Системное сопоставление греческих и славянских текстов гимнографии на большом массиве материала показало *невозможность* буквального использования греческих напевов в приложении к славянским текстам.

Кроме рассмотренных составляющих важнейшей для церковного пения является интонационная связь **речевой и певческой культуры** богослужения. При всем том, что литургическая речь основывалась на византийских традициях, восходящих, в свою очередь, к древнееврейской синагогальной практике, несомненно, что интонационно-просодическая природа славянского языка также имела свое воздействие на формирование музыкального языка распевов. Именно поэтому невозможно было в службу, ведущую на славянском языке, внедрить греческую интонацию ни в литургическую речь, ни особенно в пение. Музыкальный язык распевов вряд ли мог быть заимствован, ибо основан на интонационных моделях речи, изменить которые в каждом языке одномоментно, с введением новой религии и даже поначалу греческого богослужения — невозможно. Можно частично заменить язык, но не речевую интонацию, которая не только более устойчива на протяжении истории, но и несет в себе информационный код определенной исторической памяти.

Таким образом, в церковное пение Древней Руси эпохи Студийского устава были перенесены важнейшие уровни византийской системы церковного пения: певческая типология по степени внутрислоговой распевности, ладовая организация на основе осмогласия, принципы **цента** композиции в подобном и самогласном пении.

Просодия славянской гимнографии, отличная от греческой, складывалась на основе речевых моделей, включая их ритм и интонационный рисунок, определяющий ладовую организацию напевов. Поэтому уже сегодня очевидно, что важнейшие стилистические особенности церковного пения, сложившиеся на Руси в связи с особенностями языка и речевой культуры, позволяют говорить о своеобразии русской церковно-певческой традиции в ее ранний период. Уже тогда, принимая многие элементы византийской богослужбной практики, она не была буквально подражательной, но, быстро пройдя период адаптации, создала свой, национальный восточно-православный вариант традиции церковного пения, что подтверждается новейшими исследованиями.

С. В. Полехов (ИРИ РАН)

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ ВАСИЛИЯ I И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

До наших дней дошли три завещания (душевные грамоты) московского великого князя Василия I Дмитриевича¹. На их хронологию историки обратили специальное внимание лишь после публикации «Духовных и договорных грамот» Л. В. Черепнина. Так, И. Б. Греков обосновал более позднюю датировку душевной грамоты ДДГ. № 21² по сравнению с грамотой ДДГ. № 22³, составленной не позже марта 1423 г. [Греков]. Его аргументацию дополнили Б. М. Клосс, Д. И. Иванов, А. А. Горский, А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров, И. Г. Пономарева.

Хронологию составления грамот позволяет уточнить анализ их печатей. К обеим грамотам была привешена красновосковая печать в ковчежце с изображением скачущего всадника, но хорошо сохранилась она лишь при грамоте ДДГ. № 22, тогда как при грамоте ДДГ. № 21 до нас дошел лишь ее обломок.

¹ ДДГ. М.; Л., 1950. № 20–22.

² РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 13. Приношу искреннюю благодарность Ю. М. Эскину за возможность изучить подлинники душевных грамот Василия I и профессору Э. Римше (Вильнюс) за подробную консультацию о печатях Витовта.

³ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 15.

Ее традиционно приписывали Василию I, и, кажется, лишь Н. А. Соболева отметила ее близость к печатям Витовта. Спустя несколько лет великому князю литовскому ее уверенно атрибутировали сначала Б. М. Клосс, а затем А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров [Соболева, с. 129, 150; Клосс, с. 118–119; Мазуров, Никандров]. Как показало внимательное изучение этих печатей, обе они снабжены латинской надписью по окружности, выполненной готическим минускулом. До наших дней сохранилось более 60 экземпляров печатей Витовта. Они распределяются по 9 типам, сведения о которых систематизировал польский ученый Владислав Семкович.

Внимательное изучение печатей завещаний Василия I показало, что обе «московские» печати Витовта представляют собой экземпляры последней из его малых (конных) печатей, которую он использовал в 1420–1430 г. [Semkowicz, s. 23, № 9]. Это — дополнительный аргумент против датировки грамоты ДДГ. № 21, предложенной Л. В. Черепнинным (около июля 1417 г.). Обе печати выполнены в точном соответствии с традициями литовской великокняжеской канцелярии: оттиснуты на красном воске в глубоком и объемном ковчежке из воска натурального цвета, привешены на достаточно толстых шнурах из витых шелковых нитей, дважды продетых сквозь загиб внизу бумажного листа. Печати Василия I и его братьев на грамоте ДДГ. № 21 выглядят совершенно иначе. Стало быть, печать Витовта оба раза привешивалась работниками его канцелярии.

Отсутствие печати Василия I и следов ее прикрепления на грамоте ДДГ. № 22 заставляет видеть в ней неутвержденный проект его завещания. О том, что он предшествовал грамоте ДДГ. № 21, говорят некоторые различия между текстами грамот: ДДГ. № 21 указывает на существование Нижегородского княжества, в отличие от ДДГ. № 22 [Мазуров, Никандров]. Надо полагать, оно было восстановлено Улуг-Мухаммедом самостоятельно, а не по воле Витовта.

Как известно, Василий I был заинтересован в том, чтобы престол занял его малолетний сын Василий, а не брат Юрий Дмитриевич. В этом интересе московского и литовского великих князей сходились: если Василий II приходился Витовту внуком, то Юрий Дмитриевич состоял в свойстве с его постоянным соперником Свидригайлом Ольгердовичем (летописи называют их «побратимами») [Полехов, с. 237–249]. В начале 20-х годов XV в. происходит сближение Московского и Литовского великих княжеств [Иванов, с. 81–90], выразившееся среди прочего в участии московских сил в походе Витовта и польского короля Владислава II Ягайла на Пруссию в 1422 г.⁴ На фоне неспокойной обстановки в Орде Василий I решил добиться поддержки своих династических планов у Витовта. Но каким бы могущественным ни был литовский монарх, он был далеко, а сбор его войск и их переброска в случае необходимости в Северо-Восточную Русь требовали времени, которого в условиях борьбы за престол могло не хватить. Поддержки следовало искать прежде всего внутри собственного княжеского дома. Восстановление Нижегородского княжества и примирение с братом Константином заставило Василия I несколько пересмотреть завещание. Новая его версия, составленная между мартом 1423 г. (поездка митрополита Фотия и дьяка Алексея Стромиллова к Витовту с грамотой ДДГ. № 22) и 27 февраля 1425 г. (дата смерти Василия I), была утверждена печатями не только Василия и его тестя Витовта, но и его братьев Андрея, Петра и Константина (на предыдущей версии завещания для них просто не было предусмотрено места), а также подписью митрополита Фотия. Их размещение свидетельствует, что вначале завещание утвердили Василий, его братья и митрополит и лишь затем оно было отправлено к великому князю литовскому.

Литература

- Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 141–145.
- Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 79–115.
- Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
- Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. Коломна, 2008.
- Полехов С. В. Браки князя Свидригайла Ольгердовича // По любви, вь правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сб. статей. М., 2014. С. 235–268.
- Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991.
- Semkowicz W. Sfragistyka Witolda. Kraków, 1931 (отд. оттиск из: Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. T. 13).

⁴ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv). Ordensbriefarchiv 3794.

Игумен Тихон (Полянский) (ИФ РАН)

КЛИНСКАЯ ИЗОСИМИНА УСПЕНСКАЯ ПУСТЫНЬ В АКТАХ XV–XVI в.

Клинская Изосими́на Успенская пустынь на реке Сестре была основана «около 1479 г. преподобными Зосимой и Андрианом» всего в десяти верстах от Иосифо-Волоколамского монастыря [Зверинский, № 820]. Ее возникновение и местоположение одни исследователи связывали с деятельностью Ивана III и объясняли попыткой создания «противовеса» монастырю, поставленному преп. Иосифом на удельных землях князя Бориса Васильевича Волоцкого, а также стремлением Москвы укрепить позиции в пограничных с Тверью районах [Зимин, с. 52], другие высказывали возражения насчет связи новой пустыни с предстоящим московско-тверским столкновением [Клюг, с. 361]. Вероятнее всего, Изосими́на пустынь, возникшая в Клинском уезде Тверского княжества, имеет тверские корни, однако бесспорен факт раннего внимания московских князей к монастырю — ктитором пустыни стал Иван Молодой, князь Тверской после присоединения Твери к Москве в 1485 г.

История пустыни отражена в актах, главным образом связанных с землевладением обители [Леонид (Кавелин), с. 86]. В жалованной грамоте, выданной в Твери 30 января 1488 г., Иван Иванович Молодой дает «в свой монастырь на пустыню на реце на Сестрицеи на Сосновце игумену Зосиму з братьею» деревню Стервище с наказом молить Бога за его родителей и весь род¹. Несмотря на оказанные милости великокняжеского дома, землевладение пустыни в этот период формировалось в основном из вотчинных земель. В 1495 г. монастырь обменял свои вотчины деревню Дягилево, селища Чешково и Резанцово Захарью Юрьевичу Еропкину (Яропкину) на деревню Кушалово и починок Кушаловской. В меновой грамоте Еропкин назвал «своей братьей» игумена Изосиму и Андреяна, а «послухом» участвовал еще один брат — Семен Юрьевич Еропкин², то есть размен происходил в пределах семейных владений Еропкиных.

В XVI столетии изосименские игумены неоднократно жаловались великому князю на окрестных крестьян и помещиков, которые «перелезжи к ним силно монастырскую землю пашют и лес секут и сено косят», что служило поводом для направления указных грамот о расследовании тяжб в 1531, 1535, 1539, 1557 г. Примечательно, что в грамоте 1535 г. в числе обидчиков фигурирует даже некий поп Михайло, который «перелезши к ним за реку за Ламу, землю манастырскую пашет и лес сечет и сено косит силно»³. Итогом разбирательств стали грамоты 1539 г., жалованные несудимые и заповедные грамоты 1540, 1555 г., две разъезжие грамоты 1541 г., мировые и полюбовные грамоты 1554, 1558, 1559 г.

Наиболее затяжное разбирательство велось с сытником Курбатом Третьяковым и впоследствии с его вдовой Ариной Михайловной и сыном Постником. Эта помещичья семья на фоне прочих обидчиков заметно выделялась нахальством и изобретательностью, нарушая монастырские угодья в течение нескольких десятилетий. Даже во время суда 15 мая 1539 г. Арина и Постник со своими послухами путали судей Гаврилу Федорова Заболоцкого и Ртища Васильева Унковского, сказывая монастырский починок Понурин своим почином Крутым, реку Городенку — Роговенкой, утаили, что прежде суд им был, но потом сознались, что суд им был «насилно» и «что по них в правде поруки нет, не ручает их ништо, и добыти им по себе поруки немочно, и на судные мужи не шлютца»⁴. На стороне монастыря в этом случае выступали послухи, среди которых монастырский старожилец Власко Пятой помнил «за шестьдесят лет, коли та земля еще вся была за великим князем за тферским».

Во всех спорных случаях пустынь была «оправлена», но порядок на местах восстанавливался небыстро. В 1540 г. игумен Иов с братией «били челом о том, был у них пристав даной Тихон Кулибаев, и тот деи пристав им не люб, дел манастырских не бережет и старцов и слуг и крестьян манастырских продает». Вместо него был дан пристав, «который им люб» Михалко Васильев, но и на него через два года старцы били челом, просив «любого» им на этот раз Васюка Григорьева сына Иверенева⁵ [Каштанов, с. 355, № 411]. Великий князь достаточно благосклонно удовлетворял эти просьбы братии.

В 1551 г. Степан Захарьевич Еропкин продал пустыни благословение вотчины отца своего и матери деревню Починок, обещавшись обелять ту деревеньку, если кто из их рода будет в нее вступаться⁶, чем, по-видимому, завершается собрание семейных еропкинских вотчин во владении монастыря, оставшемся весьма скромным. Не получило дальнейшего развития и внимание великих князей к обители, пиком которого можно считать упомянутое в указной грамоте 1539 г. «ищениными манастырскими обыскными людьми старостой Софоном с товарищы» взятие изосименского игумена Кирилла «в Можаяск в манастырь в Лужки на архимандритство» по воле Василия III.

По мере роста Иосифо-Волоколамского монастыря Изосими́на пустынь осталась в тени могущественного соседа, даже не имея каменного строения. После Смутного времени все ее небольшие вотчины были записаны пустошами, в 1680 г. с землями она была приписана к Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю, а в 1764 г. обращена в приход, ныне исчезнувший, как и село Изосименье.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Клину. № 188/39630. Л. 1006.

² Там же. Л. 1007.

³ РГАДА. Ф. 281. Клин. № 2/5633.

⁴ Там же. № 4/5635. Л. 1–7.

⁵ ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 189. С. 166, 167.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Клину. № 188/39630. Л. 1013.

Литература

- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях России. СПб., 1890. Т. I; СПб., 1892. Т. II; СПб., 1897. Т. III.
- Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977.
- Каишанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть I // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302—376.
- Клюг Э. Княжество тверское (1247—1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышова. Тверь, 1994.
- Леонид (Кавелин), арх. Клинская Изосименская пустынь и ее акты // ЧОИДР. 1876. Кн. 2. С. 1—143.

В. Г. Пуцко (Калужский областной художественный музей)

ЖИТИЙНЫЕ ИКОНЫ РУССКИХ СВЯТЫХ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Большая часть русских житийных икон посвящена наиболее почитаемым христианским святым, прежде всего Николаю Чудотворцу. Житийные иконы русских святых в количественном отношении немногочисленны, но при этом они представляют исключительный интерес для исследователя как изобразительная форма агиографического творчества, обладающего чертами неповторимости. Византийский образец обусловил общую композиционную схему, наполнение которой требовало конкретного литературного материала. Вместе с тем иконописец не был лишь иллюстратором житийного текста и порой свободно осуществлял его интерпретацию, достигая большей художественной выразительности.

Перечень русских святых, представленных в житийной иконе XIV—XVI в., невелик, и в основе отбора явно лежит большей частью развитие их почитания. Он включает в свой состав лиц, живших в XI—XVI в., практически выбирая персоналии из каждого столетия. Самыми ранними по времени были князья Владимир, Борис и Глеб, скончавшиеся в 1015 г.; самым поздним — преподобный Александр Свирский, преставившийся в 1547 г. В одних случаях изображения портретного характера, в других — идеальные образы.

Самой ранней известной иконой русских святых из числа сохранившихся является икона, изображающая князей Бориса и Глеба, из посвященной им церкви в «Запрудах» в Коломне, второй половины XIV в. В среднике, окруженном 16 житийными клеймами, изображены в рост князья с крестами и мечами; житийный цикл отражает события из их жизни, смерть, погребение, перенесение мощей, сражение Ярослава со Святополком и гибель последнего. Вопрос о существовании более древнего образа остается открытым. Известны лишь списки XVI в. с включением в композицию средника еще князя Владимира, а также с большим числом чудес.

Во второй половине XV в. появляются житийные иконы преподобного Сергия Радонежского, с поясным его изображением в среднике, и несколько позже — с фигурой в рост. Самая ранняя икона в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры с 19 житийными клеймами. Иконы Сергия характеризуют типологию русской житийной иконы рубежа XV—XVI в., в значительной мере связанной с творчеством Дионисия и работой его мастерской. В этот круг входят иконы преподобных Димитрия Прилуцкого и Кирилла Белозерского, святителей Петра и Алексия, митрополитов Московских. Случаи появления икон с двойным ковчегом не исключают более раннее происхождение оригинала средника. Примеры добавления к нему рамы с житийным циклом хорошо известны.

Появление в 1545 г. двух икон, известных под названием «Богоматерь Боголюбская с предстоящими Савватием и Зосимой Соловецкими, с житием Савватия и Зосимы», положило начало новому варианту, с многосюжетной иконографией, отражающей прежде всего не жизнь конкретных подвижников, а историю самой обители, частью которой оказываются подвиги преподобных. Несколько позже, в 50—60-х годах XVI в., появляется икона Зосимы и Савватия уже с 56 житийными клеймами. Эти иконы положили начало иконографии Соловецкого монастыря, его архитектурного пейзажа.

Наметившееся увеличение количества житийных клейм достигает своего апогея в иконе преподобного Александра Свирского, с деянием, середины XVI в., из Успенского собора Московского Кремля, где их 129. В композициях клейм, расположенных в 12 рядов, иллюстрирован весь текст жития. В сюжетном репертуаре клейм сказалось развитие повествовательного начала в литературе того времени, обернувшееся «беллетризацией» иконописи. По своей типологии отчасти схожей является выполненная около 1564 г. икона ярославских чудотворцев князей Федора, Давида и Константина, с 36 житийными клеймами.

Во второй половине XVI в. параллельно существуют два варианта житийных икон русских святых: традиционный с крупным средником и отличающийся количественным увеличением клейм. Оба они представлены в иконографии преподобного Варлаама Хутынского, основателя Спасо-Преображенского Хутынского монастыря близ Новгорода.

В упомянутых произведениях прослеживается появление всех типологических вариантов житийных икон русских святых, известных в XIV—XVI в. На рубеже XVI—XVII в. появляются еще житийные иконы Александра Невского и особенно чтимых в Муроме князя Петра и княгини Февронии. Икона последних с весьма оригинальной композиционной схемой: с крупным средником с изображением града Мурома с пятиглавым собором, а 40 клейм расположены «покоем», в один ряд вверху и в два ряда по сторонам.

Сюжетный цикл житийной иконы, по-видимому, вырос из книжной иллюстрации, расширив свойственную ей повествовательность и сообщив более четкий художественный язык. Приведенными примерами не исчерпывается состав сохранившихся житийных икон русских святых, большинство которых относится к более позднему времени.

В течение XVI в. преимущественно в московских и ярославских мастерских были разработаны обширные циклы, основанные на агиографических источниках, иногда заметно интерпретированных. Тем самым оказалась подготовленной почва для дальнейшего развития русской житийной иконы, охватывающего более широкий круг персоналий. Это своеобразное художественное явление по своей масштабности не имеет себе равных в культуре всего христианского мира, неотъемлемой частью которой стал достойный удивления феномен.

Е. В. Пчелов (РГГУ)

ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА РОССИИ В XVI–XVII в. И ИХ ПРИЧИНЫ

История российского государственного герба восходит к 90-м годам XV в., когда на печати Ивана III впервые появилось изображение двуглавого орла (на оборотной стороне печати) вместе с изображением всадника, убивающего дракона, — на лицевой. Анализ семантики изображений и их соотносительность с легендой печати показывают, что обе эмблемы соответствовали определенным частям титула: всадник — субъектному титулу, называющему самого государя, а орел — объектному или территориальному, описывающему государство. Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о путях заимствования эмблемы двуглавого орла на Руси, остановимся на дальнейших изменениях государственного герба в допетровский период и попытаемся понять их причины.

3 февраля 1561 г. «царь и великий князь печать старую меньшую... переменял, а учинил печать новую складную: орёл двоеглавной, а среди его человек на коне, а на другой стороне орёл же двоеглавной, а среди его инърог (единорог. — *Е. П.*)». С этого времени и вплоть до середины XVII в. единорог входил в число государственных символов. Причина его появления на государственных печатях трактуется по-разному. Как правило, подчеркивается одна из сторон его семантики (как любой средневековый символ он полисемантичен, причем амбивалентно семантичен) — сила, мощь единорога. Однако такое толкование на самом деле не объясняет, почему именно единорог был использован в этом качестве и как он был связан с идеологией царской власти.

Между тем появление этого символа можно связать с признанием царского титула Ивана Грозного Константинопольским патриархатом, то есть его легитимацией на самом высшем церковном уровне. Рог, в том числе и рог единорога, неоднократно упоминается в Библии. Существенно, что рог, наполненный елеем, используется при помазании на царство библейских царей Давида и Соломона, то есть символизирует Божественную благодать, нисходящую на правителя через действия первосвященников. В ноябре 1562 г. наименование рога единорога даже вошло ненадолго в царский титул: «...великого государя, яко рога инрога царя и великого князя...». Здесь рог непосредственно сопряжен с царским статусом. И хотя грамота об утверждении титула была получена в Москве в сентябре 1561 г. (составлена в 1560 г.), то есть позже реформы печати, можно предполагать, что реформа была проведена в преддверии этого события и отражала именно «новый», царский статус Московского государя.

Связь изменений герба с изменениями титула прослеживается и в дальнейшем. Большая государственная печать Ивана Грозного (конец 70-х годов XVI в.), включившая в себя 24 территориальные эмблемы, отражала именно объектный титул государя, значение которого повысилось в связи с событиями Ливонской войны.

Одноглавого орла на печатях Первого и Второго ополчений 1611–1612 г. следует, вероятно, объяснять (на что уже указывалось в историографии) как символ государства без государя (царя). Сочетание двуглавого и одноглавого орлов типологически близко в этом случае их сочетанию в имперской геральдике Западной Европы (двуглавыи орел обозначал Священную Римскую империю, одноглавыи был гербом Римского (Германского) короля). В этом случае одноглавость орла понижала его символический статус.

На печатях Михаила Федоровича с 1625 г. над головами орла появилась третья корона. Прояснить ее семантику позволяет царская грамота, посланная воеводе И. И. Баклановскому в Туринский острог, в которой говорится о введении новой печати с Благовещения, 25 марта 1625 г. Этот текст однозначно свидетельствует, что нововведение объяснялось необходимостью геральдически отобразить титул «самодержец», который появился уже при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. В этом случае изменение герба оказалось «запоздавшим» по отношению к изменению титулатуры.

Наконец, после Андрусовского перемирия создается новая государственная печать, изображение на которой впервые называется гербом. Все его элементы точно соответствуют всем значимым элементам царского титула, помещенного в легенде на печати. Три короны означают Казанское, Астраханское и Сибирское царства — наиболее статусные с точки зрения семантики титула земли. Великая, Малая и Белая России, с одной стороны, и Восточные, Западные и Северные страны — с другой, отражены в изображениях шести крепостей с двух сторон двуглавого орла. Скипетр в лапе орла соответствует слову «самодержец», держава — «обладатель». Изображение всадника — как бы родового символа Московских великих князей — соответствует слову «наследник» (Алексей Михайлович понимается здесь

как наследник своих прародителей), а вооруженные люди внизу композиции (на печати Малороссийского приказа — это казаки, приносящие присягу на верность русскому царю) соотносятся с титулованием «отчич и дедич». Иными словами, присоединение Левобережной Украины в официальной идеологии трактуется как возвращение отчины и дедины — бывших древнерусских земель.

Итак, изменения государственного герба на протяжении XVI–XVII в. вызваны, на мой взгляд, изменениями в титулатуре русских государей. При этом геральдические изменения могут как оперативно отражать изменения в титулатуре, так и запаздывать по отношению к ним, но, как правило, это соответствие достаточно синхронно (то же относится и к изменениям герба в имперский период). Отдельные элементы герба могут при этом переосмысляться, принимая иную семантику. Однако все наиболее важные изменения (принятие и легитимация титула царя, принятие титула «самодержец», кардинальная трансформация титула при Алексее Михайловиче) находят свое визуальное отображение в государственной сфрагистике и геральдике.

А. М. Ранчин (МГУ, РАНХиГС)

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ БОРИСА ПАСТЕРНАКА «МЕТЕЛЬ»

«Метель» (1914) впервые была опубликована в сборнике «Весеннее контрагентство муз» (М.: Студия Д. Бурлюка и С. Вермель, 1915) без заглавия, затем — с заглавием «Метель» — в книге Пастернака «Поверх барьеров: Вторая книга стихов» (М.: Центрифуга, 1917). В пастернаковской книге «Поверх барьеров: Стихи разных лет» (М.; Л.: ГИЗ, 1929) она была напечатана без заглавия как первое стихотворение цикла-двойчатки, к которому перешло название «Метель»; вторым стихотворением двойчатки в книге 1929 г. стало «Все в крестиках двери, как в Варфоломееву...», в «Поверх барьеров» 1917 г. напечатанное в ранней редакции под названием «Сочельник» как отдельный текст.

Позднейшее объединение двух разных текстов в цикл, конечно, не может служить бесспорным аргументом в пользу предлагаемой автором этих строк интерпретации «Метели» в редакции 1914 г. Тем не менее оно не может быть случайным. Оба текста генетически связаны с пастернаковскими прогулками в Замоскворечье и с визитами к сестрам Синяковым на Рождество и в другие дни зимы 1914 г. Сближает два стихотворения не только образ метели/снегопада. «Все в крестиках двери, как в Варфоломееву...», несмотря на несоизмеримо более светлый эмоциональный тон в сравнении со зловещей «Метелью», развивает в метафорическом плане мотив заговора и убийств в городе, причем прямо названо конкретное историческое событие из западноевропейской истории — Варфоломеевская ночь. Соответственно, есть, по моему мнению, достаточные основания полагать, что и в первом стихотворении двойчатки *изначально* в качестве подтекста было зашифровано аналогичное событие — вероломное преступление. Но — учитывая «древнерусский» стилиевой колорит «Метели» с ее «посадам», «ворожеей» и «шлеей» — уже из прошлого Руси.

Таким событием может быть ослепление князя Василька Теребовльского его родственниками волынским князем Давыдом Игоревичем и киевским правителем Святополком Изяславичем, описанное в так называемой Повести об ослеплении Василька Теребовльского, которая была включена под 6605/1097 г. в состав Повести временных лет.

Совпадающие смысловые точки стихотворения и летописной повести: князя-жертву везут на телеге («узложиша и на кола»), а в «Метели» упоминается деталь упряжи — шлея; Василько приходит в себя после пересечения Здвиженского моста, у Пастернака же одна из локализаций посада — «Замостье»; попадая словно считает князя мертвым, причем до того, как выпил воды, Василько как будто действительно мертв (только потом «въступи во нь душа»), в «Метели» же мотив смерти реализуется благодаря метафоре «как убитые, спят снега» и упоминанию «душегубов». Мотив предательства — доминанта в Повести (Василька вероломно заманивают на пир, потом ослепляют), в стихотворении он дан через отсылку к «Иудину древу» — осине. Князьям-преступникам соответствуют «душегубы» в «Метели».

Вечная тьма, в которую погружен «посад» у Пастернака, ассоциируется с утратой зрения, с «незрячестью» несчастного князя-жертвы.

Мост из Повести мог ассоциироваться для Пастернака с границей между двумя мирами: миром жизни/людей и миром смерти/нелюдей, в котором словно оказывался бедный теребовльский князь, как бы соотносимый с мертвецом. (К Васильку после проезда по мосту и остановки в Здвижене возвращается сознание — и сам он как будто бы возвращается из мира временной смерти в жизнь, однако эта жизнь для слепца, схваченного и окруженного людьми Давыда и ожидающего предстать перед Богом, несет на себе неизгладимый отпечаток мертвенности, выморочности.)

В «Метели» нигде нет прямых отсылок к Повести об ослеплении Василька Теребовльского, однако посредством этого факта нельзя отвести предположение о Повести как подтексте стихотворения: ведь для «Метели» характерна установка на «возможность двойных толкований» и «принцип неопределенности, проведенный через весь текст» [Смирнов, с. 241].

В «Метели» есть еще одна переключка с Повестью временных лет. «Посад» населен полуинфернальными «душегубами»: они не совсем люди или даже совсем не люди — ведь раньше было сказано, что в этот «посад» «ни одна нога / Не ступала», а в конце стихотворения говорится, что здесь не бывал «ни один двуногий». В Повести временных лет как раз есть фрагмент, где сообщается

о душегубстве, которое совершали не люди — бесы (по мнению же горожан — мертвецы) в Полоцке в 6600/1092 г. — правда, не наяву, а в «мечть».

Совпадения с пастернаковским стихотворением здесь разительные: бесы действуют преимущественно в городе, они — душегубы, но не люди, в городе словно никого нет (горожане прячутся по домам, а нечистая сила невидима), полоцкие «душегубы» не двуногие — они (их кони) оставляют след четырех копыт. Этот летописный подтекст по-новому может объяснить страх «пришельца» перед героем стихотворения: пришелец мог заподозрить в нем беса/мертвеца. Присутствие бесовской темы в «Метели» несомненно — едва ли не главным ее подтекстом являются «Бесы» Пушкина [Смирнов, с. 244]. Лексема «душегубы» может быть с равным основанием отнесена как к разбойникам-убийцам (таково ее языковое, словарное значение), так и к бесам, пытающимся погубить именно душу человека, искушая его. Ср. речение Христа: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф 10: 28).

Так мифопоэтические или потенциально мифопоэтические элементы из летописных сказаний актуализируются в авангардистском стихотворении Пастернака, образуя его подтекст и оказываясь ключом к пониманию.

Литература

Смирнов И. П. Б. Пастернак. «Метель» // Поэтический строй русской лирики / Отв. ред. Г. М. Фридендер. Л., 1973. С. 236–253.

Н. В. Савельева (ИРЛИ РАН)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ИЗБОРНИКА 1076 г.: ИЗБОРНИК И ЗЛАТОСТРУЙ

Исследование Изборника 1076 г. (РНБ. Эрмитажное собр. № 20) на протяжении последних десятилетий было весьма плодотворным, результаты этой работы отражены в двух академических изданиях памятника [Изборник 1076 г., 1965; Изборник 1076 г., 2009], двух изданиях В. Федера [The Edificatory Prose of Kievan Rus'; Княжий изборникъ] и целом ряде статей¹. К настоящему времени изучена в целом история текста памятника от болгарского протосборника до сохранившегося восточнославянского кодекса и отысканы греческие и славянские параллели более чем к 90 % текста Изборника. Установлен и ряд непосредственных источников — славянских сборников переводных памятников, к которым обращались авторы на разных этапах работы над текстом: Минейный сборник, Протоскалигеров и Скитский патерики, Краткая редакция Симеонова Сборника.

Неоднозначно мнение исследователей о статусе сборника Златоструй, в первоначальной редакции связанного территориально и хронологически с первым этапом формирования Изборника². Выявленные на сегодняшний день параллели читаются в словах Златоструя, входящих во все его редакции: L 80 / S 75 [Thomson, p. 21], L 73 [Thomson, p. 18], и отдельные разделы «Избора Иоанна Златоуста» L 137 / S 81 [Thomson, p. 31, 53]. По мнению В. Федера, речь идет о заимствованиях в Изборник из Краткой редакции Златоструя [Федер, с. XXVII–XXVIII, 94]; другие исследователи предполагают здесь варианты использования общих источников [Мушинская, с. 159–162; Димитрова, с. 420–421; Милтенев, 2014, с. 40–45].

Новые параллели с текстом Златоструя обнаружены нами в двух статьях Изборника, ранее не имевших атрибуции.

Греческим источником первого фрагмента: *Не можѣмъ прѣзрѣти яко малъ грѣхъ... да не въ великия въпадемъ* (§ 1037–1039³) служит эксцерпт из 8-й Беседы Иоанна Златоуста на 1-е Послание коринфянам [PG, 61, col. 73]; текст Изборника передает греческий оригинал без существенных изменений и дополнений. Параллель к Изборнику читается в двух словах Златоструя: 1) L 27 / S 9 [Thomson, p. 11; изд. ВМЧ. 13 нояб., стб. 1218–1221, фрагмент в стб. 1218] — слово представляет собой переведенную с греческого оригинала [CPG, p. 4428] самостоятельную выборку из указанной гомилии Иоанна Златоуста в большем объеме; 2) L 46 / S 37 [Thomson, p. 14; изд. ВМЧ. 13 нояб., стб. 1346–1356, фрагмент в стб. 1354–1355] — компиляция, приписанная в оригинале Иоанну Постнику [CPG, p. 7555], которая включает в себя в том числе соответствующий текст Иоанна Златоуста. Конфигурация и языковые характеристики фрагментов Изборника и двух фрагментов Златоструя не позволяют выявить каких-то признаков зависимости между ними.

Любопытный вариант параллели к Златострою предлагает другая статья Изборника: *Югда дѣла многими обѣта боудеть грѣховными страстьми... невоорима ксть* (§ 1008), греческий источник которой обнаружен нами в 55-й Беседе Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна [PG, 59, col. 304]. В Изборнике статус эксцерпта изменен вследствие нарушения исходной структуры, имеющиеся в тексте четыре вставки соответствуют общему принципу распространения источников. Параллель к этому эксцерпту обнаруживается в поучении Златоструя «О страхе Божии и о покаянии, и о посте, и о среде, и о пятце» — L 83 / S 49 [Thomson, p. 23; изд. ВМЧ. 13 нояб., стб. 1409–1413, фрагмент в стб. 1410]. Греческий источник статьи Златоструя неизвестен, иных совпадений с текстом 55-й Беседы Иоанна

¹ Исчерпывающую библиографию по теме см.: [Изборник 1076 г., 2009, т. 1. С. 9–22; Мушинская, с. 351–379]; см. также [Буланин].

Последняя обобщающая работа об истории текста Златоструя, в которой собрана библиография по теме, принадлежит Я. Милтеневу [Милтенев, 2013].

Здесь и далее отсылки к тексту Изборника даются по рубрикации в издании [Изборник 1076 г., 2009, т. 1].

Златоуста на Евангелие от Иоанна статья не имеет. Вне контекста этой гомилии параллель в Златоусте выглядит как реминисценция, причем не фрагмента оригинала, а скорее текста, близкого к Изборнику, поскольку даже в достаточно удаленном от точного воспроизведения виде она имеет синтаксическую самостоятельность (гнома) и обнаруживает зависимость от трех вставок Изборника. По-видимому, Изборник в данном случае выступает в качестве одного из источников славянской компиляции, вошедшей в состав Златоустра.

Литература

- Буланин Д. М. Изборник 1076 года и споры о национальных приметах в древнейших славянских переводах // Русская литература. 2012. № 2. С. 3–30.
- Димитрова А. Сборникът Златоустрий и Изборникът от 1076 г.: De precatioe oratio II от Йоан Златоуст в две старобългарски версии // Slavia – časopis pro slovanskou filologii. Praha 2013. R. 82, seš. 4. P. 408–422.
- Изборник 1076 года / Изд. подг. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов; Под ред. С. И. Коткова. М., 1965.
- Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. / Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольшенко; Под ред. А. М. Молдована. М., 2009. Т. 1–2.
- Княжий изборникъ за възпитание на канартикина / Издаден от Уилям Р. Федер. Велико Търново, 2008. Т. 1. Увод и показалци; Т. 2.
- Милтенов Я. Златоустрий: старобългарски хомилетичен свод, създаден по инициатива на българския цар Симеон. Текстологическо и извороведско изследване. София, 2013.
- Милтенов Я. Общите пасажии между колекцията Златоустрий и Княжеския Изборник // Старобългарска литература. 2014. № 49–50. С. 28–45.
- Мушинская М. С. Текстология и язык Изборника 1076 года. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Федер У. Хиляда години като един ден: Животът на текстовете в православното славянство. София, 2005.
- Clavis partum graecorum / Ed. M. Geerard. Turnhout, 1974–1987. Vol. 1–5 (CPG).
- Thomson F. Chrysostomica Palaeoslavica: A Preliminary Study of the Sources of the Chrysorrhoeas (Zlatostruy) Collection // Cyrillomethodianum. 1982. Vol. 6. P. 1–63.
- The Edificatory Prose of Kievan Rus' / Translated by William R. Veder and with Introductions by William R. Veder and Anatolij A. Turilov. Cambridge, Mass., 1994. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. English Translations, vol. 6).

А. А. Селин (НИУ ВШЭ СПб)

АРХИВЫ ДВУХ САПЕГ И ДВА ПИСЬМА ЦАРЕВНЫ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ¹

«Смоленский архив» — современное название небольшой коллекции документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции, попавшей туда из Ску-Клостерского собрания графов Браге в 1893 г. Общеизвестно, что он является военным трофеем, доставшимся шведам в Польше во время Потопа, равно как и то, что значительное число документов на русском языке из Государственного архива Швеции и частных собраний, в том числе и документов Ску-Клостерского собрания, были вывезены в Россию профессором С. В. Соловьевым; сейчас они распределены между двумя фондами архива СПб ИИ РАН (Ф. 124 «Коллекция С. В. Соловьева» и Ф. 174 «Собрание актов до 1613 г.»). Более половины «смоленских» документов из Коллекции С. В. Соловьева были опубликованы Археографической комиссией во II томе Актов исторических (СПб., 1841). В начале XX в. значительная часть «Смоленского архива» была временно передана из Стокгольма в Москву российскому ученому Ю. В. Готье, издавшему том «Памятники обороны Смоленска». Позднее эти документы были возвращены в Государственный архив Швеции, где хранятся и поныне.

В последнее время перспективными являются работы по реконструкции архивов прошлого. Интересна работа, проведенная М. М. Кромом, по реконструкции архива Радзивиллов [Кром]. Для нашего исследования чрезвычайно важна работа И. О. Тюменцева по реконструкции архива Яна Петра Сапеги. Особенно важна классификация документов из архива Я. П. Сапеги, сделанная И. О. Тюменцевым: она позволяет довольно точно определить источники архива и характер деятельности секретарей Я. П. Сапеги. Ученый отметил, что к архиву Я. П. Сапеги восходит и часть документов, опубликованных Ю. В. Готье [Тюменцев, с. 35]. В числе выявленных И. О. Тюменцевым категорий документов — письма, перехваченные солдатами-сапегинцами во время осады Троицкого монастыря в 1609 г.

Среди документов, вывезенных С. В. Соловьевым в Россию, было письмо царевны-инокини Ксении (Александры) в Москву тетке княгине Домне Богдановне Ноготковой, а также письмо ее служительницы Соломоницы Ржевской своей матери Феофании Ржевской. Эти письма были опубликованы в 1841 г.; в 1997 г. под рубрикой «Письма Смутного времени» они были воспроизведены в издании «Хроники Смутного времени» (публикация рубрики подготовлена Б. Н. Морозовым). Из этого издания письмо Ксении Годуновой попало в статью «Википедии» ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Годунова, Ксения Борисовна](https://ru.wikipedia.org/wiki/Годунова,_Ксения_Борисовна)) и стало широко известно.

В октябре 2014 г. Э. Лёфstrand обнаружила среди документов «Смоленского архива» еще одно письмо Ксении Годуновой, адресованное ее «бабушке» Стефаниде Андреевне, видимо двоюродной, проживавшей в Москве на дворе князя И. С. Куракина. Нет никакого сомнения в том, что оба эти

¹ Материал подготовлен в рамках проекта «Digital Catalogue of the Stockholm Smolensk Archives», поддержанного Riksbankens Jubileumsfond в 2014–2016 г.

письма, равно как и письмо в Москву, относились к одному почтовому направлению, перехваченному сапежинцами под Троицей во время осады. Станным остается факт, что Ю. В. Готье, готовивший документы «Смоленского архива» к публикации в 1913 г., не обратил внимания на это письмо Ксении Годуновой (или не придал ему значения).

Смоленский архив не просто так оказался в Речи Посполитой. Видимо, инициатором его вывоза был канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега. У него же хранились и документы, скопившиеся во время осады Смоленской крепости польскими и литовскими войсками. В первой половине XVII в., как пишет И. О. Тюменцев, часть документов из полевого архива Яна Петра Сапеги и Льва Сапеги некоторое время хранились вместе и произошла некоторая их «диффузия» — они сильно перемешались [Тюменцев, с. 31, 34–36]. Захваченный шведскими войсками в середине XVII в. в Польше Березский архив, и составивший собственно «Смоленский архив» Государственного архива Швеции, — это в основном документы Льва, но часть из него — документы Яна Петра. К последним относятся, к примеру, перехваченные письма из Троицы в Москву. В Смоленске эти документы никогда не были, разве что проездом, после взятия города.

Другие документы «Смоленского архива», в том числе те, которые вывез Лев Сапега, не все происходят из Смоленска: часть документов в нем — из королевского лагеря под Смоленском. Прежде всего это письма ко Льву Сапеге, а также челобитные дворян Сигизмунду и Владиславу о пожаловании им поместий и/или чинов. Исследование архива дает возможность подробно изучить круг челобитчиков, проследить этапы присяги смоленских дворян царю Владиславу в момент, когда центр власти в Московском государстве временно переместился под Смоленск [Флоря, с. 313–322].

Литература

Кром М. М. (сост.). Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. М.; Варшава, 2002.
Тюменцев И. О. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: Опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Р. А. Симонов (МГУП)

О МОСКОВСКИХ ЧАСАХ 1404 г.

Из летописного сообщения 1404 г. известно об установке механических часов («часника») афонским иноком Лазарем Сербином в Московском Кремле по замыслу великого князя Василия Дмитриевича, который «постави е на своем дворе за церковью за Святым Благовещением». Д. С. Лихачев считал, что часы 1404 г. способствовали осознанию русскими людьми исторической изменчивости мира [Лихачев, с. 149]. Историки науки отмечали, что «об установке в Москве башенных часов (1404 г. — Р. С.) упоминается во многих летописях как о событии особой государственной важности» [Пипуныров, Чернягин, с. 12].

Кроме летописных сведений сохранилась миниатюра Лицевого летописного свода (далее — ЛЛС) второй половины XVI в. с изображением внешнего вида «часника» 1404 г. От времени появления этих часов до их изображения в ЛЛС прошло более полутора сотен лет, за которые «часник» мог сломаться или переделываться. О последнем может свидетельствовать одна летописная запись, из которой следует, что часы 1404 г. были «с Луною», но никакой планетарной символики изображение «часника» в ЛЛС не содержит. Чтобы лучше понять, какие подлинные черты «часника» 1404 г. присутствуют в миниатюре ЛЛС, можно обратиться к облику сохранившихся часов XV в. (по преданию — 1427/1428 г.) Ватопедского монастыря на Афоне [Ульянов, с. 88, 100]¹. Их циферблат также реставрировался, но сохранил определенные «первоначальные» черты. Можно предполагать, что Московский «часник» 1404 г., возведенный выходцем с Афона, и Афонские часы XV в. объединяет общая строительная традиция, и, возможно, имеется определенное единство в оформлении циферблата.

Циферблат Афонских часов XV в. имеет три концентрических часовых шкалы: внешнюю, промежуточную и внутреннюю. Причем внешнее кольцо размечено индоарабскими цифрами от 1 до 12. Расположение шкалы обычное для перешедших часов: сверху — 12, внизу — 6, посередине справа — 3, слева — 9. Промежуточный круг содержит разметку часовой шкалы римскими цифрами от I до XII. Дублирование могло объясняться тем, что индоарабская часовая шкала предназначалась для «косых»² дневных часов, а римская — для «косых» ночных часов или наоборот. На аналогичное назначение средневековых двойных шкал указывали В. Н. Пипуныров и Б. М. Чернягин, отмечая, что были механические часы, «имеющие двойную нумерацию дневных и ночных часов» [Пипуныров, Чернягин, с. 11].

Шкала третьего, внутреннего, кольца Афонского циферблата маркировалась римскими цифрами от единицы до четырех. Отсчет времени начинался от максимального часового числа — III (такое начертание имела римская четверка в средневековую пору, затем установилась форма, как сейчас, — IV). Счет велся трехчасовыми периодами: 1-й период длился от 0 до 3 часов (до цифры I), 2-й период

¹ Автор благодарит О. Г. Ульянова и Ю. Э. Шустову за информацию о циферблате Ватопедских часов и предоставление соответствующего снимка.

² «Косой» — переменный час, равный 1/12 длительности дня и отдельно — ночи (одних и тех же суток).

охватывал время 3–6 часов (до II), 3-й период — 6–9 часов (до III), 4-й период — 9–12 часов (до III). Такое подразделение на четыре части по три часа в каждой соответствует римскому «стражевому счету», использовавшемуся также в астрологии [Астрологический словарь, с. 416]. До римской традиции в вавилонской астрологии «стража» равнялась четырем часам: 1/3 дня или ночи в «косом» времени [Саплин, с. 96, 367]. На миниатюре ЛЛС есть одна деталь, на которую в научной литературе, кажется, не обращали должного внимания. Циферблат «часника» 1404 г. как бы перечеркнут крестообразно двумя взаимно перпендикулярными диаметрами на квадранты. На первый взгляд, аналогия циферблатов (Московского 1404 г. и Афонского XV в.) будет достаточной, если «крест» «часника» имеет отношение к римскому «стражевому счету». Но для этого каждый квадрант русского «креста» должен делиться на три части. И действительно, если присмотреться к рисунку «часника» 1404 г., то можно заметить, что квадранты в центральной части циферблата подразделяются двумя короткими рисками на три части. Сравнение двух циферблатов XV в. (Московского и Афонского) привело к небольшому открытию — существованию на «часнике» 1404 г. еще одной часовой шкалы — римского «стражевого счета», делящего «косое» время на четыре части по три часа (отдельно для дневного и отдельно для ночного «косого» времени).

Итак, Московский «часник» 1404 г. и Афонские часы XV в. (условно 1427/1428 г.) имели общую структуру указания времени, но разное устройство шкал. Можно сказать, что Московский «часник» 1404 г. предполагал достаточно смышленного, как бы более сведущего пользователя, чем Афонский, который был рассчитан на любого знавшего цифры человека.

Литература

- Астрологический словарь / Автор-составитель С. Ю. Головин. Минск, 1998.
Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989.
Пипуныров В. Н., Чернягин Б. М. Развитие хронометрии в России. М., 1977.
Саплин А. Ю. Астрологический энциклопедический словарь / Под общ. ред. Г. Е. Куртика. М., 1994.
Ульянов О. Г. Влияние Святой горы Афон на особенности почитания Святой Троицы при митрополите Киприане (к 600-летию преставления святителя) // Человек верующий в культуре Древней Руси: Мат-лы Международной конференции СПбГУ, 5–6 декабря 2005 г. СПб., 2005. С. 88–100.

А. В. Сиренов (СПбГУ)

ПРОГРАММА РОСПИСИ 1690 г. СОБОРА ТИХВИНСКОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ¹

Письменное наследие древнерусской монастырской культуры включает многочисленные и разнообразие источники. Они характеризуют монастыри как центры религиозной, культурной и хозяйственной жизни своего времени. Вместе с тем известно, что в древнерусских монастырях развивалась традиция изобразительного искусства. Письменных источников, отражающих эти процессы, в настоящее время известно немного. Тем ценнее новые открытия в этой области исследования древнерусской культуры.

В процессе описания архива тихвинского Успенского монастыря XVII в., которое в настоящее время осуществляется коллективом преподавателей, аспирантов и студентов Института истории СПбГУ, а также сотрудников архива СПбИИ РАН, нами обнаружен комплекс документов конца XVII в., имеющий отношение к росписи монастырского собора в 1690 г. Эти документы изъят из монастырского архива тихвинский краевед начала XX в. И. П. Мордвинов, по-видимому, после закрытия монастыря в первые послереволюционные годы, когда монастырский архив оказался бесхозным. После смерти И. П. Мордвинова в 1925 г. его материалы поступили в Историко-археологическую комиссию в Ленинград. В это время к ним получил доступ сотрудник комиссии А. Ф. Малов, занимавший составлением словаря русских иконописцев по заданию ГАИМК. В 1929 г. А. Ф. Малов был арестован по Академическому делу, и только в 1938–1939 г. его архив из НКВД поступил в Отдел рукописей ГПБ, где до настоящего времени оставался необработанным. Сейчас нами завершена научно-техническая обработка фонда А. Ф. Малова (РНБ. Ф. 463), и содержащиеся в нем материалы (215 ед. хр.) стали доступны для исследователей.

В числе прочего в фонде А. Ф. Малова хранятся и документы о тихвинских иконописцах XVII в. Это черновик отписки 1684 г. архимандрита тихвинского Успенского монастыря Макария митрополиту Новгородскому и Великолуцкому Корнилию об отсылке в Новгород иконописцев дьякона Алексея Терентьева и Ивана Шемушки (РНБ. Ф. 463. № 161); перечень иконописцев в черновых записях делопроизводственного характера 1684 г. (№ 163); челобитная 80-х годов XVII в. попов Шунгского погоста архимандриту Макарию о написании иконы Тихвинской Богоматери для новоустроенного придела церкви Шунгского погоста (№ 166); Программа росписи 1690 г. монастырского Успенского собора (№ 167); Расходная книга выдачи жалованья иконописцам 1690 г. (№ 168); Расходная память монастырского стряпчего Герасима Мачехина 1690 г. о поездке в Москву для покупки красок (№ 169).

Особую ценность представляет программа росписи монастырского Успенского собора, датированная 1690 г., а также два других документа, имеющих отношение к живописным работам в монастыре в 1690 г., — расходная книга выдачи жалованья и расходная память Г. Мачехина.

¹ The authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research grant 5.38.680.2013. Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.680.2013.

Известно, что главный собор монастыря был построен в 1515 г., то есть еще до основания монастыря в 1560 г. Существующая роспись относится к XVIII в., но в галереях сохранились фрагменты росписи XVII в., которые вполне обоснованно соотносят с живописными работами в монастыре в 1690 г. Хранящаяся в фонде А. Ф. Малова программа росписи является главным документом, руководствуясь которым в 1690 г. собор был расписан. Подобные документы встречаются исследователям крайне редко и потому имеют особое значение.

Программа существует в двух вариантах — черновом и беловом. Последний — с рукоприкладствами иконописцев Андрея Михайлова, Кузьмы Яковлева, Василия Борисова, Ивана Иванова на обороте. Таким образом, в документе представлены почерки тихвинских иконописцев — участников росписи собора в 1690 г. Можно утверждать, что черновик программы написан рукой иконописца Кузьмы Яковлева, а беловик — рукой Андрея Михайлова. В черновике имеются исправления, касающиеся предполагаемых росписей. Замечательно, что написаны они основным почерком (К. Яковлева), но некоторые дрожавшим пером — видимо, на весу. Так, после указания «В той же главы под тетивкою в кругах восемь святых оплечных» приписано «в кругах». После перечисления сюжетов, которыми предполагалось украсить алтарную часть храма, вписано «Да между столпов на перететивье в сводах дву ангелов — держат свиток». В описании сюжетов росписей на сводах первоначально было написано «Да на сводах против столпов выше связей на больших четырех перететивьях четыре места — праздничных: Благовещение, Встретение, Вход во Иерусалим, Преображение. Да под ними над связями восемь святых в кругах оплечных». Далее текст от слова «праздничных» был зачеркнут и вместо него вписано «писать архангелов и херувимов, как пристойно».

По всей видимости, изменения в программе росписи были сделаны иконописцами в процессе согласования с заказчиком — монастырской администрацией. Таким образом, программа росписи Успенского собора Тихвинского монастыря позволяет представить начальный процесс создания живописного убранства древнерусского храма.

Е. Р. Сквайрс (МГУ)

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ЖАНР «ПЛЯСКИ СМЕРТИ» В НОВГОРОДЕ XV в.: ИСТОЧНИКИ, РЕЦЕПЦИЯ, ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ¹

В 90-х годах XV в. немецкий книгопечатник Бартоломеус Готан привез в Новгород груз западных книг, которые были использованы геннадиевским кружком в работе над переводом Библии и других текстов. С этим событием связывают древнерусское «Двоесловие живота и смерти», считая его переводом нижнемецкого однолистка Готана (Ghotan: Lübeck 1484). В работах филологов этот взгляд подтверждался [Дмитриева; Lewandowski], а небольшие различия в тексте не представляли проблем, пока в фондах МГУ не обнаружилось другое, более раннее, издание Готана на латинском языке², прежде неизвестное. Наличие «другого Готана» объяснило текстуальные различия, заглавие в русском переводе, «лишнее» вводное описание, по содержанию совпавшее с иллюстрацией латинского «Диалога», и другие факты, не имевшие объяснения в немецкой версии [Skvairs, 2006].

С появлением латинского Готана не только расширились знания о культурных связях Новгорода и Ганзы, но и получен материал нового типа — гравюра в западном жанре «Плясок смерти». Вопрос вышел за рамки литературно-книжных связей в область художественной традиции и иконографии. Поскольку гравюра встречается только в этом издании, оно может быть источником эсхатологических изображений в русской иконописи и церковной росписи.

Вслед за Ровинским [Ровинский, 1895, с. 227–231; Ровинский, 1900] импортом печатных книг с гравюрами XV в. из Германии объясняют происхождение русского лубка, однако до латинского «Диалога» не были известны близкие по времени изображения «Плясок смерти», с которыми можно связать это заимствование.

Р. П. Дмитриева и другие авторы не обращались к миниатюрам в древнерусской традиции «Двоесловия» («Прения живота со смертью»), не располагая сравнительными данными: немецкое издание Готана не имело иллюстрации³, как и первое «Двоесловие»⁴, а латинское издание с гравюрой не было известно. Сравнивая эту гравюру⁵ с русскими рукописями, Е. В. Боднарчук в 2014 г. обратила внимание на миниатюру во 2-й (Волоколамской) редакции⁶ и сделала вывод, что «сюжет остается узнаваемым, сохраняя преемственность по отношению к европейскому оригиналу» [Боднарчук, с. 58 и примеч. 162], доказав факт неизвестного прежде изобразительного заимствования из немецкой книжной графики. Этим подтверждается, что источником для древнерусской литературной традиции были обе готановские «Пляски смерти»; они же дали начало «длительной традиции в древнерусской рукописной миниатюре, которая следовала мотиву в латинском издании» и сохранила его до конца XVII в. В широком

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 14-01-00126а.

² Dyaloghus Vite et Mortis. Magdeburg: Ghotan, ок. 1480. ОРКиР НБ МГУ. Ф. 40. Оп. 2. № 27.

³ О формате, составе и тексте издания судят по нескольким найденным фрагментам и рукописному списку [Skvairs, 2005, с. 29 и примеч. 30].

⁴ РНБ. Соф. 1454.

⁵ Визуальный материал представлен в электронной презентации доклада на конференции.

⁶ РГБ. Волок. 492.

плане она видит влияние латинского «Диалога» как вклад в эсхатологическую иконографию: «Лишь обнаружение печатного оригинала (гравюры. — Е. С.) позволило увидеть иконографические параллели рисунка, кочующего из рукописи в рукопись вплоть до начала XX в.» [Боднарчук, с. 59].

Наблюдения Е. В. Боднарчук являются важным шагом в изучении происхождения и бытования тематики «Плясок смерти» на Руси. Опираясь на этот результат, можно проследить ее в традиции иконы и настенной живописи. Типичный для «Плясок» образ в виде скелета с косою является западным импортом, закрепившимся впоследствии в русском искусстве; до XVII в. образная персонификация смерти здесь не встречалась [Сукина, с. 8]. Пример такого изображения в Новгороде дает Знаменский собор: его росписи 1702 г. изображают всадника Апокалипсиса в образе скелета, и, хотя они выполнены мастерами из Поволжья, там их источником считаются западные гравюры. Как показывает латинский «Диалог» Готана, с западными гравюрами-образами смерти можно было познакомиться и в Новгороде.

Связи Новгорода с Ганзой могли быть путем проникновения западных эсхатологических мотивов в иконопись. Примеры встречаются в иконах старообрядцев XVII в. из Заонежья. Икона «Двоесловие» из церкви пророка Ильи с. Великая Губа (2-я пол. XVII в.)⁷ содержит текст «Прения» в 6 редакции (по Р. П. Дмитриевой), а над ним — изображение, напоминающее гравюру Готана и волоколамскую миниатюру. Таково же изображение на двойной иконе из часовни св. Георгия дер. Усть-Яндома (рубеж XVII—XVIII в.). Ее правую часть занимает сюжет «Двоесловия» с отрывком из 6-й редакции текста.

Эти иконы относятся уже к XVII в., но их происхождение из Заонежья, исторически связанного с Новгородом, убеждает в необходимости подробнее изучить «ганзейский след» этого западного художественного влияния.

Литература

- Боднарчук Е. В. Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV — первой трети XVI в. Дисс... канд. наук. СПб., 2014.
- Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984.
- Дмитриева Р. П. Повести о споре жизни и смерти. М.; Л., 1964.
- Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895. Т. 1, 2.
- Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1900.
- Сукина Л. Б. «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть»: образ смерти в картине мира русского человека XVII в. // Вестник РУДН (История России). 2010. № 1. С. 5—17.
- Lewandowski Th. Das mittelniederdeutsche Zwiegespräch zwischen dem Leben und dem Tode und seine altrussische Übersetzung. Koln—Wien, 1972.
- Skvairs E. Ein unbekannter Druck des Zwiegesprächs zwischen Leben und Tod von Bartholomaus Ghotan. Gutenberg-Jahrbuch, 2005.
- Skvairs E. Bartholomaus Ghotan. Dyaloghus Vite et Mortis. Faksimiledruck. Textbegleitung E. Skvairs. Magdeburg, 2006.

⁷ Музей изобразительных искусств Карелии (<http://artmuseum.karelia.ru>), см.: [Брюсова, с. 163—164].

А. Е. Соболева (ИРЯ РАН)

О РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА ЖИТИЯ АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО¹

Александр Свирский — единственный святой в истории христианства, удостоенный явления Святой Троицы (в 1508 г.) — основатель и первый настоятель Троицкой обители; был канонизирован на Соборе 1547 г. как общерусский святой [Голубинский, с. 100—101]. В 1560 г. юго-восточный малый придел Собора Покрова Пресвятой Богородицы на Красной площади был освящен в его честь². Житие святого написано в 1545 г. его учеником Иродионом для Великих Миней четви³. Долгое время научная литература была в основном посвящена историческим и литературным особенностям Жития. Первые собственно текстологические разыскания были предприняты В. И. Охотниковой, описавшей варианты текста, различающиеся составом чудес, и Л. Сиилин, изучавшей графико-орфографические особенности списков [Охотникова, с. 10—18; Сиилин].

От XVI—XVII в. сохранилось около 200 списков Жития. Насколько свидетельствует пословная сверка, текст не только активно переписывался, но и переделывался, претерпевая различные стилистические изменения. Исследование списков XVI—XVII в. позволило нам говорить о существовании нескольких редакций Жития [Соболева, 2010; Соболева, 2011; Соболева, 2013].

Печатный вариант текста (по изданию 1818 г.) существенно отличается стилистически от Минейной редакции Жития⁴, кроме того, содержит некоторые фактические изменения (например, боярин Андрей Завалишин, первый ученик Александра, в печатном варианте носит титул дворянина). Пока встретилось две рукописи, содержащие схожий текст, обе конца XVII — начала XVIII в. Эта редакция была названа нами Украшенной редакцией, к ней относится текст Жития по спискам РГБ. ОИДР. 406 и БАН.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 15-34-01277).

² Подробно о почитании Александра см., например: [Сиилин, с. 20—22].

³ Иродион сообщает о времени написания текста в самом Житии.

⁴ К ней мы относим тексты Жития, не имеющие серьезных сюжетных и стилистических отличий от текста в Успенском своде ВМЧ по списку ГИМ. Син. 997.

П.И.А. 45. Рукопись П.И.А 45 представляет собой конволют: первая часть (до слов и невозмохом достигнѣти) XVIII в., содержит обновленный текст; вторая часть, не имеющая существенных отличий от Минейной редакции, относится к третьей четверти XVII в. Рукопись ОИДР. 406 датируется XVIII в.; судя по владельческой надписи (*Сия книга Санктпетербургскаго купца Тимофея Семенова Канаева*), северного происхождения; содержит полный текст Украшенной редакции.

В предисловии к переводу текста Жития (издание 1905 г.)⁵ замечено, что в Главной описи Александрo-Свирского монастыря 1903 г. упомянуты рукописи с Житием Александра Свирского, № 35 и 36, а предыдущие издания «на славянском языке» изданы по монастырской рукописи № 36⁶. Из этого же примечания известно, что рукопись № 36 содержала писцовую запись «А писавый сие житіе Александрова монастыря по обѣщанію своему въ домъ Пресвятыя Троицы и Чудотворца Александра нѣкто отъ убогихъ Крылошанинъ канонархъ монахъ Иосафъ постриженникъ тоя честныя обители родомъ Московскій своєю рукою недостойною лѣта 1715 Сентября дня 20».

Соответственно, Украшенная редакция появилась не позднее 1715 г. Является ли монах Иосаф ее автором, или только переписчиком, сказать пока трудно, зато можно отметить литературный талант автора редакции. Стилистической обработке подвергся весь текст: устаревшие слова, вышедшие из употребления формы заменены актуальными, особое внимание уделено риторической стороне текста. Житие Иродиона написано в аскетичной манере, в которой действие преобладает над эмоционально-экспрессивным компонентом, под пером же автора этой редакции оно становится украшенным возвышенными эпитетами, замысловатыми сравнениями, изобилует сложными словами (например, *доброевостходною лествицею, светолпныхъ уст*). В текст введены дополнения, пояснения. По этой причине мы называем эту редакцию Жития Украшенной. Текст ее разбит на дополнительные подзаголовки (например, *о научении грамотъ блаженнаго отрока; о беседе со иноки валамского монастыря*). Состав чудес в этой редакции: 7 прижизненных и 15 посмертных.

Описанные направления работы редактора можно проиллюстрировать на примере повествования о родителях преподобного Александра (дополнения подчеркнуты).

Син. 997	ОИДР. 406, П.И.А. 45
Сего же блжнаго ѡтрока ѡцъ бѣше именовъ стефа жительство же имъ бѣше ѿ предълѣз славнаго и великаго новаграда	Сего же блаженнаго отрока преподобнаго отца нашего Александра родители избраннаго двоица Стефанъ и васса яко благоплодовитии лозие сподобльшесѣ произвести пресадкии и втешениа тезоименитыи гроздь живыхъ в предълѣхъ великаго новаграда

Текст Украшенной редакции восходит к Минейной. Именно этот обновленный текст лег в основу печатного варианта Жития, опубликованного по одной из монастырских рукописей.

Литература

- Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е. М., 1903.
 Охотникова В. И. Житие Александра Свирского в списках XVI века. Текст и словоуказатель / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2002. С. 10–18.
 Сиблин Л. Отражение графико-орфографических норм церковнославянского языка в житийной литературе второй половины XVI в. На материале Жития Александра Свирского. Joensuu, 2001.
 Соболева А. Е. К текстологии Жития Александра Свирского: загадка списка РНБ Тит. № 302 // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4–2. С. 730–732.
 Соболева А. Е. О двух вариантах проложного Жития Александра Свирского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 104–105.
 Соболева А. Е. О Краткой редакции Жития Александра Свирского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 89–97.

⁵ Житие и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Александра Свирского. Перевод со славянскаго языка. Изд. первое Александрo-Свирскаго монастыря. СПб., 1905. С. 5–7.

⁶ Там же. С. 7.

Я. Г. Солодкин (Нижевартовский гос. ун-т)

ОБ ИСТОЧНИКАХ ДВУХ ОРИГИНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ РЕМЕЗОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

Созданная на рубеже XVII–XVIII в. Ремезовская летопись (далее – РЛ) содержит немало оригинальных свидетельств по ранней истории присоединения Сибири к России. Из этих свидетельств, пожалуй, чаще других исследователи оперируют сообщениями тобольского «изографа» Петровской эпохи о событиях 1590 и 1591 г.

Согласно 127-й статье РЛ, Кучум «всегда покушаяся» на заложенный русскими «именитый град», вскоре превратившийся в столицу Сибири, но «за страхом не смеяше», однажды же, 23 июля 1590 г.,

¹ Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

«идти хотяще подъ Тоболескъ», внезапно напал «под полки агарень», перебив своих, и быстро бежал в степь; «паки покушаяся на град», хан, которого обуял «страх и трепет и ужас», не рискнул двинуться к Тобольску, а лишь разорил «агарянские веси Каурдацкую и Салинску»². Год спустя, 8 июля, о чем мы читаем в следующей статье РЛ, услышав «жалобу» (очевидно, жителей волостей, пострадавших от набегов Кучума), тобольский воевода князь В. В. Кольцов-Мосальский, «собрався с ратными и с тарскими и с татари... гна в следъ Кучюма», 1 августа напал на него в степи близ реки Ишима на озере Чиликуле, «побиша многих и взяв многий плен», включая сына и двух ханских жен, и вернулся «з богатствомъ и съ конми»³.

Этот рассказ нетрудно сблизить с одной из последних глав Есиповской летописи (далее — ЕЛ) — «О смерти царя Кучюма, идеже скончася». Как утверждает «слогатель», являвшийся дьяком трех крыду тобольских владык, после бегства «с царства своего в поле» хан, захвативший власть в юрте, где до этого правили Едигер и Бекбулат, «многажды... покушашеся... поплнити агарянские грады сибирския»; некогда он подошел к Иртышу, «еще не близ града Тоболска, и абие нападе на нь трепет и ужас»; Кучум смог разорить тогда лишь «немногия веси агарянския и бежа»; об этом вскоре узнали в Тобольске, и «русский вой... погнаша вслед его (Кучума. — Я. С.), и постигоша близ поля... воя царя (сибирского. — Я. С.) побиша и две цариц[ы] и сына царевича взяша, и множество богатства приобретаюша»; хан из своего улуса бежал «в Колмыцкую землю», а потом «в Нагаи», где был убит⁴. По определению Н. А. Дворецкой, здесь Савва Есипов «излагает», но «весьма абстрагированно», не называя воеводу и обходясь без датировки, события августа 1598 г. (тогда сибирский «салтан» потерпел окончательное поражение) [Дворецкая, с. 64]. (Впрочем, «в духе книжной риторики» создатель ЕЛ мог переработать не «документальный материал», как представлялось исследовательнице, а воспоминания служилых людей «о побое Кучюмове».)

Интересующая нас глава «гистории» Есипова повторена в ее Распространенной редакции, порой с указаниями на разорение ханом татарских деревень возле Тобольска либо «пленение» «весей»⁵. Не раз отмечалось, что Ремезов обращался именно к этой редакции ЕЛ. Примечательно, что в сопутствующем ей «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири и по взятии ее» говорится о воеводстве князя В. В. Кольцова-Мосальского в Тобольске в 7098 и 7099 г.⁶ Видимо, поэтому в РЛ и отнесены к тому времени походы Кучума в сторону Тобольска и разгром хана на Ишиме. (Благодаря «разрядам» и одному боярскому списку известно, что В. В. Кольцов-Мосальский управлял будущей сибирской столицей в 1588—1590 г.). Об участии же тарских служилых людей в походе до озера Чиликула (ошибочность данного сообщения отмечал уже Г. Ф. Миллер) Ремезов скорее всего писал, следуя статье «Описания...», об экспедиции 1598 г.⁷, которой вопреки «Истории Сибирской» предводительствовал не воевода князь И. Мосальский, а письменный голова А. М. Воейков. Про опустошение же Кучумом Каурдацкой (она находилась в Тарском уезде⁸ [Дворецкая, с. 121, 156]) и Салинской (Сальмской) волостей Ремезов, быть может, сообщил на основании показаний местных жителей.

Литература

Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984.

Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

Шашков А. Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 8. С. 18—21.

² Утверждение о появлении Кучума под Тобольском в 1590 г. [Очерки, с. 124; Шашков, с. 19], основанное на известии С. У. Ремезова, не отличается точностью.

³ Сибирские летописи. СПб., 1977. С. 350—351, 440—441.

⁴ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 69—70.

⁵ Там же. С. 187, 254—255, 313, 366.

⁶ Там же. С. 139, 190, 259, 315, 345, 368, ср. с. 74, 98.

⁷ Там же. С. 98, 142, 190, 191, примеч. 20—23; С. 259, 316; Сибирские летописи. С. 351—352, 442 и др.

⁸ РИБ. СПб., 1884. Т. 8. С. 433, 668, 670.

Е. Г. Сосновцева (ИЛИ РАН)

ЖИТИЕ АДРИАНА И ФЕРАПОНТА МОНЗЕНСКИХ: РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ, КОМПОЗИЦИЯ, ЯЗЫК ПАМЯТНИКА¹

Житие Адриана и Ферапонта Монзенских, согласно мнению М. Д. Каган, создавалось на протяжении почти 20 лет, в 1624—1645 г., и описывает события конца XVI — начала XVII в. [Каган, с. 327—328].

Отступление от канонической житийной композиции, распространение текста за счет биографических, бытовых, исторических подробностей характерны для этого произведения, как и для других агиографических памятников XVII в. [Каган-Тарковская, с. 124—125]. Другой особенностью можно считать неточности, допущенные при датировке описываемых событий. Многие анахронизмы отмечены В. О. Ключевским [Ключевский, с. 271]. В результате время основания Костромского Благовещенского монастыря определяется лишь приблизительно (80—90-е годы XVI в.). М. Д. Каган называет шесть списков Жития, памятник не издан [Каган, с. 329].

В целом текст Жития ориентирован на соблюдение норм церковнославянского языка: его составитель регулярно употребляет ряд книжных оборотов и грамматических форм, например: «и

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант 14-18-03668.

живяше в пустыни тои, прилагаше труды ко трудом» (РНБ. Вяз. Q. 281. Л. 38 об.); «Времени же нѣкоему мимошедшу, и приближися время святого и великаго поста» (Там же. Л. 42); «инии глаголаху ему: сгрѣшилъ еси, хулу глаголахъ на преподобнаго Ферапонта и милостыни не послахъ в монастырь» (РНБ. Тит. 3501. Л. 103). При этом следует отметить, что, во-первых, появление в тексте книжных элементов в ряде случаев связано с воспроизведением житийных топосов; во-вторых, хотя автор стремится использовать сложную систему прошедших времен, в Житии нередко встречаются аграмматичные формы простых претеритов.

Особенностью композиции Жития является то, что чудеса Ферапонта не помещены в конец произведения, а включены в общее повествование; многие из них описывают повседневную жизнь монастыря. Так, в одном из эпизодов святой Ферапонт помогает корабельщикам: он сидит на корме и сам правит стругами. Однако когда приходит черед некоего Вавилы, который не послал в монастырь «соль и сребреницы», святой покидает корабль, а вместо него появляется юноша «съскуша мечемъ ужа ихъ, ими же держажу стругъ, стругъ же той вляшася волнами и бияшеса о камение» (Тит. 3501. Л. 102 об.). Эпизод соотносится не только с другими чудесами о спасении на море, но и с рядом фольклорных текстов. Согласно [Андреев; Сравнительный указатель сюжетов], сюжет АТ 1045: «Угроза морщить озеро веревкой» — обнаруживается в русских, белорусских и украинских сказках, обычно в сочетании с другими сюжетами сказок типа «хозяин и наемный работник» [Мелетинский]. Так, в сказках Афанасьева № 150–152 батрак садится на берегу водоема и вьет веревку, пока из воды не показываются черти, которых герой обманом заставляет платить оброк. Г. А. Левинтон, комментируя известный эпизод из «Сказки о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина, указывает на его возможную связь с поверьем, что только колдуны знают, чем занять чертей, в том числе плетением веревки из воды и песка [Левинтон]. Кроме того, мотив веревки соотносится с представлениями об обрядах подчинения воды (веревка используется в качестве магического предмета) [Березович, Родионова]. Таким образом, в рассматриваемом чуде прослеживается связь с такими фольклорными мотивами, как заклинание воды, обман нечистой силы и сбор дани. Святой Ферапонт обращает свой дар управлять водной стихией на пользу обители: он и наказывает провинившегося купца, и спасает его от гибели. При этом само чудо, по-видимому, иносказательно описывает деловую/хозяйственную сторону деятельности монастыря, расположенного на берегу реки, по которой проходил торговый соляной путь.

Литература

- Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Березович Е., Родионова И. «Текст чѣрта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов // Между двумя мирами: Представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции. (Академическая серия. Вып. 9). М., 2002. С. 7–44.
- Казан М. Д. Житие Адриана и Ферапонта Монзенских // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. I. СПб., 1992. С. 326–330.
- Казан-Тарковская М. Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 122–132.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003.
- Левинтон Г. А. Отрывки из писем, мысли и замечания (Из пушкиноведческих маргиналий) // Пушкинские чтения в Тарту 2: Мат-лы Международной научной конференции. Тарту, 2000. URL: http://www.ruthenia.ru/document/365093.html#p_r (дата обращения: 23.05.2015).
- Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990.
- Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.

А. Н. Старицын (ИНИОН РАН)

РУЧЬЕВСКИЕ ПРЕПОДОБНЫЕ И РУЧЬЕВСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПУСТЫНЬ

В Двинском уезде на Зимней стороне в вотчине Антониево-Сийского монастыря существовала пустынь, основанная на реке Ручьи¹ старцем Никандром. В показаниях доносчика соловецкого старца Иоасафа о Никандре говорилось, что он «с соловецкими ворами единокоренный друг и во всем с ними единомышленник»². Из этих слов видно, что Иоасаф не причислял Никандра к соловецким монахам. С большим основанием позволительно думать, что Никандр был постриженником Антониево-Сийского монастыря, которому принадлежал рыбный промысел в Ручьях. По всей вероятности, Никандр жил (может быть, в качестве приказного старца) в ручьевском рыбном промысле, и к нему стали приезжать монахи, придерживающиеся одинаковых взглядов на реформу. Так образовалась пустынь. В Ручьях (на расстоянии 1 км от устья реки) до 1677 г. находились под спудом мощи местночтимых святых Исайи и Никанора, над которыми были устроены гробницы. Сийские монахи — приказчики рыбного промысла почитали их память и ухаживали за гробницами: «И положил яз те денги осми алтын две денги прибавком на покровы гробницам в Ручаях»³. Монастырские промысловые строения, давшие начало деревне Ручьи, располагались на расстоянии 1 км от устья реки Ручьи, следовательно, недалеко от захоронения. Почитание ручьевских святых во второй половине XVII в. стало распространяться среди местного населения, которое не приняло церковные

¹ Существует несколько вариантов произношения названия реки и одноименной деревни: Ручьи́, Ручьи́, Ручья́.

² Производные от них: Ручье́вский, Ручьвско́й, Ручье́вские, Ручьевские.

³ РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. 1670 г. Д. 5. Л. 132.

⁴ РГАДА. Ф. 1196 (Антониево-Сийский монастырь). Оп. 3. Д. 108. Л. 3.

изменения и поддерживало старца Никандра и его товарищей, имевших пристанище поблизости. Стали известны чудесные случаи, связанные с ручьевскими преподобными. В 1665 г. священнику церкви Рождества Богородицы в Золотицкой волости Симеону (Самсону) было видение. Ему явился светлый муж и открыл, что в Ручьях почивают инок Исая и священноинок Никанор [Кириллов, с. 18]. В том же году житель Золотицкой волости Федор Федотов был застигнут бурей в море, и после молитвы к преподобным иноку Исаяе и с ним почивающему безымянному иноку (имя Никанора долго оставалось неизвестным) поморское судно благополучно достигло берега [Кириллов, с. 18–19]. Среди свидетелей чудес ручьевских пустынножителей Исаяи и Никанора оказались люди, приверженные старине, — непримиримый борец с новинами священник Самсон и Федор Федотов Попов, который проживал в Золотицкой слободке⁴ по соседству со своим родственником известным старовером Ларионом Ивановым Поповым [Верюжский, с. 93–94] и, вероятно, сочувственно относился к старой вере. Чтобы ослабить влияние староверов на население, церковное начальство решило удалить из опасного региона почитаемые святые⁵. Это было сделано 10 сентября 1677 г. черными священниками Никодимом и Лаврентием и черным дьяконом Иосифом. В официальных документах указывалось, что пустынножители священноинок Исаяи и священноиерей Никанор погребены на пустом месте «ником не брегомы» [Макарий, с. 68–69]. На это обстоятельство (как выяснилось ложное) указывалось как на причину, на основании которой мощи святых были перенесены из Ручьев в Антониево-Сийский монастырь в сентябре 1677 г., причем предписывалось «а святости никакия на них до подлиннаго свидетельства не налагать» [Макарий, с. 109–110]. Несмотря на запрещение митрополита Корнилия почитать их святыми, надпись на плите в стене монастырской усыпальницы гласила, что здесь почивают «мощи святых пустынножителей». Поминование ежегодно совершалось сийскими монахами 24 сентября [Кириллов, с. 21]. Логично связать неожиданно проявленный интерес представителей церковной власти к местным святым с деятельностью старообрядческой пустыни, образовавшейся поблизости от места захоронения Исаяи и Никанора Ручьевских. Во время блокады царскими войсками Соловецкого монастыря ручьевский старец Никандр занимался поставкой продовольствия в осажденный монастырь. Его видели в монастыре в 1671 г.⁶ В Ручьевской пустыни у Никандра проживали несколько монахов, имена некоторых из них назвал холмогорский архиепископ Афанасий в грамоте от 20 октября 1690 г. (пустынь упомянута в грамоте уже как бывшая): Евфросин, Варсонофий, Феодосий [Верюжский, с. 84]. Среди соловецких монахов в 1669 г. были известны заводчики мятежа будильник Феодосий и больничный старец Феодосий Ханжа, в Кемь до 1671 г. числился приказный старец Варсонофий⁷. Однако чтобы утверждать, что именно указанные монахи оказались позже в Ручьях, нет весомых аргументов. В пустыни у Никандра жила монахиня по имени Зосима. В 1671 г. в пустынь приезжали посланники Степана Разина с Дона 5 казаков: Петр, Лука, Яким, Афанасий и еще один, имя которого не указано. Они останавливались у Никандра по дороге на Соловки. Один из казаков Петр остался на Соловках пушкарем, а остальные вернулись на Дон⁸. Неизвестно, сколько лет просуществовала Ручьевская пустынь как оплот староверов. Можно предположить, что она подверглась разорению в 1677 г., так как в мае этого года Никандр был отправлен на Кольский полуостров приказчиком Пулонского рыбного промысла, а в сентябре из Ручьев были вывезены мощи местночтимых святых. Чернец Варсонофий после разгона пустынников обитал в лесах Золотицкой волости, переходя с места на место (о нем упоминали в 1690 г.) [Верюжский, с. 82].

Литература

Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века. Церковно-исторический очерк. СПб., 1908.

Кириллов А. Подвижники благочестия, почивающие в усыпальнице Антониево-Сийского монастыря. Изд. 2-е. Архангельск, 1902.

Макарий, еп. Архангельский и Холмогорский. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // ЧОИДР. 1878. Кн. III. С. 1–122.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15051. Л. 677; Ф. 1196. Оп. 3. Д. 204. Л. 20.

⁵ Близкое к этому мнение высказывал А. Кириллов [Кириллов, с. 20].

⁶ РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. 1670 г. Д. 5. Л. 131–132, 135.

⁷ РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. 1669 г. Д. 5. Л. 18, 20, 25, 330.

⁸ РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. 1670 г. Д. 5. Л. 136–137.

Е. В. Столяров, А. М. Колоколов (ГМЗ «Куликово поле»), А. В. Шеков (ТПГУ)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КОНЦА XIV – XV в. С ПОСЕЛЕНИЯ УПА 4 В ЧЕРТЕ ТУЛЫ ПО РАСКОПКАМ 2014 г.

Памятник был выявлен в 1987 г. разведкой Р. В. Клянина [Клянин, л. 16–17]. Поселение расположено на юго-восточной окраине Тулы в 1,1 км к юго-востоку от кремля XVI в. Оно занимает оконечность мысового участка левого берега р. Упы (правый приток р. Оки). Площадь распространения подъемного материала составила 90 x 150 м. В 1991 г. памятник обследовался отрядом Тульской археологической экспедиции под руководством В. П. Гриценко [Гриценко, л. 83]. Ю. Г. Екимовым на территории восточной, наиболее подверженной разрушению, части памятника в 1992 г. был заложен раскоп 1 площадью 392 м² [Екимов, л. 19]. В 2013 г. состояние и границы памятники были уточнены А. М. Воронцовым.

В 2014 г. Е. В. Столяровым на поселении Упа 4 были заложены два раскопа (№ 2–3) общей площадью 1152 м². Полученные материалы позволили выделить несколько этапов в истории существования

поселения — от каменного века до Средневековья. Но наиболее ярко были представлены материалы конца XIV — XV в.

К этому времени были отнесены 13 построек, котлованы от которых были зафиксированы на уровне материковой поверхности. Особенно уникальны найденные остатки трех гончарных горнов ямного типа. Гончарные горны XVI—XIX в., сложенные из кирпича, прекрасно представлены в материалах раскопок последнего времени (2013—2014 г.) на территории бывшей Гончарной слободы Тулы. Горны более раннего времени, аналогичные найденным на поселении Упа 4, известны не были. По фрагментам керамической посуды из заполнения горнов и предгорновых ям объекты датируются концом XIV — XV в.

Предметы материальной культуры, полученные в ходе раскопок 2014 г., можно разделить на несколько категорий: 1) предметы быта — серп, кухонные ножи, точильный брусок, рыболовный крючок, кресало, пряслица и грузила, дужки от ведер; 2) предметы вооружения — наконечники стрел и арбалетные «болты»; 3) украшения — наконечники ремней, привески (прорезная и монетовидная), перстни и пряжки, пуговицы и различные накладки. Период бытования этих вещей в целом совпадает с датировкой керамического материала.

Следует отметить нумизматические находки, часть которых была найдена в ямах¹. Среди монет — дирхемы, в том числе обрезанные, и подражания джучидским денгам ханов Узбека, Джанибека, Тохтамыша и Шадибека (последняя четверть XIV — первая четверть XV в.), а также денга Великого княжества Рязанского (вторая половина XIV — первая четверть XV в.). К более позднему времени — эпохе Ивана IV Грозного — относятся находки московских денги (1547—1584 г.) и пула с изображением сирены (30—70-е годы XVI в.). Интересна находка шведского солида Карла X Густава (Рига, 1654—1660 г.).

Массовый археологический материал из комплексов представлен многочисленными фрагментами круговой, преимущественно белоглиняной керамики без визуально заметных примесей. Факт обнаружения горнов свидетельствует о том, что до времени строительства каменного тульского кремля в первой четверти XVI в. на ближайшей к нему территории существовало поселение с развитым керамическим производством. Поэтому истоки тульской гончарной традиции XVI в. следует искать не только в образцах московской белоглиняной керамики или керамики «коломенского типа», а возможно, в местном керамическом материале, ярко представленном находками из горнов и построек на поселении Упа 4.

Плотная застройка поселения (по планиграфии раскопов 1—3) и находки предметов вооружения, особенно арбалетных «болтов», не характерны для рядовых сельских поселений эпохи Средневековья. Дополняют эту картину материалы расположенного в 300 м к северу-западу от поселения Упа 4 поселения Упа 3а. Там, в одной из построек XV в., была найдена шестерня натяжного механизма арбалета. Видимо, данные памятники представляли собой поселенческий комплекс особого статуса, который был связан с устройством переправы через Упу или мыга (таможни).

Литература

Гриценко В. П. Охранные археологические исследования в г. Тула и Тульской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16555.

Екимов Ю. Г. Раскопки на поселении Октябрьское 5 и поселении Упа 4 в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17159.

Клянин Р. В. Отчет об археологических работах отряда Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого в Веневском районе Тульской области и в г. Тула в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12094.

¹ Авторы выражают огромную благодарность с. н. с. ГИМ В. В. Зайцеву за определения нумизматических находок.

С. В. Стрельников (СПбГЭУ)

О ТРЕХ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ XV в. НА ДВОР В РОСТОВЕ

Среди работ последних лет, имеющих отношение к политической истории Ростовского княжества XIV—XV в., хотелось бы выделить исследование С. В. Городилова, посвященное трем жалованным грамотам Троице-Сергиеву монастырю на двор в Ростове (см.: [Городилин]).

Первая из грамот — грамота великого князя Василия II игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию — была датирована публикаторами периодом 1432—1445 г. (№ 98). Вторая — грамота Василия II Троице-Сергиеву монастырю без указания имени игумена — датирована более широким периодом 1432—1462 г. (№ 107). И, наконец, третья — грамота великой княгини Марии Ярославны игумену Спиридонию — датирована 1467—1474 г. (АСЭИ. Т. I. № 349). Грамоты № 98 и № 349, датированные по настоятельствам игуменов Зиновия и Спиридония, фиксируют в Ростове наместничью систему управления. А грамота № 107 отражает уникальный институт двоевластия, не имеющий аналогов в средневековой Руси, — суд ростовских князей и великокняжеских «вопчих» судей и их тиунов. Первые две грамоты дошли до нас по спискам копиям книг, и лишь третья сохранилась в подлиннике.

С. В. Городилин, отвергая иные датировки грамот и уточняя существующую, проводит сравнение текстов всех трех жалованных грамот и приходит к выводу о значительном текстуальном совпадении грамот № 107 и № 349, несмотря на их расхождения в объекте пожалования и различиях в системе управления и судостроительства.

Здесь нужно заметить, что, проводя текстологические сравнения, в том числе и гипотетически реконструируя (по смыслу и по грамоте № 349) недостающий фрагмент грамоты № 107, С. В. Городилин

не привлекает другие списки грамоты, известные по троицким копийным книгам 528 и 529, в которых наблюдаются заметные отличия от списка копийной книги 527, взятой публикаторами грамоты за основу. Исходя из последовательности появления всех трех жалованных грамот, С. В. Городилин реконструирует события в Ростове следующим образом. В период 1432–1444 г. ростовские князья полностью отстраняются от судебного управления Ростовом и заменяются великокняжескими наместниками (грамота № 98). При этом мнение старожильцев, помнивших существование уже купленного двора в Ростове за 50 и 60 лет до судного дела 1493–1495 г. и за 10 лет до Суздальского боя (то есть в 1435 г.), исследователем отвергается как «не самое надежное». Затем в 1444–1446 г. происходит частичная реставрация в Ростове судебной власти ростовских князей, которые судят совместно с великокняжескими «вопчими» судьями и их тиунами. Именно сменой системы управления Ростовом в 1444–1446 г. объясняет С. В. Городилин появление грамоты № 107. Сама же система судебного двоевластия просуществовала до 1474 г., когда состоялась продажа ростовскими князьями Ивану III второй половины Ростова, переданной затем Марии Ярославне, которая к этому времени управляла первой половиной. С этими событиями автор связывает выдачу грамоты (№ 349) Марии Ярославны Троице-Сергиеву монастырю в 1474 г., которая отразила восстановление в Ростове наместничьей системы управления.

Для подтверждения подобной последовательности выдачи жалованных грамот автор привлекает еще один документ, дошедший в копии конца XVIII в., — жалованную грамоту Василия II ростовскому боярину Илье Борисовичу на село Никольское с подтверждениями Ивана III и Марии Ярославны (АЗС. Т. 1. № 66). Следует заметить, что упомянутые подтверждения полностью опровергают всю конструкцию С. В. Городилина. Если село Никольское отнести к ближайшей округе Ростова, то оно должно было быть включено в систему судебного двоевластия, действовавшую в 1444–1474 г. Однако подтверждение Ивана III за подписью дьяка Алексея Полуектова упоминает лишь наместников великого князя. Следующие два подтверждения, уже Марии Ярославны, еще более запутывают ситуацию, так как упоминаются «князи ростовские и наместницы и их тиуны». То есть вместо восстановления наместничьего управления в Ростове образуется опять двоевластие, но уже в новом варианте (вместо «вопчих» судей появляются наместники). При этом автор не дает каких-либо разъяснений данному противоречию.

К концепции С. В. Городилина есть и другие вопросы. Так, жалованные грамоты Василия II и Марии Ярославны на двор в Ростове говорят о подсудности как городских людей, так и станových людей. Если грамота № 107 была составлена в период 1444–1446 г. и действовала до 1474 г., то как объяснить наличие наместничьей и волостельской юрисдикции над городскими и волостными людьми в жалованной грамоте Василия II (от 9 марта 1453 г.) Троице-Сергиеву монастырю на деревни в Рождественском стане Ростовского уезда (АСЭИ. Т. I. № 243)? Как видим, никаких ростовских князей и великокняжеских «вопчих» судей в данное время мы не наблюдаем.

Литература

Городилин С. В. Три жалованные грамоты на Ростовский двор Троице-Сергиева монастыря: к вопросу о судоустройстве в Ростове XV в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». Дружья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сб. статей. М., 2014. С. 269–316.

Л. Б. Сукина (УГП имени А. К. Айламазяна)

ФЕДОРОВСКИЙ СОБОР ОДНОИМЕННОГО МОНАСТЫРЯ В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕСКОМ: К ИЗУЧЕНИЮ ПРАКТИКИ ЦАРСКОГО БЛАГОЧЕСТИЯ В ЭПОХУ ИВАНА ГРОЗНОГО

В историографии широко распространено мнение об особой благочестивости первого русского царя Ивана Васильевича. Его благочестие, по мнению историков, нередко принимало своеобразные формы и может служить дополнительной характеристикой противоречивости образа и модели поведения Грозного (А. А. Зимин, С. Б. Веселовский, Б. Д. Кобрин, Б. Н. Флоря, Р. Г. Скрынников, И. Я. Фроянов, А. Л. Юрганов и др.). Однако сама практика проявления благочестия Иваном Грозным, его семьей и ближайшим окружением по существу изучена слабо. В исследованиях повторяются одни и те же факты, которые могут быть по-разному интерпретированы, но вписать их в общий контекст почти никогда не удается ввиду отсутствия самого контекста. Его реконструкция — задача непростая, требующая кропотливой работы с источниками. При этом обращения только к письменным источникам будет явно недостаточно по причине их неполноты в отношении обозначенной проблематики. Хорошим подспорьем в таком исследовании могут послужить достаточно неплохо и в немалом количестве сохранившиеся до нашего времени памятники архитектуры, иконописи и прикладного искусства эпохи Ивана Грозного. В настоящей работе я попытаюсь воссоздать лишь один эпизод практики царского благочестия, рассмотрев историю строительства и украшения Федоровского собора одноименного монастыря в Переславле-Залесском.

Со времен государя Ивана III Переславль-Залесский с окружавшими его обителями, по неоднократным свидетельствам летописей, был почти неперемной частью «программы» богомольных походов великих князей Московских по сухопутному и водному пути, связывавшему столицу с Русским Севером. И во многих из переславских монастырей сохранились следы великокняжеского благочестия.

Пригородный Федоровский монастырь находился на выгодной позиции — с южной стороны города, вблизи разветвления Северной Московской дороги на Александрову слободу и Троице-Сергиеву монастырь [Смирнов, с. 19]. Время его основания неизвестно. Согласно монастырскому преданию, он стоит на месте битвы между московской и тверской ратями, состоявшейся в день Федора Стратилата 8 июня 1304 г. В письменных источниках монастырь впервые упоминается под 1511 г. [Свирилин,

с. 27]. Это позволяет утверждать, что в период участвовавших при Василии III и Иване IV государевых богомолий Федоровская обитель уже существовала и первой встречала великокняжеский или царский поезд, независимо от того, двигался ли он от Троицы или из Александровой слободы.

Василий III не выделял особо Федоровский монастырь своей благотворительностью. В то время как в Успенском Горицком, Троицком Даниловом и Никитском монастырях Переславля при нем были построены каменные храмы, строения Федоровской обители оставались полностью деревянными. Время ее расцвета наступило при Иване Грозном. Постройку сохранившегося до нашего времени каменного Федоровского собора местное предание, зафиксированное в бумагах монастыря, связывает с рождением в расположенном недалеко от Переславля селе Собилове царевича Федора Ивановича. Поэтому в работах историков архитектуры принятой датировкой строительства собора является 1557 г. [Воронин, с. 32]. Однако в источниках нет упоминаний о богомольном походе царской четы в Переславль в мае 1557 г., когда родился царевич. Иван Грозный с Анастасией Романовной приезжали сюда 1 сентября 1556 г., за девять месяцев до указанного счастливого события. Вероятно, собор был построен «по обещанию», но строительство этого большого по размерам здания вряд ли было завершено за одно лето. Возводя собор в уже существующем монастыре, Иван Грозный придерживается установления Стоглавого собора 1551 г., рекомендовавшего не основывать без нужды новых храмов и обителей, а заботиться о тех, что уже наличествуют. Царь побеспокоился и о внутреннем убранстве собора. Сохранились шесть икон нижнего ряда его иконостаса, в числе которых и храмовый житийный образ Федора Стратилата¹, уже привлекавший внимание исследователей [Сорокатый].

Строительство и украшение Федоровского собора по времени совпадает с грандиозными работами, осуществлявшимися по царскому заказу в переславском Никитском монастыре. Сопоставление двух «проектов» реализации государственного благочестия позволяет уточнить некоторые нюансы благотворительности Ивана Грозного в пользу прославленной обители, обладающей мощами чтимого в общерусских масштабах святого, и более скромного монастыря.

Литература

Воронин Н. Н. Переславль-Залесский. М., 1948.

Свирелин А. И. Переславский Федоровский женский монастырь. Владимир, 1903.

Смирнов М. И. Переславская ямская дорога (к истории путей сообщения Московской Руси) // Доклады ПЕЗАНПРОБ. Переславль-Залесский, 1919. Вып. 6. С. 3–12.

Сорокатый В. М. Икона «Федор Стратилат в житии» в Кольбенштайберге (Германия) // Ферапонтовский сборник VI: Антология. М., 2002. С. 190–222.

¹ 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки. М., 1988. С. 346.

А. Е. Тарасов (МГУ)

О ПОСВЯЩЕНИЯХ ХРАМОВ В ГОРОДАХ, НАЗВАННЫХ В ЧЕСТЬ ПРАВИТЕЛЕЙ (конец XV – XVI в.)

В 1492 и 1523 г. на рубежах Московского государства были выстроены крепости Ивангород и Васильгород, названные в честь правящих государей Ивана III и Василия III соответственно. В Ивангороде не позднее 1498 г. появляется Никольский храм¹, а в Васильгороде одновременно с его основанием — Покровская церковь, имевшая Архангельский и Никольский приделы².

Как показал А. Г. Мельник на примере крепостей Ивангород-на-Себеже и Царев-Борисов, в XVI в. строительство города, названного в честь правителя, сопровождалось возведением храма, престол которого освящался во имя небесного покровителя этого государя [Мельник, с. 38–48]. К данному наблюдению можно добавить пример крепости Борисов городок с Борисоглебской церковью в нем [Виноградова, с. 46]. Церкви Ивангорода и Васильгорода свидетельствуют об ином принципе освящения их престолов. Каков же он?

Княжение Василия III отмечено усиленным строительством храмов во имя праздника Покрова Богородицы, который имел градозащитное значение [Мильчик, Петров, с. 157; Лихачев, с. 17–23]. Особый воинский смысл несло и посвящение приделов Покровского храма Васильгорода. Известно, что почитание святителя Николая Чудотворца издревле тесно переплелось с культом архангела Михаила. При этом Никола Угодник часто отождествлялся с архангелом Михаилом, перенимая у него свойство покровителя ратного дела [Успенский, с. 6, 29]. Следует добавить, что главной святыней Васильгорода, находившейся непосредственно в Покровской церкви, являлась чудотворная икона преподобного Варлаама Хутынского (известна не позднее 1642 г.), а сам преподобный Варлаам считался покровителем города [Кудрявцев, с. 27, 88, 93]. Преподобного чрезвычайно почитал Василий III.

Строительство в городе, названном именем правителя, храма в честь особо чтимого данным правителем праздника (святого) объясняет и посвящение Никольской церкви Ивангорода. Известно, что Иван III относился к святителю Николаю Чудотворцу с особым вниманием, и даже дал ему некий обет³ [Борисов, с. 351]. Первоначально данный обет мог определяться восточной политикой Ивана III

¹ Новгородские писцовые книги. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886. Т. 4. Стб. 227.

² Нижегородский летописец / Публ. А. С. Гациского. Нижний Новгород, 1886. С. 32 (Археографический список).

³ Русский феодальный архив. М., 1987. Вып. 2. № 71.

[Тарасов, с. 29–36]. В последние годы жизни Ивана III связывали с Николаем Чудотворцем особые узы. Согласно списку новгородской Уваровской летописи из собрания БАН, в 1502 г. Иван III вывез из Новгорода «великого чудотворца Николу чудотворную икону круглую доску... и постави у себе на царском дворе, в церкви Рождества Пресвятей Богородицы» [Смирнова, с. 314]⁴.

Посвящение Никольской церкви необходимо также рассматривать в контексте воинской составляющей культа Николая Чудотворца. Возможно, следует принять во внимание и традицию новгородской Шелонской пятины, в пределах которой находился Ивангород. Для нее существование храмов с Никольскими престолами в XV в. является характерным признаком [Секретарь, с. 281–289].

Итак, в конце XV–XVI в. были две традиции наименования престолов в храмах, которые возводились в новых крепостях, носивших имена их создателей-правителей. Чуть более ранней следует признать традицию, в соответствии с которой главный престол церкви освящался во имя особо чтимого данным правителем праздника или святого.

Литература

Борисов Н. С. Иван III. М., 2000.

Виноградова Т. Борисов городок // Московский журнал. История государства Российского. 2000. № 8. С. 46–49.

Кудрявцев В. Ф. Историческое описание города Васия Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1877.

Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. Материалы и исследования. М., 1985. С. 17–23.

Мельник А. Г. Практика посвящений храмов во имя патрональных великокняжеских и царских святых в XVI веке // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 38–48.

Мильчик М., Петров Д. Успенская церковь Ивангорода и ее венецианские прототипы // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997. С. 124–163.

Секретарь Л. А. Утраченные монастыри Шелонской пятины (корректировка списка, уточнение мест расположения, времени основания и прекращения деятельности) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 281–289.

Смирнова Э. С. Круглая икона св. Николая Мирликийского из Новгородского Николо-Дворищенского собора // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 314–340.

Тарасов А. Е. Дмитрий Донской в восприятии великих князей Московских XV–XVI вв. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 29–36.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

⁴ См. также: ГИМ. Забел. № 261. Л. 408 об.

С. Н. Темушев (Белорусский гос. ун-т)

НАЛОГОВО-ДАННИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ ПО ДАННЫМ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Берестяные грамоты — уникальные источники, в аутентичности которых не приходится сомневаться, — позволяют почерпнуть ценнейшие сведения для определения окладной единицы, разновидностей налогов-дани, содержания и размера податей. Грамоты на бересте убеждают в том, что такие представители государственной администрации, как ябетники, детские, отроки, а также дяки («диаки») были связаны со сбором различных податей (встречаются поралье, погородье, медовое, поногатное). Тексты грамот также содержат прямое указание на объем вознаграждения сборщикам. До половины берестяных грамот относится к домонгольскому периоду, весьма скудно освещенному имеющимися в распоряжении историка письменными источниками. Тем более это важно для изучения проблемы функционирования налогово-даннической системы в домонгольской Руси. Более широкое распространение в Новгородской земле, чем в иных регионах Руси, переписки на бересте напрямую может быть связано с особенностями функционирования ее политической системы в целом и налогово-даннической системы в частности. Довольно рано в Новгородской земле произошло отстранение князя и его администрации от сбора с местного населения и периферийных народов-данников всяческих сборов. Эта функция перешла к местным органам, не связанным с княжеской властью. Если в других регионах единственным адресатом, распорядителем и организатором сбора дани являлся князь, который мог руководить своим административным аппаратом посредством устных указаний, то в Новгородской боярской «республике» произошла своеобразная децентрализация сбора дани. До широкого распространения боярской вотчин принято говорить о корпоративном, государственном землевладении в Новгородской земле. Все это, а также обширность территории Новгородской «республики» вызвало появление письменных распоряжений на дешевом и вполне пригодном для этого материале — бересте.

Еще одно обстоятельство, определившее особенности функционирования налогово-даннической системы в Новгородской земле, потребовавшее координации действий сборщиков дани, в том числе путем письменных распоряжений и их переписки между собой, — наличие обширной периферии из иноэтничного населения, обложенного данью. Инкорпорация «иноязычных федератов» (например, Водской земли) в состав Новгородской «республики» начиналась именно с установления подчиненного положения в форме выплаты дани.

Наиболее существенная особенность берестяных грамот — то, что они являются одновременно вещественными (археологическими) и письменными источниками. Именно в первом своем качестве эти уникальные источники в комплексе с другими археологическими материалами позволяют уточнить эволюцию налогово-даннической системы в Новгородской «республике». Берестяные грамоты и тесно к ним примыкающие деревянные замки-цилиндры позволяют выделить определенные периоды в развитии налогово-даннической системы в Новгородской земле.

Берестяные грамоты содержат по проблеме функционирования налогово-даннической системы следующую конкретную информацию: 1) круг лиц, занимавшихся сбором налогов-дани, 2) формы обложения населения, виды податей, 3) окладная единица, то есть с кого конкретно взимались налоги; 4) содержание, размер и характер дани, 5) процедура сбора и проведение данного мероприятия, а также рекомендации сборщикам, 6) география даннических отношений.

Из надписей на замках-цилиндрах выясняется, что главными должностными лицами в сборе дани являлись представители княжеской дружины — мечники (возможно, их же называли емцами). Но в берестяных грамотах это в основном дяки (грамоты № 640, 739). Может быть, к сборщикам дани следует отнести детского (возможно, грамота № 295, датируемая 1220–1240 г., грамота № 13 из Торжка, кон. XII — нач. XIII в.) и отрока (грамота № 509, 50–70-е годы XII в.). Показательно содержание грамоты № 738, из которой становится понятным, что часть собранной дани в качестве жалованья (оклада) передается княжеским дружинникам (гридям)¹, но ни князь, ни его дружинники не имеют отношения к самой процедуре сбора дани.

Чрезвычайный интерес представляют берестяные грамоты, которые по своему характеру относятся к инструкциям сборщикам дани. Кроме точного указания, с кого, что и в каком количестве собирать (это позволяет определить окладную единицу и размер налогов-дани), иногда в них содержатся рекомендации опытного сборщика, как следует действовать при сборе дани у подчиненных Новгороду народов. Что касается окладной единицы, то берестяные грамоты прямо свидетельствуют о фискальном предназначении десятичной (децимальной) системы.

Таким образом, берестяные грамоты оказываются ценнейшим источником информации по проблеме функционирования налогово-даннической системы в Новгородской земле и в целом в Древней Руси домонгольского периода. В то же время заключенную в них информацию следует учитывать в комплексе с их археологическим контекстом и данными других письменных источников — летописей, актового материала, «Русской Правды».

¹ Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru/index.php?no=788&act=full&key=bb>.

Н. В. Трофимова (МПГУ)

ПОЭТИКА МАЛЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ВОИНСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Вопрос о составе, особенностях и функционировании жанров четвѐй литературы русского Средневековья до сих пор остается спорным. В частности, это касается текстов, входящих в состав эпических произведений и не имеющих отчетливого повествовательного начала.

В древнерусских памятниках разных жанров, в том числе в воинских повестях, встречаются плачи, молитвы, похвалы, представленные то в виде упоминания этих явлений, то как более или менее развернутые тексты. Их жанровый статус в литературоведении не определен, а поэтические особенности не изучены, за исключением плачей, которым посвящена глава монографии В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси», однако наблюдения исследовательницы на данный момент требуют дополнения и развития.

Обратимся к функционированию и особенностям этих текстов в составе воинского повествования. Раньше всего в летописных воинских повестях появляются молитвы, содержащие просьбу о помощи перед битвой. Их можно встретить уже в летописных статьях первой половины XI в. в «Повести временных лет». Затем возникают упоминания благодарственных молитв в повестях XII в., но тексты их авторы начинают приводить только в эпоху Куликовской битвы. Именно эти два типа остаются постоянными, реже встречаются молитвы с просьбой о защите. Молитвы появляются чаще двух других жанров, поскольку их включение тесно связано с пониманием и объяснением книжниками хода событий.

Чуть позже, во второй половине XI в., тоже в рамках «Повести временных лет» начинают использоваться плачи, связанные с выражением печали о погибших в междоусобных битвах, убитых или плененных врагами русских князьях, а затем вообще о погибших воинах. Помимо упоминаний и включения текстов встречаются описания плачей, в которых раскрывается их содержание в форме косвенной речи и передается состояние персонажей, их произносящих.

Молитвы и плачи первоначально произносятся преимущественно главными героями воинских повестей — князьями, реже принадлежат повествователям и группам персонажей, и только начиная с памятников Куликовского цикла появляются женские молитвы и плачи. Количество фрагментов данных жанровых форм с течением времени возрастает, первоначально они вводятся в текст глаголами речи, которые в более поздних памятниках дополняются упоминанием жестов и чувств персонажей, что усиливает их эмоциональную окраску.

В текстах плачей с XV в. определенное место наряду с выражением чувств отводится воспоминаниям или обобщенному рассказу о событиях, что привносит в лирический жанр эпические элементы.

Позже всех появляются и реже всех используются в летописных воинских повестях похвалы, их распространение начинается с XIII в. и достигает своей вершины в воинском повествовании XVI столетия. В большей степени они характерны для внелетописного воинского повествования. Похвалы адресуются князьям и воинству, а также городам. В некоторых случаях в одном тексте объединяются мотивы или композиционные элементы плача и молитвы, похвалы и молитвы, иногда даже похвалы и плача, соединенных антитезой, в результате возникает синтезированный жанр, передающий более многообразные чувства и мысли либо включающий размышления о событиях, изменивших облик города, которому адресована похвала-плач.

Таким образом, в летописных воинских повестях можно различить плач, похвалу и молитву как упоминаемые или описываемые явления и как жанровые формы. В последнем качестве существование их обусловлено назначением: выражением горестных (плач) либо радостных (похвала) чувств, обращением к божественным силам (молитва) — и дополнительным жанровым содержанием: плач может произноситься по поводу гибели или плена, похвала связана с победой над врагами или с подвигами героя произведения, молитва содержит просьбу или благодарность. Все эти жанры вводятся в текст глаголами речи, реже их дополняют описания чувств и состояний произносящих их персонажей.

Эмоционально-лирический характер всех малых жанров создается широким применением разнообразных художественных средств. Прежде всего, это риторические приемы: обращения, восклицания, вопросы, часто дополненные анафорой, синонимическими повторами, ритмически организованные с помощью синтаксически параллельных конструкций, однородных членов. В произведениях активно включаются библейские цитаты, некоторые из них становятся устойчивыми, вводится ретроспективная историческая аналогия с событиями и персонажами библейской и мировой истории. Для молитв основным источником и образцом становится Псалтирь, в плачах и похвалах используются также цитаты из пророческих книг и Апокалипсиса. В текстах раннего времени из числа тропов преобладают традиционные книжные эпитеты, в более поздних широко используются также метафоры и сравнения.

Рассматриваемые малые жанры относятся к лирическому роду, поскольку событийно-повествовательные элементы в них отсутствуют либо минимальны, более или менее значительное место они могут занимать только в поздних образцах плачей.

А. А. Турилов (ИСЛ РАН)

ТВОРЧЕСТВО И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ХУДОЖНИКА-БЕЛЬЦА: ОПЫТ РЕТРОСПЕКЦИИ ПО ДАННЫМ ПРИХОДНОЙ КНИЖКИ ЯРОСЛАВСКОГО ИКОНИКА-СТАРООБРЯДЦА МАКАРА СУНГУРОВА (20-е годы XIX в.)

Приходная книжка ярославского иконописца-старообрядца Макара Борисовича Сунгурова (1768 или 1770 — между 1843 и 1847) [Шемякин, с. 135–136], которую он вел с сентября 1820 по август 1823 г. (7329–7332 г. «от Сотворения мира»)¹, представляет, несомненно, редчайший (если не уникальный) источник по истории старообрядческого искусства того времени и повседневной жизни его творцов. Достаточно напомнить, что в весьма основательно фундированной и во многом основанной на архивных материалах монографии О. Ю. Тарасова [Тарасов] мы не найдем ссылок на что-либо подобное. Владелец книжки скрупулезно, изо дня в день записывал свои доходы от ремесла иконописца², молений о здравии и за упокой, чтения Псалтыри (он был, по всей видимости, уставщиком или головщиком старообрядческой общины³, возможно, при Большой Ярославской мануфактуре) и случайных приработков хозяйственного характера. Все доходы «натурой» (преимущественно продуктами) аккуратно оценивались в деньгах (включая стоимость одиночных булок-саек, калачей, кувшина молока, решета малины или десятка яблок). В конце первого и второго года подведен общий итог, с разделением сумм за «рукоделие» (куда на равных правах входят и художественное ремесло, и, к примеру, кошение травы) и «моления». Первая статья в обоих случаях преобладает над второй (соответственно, 186 руб. 18 коп. и 82 руб. 4 коп. в 1820–1821 г., 146 руб. 43 коп. и 115 руб. 49 коп. в 1821–1822 г.).

При внимательном чтении приходной книжки М. Б. Сунгурова становится ясно, что ее значение выходит далеко за пределы того времени, когда она писалась, — настолько архаична зафиксированная в ней ситуация, восходящая явно к периоду до Стоглава. Достаточно сказать, что во времена давно (по крайней мере, с первой половины XVII в.) налаженного массового производства икон на продажу владелец книжки работал только на заказ. Понятно, что для самого Сунгурова причина этого заключается в сочетании двух факторов — определенной конфессиональной изолированности (записной старообрядец) в условиях

¹ Отдел редких книг и рукописей Зональной НБ Саратовского ГУ, инв. 1774.

² Выборка сведений по данной теме опубликована: Турилов А. А. Записи в приходной книжке иконописца Макара Борисова Сунгурова: Фрагменты // Шемякин А. И. Словарь мастеров художественных ремесел Ярославля XVIII–XIX вв. Ярославль, 2012. С. 439–450. Прилож. 75.

³ Менее вероятно, что он был наставником, хотя И. А. Шляпкин, в составе коллекции которого рукопись попала в собрание библиотеки Саратовского университета, называет Сунгурова (вероятно, со слов его зятя Кузнецова, у которого книжка и была куплена) «иконописцем старообрядцем и попом» [Перетц, с. 387].

довольно крупного «никопианского» города и одновременно достаточно большой востребованности как хорошего опытного мастера. Однако общей картины архаичности зафиксированной в книжке ситуации (помимо, разумеется, цен и сюжетов икон) это не меняет.

Приходная книжка М. Б. Сунгурова позволяет проследить те моменты деятельности средневекового художника, которые обычно остаются вне поля зрения исследователей как необязательные. Достаточно много места в ней занимает не создание новых памятников, а чинка и поновление старых: восполнение утрат, снятие потемневшей олифы и покрытие новой, золочение. Есть и «экспертная» составляющая (хотя содержание ее не до конца ясно) — «смотрение» икон, порой по весьма скромным ценам. Художественные занятия мастера не ограничиваются только иконописанием: он режет кресты, «снимает» по заказу рисунки, реставрирует книги (неясно, листы или переплет) и «расцвечивает стебли» (тайна сия велика есть). Все это — за исключением, быть может, последнего — в равной мере свойственно как времени жизни Сунгурова, так и значительно более раннему. Чтение Псалтыри и моления о здравии и за упокой сближают ярославского иконописца-старообрядца с занимавшимися художественными ремеслами священно- и церковнослужителями — группой вполне представительной в русском Средневековье.

Литература

Перетц В. Н. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету. Ч. 1 // АЕ за 1959 г. М., 1960. Прилож. С. 363–466.

Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: Очерки икононого дела в императорской России. М., 1995.

Шемакин А. И. Словарь мастеров художественных ремесел Ярославля XVIII–XIX вв. Ярославль, 2012.

О. А. Туфанова (ИМЛИ РАН)

ВОИНСКИЕ ПОВЕСТИ ОБ ОСАДЕ ГОРОДОВ СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ «ИНОГО СКАЗАНИЯ»

В «Ином сказании» обнаруживается несколько типов изображения городов и населенных пунктов Северской земли, поскольку именно они были центрами военно-политического противостояния власти Москвы в разные периоды Смуты. Отсюда представляется вполне закономерным, что, повествуя о событиях, связанных с тем или иным городом Северской земли, составитель прибегает весьма часто к жанру воинской повести. В рамках доклада рассмотрим эпизоды осады Новгорода Северского и г. Кромь.

Оба эпизода включены в единый интерпретирующий события русской истории код, воспринимаются как зеркальные, поскольку Новгород Северский остался верен Б. Годунову и оказывал сопротивление Лжедмитрию I, а в г. Кромь осело еретическое войско, возглавляемое казачьим атаманом Гришкой Корелой. Вместе с тем эпизод осады Новгорода Северского близок к воинским повестям событийного типа, а эпизод осады г. Кромь — к воинской повести информативного типа. В обоих эпизодах границы формы воинской повести несколько размыты, что свидетельствует о трансформации жанра под воздействием конкретных сведений о событии и влиянием определенных идей. Воспроизведение модели воинской повести в эпизодах обусловлено жанрообразующим объектом повествования, но имеет целью показать суть трагического противостояния Б. Годунова и Гришки Отрепьева, которое приводит к интервенции и гражданской войне. Начало обоих эпизодов формально не дает представления о численности и составе войск, расстановка сил показана через прием антитезы, а сопоставительный анализ позволяет выявить намечающуюся зеркальность в изображении осад этих городов. Расширение контекста в случае с осадой Новгорода Северского показывает, что защитникам города противостоит многочисленный враг. Мотивировка осады выглядит искусственной: Гришка пошел к городу, в нем сидели воеводы Н. Р. Трубечкой и П. Ф. Басманов и не захотели ему сдаться. Редкие детали, встречающиеся в текстах иностранных авторов, касающиеся географического положения, важности города как стратегического объекта в борьбе с Лжедмитрием I и др., остаются без внимания. На первый план выходит яркая антитеза: если все другие города и села Северской земли добровольно поклонялись Лжедмитрию I, принося ему дары, то жители Новгорода Северского покориться не захотели. Численный состав «еретического войска», осевшего в Кромах, вкуче с горожанами не упоминается вовсе, как не упоминается и численность защитников Новгорода Северского, и тем значительнее становится числовой эпитет «великимъ» в определении московского войска, на помощь которому позже приходит «многое» воинство. Два абстрактных числовых эпитета «великое» и «многими» подчеркивают: четко обозначенная цель осады — желание Б. Годунова поскорее подчинить взбунтовавшийся город, — несмотря на очевидные преимущества, так и не будет достигнута, как и цель Гришки Отрепьева. В обоих случаях подчеркивается бездарность осаждающих воевод, которые бессмысленно губят своих людей.

Образы осаждающих в эпизодах имеют черты сходства и различия, обусловленные отношением к законной власти Б. Годунова. Их роднит общий тип действий: и те, и другие бьют по городу; мотив битвы концентрируется вокруг многократно повторяемого слова «град», но получает разную детализацию. По Кромам бьют воеводы. В эпизоде осады Новгорода Северского создается коллективный образ врага — это некие «бьющие по граду», в описании попытки захватить город наблюдается углубление их характеристики за счет метафорического сравнения, превращающегося в способ имянаречения врага, и описания действий нелюдей. Осаждающие Кромь (воины, не воеводы) не показаны в действии. Составитель лишь упоминает о гибели большого количества людей в бою и из-за страшного мороза. Последнее не комментируется, но развернутая характеристика зимнего времени на фоне скудного на подробности повествования об осаде обличает московских воевод. Не случайно именно их упоминает

каждый раз составитель, когда переходит к рассказу о действиях московского войска. В характеристике защитников Новгорода Северского отсутствуют эпитеты, сравнения, горожане охарактеризованы через действия, подчеркивается инаковость их поведения по сравнению с жителями других городов, они представлены как единое целое («граждане»). Мотив единосердия, единения в описании защитников косвенно выявляется в рассказе о военной хитрости, придуманной и примененной горожанами. Сквозь весь эпизод, и через описание событий, и в риторическом авторском комментарии, транслируется идея единства в борьбе с расстригой, идея тем более ценная, что в других городах Северной земли жители так же «единосердно» принимали Лжедмитрия I, как единодушно дали ему отпор жители Новгорода Северского. Характеристика обороняющихся Кромы строится иначе: упомянув в начале эпизода, что в городе, помимо «еретического» войска, заперты горожане, составитель словно забывает о них, ведя рассказ исключительно о казаках, давая им обобщенную, коллективную характеристику путем нанизывания оценочных отрицательных эпитетов и описания типа действия казаков. Подчеркнутый при этом их активный и инициативный способ «переживания испытания» (столкновение с московскими воеводами) становится испытанием для войска Б. Годунова. В итоге в обоих эпизодах защитники городов оказываются храбрее, мужественнее и умнее осаждающих с той лишь разницей, что жители Новгорода Северского открыто прославляются, поскольку остаются верны Б. Годунову, а казаки, осевшие в Кромах, невольно оказываются выше осаждавших.

Благодаря такому предельному обобщению, наблюдаемому в обоих эпизодах, отсутствию индивидуальных характеристик и наличию коллективных, каждый город воспринимается как некое целое, как единый живой организм, как активный участник развернувшейся борьбы Б. Годунова и Лжедмитрия I. Они оказываются персонализированы в истории Смуты как города «правильные» и «неправильные» по отношению к законной власти.

А. С. Усачев (РГГУ)

КАК ЧАСТО СОБИРАЛИСЬ ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ В РОССИИ XVI в.?

К числу важнейших вопросов в истории Русской церкви в XVI в. относится деятельность высшего органа ее управления — Священного собора. Обращаясь к изучению степени его влияния на церковную жизнь, нельзя не задаться вопросом о том, насколько часто он собирался и, соответственно, мог ли он на практике являться более или менее регулярно работающим институтом.

Приступая к поискам ответа на этот вопрос, зафиксировав, что состав Священного собора в зависимости от стоящих перед ним задач мог различаться. В большинстве случаев речь шла об «узком» составе Собора, в который входили первосвященник и епархиальные архиереи. Данный состав был достаточен для принятия целого ряда решений, прежде всего касающихся замещения вакантных кафедр. Последнее являлось одной из важнейших задач Священного собора. Как часто он должен был решать соответствующие вопросы?

В XVI в. в России требовалось регулярно замещать от 9 до 13 кафедр. Принимая во внимание то, что такие архиереи-«долгожители», как крутицкий владыка Досифей (1508–1544 г.) и тверской владыка Акакий (1522–1567 г.) были исключительным явлением, становится очевидным, что кафедры должны были замещаться каждые несколько лет. Неудивительно, что, согласно заведомо неполным сведениям, за это столетие было поставлено, по меньшей мере, 125 владык (точные даты поставлений примерно трети от этого числа неизвестны). Поставления приходились на, по крайней мере, 52 года из 100 рассматриваемого столетия. В свете вышеказанного становится очевидным, что необходимость замещения кафедр превращала более или менее регулярные съезды архиереев в столице в обязательное условие функционирования Церкви. Существовало ли традиционное время созывов церковных соборов?

Исследуя хронологию их работы в 1517–1526 г. на основе изучения состава лиц, подписавших крестоцеловальные грамоты (в них фигурировали члены Священного собора, находившиеся на момент их составления в Москве), В. Д. Назаров пришел к выводу о том, что чаще всего церковные соборы созывались зимой — весной [Назаров, с. 196]. К сходным выводам на ином источниковом материале пришла Л. П. Горюшкина. Рассмотрев случаи поставления на кафедры архиереев в 1505–1563 г., она заключила, что большинство из них приходилось на февраль — март [Горюшкина, с. 103]. На основе доступных нам сведений о датах поставлений архиереев с 1500 по 1599 г. нами были проведены подсчеты по частоте поставлений по месяцам. Выявлены 85 случаев поставлений архиереев, даты которых известны (до месяца), они распределяются следующим образом: январь — 10 (11,76%); февраль — 21 (24,7%); март — 17 (20%); апрель — 7 (8,23%); май — 5 (5,88%); июнь — 5 (5,88%); июль — 6 (7,05%); август — 5 (5,88%); сентябрь — 1 (1,17%); октябрь — 1 (1,17%); ноябрь — 2 (2,34%); декабрь — 4 (4,68%).

Как нетрудно заметить, основная масса поставлений — около 56% — приходится на январь — февраль. В эти месяцы в XVI в. иерархи собирались в столице, по крайней мере, 30 раз. Важно отметить, что наибольшее число хиротоний приходится на март и февраль (24,7 и 20% соответственно). В январе, который наряду с вплотную примыкающими к нему февралем и мартом «лидирует» по числу хиротоний, тем не менее, их существенно меньше (11,76%). С чем мог быть связан данный казус?

Отвечая на этот вопрос, отметим, что Собор, несомненно, собирался за некоторое время до поставления тех или иных владык (то есть до дат заседаний, которые зафиксированы в источниках).

Его участникам, во-первых, необходимо было избрать подходящих кандидатов на кафедры, во-вторых, дожидаться их прибытия в Москву (в большинстве случаев речь шла об игуменах немосковских монастырей). Вероятно, это занимало от нескольких дней до нескольких недель. Это, в свою очередь, означает, что февральские (а, возможно, и мартовские) поставления на кафедры готовились ранее — вероятно, в январе (при этом полностью нельзя исключать и декабрь). С необходимостью проведения подготовительной работы, которая, вероятно, приходилась на январь, по-видимому, и связано сравнительно небольшое число январских (и тем более декабрьских) поставлений на кафедры.

Видимо, время приезда архиереев в столицу определялось тем, что к началу зимы устанавливался санный путь (большинство владык приезжали издалека). Время их отъезда из столицы в начале весны могло быть связано, во-первых, с желанием покинуть столицу до наступления распутицы, во-вторых, с очевидным стремлением архиереев служить на Пасху в своей епархии (об этом мотиве см.: [Назаров, с. 196]).

Если это наше предположение справедливо и Освященный собор действительно чаще всего собирался в январе — марте, то на эти месяцы должны были приходиться если не все, то, по крайней мере, многие важнейшие события церковно-политической истории XVI в. Так ли это? Приведем некоторые общеизвестные факты.

16 января 1547 г. состоялось венчание Ивана IV на царство. К февралю этого года относится канонизация целого ряда русских святых. В феврале 1551 г. заседал Стоглавый собор. 3 февраля 1555 г. была учреждена Казанская епархия. На 6 января 1561 г. приходится учреждение архимандритии в Троице-Сергиевом монастыре. 2 февраля 1564 г. датируется «Грамота о белом клобуке». 23 января 1589 г. было учреждено патриаршество, а 26 января этого года Иов был возведен в сан патриарха.

Литература

Горюшкина Л. П. О времени поставления высших иерархов Русской Церкви первой половины — середины XVI в. // Священные войны России: Мат-лы XX Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. Можайск, 2013. С. 101–109.

Назаров В. Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 187–207.

В. С. Успенский (НИУ ВШЭ СПб)

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ИЕРАРХИЙ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: СТРУКТУРА ГОСУДАРЕВА ДВОРА В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в. КАК СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ

Структуру так называемого служилого сословия в России эпохи позднего Средневековья и ее социальную историю ученые обычно реконструируют в институциональном ключе — вслед за изменениями номенклатуры иерархий в официальных документах меняется и устройство: от первых попыток стратификации (статей так называемой Тысячной книги, князей и детей боярских дворовых Дворовой тетради 50-х годов XVI в.) до «классической» структуры московских и городских чинов.

Применение методики анализа социальных сетей дает возможности для альтернативного взгляда на способы организации служилого сословия. Из всех проектов по средневековой истории, в которых применяется анализ социальных сетей, можно выделить три категории исследований, в которых методика, как кажется, применяется наиболее плодотворно. Это исследования торговых связей и картографирование экономических взаимодействий, исследования интеллектуальных сетей или распространения идей (к которым примыкают исследования сетей корреспонденции) и, собственно, исследования, использующие сетевой анализ для понимания того, как устроено, как работает средневековое общество [Preiser-Krøller, 2010]. Для этой последней категории одной из наиболее серьезных и недооцененных проблем остается разработка самого базового концепта теории — понятия связи. До последнего времени по сути единственным методологическим требованием к исследователю было соблюдение принципа гомогенности изучаемых связей: недопустимо в одной и той же сети использовать, например, дружескую связь и финансовые отношения. Но источники заставляют историков задаваться такими вопросами, как, например, наличие связи между двумя крестьянами, упоминаемыми в одном и том же финансовом документе, или дворянами, воевавшими в одном и том же полку, то есть задуматься над природой связей ситуативных и, возможно, случайных. В значительной степени именно распространение исторических исследований с применением методики анализа социальных сетей привело к появлению «ситуативного» понимания связи: историк принимает допущение, что две и более персон, задействованных в одном событии, образуют связь. Так, например, Джованни Руффини в работе об общине в Византийском Египте (единственном пока исследовании социальных сетей в Средневековье монографического уровня) строит связи из совместных упоминаний крестьян в документах [Ruffini, 2008].

Представляется, что разрядная документация дает возможности для анализа ситуативных связей внутри Государева двора. В качестве гипотезы при этом принимается допущение, что два и более совместных назначения одних и тех же лиц означают наличие связи. Развитие такой сети служебных назначений на протяжении доопричного периода (1550–1564 г.) демонстрирует скорее усложнение работы (прото)бюрократического аппарата государя. Визуализируем ли мы при этом какие-то отношения внутри служилой корпорации или только логику работы разрядных дьяков, дающих совместные назначения людям, уже служившим вместе? Для ответа на этот вопрос можно попытаться сравнить две синхронные сети: опричный, а позднее так называемый особый двор Ивана IV и «земский» двор.

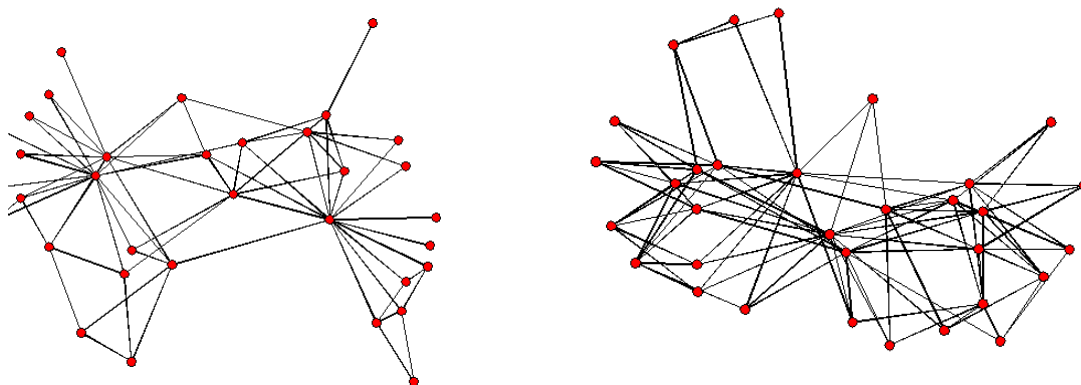

Рис. 1. Основные связи земского (слева) и опричного (справа) дворов в 1566–1570 г.

Для упрощения схемы вместо персоналий на месте «узлов» размещены фамилии с наибольшим количеством связей.

Различия оказываются значительны: по ключевым количественным показателям, характеризующим социальные сети, опричный двор обладает более централизованной, но менее плотной и компактной структурой: количество связей между персонами в среднем значительно меньше (1,73 против 3,74), количество переходов «от периферии к центру» сети больше (в среднем 4,76 против 2,52). Такие наблюдения позволяют сделать осторожный вывод о качественных структурных различиях, не объясняющихся делопроизводственными процедурами.

Опричный двор, отстраивавшийся в попытке порвать с традиционной структурой, оказывается более «архаичным», чем земский двор. В его составе с легкостью выделяются собственные сети Басмановых и Юрьевых, наиболее влиятельных деятелей раннего опричного периода.

Методика позволяет приблизиться к пониманию внутреннего устройства служилой корпорации: подтверждается предположение, что разрядные дьяки совершали такие назначения не случайным образом, опираясь только лишь на местные счета аристократов, а действовали в соответствии с личными связями, устоявшимися отношениями внутри служилой корпорации.

Литература

- Preiser-Kapeller J. Calculating Byzantium. Social network analysis and complexity sciences as tools for the exploration of medieval social dynamics. Austrian Academy of Sciences Report, 2010.
Ruffini G. Social networks in byzantine Egypt. Cambridge, 2008.

И. А. Устинова (ИРИ РАН)

«ВОЗНЕНАВИДЕН ОН ТОГО ГРАДА ЛЮДМИ...»

В 1659–1660 г. произошло расследование и соборное определение по обвинениям челобитных представителей духовенства против суздальского архиепископа Стефана (материалы дела сохранились¹). Собор принял решение отправить Стефана в монастырь (за «досаждение» государю), но по решению царя его оставили при Архангельском соборе Московского кремля. Возвращение оправданного архиерея в Суздаль собору показалось неудобным, поскольку Стефан «возненавиден того града людми». Выражение, использованное в Деянии собора, отнюдь не фигурально — против архиепископа поступили жалобы от представителей разных групп населения города: настоятелей монастырей (Авраамий из Спасо-Евфимиевского, Филарет из Спасо-Кукоцкого, Дионисий из Осовицкой пустыни и др.²), представителей белого духовенства (Никита Добрынин), посадских людей (Лихонины). Многие обвинения были подтверждены свидетелями во время следствия. Сохранились в деле и собственные показания архиепископа Стефана по каждому пункту.

Всего в адрес Стефана было выдвинуто более полусотни обвинений (из них более 40 — Никитой Добрыниным). Никита сформулировал ряд идеологических претензий к архиепископу (надругательство над иконами, престолами, гробами; нарушение традиций богослужения, «богохульные» речи Стефана³). Важным мотивом выступления стали личные обиды (лишение места и жалования) священника на Стефана. А. М. Панченко отметил, что Добрынин в этот период «вовсе не озабочен расколом церкви, он стремится любой ценой дискредитировать суздальского архиепископа, подмечая каждое неосторожное слово и каждое опрометчивое деяние» [Панченко, с. 380].

Исследователи, однако, традиционно уделяли основное внимание деятельности Никиты Добрынина, видя в его челобитной элементы ранней старообрядческой полемики [Макарий (Булгаков), с. 304–305; Агеева, Юхименко, с. 514]. Несколько иначе расставить акценты позволяет комплексный анализ

¹ ГИМ. Син. грам. 1074–1087.

² Там же. 1076, 1077, 1087. Стб. 42–43 и др.

³ Там же. 1074, 1084; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 375–379, примеч. к № 34.

показаний, сохранившихся в деле Стефана. Духовенство епархии единодушно обвиняло архиепископа в жестокости (смирение людей кнутом и батогами, заковывание в цепи и т. п.⁴), резкости («выставление» икон из церкви, «бросание» церковной утварью и т. п.). Основным поводом недовольства настоятелей монастырей послужили властные амбиции Стефана, его вмешательство в монастырские дела (велел монастырских крестьян «смирять всех у себя на дворе», отнимал тарханские, несудимые и иные грамоты, ввел «большую налогу», самовольно перемещал игуменов и т. п.), а также личные обиды. Посадские люди Лихонины жаловались, что архиепископ «против государева указа» хотел из тягла их племянника Ивана взять в подьяки, а за непослушание отлучил от церкви его отца⁵. Основные идеологические обвинения Никиты во время повального обыска у большинства опрошенных либо не находили подтверждения, либо не вызвали возмущения.

Практически на каждую статью обвинения сам Стефан ответил в ходе соборных разбирательств. По мере развития следствия и усложнения ситуации он менял свои показания в сторону покаяния. На итоговом соборном допросе 13 августа 1660 г.⁶ Стефан отвечал на 52 пункта обвинения, по которым дал 72 комментария (из них треть — полное отрицание, треть — покаяние и ссылка на «простоеумие», треть — различные пояснения). Интересной особенностью показаний Стефана является полное отсутствие в них ссылок на решения церковных соборов или богослужебную литературу. Из «богословских» аргументов Стефан использует только авторитет патриарха Никона и собственный опыт («служу я... как мне предано от патриарха Никона», «во иных обителях видел» и т. п.).

Комплексный анализ свидетельских показаний демонстрирует существование целого клубка противоречий начального периода церковной реформы. В то же время большинство из них носят бытового характер, являются результатом личных обид и властных конфликтов, а богословская составляющая в них отсутствует. Налицо застарелые проблемы русской церкви — жестокость, властность и алчность иерархии, низкий уровень образования и т. п., которые обострила и вынесла на свет церковная реформа. На примере событий в Суздале видно, как на сугубо бытовой, социально-экономической основе начинает разгораться религиозный конфликт.

Литература

Агеева Е. А., Юхименко Е. М. Добрынин // ПЭ. М., 2007. Т. 15. С. 514–516.

Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1996. Кн. 7. Т. 11. Отд. второй. С. 304–305.

Панченко А. М. Никита Константинов Добрынин // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 380–383.

Полознев Д. Ф. Церковный суд в России XVII века // Исторический вестник. 2002. № 1. (16). С. 323–340.

⁴ ГИМ. Син. грам. 1087. Такого рода проблемы не были редкостью в истории русской иерархии [Полознев].

⁵ ГИМ. Син. грам. 1074. Стб. 50.

⁶ Там же. 1084.

Ш. Фёлдвари (Гос. ун-т г. Дебрецен, Академия наук Венгрии)

ЛУКАС ГАБИНА, ВЛАДЕЛЕЦ ЭКЗЕМПЛЯРА ПЕРВОЙ ИЗДАННОЙ ТИПОГРАФИЕЙ В СУПРАСЛЕ КНИГИ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РУСИНСКИХ СЕМИНАРИСТОВ В г. ЭГЕР

Книгопечатание в монастыре супрасльских базилиан началось в последнем десятилетии XVII в., когда не допечатанный в Вильнюсе (Вильно) тираж Служебника был перевезен в Супрасль и здесь допечатан. Титульный лист Служебника, первой книги супрасльской типографии, имеет указание на печатание в Вильнюсе в 1692 г., а в колофоне книги на допечатанных листах значится, что она выпущена в свет в Супрасле в 1695 г.

В северо-восточной части бывшего Венгерского королевства проживали русины. Их уния (соединение бывших последователей православной конфессии с Римом) была заключена в Ужгороде в 1646 г. Проблемы богословского образования не были решены в рамках новой Мукачевской греко-католической епархии, а римо-католические семинарии принимали немало русинских греко-католических семинаристов, между прочим и в г. Эгер (Северная Венгрия), а также в Вене (Австрия).

Лука (лат. Lucas «Лукас») Габина был главой греко-католического деканата в г. Гуменне (ныне Восточная Словакия) в 40-х годах XVIII в. Он вступил в споры со своим греко-католическим епископом Ольшавским, поэтому был вынужден бежать и переселился в г. Эгер, где стал преподавателем русинских семинаристов. Описание наследия Луки Габина, написанная в 1775 г., содержит 82 книги, среди которых 16 напечатаны на церковнославянском языке. Среди них особо значимая книга — «Леитоургикон си есть Служебник», напечатанная в Супрасле в 1695 г., в результате меценатской политики греко-католического митрополита Жоховского (Syrjani Zochowski 1635–1674–1693), который поддерживал развитие культуры по западному пути (то есть католическому).

Кароль Эстерхазий (1725–1762–1799), римо-католический епископ г. Эгер, отправил письмо в 1768 г. к греко-католическому епископу Львова, чтобы последний, греко-католический епископ Володкович (Felicjan Filip Wołodkowicz 1697–1762–1788), послал ему богослужебные книги кирилловского шрифта, «католического» (то есть униатского) характера. За книги он предлагал платить красным вином. Очень вероятно, что супрасльский Служебник попал сюда по епископскому распоряжению из Львова, а потом был передан местному преподавателю византийских обрядов. Явно читаемая подпись владельца Луки Габина обнаруживается на титульном листе.

Данный Служебник хранится в очень хорошем состоянии в Библиотеке Эгерского архиепископства под номером Uu.III.8, и это является примером того, что богослужебная книга не только могла использоваться в церковном обиходе, но и в определенных случаях была учебником византийских обрядов и церковнославянского языка, таким образом поддерживая сохранение культурного наследия.

Архивные источники

Инвентар (1775) Inventarium Regularum, in Cubiculo defuncti A[dm]odum R[everendi] D[omini] Lucae Habinae repertarum, Anno 1775. diae 31 Mart[is] inventarum. Архив Эгерского архиепископства, Archivum Vetus, Fasciculus 191. № 1189.

Протокол (1768–69) Protocollum Consistorii Agriensis 1768–69. С. 550–551. Архив Эгерского архиепископства, Archivum Vetus, без №.

Д. З. Фельдман (РГАДА)

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПЛЕННЫХ ЕВРЕЕВ В РОССИИ В ПЕРИОД СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1632–1634 г.

Произошедшее в первой трети XVII в. обострение отношений между Московским государством и Речью Посполитой привело к русско-польской войне 1632–1634 г. Однако кратковременная Смоленская война оказалась неудачной для России и не сняла имевшихся противоречий с соседней Польшей, что вызвало к новому, длительному, военное противостояние между странами в 1654–1667 г. Уже в ходе боев за утраченные смоленские земли в России оказалось определенное число военнопленных из Великого княжества Литовского — «иманых во языцех», — среди которых находились и польско-литовские евреи, составлявшие у себя на родине одну из крупнейших в мире иудейских религиозных общин [Гессен, 1925, с. 22–29; Weinryb, p. 3–5].

Находившиеся здесь евреи представляли собой корпорацию с особым юридическим статусом и традиционным образом жизни. Отношения польской иудейской общины с различными государственными органами и шляхтой строились на весьма сложной и запутанной системе соглашений, определявших права и обязанности евреев и создававших легальную базу их хозяйственной и общинной деятельности. Местные иудеи пользовались свободой вероисповедания и правом создания автономных общин, им разрешалось заниматься экономической деятельностью, а также селиться в большинстве регионов страны. Однако русско-польская война 1632–1634 г. нарушила их сложившийся уклад в политических, юридических и экономических рамках Польско-Литовского государства, а ряд евреев оказался в русском плену. Причем пленники были двоякого рода: одни считались государевыми; другие, захваченные частными лицами, поступали в зависимость к последним или к тому, кому их продавали, где и оседали. В Москве все «государевы» пленные (поляки, литовцы и евреи) приводились в Разрядный приказ, откуда уже рассылались с целью «устроить в службу» по разным внутренним городам — понизовым и сибирским, или отправлялись служить во дворы городских жителей.

Несмотря на то что большинство осевших в России евреев приняло христианство и постепенно растворилось в окружающем населении [Гессен, 1925, с. 10] — ведь крещение для них означало получение весьма обширных льгот и свободы вкупе с полным уравниванием в правах с православным населением, некоторая их часть, как видно из архивных источников, могла остаться в лоне иудаизма. В связи с этим актуальными становятся следующие вопросы: действительно ли в рассматриваемый нами период в России было возможно свободное или ограниченное проживание евреев (то есть иудеев), и если это так, то на каких юридических основаниях это строилось.

По завершении Смоленской войны и заключении Поляновского мирного договора 1634 г. евреям была предоставлена та же свобода, что и остальным пленным. Приказав грамотой в Пермь Великую отпустить на родину литовских пленников, среди которых были особо упомянуты и евреи, царь Михаил Федорович разрешил всем этим лицам остаться в России, если они пожелают; при этом было предписано «сыскивать и отпущать» за границу в Литву всех желающих вернуться домой, а также представить в съезжую избу «литовских полонников — литву и немцев, и жидов, и татар»¹. Вполне естественно, что наличие в Московии большого числа иноземцев и иноверцев заставило русское правительство задуматься об урегулировании сложившейся ситуации. Поэтому вскоре после окончания военных действий в Литве встал вопрос о дальнейшей их судьбе, требовавший законодательного разрешения. Кроме того, в том же 1634 г. дьякам Разрядного приказа было поручено составить именную роспись «полоняником полским и литовским, и немецким людям, и черкасом, и жидом» и прислать ее в Приказ приказных дел. Многие пленные сначала сидели в тюрьме, а затем были разосланы по приказам, откуда их направили в различные русские города к представителям местных властей: воеводам, дьякам и приказным людям. Поскольку в Приказе приказных дел отсутствовала информация о том, кто именно, из какого приказа и в какой город послан, без этих сведений условия Поляновского мира выполнить было невозможно. В сентябре 1634 г. роспись «литовского полону» на основании воеводских отписок была подготовлена².

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. В 15 т. СПб., 1861. Т. 3. С. 389 (№ 252).

² РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола. Стб. 102. Ч. 1. Л. 1–2, 3–4. (Опубл.: «Велено полоняникам учинить роспись»: Дело о составлении именной росписи пленных, попавших в Россию во время Смоленской войны 1632–1634 гг. / Публ. Д. З. Фельдмана // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. 2012. № 12. С. 189–196).

Известно также, что одна партия пленных евреев была направлена в Сибирь, куда они были сосланы в города «в службу» и «на пашню» наравне с литовскими и немецкими (выходцами из Западной Европы) людьми. Согласно царскому указу, в 1635 г. этим пленникам также было предоставлено право остаться в стране независимо от того, примут ли они крещение, вследствие чего велено было «из городов литовской полон — литву и немцев, и жидов, где кто ни иман или покупан, сыскивая и расспрашивая, присылати ко государю в Москву»³ [Гессен, 2003, с. 243]. Вполне вероятно, что некоторые евреи воспользовались такой возможностью и прочно осели в Московии. Это дает нам повод подчеркнуть важность факта согласия Михаила Федоровича на то, чтобы в его государстве евреи остались на постоянное жительство. Важно отметить, что правительство, как это видно из рескрипта 1635 г., не воспользовалось исключительным положением, в каком находились пленные на чужбине, чтобы путем принудительных мер склонить их к обращению в православие. Наоборот, было специально оговорено, что некрестившимся — евреям, а также христианам, не принявшим православие, — должно быть дано столько же хлеба и денег, сколько крестившимся.

Как известно, уже весьма значительное число пленных, в том числе евреев, попало на территорию Московского государства в правление царя Алексея Михайловича, во время следующей русско-польской войны 1654—1667 г., и их юридический статус определялся соответствующими законодательными актами, в основных чертах сохранившими преемственность тех указов Михаила Федоровича, благодаря которым впервые была допущена возможность проживания в России лиц иудейского вероисповедания.

Литература

Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1.

Гессен Ю. И. Евреи в Московском государстве XV—XVII вв. // Москва еврейская: Сб. статей и материалов / Ред.-сост. К. Ю. Бурмистров. М., 2003. С. 227—262.

Weinryb D. The Jews of Poland. Philadelphia, 1973.

³ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 3. Стб. 6103/59. Л. 54—56.

Г. Ю. Филипповский (ЯГПУ)

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ВИТЯЗЬ В БАРСОВОЙ ШКУРЕ»: АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЭТИКИ

Среди многочисленных текстов мирового средневекового книжного эпоса, которые ставили в один ряд со «Словом о полку Игореве» («Песнь о Роланде», «Беовульф», «Песнь о Нибелунгах»), особое место занимает старогрузинская эпическая поэма Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре» («Вепхисткаосани»). Что характерно, эта поэма датируется исследователями точно той же эпохой рубежа XII—XIII в. (скорее, даже началом XIII в.). Поэма Руставели посвящена царице Тамар (правила в 1184—1213 г.). Специальных работ по сопоставлению «Слова» и поэмы Руставели не существует, хотя и в XIX в. (В. Ф. Шишмарев), и в XX в. (В. Д. Кузьмина, А. Н. Робинсон) выявлено значительное количество междутекстовых параллелей и соотносительных черт. Каждая из двух поэм обладает ярким художественным своеобразием, научная литература по каждой из них огромна.

Две данные авторские поэмы Высокого Средневековья сближают рассуждения о выборе жанра или о жанровой номенклатуре (что не присуще фольклорному эпосу). Вступление «Слова» называет и обсуждает жанровые признаки: 1) слово; 2) песнь; 3) повесть: «Начяти же ся сеи песни...», «Почнем же, братие, повесть сию...». Вступление «Витязя...» упоминает жанровые черты: 1) песнь; 2) поэма; 3) рассказ: «Как молитвой в светлом храме, восхваляю в стихах её. Янтарём пишу я чёрным, тростником черчу узорным...»; «так поэт в поэме сложной ход направит бестревожный...»; «нить, свивая из кудели, песнь сложил я, Руставели...»; «Но лишь тот отмечен светом, назовётся тот поэтом, долгий кто пропел рассказ» (перевод К. Бальмонта). В обеих поэмах во вступлении сплетаются письменно-поэтические и устно-поэтические жанровые формулы, при том, что обе поэмы не только авторские, но и книжные по своей природе. В «Слове» автор как бы спорит с Бояном, поэтом-предшественником, и это — важный композиционный прием в поэме. В «Витязе» вступление погружено в контекст любви-посвящения царице Тамар и любви-вдохновения поэта: «Вдохновенный — в самом трудном светит светом изумрудным, Грянув словом многогудным, оправдает крепкий стих». И в «Слове» («начяти»), и в «Витязи...» («Вот запел я, Руставели...») четко выражена поэтическая тема зачина — начала поэмы.

Многokrатно отмеченные акцентированные в «Слове» как сюжетно значимые мотивы света, его победы над тьмой (М. М. Бахтин, А. М. Панченко, И. П. Смирнов, А. Н. Рубинсон, Д. С. Лихачев, Т. М. Николаева, Г. Ю. Филипповский) также в высшей степени характерны для поэмы Ш. Руставели. Причем, как и в «Слове» или в «Беовульфе», — в сопряжении с эпико-поэтическими метафорами «золота» и «солнца». Только во вступительной песни «Витязя» лексема «свет» повторена более 10 раз. Эпико-христианская тема победы Света над Тьмой во 2-й Песни выражена предельно четко: «Где же свет, что тьму просветит? Пусть ваш разум мне ответит», а в 1-й Песни «Витязя»: «Если сердце в ком певуче, Блеск родится в тёмной туче, в лёте молний вырезных».

Тема «света» в поэме Руставели неотделима, слита с одним из двух ведущих женских образов — царевны, суженой героя Автандила — Тинатин: «светлая» — ее практически постоянный эпитет, с ней же связаны часто мотивы «золота» и «солнца»: «Лик же солнца золотого, дочь твоя светлей зари».

Женские образы «Витязя...» столь же сюжетно значимы, как и образ Ярославны в «Слове», как образ Вальхтеов в «Беовульфe». Сюжетно-образный центр «Слова» «плач-моление Ярославны» имеет параллель в «мольбе» Автандила к 7 небесным светилам (В. Д. Кузьмина): Солнцу, Сатурну (Зуаль), Юпитеру (Мушгхар), Марсу (Марикх), Венере (Аспироз), Меркурию (Отарид), Луне (сказ. 27); трехчастное заклинание стихий природы Ярославны в «Слове» переключается также в 23-й песне — молитве Автандила к Богу, также трехчастной по своей текстовой структуре.

Вопреки критикам, христианская тема четко звучит и в «Слове»: тема христианской победы, солнца в финале поэмы как бы «вытесняет» тему тьмы, зла, языческих божеств, поражения в первой части текста (Г. Ю. Филипповский); поэма Руставели открывается обращением к Богу Творения, а в кульминационной 23-й песне Автандил обращается с молитвой к Богу, в тексте говорится о божьих храмах, упоминается Дионисий Ареопагит, один из крупнейших христианских философов Средневековья. Творчество поэта, по Руставели, — от Бога: «Кто от Бога — полномочно тот поёт, перегорев». Любовь, по Руставели, тоже от Бога: «О любви пою верховной — неземной и безгреховной... Та любовь от доли тесной душу мчит в простор небесный, Свет сверкает в ней безвестный, здесь лишь видимый едва». Сравним в «Слове», после «плача Ярославны»: «Богъ Игорю путь кажетъ из земли половецкой в землю Русьскую...».

Поэма Руставели — о любви, завершается эпизодами свадьбы Автандила и Тинатин, Таризля и Нестан-Дареджан. Тема света, пройдя через весь текст, венчает финал героев: «Что желать им было боле? Свет верховный в этой доле. И корона им дана». Мотив божественного света (не случайно упоминание Псевдо-Дионисия Ареопагита с его трактатом «Иерархия света») сочетается в финале со средневековой темой идеального правления: «Светом вся страна объята. Волк, кормясь, дружит с козлом». В «Слове» мотивы свадьбы отмечены неоднократно в «метафорических формулах» (Р. Манн), не отделенных от природы книжного эпоса, что создает еще одну переключку в художественной поэтике «Слова о полку Игореве» и «Витязя в барсовой шкуре».

А. И. Филюшкин (СПбГУ)

«ОБРАЗ КРЕПОСТИ»: СИМВОЛЫ И ОБРАЗЫ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ КРЕПОСТЕЙ ПЕРИОДА ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ И ЕВРОПЕЙСКИХ ГРАВЮРАХ¹

В XVI в. русская армия провела крайне мало полевых сражений. Из них к числу крупных побед относятся битвы при Ведроши (1500) и Молодях (1572) и победа над Казы-Гиреем в 1591 г. При Орше (1514) и Уле (1564) русские войска были разбиты. Остальные полевые сражения, даже самые известные, были небольшими по масштабам (Эрмес в 1560 г., Невель в 1562 г.). Основные боевые действия и в пограничных («порубежных») войнах между Россией и ее противниками проходили вокруг крепостей (Смоленск, 1512–1514 г.; Рязань, 1521 и 1564 г.; Казань, 1506, 1523, 1524, 1530, 1545, 1548, 1550, 1552 г.; Полоцк, 1563, 1564, 1579 г.; Нарва, 1558 и 1581 г.; неудачные осады Ревеля в 1570 и 1577 г.; и т. д.). Можно сказать, что войны XVI в. — это войны крепостей.

Крепости были маркерами территории. Вопрос о границах в XVI в. дискуссионный: с одной стороны, несомненно существование рубежей по рекам и попыток демаркации границ с использованием природных ориентиров (как естественных — приметных деревьев, камней, так и искусственных — специальных земляных холмиков («копцов»), камней, помеченных знаками, и т. д.); с другой — в текстах мирных договоров фиксируется именно роспись городов и крепостей в ту или иную сторону, а рубежи потом должны были уточняться на съездах местных судей. Именно взятые города выступали символом покорения чужой территории, ее захвата. Собственно, выражаясь современным языком, страну представляли ее города.

Это хорошо видно по миниатюрам Лицевого свода (далее — ЛС). Изображение городов в нем стилизовано и не соответствует реалиям. Причем нередко изображения одного и того же города различаются даже на миниатюрах, которые идут подряд, например, «серии» ЛС о взятии Нарвы и Сыренска (Нейшлосса) в 1558 г. И если Нарва на самом деле была большим и красивым городом, то Нейшлосс — маленькая крепость. А на 15 миниатюрах ЛС изображен крупный замок с несколькими башнями (которых в крошечном Нейшлоссе никогда не было). Художник явно шел от текста — ему надо было показать масштаб русской победы, которая должна быть одержана над большой и сильной крепостью. А взятие маленькой и слабой средневековой крепости, неспособной сопротивляться армии XVI в., — что здесь славного? Конечно, требовать реализма от миниатюристов ЛС нельзя, но встает вопрос об источниках изображений городов. Художники одинаково рисовали русские, немецкие, литовские, татарские города. В историографии высказывались предположения о западноевропейских источниках прообразов изображений на миниатюрах. Между тем прямых аналогов найдено не было.

Изображения крепостей и замков Ливонской войны в западных источниках условно делятся на две категории. Первая — явная стилизация, вплоть до использования стандартных типографских клише (гравюра об осаде Полоцка в 1579 г. в издании «Хроники» А. Гваньини, которая изначально была гравюрой об осаде Стародуба в 1535 г.). Таковы гравюры на многих «летучих листках», рисунки к хронике И. Реннера и т. д. Это изображения стандартных каменных европейских городов и крепостей. К реальным они не имеют отношения (на некоторых листках деревянный Полоцк изображен в виде каменной твердыни). При их использовании художник, как и автор ЛС, шел от текста — европейский

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-21-01003 а(м).

читатель должен был узнать о мощной крепости и богатом городе, уничтоженном Московитом, а не о реальном Полоцке.

Однако существует ряд изображений, которые считаются адекватными реальности. Речь идет о зарисовках польским художником С. Пахоловицким в 1579 г. Полоцка и «полоцких пригородов» — Сокола, Суши, Туровли, Красного и т. д. На основе рисунков были сделаны хорошо известные гравюры, и историки часто используют их как достоверные изображения русских крепостей. Между тем не проводилось исследований этих укреплений на местности в сравнении с изображениями Пахоловицкого. В 2014–2015 г. группой исследователей из СПбГУ и Могилевского университета велась разведка городищ («замчищ»), оставшихся после «полоцких пригородов». Если в отношении собственно Полоцка можно признать адекватность польских рисунков, то в отношении Туровли, Суши и др. возникают сомнения: размеры и конфигурация городищ не соответствуют изображениям. Например, Туровля изображена как стоящая в поле четырехугольная крепость, тогда как местность располагает к созданию там стандартной мысовой крепости. Площадка замчища Суша — 40 на 25 м, между тем Пахоловицкий изображает на периметре в 130 м семь (!) башен, что кажется сомнительным. Думается, что необходимо тщательное исследование рисунков С. Пахоловицкого, а не их некритичное использование в качестве источника по истории русской фортификации.

Б. Н. Флоря (Исл РАН)

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И «ЖИВАЯ ИСТОРИЯ»

Для изучения народных движений Средневековья и раннего Нового времени в отечественной и мировой исторической науке сделано немало. Обстоятельно изучены во многих случаях действия восставших, их поступки, что позволило для ряда движений пытаться определить их цели. Вместе с тем конкретные мотивы, побудившие восставших к тем или иным действиям, к принятию ими тех или иных решений во многом продолжают оставаться для исследователей неясными. Причины такого положения дел достаточно просты. Большая часть сведений содержится в источниках, созданных в противоположном лагере, где интерес вызывали поступки участников того или иного движения, а вовсе не мотивы их действий. Представляется теоретически ясным, что эти мотивы были производными от представлений участников движения о том, что происходит в окружающем их мире. Сложность, однако, состоит в том, что «живая история», то есть представления о происходящих событиях, как они отразились в сознании политической элиты (о чем историческая наука часто имеет достаточно точные данные), могут серьезно отличаться от представлений о тех же событиях в сознании обычных рядовых жителей, а источники, на основании которых можно было бы судить о представлениях простых людей, в распоряжении исследователей отсутствуют. Определенное исключение составляют в этом отношении казачьи восстания на Украине 20–40-х годов XVII в.

В архиве русского военного ведомства — Разрядного приказа — сохранился большой комплекс «распросных речей» — записей рассказов приходящих из Речи Посполитой простых людей (казаков, мешан, крестьян). Анализ этих рассказов позволяет выявить их представления о том, что происходило в Польско-Литовском государстве в 20–40-е годы XVII в.

Для взглядов этих людей было характерно представление о Речи Посполитой как о государстве, где господствуют «ляхи» — враждебные казачеству и простым людям магнаты, которые хотят подчинить их своей власти и навязать католическую веру. С этими «ляхами» казачество было готово вести бескомпромиссную вооруженную борьбу. Это представление о порядках в Речи Посполитой сочеталось с представлением о существовании в этом государстве серьезных и значительных политических сил, дружественных казачеству, в союзе с которыми можно было бы нанести поражение враждебным магнатам и обеспечить видное и почетное положение в государстве «русскому» народу и православной вере. Олицетворением таких сил были старший сын короля Сигизмунда III королевич Владислав (позднее — король Владислав IV) и политические лидеры Великого княжества Литовского гетман К. Радзивилл, а затем его сын Януш.

Им противостоит младший брат Владислава — Ян Казимир, ставленник «ксендзов» и «поляков». Политическая история Польско-Литовского государства в 30–40-х годах XVII в. — это история борьбы за власть между Владиславом и Яном Казимиром, неоднократно принимавшей характер вооруженных конфликтов. В этой борьбе Яна Казимира поддерживали «поляки», а Владислава — дружественная казачеству Литва. Все доходившие до простых людей на территории Восточной Украины сведения о каких-то разногласиях в политической элите Речи Посполитой неизменно интерпретировались в свете охарактеризованных выше представлений и содействовали их оживлению.

Все это никак не отражало реальной картины отношений в политической элите Речи Посполитой, где в действительности отсутствовали группировки, готовые вместе с казачеством выступать против его противников — магнатов. Однако подобные представления были для простых людей Восточной Украины политической реальностью. Поднимая свои восстания, эти люди рассчитывали на союз и сотрудничество с важными силами в политической элите Речи Посполитой. Если бы в нашем распоряжении не было текстов «распросных речей», оставалось бы непонятным, почему казачество не искало поддержки каких-либо внешних сил.

Участники восстания Хмельницкого на его первом этапе полагали, что они поддерживают «доброе» монарха Владислава IV в его борьбе со «злыми» магнатами. Лишь когда это восстание завершилось победой, а никаких союзников так и не обнаружилось, для восставших стала очевидной (хотя и не сразу) ложность их представлений о политической жизни в Речи Посполитой.

В. Ю. Франчук (Институт языкознания НАН Украины)

СВЕТСКИЕ И ЦЕРКОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Многие исследователи древнерусской литературы утверждают, что летописный стиль сформировался на базе литературно обработанных речевых формул разговорного языка восточных славян. Тем не менее в летописях заметны и книжные, старославянские по происхождению, элементы. Так, в середине XIX столетия академик М. И. Сухомлинов отметил, что в языке и слоге древней летописи ясно различаются два элемента: церковнославянский и русский, отделяющиеся один от другого довольно резко [Сухомлинов, с. 197]. В отечественной филологической науке даже сложилось представление, что один и тот же автор свободно владел двумя языками и, в зависимости от установки, пользовался то одним из них, то другим [Лихачев, с. 305]. Существенные различия в употреблении книжных элементов в отдельных фрагментах летописного текста остались непонятыми, так как не принимался во внимание неоднородный характер памятника и общая система языка, стоявшего за текстом.

Иначе смотрел на эту проблему Н. И. Толстой, который утверждал, что в древнерусских летописях двуязычие в определенной степени нейтрализовалось: церковнославянский и древнерусский смешивались, создавалась средняя, переходная форма книжного языка [Толстой, с. 132]. Между тем еще в середине XX в. Б. А. Ларин обращал внимание лингвистов на то, что с самого начала своей литературной истории летописи были сконфигурованы из многих источников [Ларин, с. 201–202]. На необходимость придерживаться свидетельств конкретных текстов для литературно-лингвистического анализа в связи с тем, что в одном и том же памятнике могут объединяться отрывки, разные по языку, указывал в одной из последних работ Ф. П. Филин [Филин, с. 265].

Разнообразие мнений, высказанных известными специалистами в области становления древнерусского литературного языка, предполагает их проверку на конкретном материале летописных текстов. В этом плане Киевский летописный свод XII в. имеет то преимущество, что дополнения и вставки редактора и составителя по языковым и стилистическим особенностям отличаются от внесенных в его состав текстов летописцев — авторов этого выдающегося памятника нашей истории и культуры [Франчук, с. 122–123]. При сравнении их текстов с фрагментами, принадлежащими редактору, наглядно видно их своеобразие. Так, на роль прямой речи в восточнославянском летописании обращали внимание почти все его исследователи. Они подчеркивали, что ее употребление является характерной особенностью этого жанра в отличие от византийских и западноевропейских хроник. Введение прямой речи и диалога в авторский текст требует определенного мастерства. Приведем один из многих примеров, подтверждающих это наблюдение: «Святославъ же нелюбьмь рче ему. брате и свату ажъ ты идешъ изо очины своя на свое орудье. а язъ паки иду за Днѣпръ своихъ дѣля орудѣи. а в Руской землѣ кто ны ся останеть»¹. Прямая речь здесь и во всех других случаях вводится при помощи древнерусского глагола *речи*. Между тем в фрагментах, внесенных редактором, в качестве прямой речи приводятся цитаты из книг Священного Писания, и на их введение указывает старославянизм *глаголати*, например: «си бо вся быша отъ дьявола на ны. иже всѣваеть въ сердце наше. хвалу и гордость. якоже Павелъ глаголетъ гордымъ Богъ противиться а смиреннымъ даетъ благодать»².

Таким образом, и в этом конкретном случае имеется возможность отличить риторические вставки редактора от текстов светского содержания даже при отсутствии кавычек и разделительных знаков, которое затрудняет чтение древнерусских памятников. Наличие большого количества старославянизмов позволяет выделить эти вставки и во многих других случаях.

Литература

- Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975.
 Лихачев Д. С. Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке Древней Руси // Историко-филологические исследования. М., 1967.
 Сухомлинов М. И. Исследования по древней русской литературе // Сб. ОРЯС АН. 1908. Т. LXXXV. С. 302–307.
 Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1996.
 Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
 Франчук В. Ю. Тексты редактора в Киевском летописном своде // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 122–123.

¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 676.

² Там же. Стб. 574.

А. А. Фролов (ИВИ РАН)

ДВЕ ГРУППЫ ПИСЦОВЫХ КНИГ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА 40-х г. XVI в.¹

Любая писцовая книга — это многослойный источник, отразивший несколько стадий переработки информации различного происхождения. Основными причинами различия книг по структуре являются: 1) своеобразие стоявших перед писцами или составителем книги задач; 2) различный состав данных «старых книг», использованных как «приправочные»; 3) принадлежность книг к разным стадиям компоновки и анализа собранных сведений.

¹ Работа написана при поддержке РФНФ, грант № 13-01-00122а.

Сохранилось десять книг с результатами поземельных описаний конца 30-х годов и составленных в первой половине 40-х годов XVI в. (в том числе три списка второй половины XVI в. — 1620-х годов). Суммарно состав сведений большинства из них может быть описан как набор «блоков» информации: землевладелец старый и новый, сведения об объектах (населенные и ненаселенные пункты, дворы, люди, пашня, сено, тягло, доход в пользу помещика (просто доход или старый доход и новый доход)), итоговые данные («по старому» и «по новому» письму сведения о пунктах, дворах, людях, пашне, сене, окладных единицах, доход (просто доход или старый доход и новый доход)), данные о придаче к старому поместью — в соответствии с постановлением об увеличении оклада служилому человеку. В некоторых книгах присутствуют, кроме того, пометы о полноте придачи, могут быть также отражены факты обмена поместьями, полученными в придачу.

В Новгородской земле письмо конца 30-х годов XVI в. коснулось только поместных земель. Для сопоставимости материала только описания поместий учитываются и в торопецкой книге. «За скобками» исследования осталась книга И. П. Заболоцкого (Тверской уезд). Явные отличия ее структуры могут быть особенностью списка, а не самой книги. Писцовое делопроизводство, как и вообще административная система Русского государства последней четверти XV — первой половины XVI в., чрезвычайно консервативно. При создании новых форм старые образцы использовались до последней возможности. Так, названия вновь создаваемых новгородских пятин, а позднее и половин пятин были заимствованы из номенклатуры исторически сложившегося в XIII—XV в. деления на десятины Новгородской епархии, порядок расположения глав в книгах 40-х годов XVI в. и книгах 1550/1551 г. получался в основном путем «расшивки» оглавления «старой» книги, использованной в качестве «приправочного» материала. Сравнив состав данных изучаемой книги с ее предшественницей — книгой «старого письма» рубежа XV—XVI в., легко понять, является ли элемент структуры книги результатом редактирования ее составителем, или же он унаследован от «приправочного» материала.

В точности следует структуре «старой книги» только один документ — книга Г. Морозова (Деревская пятина). Дополнением к заимствованной из «старой книги» структуре является помета о полноте придачи к поместью, которая следовала сразу после описания приданных земель. С другой стороны, в тексте не упомянуто ни одного факта обмена придачными поместьями. Таким образом, книга Г. Морозова предстает как писцовая книга на «ранней» стадии проработки материала, в которой основное внимание уделено сравнению результатов полевого описания с данными «старого письма». К той же группе документации относится, по-видимому, и книга Торопецкого уезда письма А. Ульянина.

Прямо противоположный «полюс» представлен пятью книгами — И. Вельяминова (Бежецкая пятина), Ж. Рябчикова (Деревская пятина), А. Ульянина (Холмский у.), Г. Собакина (Шелонская пятина) и Г. Валуева (Водская пятина). В них основа, заданная «старыми книгами», была серьезно переработана в направлении унификации формуляра книги. Заметно стремление составителей избавиться от информации, не имевшей практического применения при последующей работе с книгой. Во всех пяти книгах отражены уже не только факты придачи к старым поместьям, но и факты обмена придачными поместьями. Значит, при их создании были использованы не только полевые материалы и «старые» книги, но и сведения о произошедшем после «письма» движении собственности. Пометы о полноте придач, напротив, случайны и являются избыточной информацией, не удаленной из документа по недосмотру. К той же группе документов, что и рассмотренные выше пять книг, должны быть отнесены и книги С. Клушина (Водская пятина) и И. Морозова (Бежецкая пятина), хотя здесь составитель книги приложил для унификации меньшие усилия.

Книгу И. Вельяминова сопровождает царская грамота новгородским дьякам, где книга противопоставлена неким «метным спискам», в которых, согласно ее тексту, содержались следующие данные: а) сколько земли у того или иного помещика было; б) сколько земли помещику было придано; в) сколько земли помещику было припущено (чети, на которые писцы выдали льготу?). Информация «метных списков» была предоставлена писцами, которые «старые поместья писали и придачи давали», то есть по структуре «метные списки» очень близки книгам первой группы. Термин встречается и в самих источниках, например: «А вытеи за Микитю в старом его поместье 32, и две выти ему помечены в придачу». Таким образом, под «метными списками», скорее всего, подразумевались книги первой группы. Полноценный вариант книг 40-х годов XVI в. — это книги второй группы.

О. И. Хоруженко (ИРИ РАН)

ФОЛЬКЛОРНАЯ ОСНОВА РОДОСЛОВНОЙ ЛЕГЕНДЫ ТРАВИНЫХ: ПОПЫТКА НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ

Фольклористами выявлен достаточный материал для суждений о том, какими способами предполагаемый недоброжелатель мог совершать свадебную порчу и к каким последствиям она приводила. Стабильным сюжетом предстает такое следствие порчи, наведенной на одного из молодоженов или на них обоих, как физическое перерождение в медведя либо галлюцинации, в которых жених или невеста представляли перед своим избранником в виде этого зверя. Согласно поверьям, иногда молодые могли превратиться в медведей и убежать в лес [Ильина, с. 17–19]. Под шкурой убитого медведя охотники якобы находили женщину в сарафане — это была молодая жена [Гура, с. 166]. Иногда «ведьма “наводит порчу” на молодую, и та после свадьбы начинает по ночам казаться мужу медведицей»: согласно Н. К. Козловой и А. С. Степахиной, последний вариант сюжета представляет собой версию Б.В.З.

Вероятно, в основе таких легенд лежит переосмысление с христианских позиций архаичных свадебных обрядов с продуцирующей семантикой, в ходе которых невеста символически трансформировалась в медведицу. В древности это не имело такого негативного оттенка, как в легендах о свадебных порчах. Передки наименования невесты «медведицей» в свадебных песнях, причитаниях [Успенский, с. 163–166; Гура, с. 168; Бернштам, с. 183]. В Калужской губернии невесту одаривали благопожеланиями «быть косматой» [Добровольский, с. 227]. В Нижегородской губернии невеста венчалась в меховой шубе даже летом, «чтобы жить богато» [Зеленин, с. 791]. Волшебные сказки повествуют о рождении сына-богатыря от связи мужчины и медведицы [Прохазкова, с. 6; Бернштам, с. 167]. Более распространенные сюжеты о взаимодействии девушки с медведем Т. А. Бернштам интерпретирует как «экзамен на медведицу», наделение женщины медвежьей энергией [Бернштам, с. 171, 183]. При известном разнообразии фольклорных сюжетов (медведя могли заменить волк, змея) рассказ о свадебной порче на свадьбе московского великого князя Симеона Гордого со своей второй супругой Евпраксии стоит особняком. Здесь недоброжелатель добился того, что невеста в глазах жениха предстала не *медведем*, а *мертвецом*: «А как князь великий Семион Гордой женился у князя Федора у Святославича... и великую княгиню на свадьбе испортили, ляжет с великим князем, а она ся покажет великому князю мертвец. И князь великий великую княгиню отослал к отцу ее»¹. Отец же, по легенде, выдал ее замуж повторно. У князя фоминского и березуйского Константина Юрьевича было три сына, все звались Федорами. Старший из них, Федор Красный, и стал вторым супругом Евпраксии и родоначальником Травиных. От среднего Федора произошли Карповы и Бокеевы, от младшего — князья Козловские, Ржевские и Толбугины.

Этот рассказ впервые появляется в родословной росписи князей Фоминских, вошедшей в родословные книги Румянцевской редакции (1542–1547 г.). Сама роспись была составлена, судя по включенным в нее лицам, в первом десятилетии XVI в. и происходила из среды Карповых. Она должна была дискредитировать Травиных — представителей старшей ветви потомков князей Фоминских. Если ей следовать, то Травинины не могли гордиться своим старшинством — они становились потомками разведенной великой княгини, а «ниже от мужа пущена бывши жена за другий пойдет, прелюбодеица есть»². Это, вероятно, первая попытка объяснить довольно темную историю развода великого князя Симеона Гордого с Федоровной, отстоящая, впрочем, от самого события более чем на полтора столетия. Позднее как книжники, так и исследователи пытались дать иные объяснения скорого разрыва этого брака (он продлился около полтора лет). Рассматривая же историю о порче на великокняжеской свадьбе в фольклорном контексте, следует предположить, что в родословной князей Фоминских она дошла до нас несколько искаженной. Изначально она, вероятно, более соответствовала фольклорным представлениям о свадебной порче и ее последствиях. Изменения в сюжете могли быть сделаны переписчиком осознанно, для усиления драматического эффекта. Можно также предположить, что переписчика ввели в заблуждение особенности графики и физического состояния протографа, вызвавшие ошибку прочтения.

В связи с этим интерпретацию родословной легенды, исходящую из буквального, некритического прочтения, вряд ли можно признать безоговорочной. Вероятно, эта гипотеза может представлять интерес, в частности, для исследователей русского фольклора, поскольку примеры фиксации устной традиции в письменных источниках для XVI в. чрезвычайно редки.

Литература

- Бернштам Т. А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб., 2011.
 Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
 Добровольский В. Н. Свадебный обряд в Калужской губернии // Живая старина. 1902. Вып. 2. Отд. 2. С. 214–236.
 Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического об-ва. Пг., 1915. Вып. 2.
 Ильина Т. С. Мифологическое в жизни современной севернорусской деревни // Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 57). М., 2009. С. 5–34.
 Прохазкова К. От мифа к волшебной сказке: зачем медведю снимать шкуру // Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2008. № 1 (57). С. 5–9.
 Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

¹ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 165.

² Мазуринская Кормчая. М., 2002. С. 287.

А. Н. Хохлов (ИА РАН, ТНИИР-Центр)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ГОРОДА ТВЕРИ

В 2012–2015 г. продолжены систематические археологические исследования на территории Тверского кремля¹. Исследованные участки расположены как на оконечности мыса при слиянии рек Волги и Тьмаки (на территории стадиона «Химик»), так и в центральной части крепости — на месте Спасо-Преображенского собора и восточнее его апсид, а также в северной и южной частях кремля. Получена новая информация, всесторонне характеризующая жизнь города во второй половине XIII — XVII в. Кроме того, выявлены надежно датированные материалы, относящиеся к древнейшей истории города Твери.

¹ Работы проводятся Самбийской экспедицией ИА РАН (руководитель А. Н. Хохлов) совместно с Тверским научно-исследовательским историко-археологическим и реставрационным центром (ТНИИР-Центром). Руководят раскопками д.и.н. Л. А. Беляев, И. А. Сафарова, А. Б. Иванова, С. А. Кунгурцева. Приношу им свою благодарность за возможность ознакомиться с новыми материалами.

В раскопе на мысу впервые выявлены остатки древнейшей дубовой городской крепостной стены «гаковой» (крюковой конструкции), которая на основании серии радиоуглеродных дат может быть предварительно отнесена ко времени не позднее середины XII в. Рядом с дубовой стеной располагалась плотная городская застройка: постройки, частоколы, мостовые. На основании данных дендрохронологии две срубные постройки датированы 1149 и 1150 г. Ниже залегают несколько более древних построек, дендродаты которых пока не определены. Отметим, что древнейший культурный слой этого раскопа не содержит стеклянных браслетов, которые становятся популярными среди тверских горожанок позднее, вероятно, в 60–70-е годы XII в. Соответственно, этот слой сформировался до третьей четверти XII столетия. Среди находок, типичных для древнерусского города, следует отметить редкую находку деревянной резной доски, украшенной резьбой в стиле скандинавской плетенки. В лаборатории Университета г. Киль (Германия) по образцу от этой доски получена радиоуглеродная дата *calibr. AD 1010–1160 г (KIA-50975)*.

Выше слоев, связанных с разрушением дубовой стены, выявлена угольная прослойка от сгоревшей в XIII в. деревянной стены, на месте которой было возведено сложное сооружение, включавшее в себя конструктивные элементы из сосновых полусрубов. По данным дендрохронологии, это оборонительное сооружение на берегу р. Тьмаки было возведено после 1238 г.

На участке Спасо-Преображенского собора были проведены работы на площади свыше 1400 кв. м. Под остатками собора конца XVII в. удалось выявить фундаментные рвы собора 1285 г. с сохранившимися участками белокаменных кладок. По мнению Л. А. Беляева, трехнефный трехапсидный собор XIII в. вместе с галереями имел ширину не менее 21–22 м. Собор Спасо Преображения был выстроен в технике белокаменной кладки, в состав его декора входила резьба, близкая по стилю владимиросудальской. Были выявлены и многочисленные фрагменты штукатурки с остатками фресковой росписи высокопрофессионального уровня, в том числе и личного письма. Таким образом, первый каменный кафедральный собор Твери был богато украшен резьбой и фресковой росписью.

В раскопе были исследованы остатки некрополя: 184 погребения дособорного периода (XII–XIII в.), 5 захоронений, относящихся к кладбищу при соборе, и 3 поздних погребения внутри храма. Ранние захоронения, вероятно, связанные с деревянной церковью Козьмы и Демьяна, были перекрыты фундаментами каменного собора 1285 г. Все захоронения совершены в деревянных гробах или колодах, иногда покрытых слоем бересты. В 52 захоронениях XII–XIII в. были обнаружены височные кольца, бронзовые пуговицы, ожерелья из стеклянных бус, перстни, в двух случаях — нательные кресты, поясная бронзовая пряжка. В 6 погребениях встречены остатки головных уборов, в 11 — остатки воротников, покрытых тканями с золотным шитьем. Выявлен и уникальный комплекс: головной убор и воротник-ожерелка, украшенные разнообразными нашивными серебряными бляшками, в том числе со стеклянными вставками. В 11 захоронениях встречены остатки кожаной обуви.

На участках, примыкавших к храму, изучен культурный слой и комплексы второй половины XII — XIII в., в том числе постройка XII в. К востоку от собора проведены раскопки у здания бывшего Реального училища. Исследованы срубные постройки, частоколы, вымостки, материковые ямы эпохи Средневековья. Среди находок — печать тверского князя Ярослава Ярославича, который в 1272 г. был похоронен в церкви Козьмы и Демьяна.

Особый интерес представляет обнаруженный в небольшой ямке клад древнерусских серебряных украшений. Украшения (трихбусинные височные кольца, звездчатые и лучевые колты, рясна, бусы, медальоны-бляхи, створчатый браслет) были завернуты в ткань и помещены в горшок, который вверх дном был поставлен в ямку. Украшения изготовлены в технике скани и зерни, в ряде случаев использованы чернь и гравировка. Предварительно предметы, входящие в состав клада, могут быть отнесены к концу XII — первой половине XIII в. Вероятно, сокрытие клада связано с Батыевым погромом Твери в 1238 г.

В числе наиболее ранних твердо датированных находок этого участка следует отметить вислую свинцовую печать Ростислава Мстиславича Смоленского и подвеску, изготовленную из золотостеклянной бусины, время бытования которых XI–XII в.

Для раннего культурного слоя раскопов и шурфов в центральной, северной, южной частях кремля также характерно отсутствие стеклянных браслетов, которые встречаются в вышележащих отложениях. Получена серия (несколько десятков) радиоуглеродных дат, верхняя граница интервалов которых не выходит за рубеж XII–XIII в.

Таким образом, на территории кремлевского мыса выявлен культурный слой, который начал формироваться до середины XII в., срубные постройки 1149 и 1150 г., дубовая городская оборонительная стена этого времени. К северу, востоку и югу от Спасского холма в тверском кремле зафиксирован культурный слой с находками, датировка которых не выходит за пределы XII в.

Р. П. Храпачевский (Центр по изучению военной и общей истории)

РУСЬ И РУССКИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в. В МОНГОЛЬСКИХ ИЗВЕСТИЯХ

Аутентичные известия монголов про Русь и русских первой половины XIII в. находились в документах официоза Монгольской империи. Менее надежными представляются сведения монгольских информаторов в передаче иностранных путешественников. Первая группа дошла до нас в составе единственного монгольского нарратива — «Сокровенного сказания» (1240 г., далее — СС), а также в переводах на персидский и китайский языки документов монгольской каанской канцелярии, содержащихся в «Джами

ат-таварих» Рашид ад-Дина (далее — РД), «Юань ши» (далее — ЮШ)¹. Работа основывается на данных из этого круга источников, сведения из второй группы привлекаются только для сравнения.

Первое собрание данных о Руси появляется в монгольском официозе в связи с походом корпуса Чжэбэ и Субэдэя в 1222–1224 г. Они отражены в СС, ЮШ и РД. В работе [Храпачевский, 2013а] был проанализирован так называемый «список покоренных народов» в СС, в котором был выявлен пласт сведений, относящийся к результатам этого рейда. Выяснено, что в нем 11 народов системно сгруппированы и представлены «русской», «булгарской» и «кавказской» подгруппами. В «русскую» вошли «Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут», далее там же упомянут Киев (СС, § 262). Это самое раннее упоминание Руси у монголов. Русские в этих известиях постоянно упоминаются вместе с кипчаками и народами, которые входили в состав черных клобуков. Аналогичные сведения дают жизнеописания Субэдэя и Исмаила (подчиненного Чжэбэ) в ЮШ. Но в них есть существенные дополнения: о сражении на Калке, поражении и плене «старшего и младшего Мстиславов», причем решение о казни старшего из них принимал царевич Джучи², о переходе на сторону монголов части половцев и их «рабов»³. РД дополнительно к ним сообщает о ходе сражения и о погроме русского пограничья после Калки⁴. А в монгольских названиях русских городов выявлено огузское, то есть черноклобуцкое, посредство. Таким образом, комплекс этих данных указывает на включение монголами в состав сведений о «Оросут»-Руси также и ее кочевой периферии — черных клобуков и союзных половцев.

Второй блок известий о Руси — это сведения из похода Бату 1235–1242 г. в Восточную Европу. Согласно СС, этот поход назван «Кипчакским», но кроме кипчаков в СС особо выделены только русские — помимо того что они были поставлены вровень с основной целью, кипчаками, они названы «люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры», то есть тут еще и реминисценция Калки [Козин, с. 192; Храпачевский, 2013а, с. 96]. Важность взятия Киева в СС поставлена наравне с тяжелой для монголов трехмесячной осадой аланского г. Магас. Значение взятия русских городов отмечается и в биографии Мэнгусара в ЮШ, где сохранен текст указа Мэнгукаана: «был с нами в карательном походе по усмирению городов русских, асов и олберлик-кипчаков, переправляясь через огромные реки — строил плоты, проходя походом горы — прокладывал дороги, атаковал города и сражался в поле»⁵. В ЮШ много сообщений про этот поход, отметим важнейшие про Русь: рассказы о взятии Рязани по двум разным источникам, гибели великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича, сообщения о Козельске и Торческе (последний назван «Торск», что очень близко к летописному «Торьской»), покорение черных клобуков⁶. О них всех сообщает также РД, чьи сведения⁷ весьма сходны с данными ЮШ, отражающими, очевидно, общий монгольский первоисточник, то есть «повесть о Кипчакском походе». Дополнительно к ЮШ у РД есть уникальные сообщения о сражении при Коломне, где погиб сын Чингисхана Кулкан. В ЮШ тоже есть уникальные сообщения — об отъезде в конце 1240 г. с Руси части монголов (войск Гуюка) и присылке им на смену других (войск, приведенных сыном Субэдэя Урянхатаем⁸). В целом комплекс сведений этого монгольского круга источников о Руси и ее периферии в 1236–1240 г. хотя и отрывочен, но весьма разнообразен по охвату тем и событий, а также по перечню русских имен и топонимов.

Последний набор сведений указанного периода касается краткого времени нахождения Руси как вассальной территории улуса Джучи в составе Монгольской империи. Это, во-первых, сведения, касающиеся так называемой «Неврюевой рати» в 1252 г. (подробно рассмотрены в [Храпачевский, 2013б]), а во-вторых, данные ЮШ о мероприятиях имперских властей по отношению к Руси. Синхронно с СС там Русь представлена в одном блоке с булгарско-половецким и кавказским регионами — в трактате «География» ЮШ русские, аланы и кипчаки объединены в одном параграфе, причем под общим для них подзаголовком «[Страна] Кипчак», где приведены сведения о переписи русских дворов и аланских совершеннолетних тяглых в 1253 г. (реально — в 1252 г., с учетом времени дождения сведений до Каракорума), а также сообщение о назначении наместника над русскими и аланами в 1257 г.⁹

Литература

- Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
 Храпачевский Р. П. К вопросу о так называемом «списке покоренных народов» Восточной Европы в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) // *Studia Historica Europae Orientalis*. РИВШ. Минск, 2013. Вып. 6. С. 91–102. (Храпачевский, 2013а)
 Храпачевский Р. П. «Неврюева рать» в свете монгольских источников // *Материалы XXV Чтений памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто*. ИВИ РАН. М., 2013. С. 264–268. (Храпачевский, 2013б)

¹ 元史, 中華書局出版,北京 1997 / Юань ши (История династии Юань). Пекин, 1997. Чжунхуа шуцзуй чубань.

² Там же. С. 2969–2970, 2976, 3008.

³ Там же. С. 2976.

⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Ч. 2. С. 229.

⁵ Юань ши. С. 3056.

⁶ Там же. С. 43–44, 2977–2978, 3011.

⁷ См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 38–39, 44–45.

⁸ См.: Юань ши. С. 37, 2979.

⁹ Там же. С. 1570.

В. В. Хухарев (ТНИИР-Центр)

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ И ВЛАДЕЛЬЦЕ ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СВ. НИКИТЫ-БЕСОБОРЦА И СВ. МЧ. ВАСИЛИЯ

Актывые печати, фиксируемые на археологических памятниках, продолжают оставаться яркими находками, позволяющими связывать следы материальной культуры с письменными свидетельствами истории. На сегодня, помимо фиксации сфрагистических находок из сборов частных лиц и археологических находок, опубликованы еще и несколько групп печатей так называемых «архивов» (с Рюрикова городища, из Пскова, Старой Ладogi, Торжка).

Из более 3 тысяч известных на сегодня печатей лишь 5 экз. имеют интересующий нас сюжет «побивания беса». Из них 4 экз. происходят из подъемных материалов 1978–2000 г. с Рюрикова городища под Новгородом и 1 экз. из раскопок 2006 г. в Старой Ладoge. Буллы оттиснуты на заготовках линзовидного сечения и одной парой матриц. Их диаметры: 18 мм (обл.); 20–25 мм; 22–23 мм (вес 6,05 г); 23 мм (обл.); 23–26 мм. Хранятся: Новгородский музей (1 экз.); Эрмитаж (1 экз.); Ладожский музей (1 экз.); част. кол. (2 экз.). На одной из сторон рассматриваемой буллы помещено изображение св. мч. Никиты, побивающего беса. Одной рукой при этом святой удерживает беса за волосы, а в другой, занесенной для удара, держит двучастные оковы. По сторонам колончатая надпись (зеркально): «НИК / ТА». На другой стороне: св. мч. Василий, с крестом в руках. По сторонам колончатая надпись (зеркально): «ВАСИ / ЛЭЭ». Все находки опубликованы [Янин, Гайдуков, 1998, с. 54, № 2306; Янин, Гайдуков, 2001, с. 186; Кирпичников, Белецкий, с. 263–303]. Отметим, что публикаторы считали лицевой сторону с изображением св. Василия, не обращая внимания на крест в его руках. А в сюжете «побивания беса» в руках святого видели крест вместо оков. Печать при публикации была отнесена к буллам, «которым пока не удается дать сколько-нибудь обоснованную атрибуцию», объясняя это отсутствием сведений о крестильных именах большинства членов княжеских домов и малочисленностью находок с топографическими данными. Авторы публикации с некоторой долей условности отнесли данную печать в группу булл псковской княжеской сфрагистики домонгольского времени [Янин, Гайдуков, 1998, с. 50, 54]. В публикации о староладожской канцелярии рассматриваемая печать приводится в составе комплекса из 101 предмета и датируется серединой – второй половиной XIII в. [Кирпичников, Белецкий, с. 263–303].

Трудности в прочтении рассматриваемой печати, на наш взгляд, связаны с рядом неточностей, допущенных в процессе «прочитывания печати». Во-первых, это рассмотрение сюжета «побивание беса» лишь в качестве дополнительного атрибута святого и соответственно отнесение печати в **разряд VI / 1 (святой-святой)**, соотносимый с правой деятельностью русских князей XII–XIII в. Во-вторых, проблемы в определении лицевой и оборотной сторон этой печати и соответствующая путаница в имени и отчестве предполагаемого буллодержателя внесли свою долю неразберихи в ее определение, способствуя отсутствию конкретных результатов. В-третьих, несмотря на новгородское происхождение рассматриваемых печатей, их атрибуция требует осторожности. Печати, собранные с берегов Сиверского канала, переотложившего культурный слой городища, составляют почти треть всех булл, зарегистрированных в Новгороде. Между тем мнение об их принадлежности исключительно новгородским князьям и чиновникам на сегодня представляется не вполне корректным. Обширное собрание документов, которые когда-то скрепляли фиксируемые печати, включали не только акты, заверенные новгородскими должностными лицами разного уровня, но и акты, поступавшие в Великий Новгород извне. Поэтому необходимо учитывать возможность отнесения целого ряда печатей этой коллекции к должностным лицам, не имевшим прямого отношения к новгородским властным структурам.

Признание за сюжетом «побивания беса» функции «композиция-святой» позволяет отнести рассматриваемую печать к другому разряду – **V / 1 (композиция-святой)** и соответственно анализировать уже в числе сфрагистических регалий лиц, выступавших представителями монастыря (аверс), несущих персональную ответственность за свои действия, судя по «именному» характеру изображения другой стороны буллы (реверс). Отсутствие при этом на ней указаний на должность в монастыре позволяет видеть в буллодержателе ктитора, выступающего от имени монастыря.

Следует также принять во внимание, что сама иконография сюжета со св. Никитой-бесоборцем представляется в виде эволюционной линейки (от наиболее близкой к тексту Жития до полной потери связи с ним). Если вначале св. Никита попирает беса, наступив ногой на его шею, и избивал его своими кандалами «яко были на ноге его», то в более позднее время бес мог уже поражаться крестным знаменем или мечом, а сам Никита изображаться в латах, как святой воин. При этом наиболее распространенный вариант этого сюжета приходится на изображение святого в рост, удерживающего беса за вздыбленные волосы [Хухарев, с. 455–466].

В заключение отметим, что гипотеза об отнесении рассматриваемой печати, датируемой XIV в., к сфере деятельности одного из Никитских монастырей и ктитора с крестильным именем Василий требует дальнейшего изучения и проверки.

Литература

- Кирпичников А. Н., Белецкий С. В. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладoge в 2006 г. // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2006 г. Реформы в России XVI – нач. XX вв. СПб., 2006. С. 263–303.
- Хухарев В. В. Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение» // Археология Подмосковья: Мат-лы науч. семинара. М., 2015. Вып. 11. С. 455–466.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актывые печати древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2001. Вып. 15. С. 179–197.

Д. О. Цыпкин (РНБ)

СЛЕДЫ НА ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЯХ КАК ИСТОЧНИК ЭКСПЕРТНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛЕДОВ ВОСКА)¹

В изучении древнерусских рукописно-книжных памятников проблеме следов до сих пор фактически не уделялось специального внимания. Однако с началом процесса формирования историко-документной экспертизы как самостоятельной дисциплины, изучающей рукописи, системное исследование следов становится важной областью ее интересов. Историко-документная экспертиза рассматривает рукопись одновременно и как систему следов, и как точку пересечения разнообразных исторических технологий, посредством которых создавался документ и его технологические элементы. Ее методология строится на сочетании следоведческого подхода с историко-технологическим. В основе следоведческого подхода находится категория следа, под которым мы понимаем материально-фиксированные изменения состояния технологических элементов рукописи или их составляющих, возникающие в ходе производства и существования рукописи в целом или ее отдельных частей, а также конкретные (уникальные) материально-фиксированные изменения состояния тех или иных веществ, возникающие в ходе производства из этих веществ материалов, составляющих технологические элементы рукописи (отобразившиеся в этих материалах).

Следы, наблюдаемые в рукописях, можно разделить на три основные категории по характеру процессов слеодообразования: следы производства (производственные следы); следы целевого использования рукописи (функциональные следы); следы бытования документа.

Кроме того, по природе возникновения эти следы должны подразделяться на: случайные и произвольные.

Естественно, что этими категориями не исчерпывается вся типология разнообразных следов, характерных для рукописной книги, но это тема специальной разработки, выходящей за рамки задач данного исследования.

Предметом настоящего сообщения являются только следы воска в древнерусских рукописных книгах. До сих пор интерес исследователей к этой проблеме касался только «разметки текста, сделанной при помощи капель растопленного воска», как представляла данное явление В. Ф. Покровская (а вслед за ней и Б. М. Клосс) [Покровская, с. 8–16; Клосс, с. 208–214]. Мы рассмотрели все основные формы восковых следов, наиболее распространенными из которых являются следы капель. Для оценки информационного потенциала и разработки типологии следов воска важнейшее значение имеет анализ процесса слеодообразования с помощью экспериментальных методов, моделирующих различные условия этого процесса. На настоящий момент проведено исследование процесса образования следов воска на бумаге (в дальнейшем предполагается расширить его на пергамен). В результате следы воска на рукописях (принадлежат к категории функциональных следов) были разделены на следы капель и пятен воска, которые являются случайными, и на восковую разметку, которая относится к произвольным следам. Последняя могла делаться только условно «холодным» способом, и ее интерпретация как капель оказалась ошибочной. Что касается непосредственно следов капель, являющихся основным видом следов воска, встречаемых на древнерусских рукописях, то их экспериментальное исследование, в сочетании с анализом следов на древнерусских рукописях XVI–XVII в. из собрания ОР РНБ, позволило разработать соответствующую классификационную систему, основанную на разделении следов по: форме; характеру внешних краев следа; характеру пространственного распределения вещества (воска); размерам «пятна» следа; толщине и целостности слоя вещества в следе.

Наша система формировалась с учетом уже существующего в криминалистике опыта изучения следов крови. Предлагаемая классификационная система позволяет по следам капель, обнаруживаемым в рукописях, определять угол наклона документа в момент падения на него воска, а также расстояние, на котором находился источник воска (он же источник освещения) от книги в момент образования этих следов. Возникает возможность реконструировать условия и характер использования документа в период образования восковых следов: определить, находилась ли рукопись на аналое, лежала ли на столе или держалась в руках; был ли источник света закреплен на значительной высоте (как паникадило в крупных храмовых постройках), или свеча оказывалась фактически у самого документа. В результате возникает возможность рассмотрения следов воска как источника, отображающего культуру повседневности функционирования рукописной книги.

Следы капель воска на рукописи — это следы системы: источник освещения — документ — человек («пользователь» книги). Такая система наиболее полно и точно реконструируется на базе не одного, а нескольких типов следов. В нашем случае анализ следов воска должен обязательно дополняться наблюдением следов рук, присутствующих в рукописной книге. Вместе они не только отражают интерес «пользователя» к тем или иным частям документа (определяют наиболее часто раскрывавшиеся страницы), но и позволяют точнее представить характер функционирования документа. Поэтому хотя исследование было сфокусировано на классификации и экспертной интерпретации следов воска, но для наиболее точной и полной реконструкции системы функционирования рукописи пришлось также сформировать первичную типологию следов рук. Эта типология соответствует основным вариантам удержания книги (кодекса), характерным, по нашим представлениям, для наиболее типичных ситуаций функционирования рукописной книги в Древней Руси (при чтении рукописи, лежащей на столе, на аналое или подставке; при держании Евангелия дьяконом перед священником), а также листанию.

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 13–01–00172).

Литература

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.

Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1966. С. 5—19.

С. Б. Чебаненко (СПбГУ)

ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ № 548:
К ВОПРОСУ О ДОСУДЕБНЫХ СПОСОБАХ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Древнерусское население было довольно активным в правовой сфере и могло разрешать возникшие споры без княжеского суда. В связи с этим обратимся к берестяной грамоте № 548 (середина XII — начало XIII в.). Автор пишет Моиславу и Миките: «цѣмому бра(тѣ) (—) (бѣ не в)звншисл . а ж вьдѣ ожь . ж вьсх ѣ.тѣ тѣварѣ ольскы(нѣ) [а] ѣзо не ѣдино . былѣ . ѣрлмнрѣ а нннхѣ моуѣжѣ .г. ----- [х] а правитѣ . нмѣ тѣварѣ . бѣ ѣв боаць»¹.

По мнению издателей грамоты, речь идет о незаконном присвоении товара. «Об этом стало известно разным людям, в том числе и автору письма. Он советует Моиславу и Миките вернуть чужой товар его законному владельцу» [Янин, Зализняк, с. 20]. Возможно, товар был передан Моиславу и Миките по взаимному согласию на хранение или для торговли от лица Олексы. Подобные споры рассматриваются в Пространной Правде. В ст. 49 «О поклаже» хранитель товара квалифицируется как «бологодел», благодетель, и поэтому указывается, что в разбирательстве послухи не участвуют. Хранителю товара достаточно присягнуть, что он отдал все, что брал на хранение, и делу конец². О распоряжении купца чужим имуществом по договоренности с его владельцем говорят ст. 54—55 Пространной Правды. Судебное разбирательство предусмотрено, если купец пропьет, проиграет или испортит чужой товар. Отметим, что в этом случае ограничений на привлечение послухов нет³.

Фраза «[а] ѣзо не ѣдино . былѣ» — это формула официальных документов [Зализняк, с. 403]. На то, что в грамоте спор о «товаре» имеет договорную подоплеку (что «товар» не был попросту похищен и т. п.), намекает также количество людей, представляющих потерпевшую сторону. Их шестеро: автор грамоты, Олекса — хозяин имущества, Ярямир и еще трое «мужей» — свидетелей перехода «товара» в руки адресатов.

Известно, что в изводе Краткой Правды участвовали двенадцать «мужей»⁴. Мы склоняемся к мнению, что в изводе следует усматривать посреднический орган, а двенадцать человек были представителями сторон — по шесть с каждой. Извод в качестве самостоятельного института на фоне распространения княжеского суда уходит в тень, а сами участники извода на этом суде превращаются в соприсяжников. Но практика досудебного решения споров продолжала существовать. В число этих «12-ти мужей» на изводе, по-видимому, входили и сами спорящие — истец и ответчик. Обращаясь к сравнительным данным, мы увидим, что, когда оговариваются вопросы, связанные с соприсяжничеством, истец и ответчик называются в числе присягающих⁵. Автор грамоты говорит о себе как об одном из свидетелей сделки наряду с четырьмя «мужами» и хозяином «товара» и требует отдать «товар» Олексе. Может быть, здесь стоит упомянуть грамоту № 343 (XIII в.), где тоже перечисляются послухи, которых также, несмотря на некоторые утраты текста, насчитывается шестеро⁶. Текст трактуется как конец какого-то договора.

Полагаем, что грамота № 548 отражает попытку полюбовного, досудебного и на этом этапе вообще «допроцедурного» способа разрешения конфликта. Представитель заинтересованной стороны, ссылаясь на заключенный в присутствии послухов договор и оперируя формулой официальных документов, требует возврата имущества⁷. В случае отказа, может быть, последовало бы обращение ко всем участникам договора (изводу?). Если верно наше предположение, что в грамоте говорится о передаче товара на хранение, то обращение к суду князя и выставление там послухов было бессмысленно — ст. 49 Пространной Правды не признает послухов в таких случаях. Заметим, что автор дважды апеллирует к богобоязненности адресатов, не угрожая обращением к суду, который в такой ситуации вряд ли смог бы помочь истцу.

¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 402.

² Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941. С. 109.

³ Там же. С. 110.

⁴ Ст. 12. Там же. С. 79.

⁵ См. ст. XII, XV, XVI, XVII, XXIII Польской Правды (Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 742—745, 747), ст. 8 Капитулярия II (Салическая правда. М., 1950. С. 65—66), Edictum Rothari Regis. 164, 359 (Шервуд Е. А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 32, 59).

⁶ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 509.

⁷ В связи с этим упомянем грамоту № 9, в которой брошенная мужем Гостята жалуется Василию, вероятно, своему родственнику (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 300). В комментарии к грамоте А. В. Поппэ говорится, что муж, «избивъ роукы» (разорвав брачный договор) и разойдясь с Гостятой, не отдал ее приданое. И Гостята зовет Василия как рукобитца — свидетеля заключенного соглашения [Поппэ, с. 41—42]. Ученый допускает, что развод мог иметь место без церковного суда [Поппэ, с. 39—40]. В этом случае решение имущественного спора — дело самих сторон.

Литература

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Поплэ А. В. О брачном контракте на Руси (на основании грамоты на бересте № 9) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Мат-лы международной конференции. М., 2003. С. 39–44.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. Т. VIII.

В. Г. Ченцова (*Ин-т византийской истории и цивилизации, Париж*)

ПОРТРЕТЫ ИЕРУСАЛИМСКОГО ПАТРИАРХА ФЕОФАНА НА ГРАМОТАХ

Иерусалимский патриарх Феофан III Каракалл (1608–1645 г.) сыграл особую роль в истории Восточной церкви и Киевской митрополии. Именно ему выпала роль восстановителя православной иерархии на территории, находящейся в юрисдикции киевского митрополита после Брестской унии 1596 г. На обратном пути из Москвы, где он находился в 1619–1620 г., иерусалимский первоиерарх поставил на кафедры православных епископов и митрополита Иова Борецкого, а также подписал несколько документов, которые подтверждали права православных братств на территории митрополии, благословляли и наставляли жителей разных городов Речи Посполитой в христианской вере. Среди этих документов, написанных на церковнославянском языке и датированных летом 1620 — январем 1621 г. (до отъезда Феофана из Киева 7 января 1621 г.), известны грамоты православным жителям Могилева (9 мая), Слуцка (6 июня), Луцка (20 июня), Львова (7 сентября), Минска (сентябрь), Перемышля (18 октября), Вильно (октябрь), Рогатина (начало 1621 г.). Особое внимание исследователей привлекала грамота с подтверждением прав Львовского братства, хранящаяся во Львове (ЦГИАЛ Украины) (Ф. 129. Оп. 1. № 480. Л. 1). Ее особенностью является изображение на верхнем поле листа портрета патриарха Феофана [Фонкич, с. 511–513, ил. 1–2]. Еще одна грамота с портретом Феофана — подтверждение прав братства Преображения Господня в Слуцке — хранится в Вильнюсе, в Библиотеке Академии наук Литвы имени Врублевских¹.

Сопоставление этих двух грамот, украшенных изображениями патриарха, с грамотой жителям Рогатина, хранящейся в Киеве, в Национальной библиотеке Украины имени В. И. Вернадского [Чернухин, с. 28, № 88 (с неверной датой: 1620 г.), ил. 60]², позволило сделать ряд наблюдений, касающихся их палеографических особенностей и декоративных элементов. Грамоты львовскому и рогатинскому братствам написаны одним почерком и украшены сходным образом. Грамота жителям Слуцка, возможно, написана тем же писцом, но в иной манере — книжным полууставом. Патриарший титул на грамоте братчикам Слуцка и на грамоте рогатинцам выполнен одной и той же рукой. Обе грамоты, слуцкая и рогатинская, как следует из их текста, написаны в Киеве, львовская же — в Белой Церкви. В тексте львовской грамоты указано, что с просьбой о ее предоставлении к патриарху обратился протосинкел Памва Берында в Киеве. Таким образом, все три грамоты так или иначе связаны с Киевом, где они либо были написаны, либо обсуждались возможности предоставления патриархом подобного документа братчикам. На всех трех грамотах стоит собственноручная подпись иерусалимского патриарха Феофана, на грамоте слуцкому братству имеется также подпись великого архимандрита Великой церкви и экзарха константинопольского патриарха Арсения. На нижнем поле всех трех грамот стоит оттиск печати иерусалимского Святогорского братства с изображением Сошествия во ад и круговой легендой + Η ΑΝΑΣΤΑΣΙΣ ΤΟΥ Κ(υρίου) Υ ΝΜΩΝ Ι(ησο)Υ Χ(ριστο)Υ ΤΗΣ ΑΓΙΑΣ ΠΟΛΕΩΣ ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΩΝ (диам. 41 мм). Эта печать встречается уже на документах иерусалимского патриарха Софонрия, после чего переходит к его преемнику Феофану, затем какое-то время хранится в святогорских метохах в Валахии, а впоследствии обнаруживается на грамоте иерусалимского патриарха Нектария, написанной из Бухареста (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 617).

На львовской грамоте портрет патриарха выполнен более детально и раскрашен разноцветными красками: светлая тулья шляпы — розовым цветом, полосы на облачении — серой и черной краской, на красных скрижалях художник сделал попытку передать узоры ткани, тени на лицо наложены серым тоном. Портрет на слуцком документе представлен более схематично, но оба изображения имеют между собой явное сходство. Рисовальщики стремились в обоих случаях передать основные характерные черты лица своего персонажа: горбатый нос и непропорционально большие глаза, а также изобразить раздвоенную бородку, черный клобук. Модель для портретов была безусловно общей, но пока не вполне ясно, делались ли эти зарисовки с натуры, как предполагалось ранее, по заказу будущего киевского митрополита (поставленного 9 октября) Иова Борецкого. Некоторые сомнения в том, что рисунки были сделаны с натуры, вызывает сравнение портрета со львовской грамоты с хранящимся в Государственном художественном музее Амстердама (Rijksmuseum Amsterdam) гравированным портретом патриарха Феофана работы Луки Килиана 1622 г., заказанным одним из виленских братчиков, Евстратием Зияловским³. Особенности изображений позволяют предполагать, что их сходство не является лишь портретным, поскольку проявляется также в таких деталях, которые не могут быть следствием случайного совпадения. Так, на грамоте тулья шляпы патриарха — светлая, закрашенная розовой краской, а поля — темные. Причины такой разницы цветов делаются понятны, если взглянуть на гравюру: на ней светлая тулья и темные поля широкополой шляпы вызваны игрой света и тени, переданной гравером. Странные

¹ Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Ф. 21. № 1423. Указано Л. В. Татаренко.

² Ф. 18. № 47. Л. 1 (1621 г.).

³ См. о гравюре: [Yurchyshyn-Smith, p. 93–110].

ушки на тулье шляпы, видимые на портрете патриарха с грамоты, на гравюре имеют определенный смысл — это узлы, закрепляющие кисти, знак отличия высших церковных иерархов в Латинской церкви. Полоски на облачении, узоры на скрижалях повторяются, разумеется, в более совершенном с точки зрения формы виде и на гравюре.

Не могли ли копировать портрет, появившийся на двух грамотах, именно с гравюры? Евстратий Зияловский имел, по-видимому, у себя какой-то образец изображения Феофана, который увез в германские земли. Но мог ли этот образец попасть к писцам грамот Феофана? Не слишком ли нелогичным выглядит появление на шляпе креплений для кистей, принятых в Латинской церкви и присутствующих на гравюре, но отсутствующих на изображении на грамоте?

Как известно, уже в 1624 г. портреты Феофана начали широко распространяться в Польско-Литовском государстве, и братчиков даже обвиняли в том, будто они повсюду помещают изображения патриарха, как если бы он был святым. Портреты были широко распространены: не случайно и Павел Алеппский видел в Киеве, в Михайловском Златоверхом монастыре близ архиерейского места портрет Феофана в мантии и шляпе. Более поздняя дата гравюры — 1622 г. — заставляет задуматься о том, имеем ли мы дело с подлинниками грамот Феофана православным жителям Речи Посполитой 1620–1621 г., или же они были скопированы с оригиналов чуть позже, в ходе отстаивания братчиками своих прав, а некоторые и украшены портретами, моделью для которых послужила гравюра Луки Килиана. Этому предположению не противоречит то обстоятельство, что три грамоты, которые к настоящему моменту удалось изучить, были написаны по единому образцу и, по-видимому, одним писцом. Вопросы о писце грамот, месте их написания и использованном образце для создания портретов иерусалимского патриарха нуждаются, как представляется, в дальнейшем исследовании.

Литература

Фонкич Б. А. Портрет иерусалимского патриарха Феофана // От средневековья к новому времени. Сб. статей в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 511–513.

Чернухін Є. К. Колекція рукописів та архів митрополита Андрея Шептицького. Каталог фонду XVIII Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Київ, 2011.

Yurchyshyn-Smith O. The Antimension (1620) of Theophanes, Patriarch of Jerusalem // Oriens Christianus. 2004. Vol. 88. P. 93–110.

М. С. Черкасова (Вологодский гос. ун-т)

О ТЮРКИЗМАХ В АНТРОПОНИМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (ПО ПИСЬМЕННЫМ И ФОЛЬКЛОРНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

В одной из статей журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» было изучено родопроисхождение фамилий, восходящих к татарам Телебуге и Албуге, выехавшим в XIV в. на службу к московским князьям [Кузьмин, с. 5–23]. На Устюге в 60-е годы XIII в. был известен баскак («ясащик») Буга, творивший насилия над местными жителями. Имя его А. Н. Власов возводит к персонажу тунгусско-маньчжурской мифологии, означавшему силу всей природы, хозяина верхнего мира [Власов, с. 35–36]. Память о нем закрепилась в названии села Баскачье в околородных станах Устюга, отмеченного как центр выплаты налогов в одной оброчной грамоте 1564 г.¹, и Баскачьего стана в комплексе дозорных, писцовых и переписных книг Устюжского уезда конца XVI — первой половины XVII в. Южнее с. Баскачья существовала д. Бугино².

По данным полевых исследований в Белозерье Ю. И. Чайкина фиксирует бытование в XIX — начале XX в. мужского прозвища Толбуга, смысловое значение которого не мотивировано. Его не могли объяснить даже глубокие старики данной местности. Исследовательница относит его к группе прозвищ с утраченной внутренней структурой, передающихся в устной форме от поколения к поколению [Чайкина, с. 104–109]. Двухсоставную основу (Тол — буга) имела фамилия помещицы Овдотьи Толбугиной (Рязанский у., 90-е годы XVI в.)³. Антропонимы Толбугины/Толбузины следует считать созвучными, как и топонимы Толбугино/Толбузино. Тюркизм-«кипчакизм» можно видеть в личном некалендарном имени Тугарин. Ни о какой связи с половецким ханом середины XI в. Тугор-каном, как считал А. И. Соболевский [Соболевский, с. 110], здесь говорить не приходится. Но важно учитывать значительную долю половцев-кипчаков среди населения Золотой Орды в XIII–XIV в. Ряд исследователей ведет этимологию имени от общеславянского *туга* — скорбь, печаль, горе, обида, а еще — налоговые тяготы («потуг»), угнетение. Тугоркан как имя могло обозначать обидчика, насильника, угнетателя, врага вообще.

Один из вариантов былины «Алеша Попович и Тугарин» был записан в Белозерском уезде, а наиболее поздние — у русских старожилов низовьев р. Индигирки в Якутии в 1946 г.⁴ В них Алеша сражается со змеем Тугарином на Куликовом поле, куда тот прилетает на крыльях «гумажных» (бумажных). И характер крыльев (бумага у нас появилась не ранее XIV в.), и указание на Куликово поле

¹ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1572 гг. Л., 1988. № 275.

² Вологодская губерния. Список населенных мест по сведениям на 1859 г. СПб., 1866. № 11152.

³ Анпилов Г. Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М., 1982. С. 269.

⁴ Шуб Т. А. Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 205–236.

в сочетании с Киевом показывают переплетение в былине разных исторических пластов народной памяти. Визит Тугоркана к князю Владимиру в Киев окрашен такой чисто восточной деталью, как прибытие на носилках:

Принесли тут Тугарина на дубовой на доске.
В головах у него тридцать богатырей,
В ногах-ти у него других тридцать.
Так же по-восточному он садится:
Посадили Тугарина на часовую кровачь.
Склат тут Тугарин ножку под гузно,
Белы ручки — княгине в пазушок⁵.

Специалисты по фольклору считают местом возникновения былины Ростовскую землю (поскольку сам Алеша — ростовец, а в былине указан его отец — ростовский священник Леонтий, в имени которого могла закрепиться историческая память о первом епископе Северо-Восточной Руси XI в. свт. Леонтии Ростовском [Добрыня Никитич, с. 399]). Лингвисты говорят о былинных и сказочно-былинных именах, среди которых, помимо чисто славянских — Добрыня, Дунай, были и тюркские — Батый, Мамай, Мурат, Тугарин, Казарин, Салтан [Кондратьева, с. 30, 43, 50–51, 71, 76]. В актах XVI в. отмечены Тугарин Данилов и Тугарин Молчанов [Соболевский, с. 105]. В XVII в. фамилия Тугариновых была распространена в основном среди дьяков и подьячих [Веселовский, с. 527]. Этнически окрашенным было имя-прозвище Кипчак. А. М. Селищев отметил его в одной писцовой книге 1495 г. — новгородский крестьянин Ивашко Кипчак [Селищев, с. 114]. В Ярославской приправочной книге 1568/1569 г. среди служилых людей имеется многочисленный клан Кипчаковых⁶.

Обилие ориентализмов среди некалендарных личных имен в России XVI в. отметил В. Б. Кобрин, не видевший в большинстве их носителей выходцев с Востока. В фамилии Казаринов никакой прямой связи с хазарами, разумеется, не было [Кобрин, с. 183]. Обстоятельно изучив Дворовую тетрадь 50-х годов XVI в. как памятник исторической антропоники, В. Б. Кобрин установил, что в ней по 5 раз фигурируют имена Темир и Улан, 4 раза — имя Казарин, по три раза — Немир, Салтан, Шеремет, по два — Мурат, Ташлык, Шемет, по одному — Агиш, Айдар, Аксак, Аргун, Аталык, Ахмат, Бусурман, Инай, Мамат, Мамон, Мурза, Ногай, Салтык, Чебот, Чулок. Все они вместе взятые составили невысокую долю тюркизмов в этом памятнике на фоне русских календарных и некалендарных имен и прозвищ.

Литература

- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII вв. Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995.
Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.
Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропоники. Избранные труды. М., 2008.
Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря. Казань, 1983.
Кузьмин А. В. Крещенные татары на службе в Москве: К истории Телебугиных и Мячковых в XIV — первой половине XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 5–23.
Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 97–128.
Соболевский А. И. Заметки о собственных именах в великорусских былинах // Живая старина. 1890. Вып. 1–2. С. 93–107.
Чайкина Ю. И. О традиционных прозвищах в Белозерье // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1969. № 3 (51). С. 104–109.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ Писцовые материалы Ярославского уезда. Поместные земли. СПб., 2000. С. 328.

Д. А. Черненко (Вологодский гос. ун-т), П. В. Чеченков (НГТУ им. Р. Е. Алексеева)

СЕЛЬСКИЕ ЦЕРКВИ НИЖЕГОРОДСКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.: КОЛИЧЕСТВО, СОСТОЯНИЕ, РАЗМЕЩЕНИЕ

Особенностью Нижегородского уезда в XVII в. являлось то, что, несмотря на свою историческую связь с Владимиро-Суздальской Русью и начало освоения еще в XII в., пятьсот лет спустя, в отличие от других уездов Замосковья, здесь процесс формирования сети сельских поселений находился в весьма активной фазе. Более того, период XVII–XVIII в. представляется ключевым в истории формирования сельской приходской сети и духовенства в регионе.

Храмы и монастыри Нижегородского уезда первой четверти XVII в. описаны в писцовой книге 1621–1624 г.¹ Не считая монастырских комплексов, она зафиксировала 107 храмов, преимущественно в селах (иногда сельцах), слободах, погостах и пустынях. Практически все они «деревянные клецкие», изредка шатровые. Больше всего церквей в закудемской части уезда (60), что объясняется ее обширностью и состоятельностью землевладельцев. В центральном Березопольском стане — 36 храмов, в небольшом Стрелицком — только один в монастырской вотчине. Вероятно, отсутствие церквей здесь компенсировалось соседством с Кунавинской слободой Нижнего Новгорода и Балахной, где храмы были. В боярских вотчинных волостях Пурецкой и Белогородской насчитывалось 3 и 7 церквей соответственно. Наконец, в Скоробогатовской волостке храмов, кроме монастырского, не было.

¹ Подробнее об источниках и методике исследования см.: [Черненко, Чеченков, 2014а].

Беглого взгляда достаточно для того, чтобы прийти к заключению о крайне неплотной сети приходских храмов на территории уезда, даже если мы допустим, что для ближайшей округи монастырей их храмы выполняли приходские функции, у нас получится следующая картина. В Пурецкой волости на один храм приходилось 47 населенных пунктов и 179 дворов, в Белгородской волости — 37 поселений, 184 двора. Столь значительные числа объясняются большим числом новых поселений — починков, возникших благодаря активной деятельности бояр-землевладельцев по освоению недавно полученных ими земель. Рекордно высокое число дворов на один храм было в Стрелицком стане — 369 (39 населенных пунктов). Почти 15 населенных пунктов и 142 двора на одну церковь было в Закудемском стане. Редкость сети храмов здесь в какой-то степени также объясняется продолжающимся освоением. Неслучайно и здесь мы наблюдаем большое число починков. Самая плотная сеть сельских приходских храмов прослеживается в старинном Березопольском стане: почти 9 поселений и 124 двора на один храм. В монастырских вотчинах обоих крупнейших станов сеть приходских храмов была значительно плотнее, чем в светских вотчинах и поместьях. Надо полагать, монастыри проявляли большую заботу о церковном строительстве в своих владениях по сравнению с владельцами светских вотчин и поместий. Кроме того, их хозяйственные комплексы отличались большей экономической устойчивостью. Анализ состояния нижегородского поместно-вотчинного земельного фонда показывает, что служилые землевладельцы здесь не могли выделять большие средства на строительство и даже обустройство храмов [Черненко, Чеченков, 2014б]. Поэтому в целом ряде случаев церкви были ветхи. Например, в Березопольском стане из 36 церквей 5 были ветхими. Из них 4 в селениях, записанных за светскими землевладельцами. В селце Горюшкино Кузьмы Гушина церковь «огнила и обвалилась». Причетники ушли из-за бедности из поместья Ф. Л. Дьяковского. Только место церковное и кладбище остались в 5 селениях во владениях служилых людей. В целом, небольшое количество церквей в обширном уезде свидетельствует о том, что процесс формирования сети сельских поселений находился еще в активной фазе, как и формирование приходской сети.

В настоящее время дорабатывается карта церковно-приходской сети Нижегородского уезда первой половины XVII в. При ее подготовке использовался ретроспективный подход. На первом этапе были составлены базы данных на основе 7 архивных материалов последней четверти XVIII в. (РГАДА. Ф. 1355): Экономических примечаний к Генеральному межеванию Балахнинского, Княгининского, Макарьевского, Нижегородского, Горбатовского, Семеновского и Васильсурского уездов. Выбор уездов был обусловлен тем, что именно эта (северная) половина Нижегородской губернии в границах после реформы 1775 г. приблизительно соответствовала границам Нижегородского уезда XVII в. На втором этапе была произведена локализация церквей и монастырей последней четверти XVIII в. Нижегородской губернии (северной половины) на основе созданных баз данных по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию и Атласа Менде Нижегородской губернии середины XIX в. В результате были картографированы около 300 церквей в изучаемом районе. Эта карта стала отправной в ретроспективном картографировании храмовой и монастырской сети XVII в., поскольку в большинстве случаев облегчала поиск и локализацию поселений первой четверти XVII в., в которых стояла церковь.

Литература

Черненко Д. А., Чеченков П. В. Земельные описания XVII—XVIII вв. Нижегородского края как источник по изучению приходской организации и духовенства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11. С. 217—219. (Черненко, Чеченков, 2014а)

Черненко Д. А., Чеченков П. В. Экономическое состояние служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год. М., 2014. С. 71—80. (Черненко, Чеченков, 2014б)

С. З. Чернов (ИА РАН)

О ЛОКАЛИЗАЦИИ СТАРОГО ВОЛОКА: ОТ МЕЖЕВЫХ ОПИСАНИЙ 1765 г. К ИДЕНТИФИКАЦИИ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКОМ

Древнейший город, расположенный на территории Московской области, Волок Ламский (первое упоминание 1135 г.) имел своего исторического предшественника. По преданию, записанному в начале XVI в. Досифеем Топорковым в Волоколамском патерике, первоначально город располагался «на бреже Ламы реки и той ныне нарицается Старый Волок» и был перенесен Ярославом Мудрым на берега речки Городенки¹.

Где-то вблизи урочища Старый Волок располагалось село Староволоцкое. Село это упоминается в 1506 г. как владение волоцкого князя Федора Борисовича («А оу города даю своей кн(я)г(и)ни село Староволоцкое и з деревнями»²) и являлось центром Староволоцкого стана³. Место урочища Старый Волок и села Староволоцкого до сих пор не установлено и надежно не идентифицировано с археологическими памятниками. А. А. Зимин, опираясь на свидетельство Досифея Топоркова о том, что Старый Волок располагался в двух верстах от города, обоснованно полагал, что он находился в границах земельной дачи села Ивановского. В период проведения Генерального межевания (1765—1770 г.) это

¹ Древнерусские патерики. Киево-Печерский Патерик. Волоколамский патерик / Изд. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 82.

² ДДГ. М.; Л., 1950. № 98. С. 407.

³ О границах стана: [Чернов, с. 73—99].

владение охватывало 2694 или 2730 десятин земли [Чернов, с. 344, 345, 357 — № 12; С. 390, 396 — № 12] и занимало оба берега реки Ламы к северу от впадения в нее речки Городянки.

Вопрос о локализации интересующих нас пунктов был существенно продвинут вперед Е. Н. Мачульским. Исследователь обратил внимание на то, что в писцовых книгах Волоколамского уезда 1626–1627 г. среди 16 пустошей, тянувших к селу Ивановскому, упоминаются пустоши Староволочь (93 десятины) и Елина Городищи тож (9 десятины), названия которых указывали соответственно на село Староволоцкое и Старый Волок. Особенно важной находкой Е. Н. Мачульского стали три межевых описания периода Генерального межевания, которые разграничивали пустоши, расположенные в пределах земельной дачи села Ивановского, на правом (восточном) берегу реки Ламы. 3 августа 1765 г. пустошь Горки была отмежевана от земель деревни Щекино и пустоши Староволочь (1-я межа). 5 августа того же года пустошь Староволочь была отмежевана от земель деревни Щекиной и пустоши Елиной (2-я межа). 6 августа земли деревни Щекиной были отмежеваны от пустоши Елиной (3-я межа), а пустоши Староволочь — от пустоши Тишево (4-я межа) [Мачульский, с. 104–108]. В связи с тем, что соответствующие описания планы не известны, единственным методом, который позволил бы локализовать их, являлось вычеркивание трассировок межей на основании описания. Наличие точных горизонтальных замеров в сажнях и указания на направления в градусах от направления на север (норд) и юг (зюйд) сделало вычеркивание возможным.

Сложнее было привязать вычерченные трассировки к современной карте масштаба 1:25000. Ориентиром для локализации служит река Лама, у берегов которой завершаются 2-я и 3-я межи и начинается 4-я, и деревня Щекина, располагавшаяся тогда на правом берегу реки Ламы к востоку от села Ивановского. Северо-восточной границей пустоши Староволочь являлась зафиксированная на уездном плане Генерального межевания внешняя граница земельной дачи села Ивановского с пустошью Возницыной [Чернов, с. 390, 397 — № 58]. У южного окончания этой границы завершается 1-я межа, а у северной — 4-я межа.

Ключевым элементом топографии интересующей нас территории является безымянный ручей, который отделял в 1765 г. земли деревни Щекиной (на юге) от пустоши Староволочь (на севере). Этот ручей идентифицируется с ручьем, который впадает в настоящее время в реку Ламу в 1,5 км к северу от впадения речки Городянки и в 0,9 км к северу-северо-востоку от церкви села Ивановского. В верхнем течении на протяжении 365 и 100 сажен ручей отделял п. Староволочь от земель деревни Горки (межа 1). Ниже на пространстве в 260 и 130 саженей пустошь Староволочь соприкасалась с землями деревни Щекиной. На этом участке межа пересекала большую Тверскую дорогу, которая локализуется в 150 м к западу от перехода через ручей шоссе Волоколамск — Микулино. И наконец, в самом низовье ручья, на пространстве в 90 саженей, или 191,7 м, к землям поселка Староволочь с юга примыкала пустошь Елина.

Более сложной задачей оказалось локализовать юго-восточную (напольную) границу пустоши Елиной (3-я межа). Она начиналась от ручья в 90 саженях от его впадения в Ламу и пролегла на юго-юго-запад (25 градусов «от зюйда к весту») до реки Ламы. В тексте описания имеется описка. Первый участок межи определен в 230 саженей, второй — в 155 саженей, а сумма определена в 195 саженей. Вынос межи на современную геоподоснову показал, что верными являются суммарные данные. Далее межа пролегла на запад вдоль реки Ламы, отделяя на пространстве в 118 саженей пустошь Елину от земель села Ивановского, расположенного за рекой.

В результате проведенной локализации межевых описаний 1765 г. установлено, что пустошь Елина Городище тоже располагалась на правом (восточном) берегу реки Ламы в 300 м к северо-востоку от церкви села Ивановского. Пустошь охватывала высокий коренной берег реки Ламы на пространстве в 600 м вплоть до впадения безымянного ручья в Ламу. В глубину от реки Ламы на восток земли пустоши распространялись на 191,7 м на севере (вдоль ручья) и на 450 м — на юге. В настоящее время пятиэтажная застройка фабрики «Волоколамский текстиль» вплотную подступила к напольной границе пустоши с юго-востока, причем дом 21 по улице Свободы своим северным торцом пересек эту границу.

Проведенная локализация показала, что селище Лама-1, обнаруженное в 1990 г. В. Л. Ивченковым на мысу при впадении безымянного ручья в реку Ламу и интерпретированное им на основании находок XI в. как следы первоначального Волоколамска [Ивченков, с. 38, 43, 44, 51, 57–61, 64, 68, 70, 73, 75], действительно может быть идентифицировано с урочищем Старый Волок, которое местное предание в начале XVI в. связывало с первоначальным Волоком Ламским эпохи Ярослава Мудрого. Что касается села Староволоцкое, то его следы сохранились, по всей видимости, к северу от впадения безымянного ручья в реку Ламу.

Литература

Ивченков В. П. Волок Ламский в XI–XVI вв. М., 2011.

Мачульский Е. Н. О локализации Старого Волока: новые материалы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 102–108.

Чернов С. Э. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.

Н. П. Чеснокова (ИВИ РАН)

ЕЩЕ РАЗ О ГРЕЧЕСКОЙ И РУССКОЙ ТРАДИЦИИ ХРИСМОЛОГИОНА¹

Перевод Николая Спафария греческого сочинения Хрисмологион, выполненный им в 1672 г., стал одним из значительных произведений поствизантийской политической мысли на русской почве. Традиционно русский Хрисмологион возводился к одноименному труду газского митрополита Паисия. Сомнения относительно соотношения текстов Паисия Лигарида и Николая Спафария были высказаны нами несколько лет назад. Мы отметили расхождения в структуре двух сочинений, а также факт использования Спафарием для перевода неких греческих «харатейных книг» [Чеснокова, с. 249–250]. Однако более основательные выводы до изучения недоступного тогда греческого текста сделать было невозможно.

После ознакомления с оригиналом сочинения Лигарида стало ясно: Спафарий переводил в Москве другое произведение. Обстоятельство, по которому перевод Спафария отождествлялся с сочинением Лигарида, нашло свое объяснение. Прежде под Хрисмологионом подразумевалось заглавие конкретного труда. Теперь мы полагаем, что его надо понимать не как название сочинения, тем более единственного в своем роде, а как особый вид литературного произведения, сборника пророчеств (от греческого *χρησμος* — пророчество, предсказание), по аналогии, например, с бронтологиями (громовниками) (*βροντη* — гром). Не случайно сборники имеют обширный подзаголовок, уточняющий их содержание, или термин «хрисмологион» не используется вообще. Собrania хрисм могут совпадать по составу, но могут и различаться. При этом каждый составитель свободен в подаче материала, несмотря на то что источники его труда, как правило, те же, что используются другими авторами-компиляторами. Кроме того, сочинение Лигарида и перевод Спафария имеют посвящение царю Алексею Михайловичу, что еще более убеждало исследователей в непосредственной связи двух произведений.

Недавно В. Г. Ченцова сделала предложение, что Николай Спафарий переводил Хронику Франческо Бароцци, иллюстрированную Георгием Клонцасом, которую привез в 1662 г. в дар Алексею Михайловичу архимандрит Неофит из города Аргирокастро [Ченцова, с. 69–82]. Она считает, что подаренная царю книга аналогична экземпляру, хранящемуся в настоящее время в Венеции, и подкрепляет свои предположения сюжетной аналогией иллюстраций Георгия Клонцаса к греческому оригиналу и миниатюр Ивана Максимова в русском переводе. При этом отсутствие у Спафария полного греческого текста, например, Оракулов Льва Мудрого о судьбе Константинополя автор объясняет их неактуальностью, «ошибкой» в расчетах Бароцци, согласно которому освобождение византийской столицы от османских завоевателей должно было совершиться еще в XVI в.

Пророчества по определению нельзя «привязать» к конкретной дате, их содержание всегда туманно и многозначно. Поэтому предсказания, сделанные применительно к одним событиям, авторы Средневековья и Нового времени свободно относили к другим. Несбывшиеся чаяния об освобождении Константинополя не помешали, например, Паисию Лигариду не только использовать все известные ему пророчества о Городе, но и специально подчеркнуть их в предисловии, обращенном к царю Алексею Михайловичу. Предсказания о падении Османской империи, актуальные для Венецианской республики в период битвы при Лепанто, а для греков во время Кандийской войны, для русского правительства стали особенно значимыми в конце царствования Алексея Михайловича. Именно поэтому сочинение, попавшее в Москву в 60-х годах XVII в., могло быть востребовано при дворе только в начале 70-х годов. Пророчества, существовавшие с библейских времен, преимущественно касались предстоящего конца света и носили ярко выраженный апокалиптический характер. В византийской традиции, воспринятой на русской почве, предсказания были тесно связаны с политической историей Византии. В центре византийских Хрисмологионов оказались не только и не столько христианская эсхатология, сколько последовательная смена царств, предшествовавших Византии, а также следующих за ней, каталоги восточно-римских и других императоров. У византийских авторов широко бытовали и описания всякого рода астрологических, гадательных и магических практик, приобретающие особое значение в переломные моменты истории.

Несмотря на то что для русской версии Хрисмологиона был выбран не труд Лигарида, нельзя полностью исключать возможного влияния газского митрополита на появление этого сочинения в отечественной книжности. Произведение самого Лигарида хранит еще немало загадок. Например, почему оно открывается посвящением царю Алексею Михайловичу, если кодекс не предназначался государю? Обращение митрополита Паисия к Алексею Михайловичу не совпадает с посвящением царю Николаю Спафария, зато отмечено топорами, известными по другим греческим сочинениям того же времени, в частности «Слову понуждаемому» Афанасия Пателара. Оно было составлено в Москве в 1653 г. И тот и другой авторы проводят идею о союзе запорожских казаков с царем, толкуют имя царя как «избавитель», «защитник».

Русский перевод Хрисмологиона оказался очень популярным в России. Известно несколько десятков списков этого сочинения XVII–XIX в., его новые списки продолжают выявляться и в наше время. Если широкое распространение перевода Спафария в старообрядческой среде объясняется эсхатологической темой, то для правительства царя Алексея Михайловича, как и его сына Петра Алексеевича (вспомним список Хрисмологиона с послесловием, обращенным к нему), актуальной была идея смены царств, падение одних государств и закономерное возвышение других. Насколько же Николай Спафарий был свободен в обращении с греческим текстом, можно будет судить только после сравнения его перевода с оригиналом.

Литература

Ченцова В. Г. Паисий Лигарид, Николай Спафарий и Франческо Бароцци: эсхатологические идеи при дворе царя Алексея Михайловича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 69–82.

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта (№14-64-01003).

А. А. Шайкин (ОГУ им. И. С. Тургенева)

АВТОРСКИЕ ПОЗИЦИИ В БОРИСОГЛЕБСКИХ ТЕКСТАХ: ЛЕТОПИСЬ И АНОНИМНОЕ СКАЗАНИЕ

Повествования об убиении Бориса и Глеба при сходстве фактической стороны различаются организацией материала, обусловленной разными авторскими интенциями. Например, в сцене смерти Владимира в летописи¹ «владимирицентристская позиция», в «Сказании» — позиция «борисоцентристская»: о смерти Владимира Борис, а вместе с ним и читатель узнает от «вестника». Происходит это потому, что в «Сказании» смерть Владимира становится поводом для изображения реакции Бориса. Важнейшие смыслы текста «Сказания» приходятся на монологи героя, не только содержащие рефлексию героя, но и передающие фабульные элементы. В летописи сообщения такого рода оставляет за собой автор. Летопись, таким образом, являет собой тип аукториального повествования, а «Сказание» оказывается более акториальным, передающим точку зрения персонажа.

Автор «Сказания» осуществляет сюжетную перестройку летописной фабулы. Он стремится, например, не просто информировать читателя о факте остановки Бориса на Альте, но и передать при этом внутреннее состояние Бориса. Не удовлетворившись имперсональной передачей происходящего, автор «Сказания» вводит в свое повествование взгляд персонажей, которым открывается то, что трудно разглядеть как-то иначе. Так, Борис в ночной молитве духовно возвышен, преодолевает страх: «Боязни въ любви нѣсть — съвършеная бо любви вѣнь отъмецетъ боязнь», но священнику и отроку, находящимся в шатре, видно иное: «видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суца зѣло». Внутреннее и внешнее могут не совпадать.

По версии «Сказания», пронзенный копьями Борис «въ оторопѣ» выскочил из шатра. В молитве Борис поднимается до прощения убийц: «не постави имь, Господи, грѣха сего». Возводя поведение святого к Христу, в этом видят следование евангельскому образу. Христос учил любить врагов, но против Бориса не враг выступает, от врага «укрыль быхъ ся», но как быть, если смерть идет от «сродника»? Евангельской топос приобретает новые смыслы. Летописец возводит помыслы Святополка к Каиновым. Автору «Сказания» недостаточно только архетипической мотивировки, у него Святополк пространно рефлектирует, выстраивая с помощью искусно переиначенных цитат 68-го псалма цепь логических заключений. На фоне монолога Святополка высветляется глубокая правота Бориса: мирское, осознанное святым как нечто «хуже паучины», толкает Святополка к новым преступлениям — к мысли об убийстве Глеба.

Глеб, узнав о смерти отца и гибели брата, не просто не хочет жить «на свѣтъ семь», но отказывается в «въ семь житии пожити» — частичная омофония здесь эстетически и семантически значима. «Плач Глеба» представляет собой *монолог героя*, но в сцене убиения *план персонажа* сменяется *авторским*, хотя вкраплений прямой речи и здесь немало. В «Сказании» Глеб стремится разжалобить убийц, изоципно указывая на свою юность: «Се нѣсть убиство, нѣ сырорѣзание!». Характерно различие в глаголах, передающих убиение: летописец прибегает к глаголу мирской семантики — «зарѣза Глѣба», автору «Сказания» нужен глагол сакрального звучания — «закла и». Посмертная судьба тела Глеба и обстоятельства его обретения излагаются в источниках с существенными отличиями. Предельно краткий текст ПВЛ сообщает только самую общую информацию: тело «вземше везоша и, и положиша и у брата своего Бориса у церкви святого Василья». Но как наши тело, кто «вземше», когда и по чьему распоряжению — об этом в ПВЛ ничего не говорится. «Сказание» (и отчасти НПЛМ) такого рода сведения содержит. Сообщается, что Господь сохранял тело святого, которое «лежащо дълго время», «мимоходящий» в тех местах видели «стѣльть огньнѣ, овогда свѣщѣ горящѣ», а иногда и «пѣния ангельская слышааху». Но, как утверждает НПЛМ, никто не позаботился о «възыскании телесе святого». До этого места тексты «Сказания» и НПЛМ в изложении судьбы тела Глеба минимально отличаются один от другого, но далее в «Сказании» читается обширный текст о Ярославле — победителе в Альтской битве. В НПЛМ этого текста нет, как нет и вообще рассказа об Альтской битве. Концовки же повествования о теле Глеба «Сказания» и НПЛМ опять начинают совпадать. По разным основаниям первичным следует признать текст «Сказания». Редакторская работа в НПЛМ нацелена на обезличивание текста. В «Сказании» инициатором поисков тела Глеба называется Ярослав, в НПЛМ инициатор не упомянут. Странно, что из новгородской летописи исчезает имя самого новгородского князя — Ярослава. В концепции НПЛМ для Альтской битвы нет места: Святополк погибает «межи Чахы и Ляхы», как и в ПВЛ, но не в 1019 г. после Альтской битвы, а в 1016 г. после Любечской. Однако исключение Альтской битвы не до конца объясняет устранения Ярослава как инициатора поисков тела Глеба.

Сравнение борисоглебских текстов показывает, что текст ПВЛ ближе к ранним формам повествования о святых братьях; «Сказание» опиралось на летописный текст, существенно перестраивая его композицию; НПЛМ в «борисовой» части содержит текст, тождественный тексту ПВЛ, а в «глебовой» части следует за «Сказанием», но серьезно редуцирует его, убирая имя князя Ярослава и события после Любечской битвы. В плане поэтики летопись являет собой тип аукториального повествования с центральной позицией автора-летописца, а «Сказание» оказывается более акториальным, передающим точку зрения персонажа.

¹ Имеем в виду тексты Повести временных лет (ПВЛ) и Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛМ).

С. М. Шамин (ИРИ РАН)

«ЛЕГЕНДАРНАЯ ПЕРЕПИСКА ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА С ЦЕСАРЕМ
ЛЕОПОЛЬДОМ»: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПАМФЛЕТА В РЕДАКЦИИ
RUSSIAN 1683¹

Заемствования из европейской литературной традиции — один из важных факторов в становлении русской литературы Нового времени. В качестве типичного явления можно отметить ситуацию, когда тексты той или иной тематики сначала переводились на русский язык (иногда много раз), затем начинали редактироваться, а на завершающем этапе появлялись собственные литературные аналоги, не связанные со своими европейскими прототипами. К подобным памятникам можно, к примеру, отнести целую группу сочинений о пророках [Шамин], различные «послания из ада» [Алпатов] и др.

Когда в 1927 г. И. Ильф и Е. Петров в романе «Двенадцать стульев» заставляли своего Остапа Бендера задуматься над распространением картины «Большевики пишут письмо Чемберлену», вряд ли они знали, что их шутка генетически восходит к русским переводам немецких памфлетов XVII в. на турецкую тему. Основной юмористической составляющей всех подобных памфлетов было противопоставление высокомерных угроз негативного персонажа ответу положительных персонажей, в котором высокомерие врага как бы вывернуто наизнанку и представлено смешным.

В обобщающей работе Д. К. Уо отмечен антитурецкий памфлет в редакции *Russian 1683* [Waugh, p. 75–78, 213–215], известный по сборнику Археографической комиссии № 44². Исследователь предположил, что этот текст, состоящий из письма турецкого султана цесарю Леопольду и ответа последнего, был переведен с немецкого оригинала. Сложность состояла в том, что выявленный ученым немецкий памфлет содержал только письмо султана, но не ответ цесаря. Был также обнаружен польский памфлет, включавший как послание, так и ответ, но текстологически более далекий от русского перевода, чем немецкий памфлет. Поскольку в сборнике Археографической комиссии № 44 вслед за перепиской шел договор о союзе между императором Леопольдом I и польским королем против Османской империи, а еще ниже текст клятвы турецкого султана, обещавшего уничтожить христиан, Д. К. Уо предположил, что немецкий оригинал для перевода был памфлетом, содержащим все три элемента — переписку султана и цесаря, антитурецкий договор и клятву султана.

Обращение к курантам 1683 г.³ позволяет по-новому взглянуть на историю русского текста. Оказалось, что письмо султана впервые было переведено не из отдельного памфлета, а среди газетных материалов, включенных в куранты от 7 мая 1683 г. Ответ был напечатан позже и пришел в Москву в одной из «цесарских» газет, переведенных для курантов от 30 мая. Однако на этом история переводов не закончилась. Немецкую газету, содержащую письмо султана, прислали в Москву из Киева и 8 июня сделали второй перевод. Несколько позже в Посольском приказе письмо султана получили третий раз уже в виде отдельного рукописного памфлета. Его отправил в качестве приложения к своему посланию живущий в Речи Посполитой информатор Назарий Краевский. Правда, на этот раз его переводить не стали, отметив, что письмо уже приходило в Москву: «И таков лист наперед сего переведен двояжды слово в слово против сего листа, один, что прислан через Киевскую почту, а другой через Рижскую в курантах»⁴.

Включенная в сборник Археографической комиссии № 44 «присяга турецкого султана» зафиксирована в курантах от 6 июля. Таким образом, из четырех текстов рукописи три обнаружались в курантах, составление которых отделялось друг от друга примерно месячным промежутком времени. Напрашивается вывод, что составитель сборника или, скорее, его протографа имел доступ к курантам и создал из них подборку материалов на турецкую тему. Однако проблема в том, что материалы рукописного сборника существенно отличаются от текстов курантов. Они выглядят скорее как разные переводы, чем как оригинал и копия, пусть даже испорченная. Получается, что составитель сборника или повторно выбирал материалы из газет и переводил их, или специально переделывал изначальный перевод так, чтобы он выглядел новым переводом. Вне зависимости от того, какое из этих предположений верно, становится очевидным, что автор подборки проделал существенную по объему литературную работу по составлению публицистического текста антитурецкой направленности. К сожалению, неизвестно, выполнялась ли эта работа по распоряжению руководства приказа, или же автор специально изменял переводы курантов так, чтобы не пострадать за разглашение дипломатических документов.

Литература

- Алпатов С. В. «Ведомость из ада»: судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. № 1/2 (33/34). С. 149–175.
Шамин С. М. «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 221–248.
Waugh D. C. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-04-00128).

² Научная библиотека СПбИИ РАН. Собр. Археографической комиссии. № 44.

³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5.

⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 2. Л. 79 об. — 82.

М. Г. Шарихина (СПбГУ)

ПЕРЕДАЧА КОНСТРУКЦИЙ С СУБСТАНТИВИРОВАННЫМ ИНФИНИТИВом В СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ЕВХОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ¹

Евхология Великой церкви представляет собой богослужебную книгу, которая использовалась в храме св. Софии в Константинополе в послейконоборческий период. Славянский перевод Евхология сохранился в двух русских рукописях, датируемых рубежом XIV–XV в.: ГИМ. Син. 675 и Син. 900 [Афанасьева, 2014, с. 237]. Точное время и место перевода до сих пор не были установлены. Между тем наличие в тексте памятника русизмов и языковых признаков, характеризующих переводческие нормы правленных редакций XIV в., позволило Т. И. Афанасьевой сделать предположение о том, что перевод был выполнен в Московской Руси книжниками, принадлежащими к кругу митрополита Киприана [Афанасьева, 2014, с. 239–247]. Данное обстоятельство ставит рассматриваемый памятник в ряд текстов, созданных на Руси в период так называемого «второго южнославянского влияния». Необходимость изучения норм русского литературного языка указанного периода, а также уточнения самого понятия «второе южнославянское влияние» определяет важность дальнейшего лингвистического исследования Евхология. В работе представлены результаты исследования перевода инфинитивных конструкций в списке Син. 900. Для правленных редакций богослужебных книг, созданных в XIV в., характерно калькирование греческих моделей субстантивированного инфинитива [Афанасьева, 2004, с. 105–106; Пентковская, с. 341]. Данное явление, таким образом, представляет собой яркий признак, отличающий новые редакции XIV в. от предшествующей традиции.

В славянском переводе Евхология наблюдается достаточно последовательная передача различных предложных и беспредложных конструкций с субстантивированным инфинитивом с помощью модели «предлог (отсутствии предлога) + *еже* + инфинитив», например: *Блгодарим та г(ѣ)и бе нашъ .мако твое единого естъ **еже жити** бесмртно . и слава непостыжна и члвколюбие несказанно (Л. 113) — Εὐχαριστοῦμέν σοι Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν ὅτι σοῦ μόνον ἐστὶ τὸ ζῆν ἀθάνατον καὶ ἡ δόξα ἀκατάληπτος καὶ ἡ φιλανθρωπία ἄφατος; по скончании въсходить на амвонъ . и **по *еже*** ωбычна **пѣти** пѣвцемъ... знаменаетъ трижда съ свѣчею (Л. 150–150 об.) — Καὶ μετὰ τὴν συμπλήρω<σιν> ἀνέρχεται ἐν τῷ ἄμβωνι **μετὰ τὸ** τὰ συνήθη **ψάλαи** τοὺς ὀρφανοῦς... σφραγίζει τρίτον μετὰ κηρῶν. Особый интерес вызывают инфинитивные конструкции, выражающие значения цели и времени.*

В тексте Евхология употребляется несколько разновидностей целевого инфинитива: *тоῦ + inf.*, *εἰς τὸ + inf.*, *πρὸς + τὸ + inf.* Для перевода данных конструкций в славянском тексте используются синонимичные кальки *еже + инф.*, *въ *еже* + инф.*, при этом первая чаще употребляется на месте греческой конструкции *тоῦ + inf.*, а вторая — на месте конструкции *εἰς τὸ + inf.* Для перевода греческой модели *πρὸς + τὸ + inf.* один раз употреблена конструкция *еже + инф.* и дважды — *въ *еже* + инф.* (при отсутствии модели *къ *еже* + инф.*), что отражает вторичность данной греческой конструкции при формировании переводческой нормы.

Среди инфинитивных временных конструкций заслуживает внимания модель *вънегда + инф.* (в греческом тексте ей обычно соответствует *ἐν τῷ + inf.*), характерная как для древних текстов [Vaillant, с. 234–235], так и для правленных редакций и переводов XIV в. [Афанасьева, 2004, с. 104; Пентковская, с. 256]. В тексте Евхология она зафиксирована в 11 случаях, причем в половине примеров конструкция *вънегда + инф.* не подкреплена греческим текстом. Такие случаи встречаются только в заголовках молитв, например: *млтва бываемаи ѿ сѣла. **вънегда** **ѿпущати** къ плаванию корабль (Л. 86 об.) — Εὐχή γινόμενη ἐν τῷ δρόμῳ ἐπὶ τοῦ πατριάρχου (Bes 127v); мо(а) . **вънегда начати** храмину **здати** (Л. 93) — Εὐχή ἐπὶ οἴκῳ κτιζομένηφ (Bes 129v).* Синонимичная ей конструкция *въ *еже* + инф.*, калькирующая греческую модель, отмечена только один раз. Возможной причиной большей частотности варианта *вънегда + инф.* является то, что конструкция *въ *еже* + инф.* уже использовалась в целевом значении.

Отступления от последовательного употребления калькированных конструкций в исследуемом списке Евхология единичны. К ним относятся случаи перевода инфинитива с помощью существительного (всего 2). Кроме того, в устойчивых фрагментах текста (в устойчивых формулах ектении и формуле завершения молитвы) употребляются одиночные инфинитивы.

Таким образом, в славянском переводе Евхология основным переводческим принципом при передаче субстантивированного инфинитива является калькирование, а также полукалькирование (*вънегда + инф.*) греческой конструкции. Кроме того, следует отметить стремление переводчиков к закреплению за одной или двумя конструкциями одного грамматического значения (варианты передачи целевого инфинитива).

Литература

- Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII–XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004.
 Афанасьева Т. И. К вопросу о месте и времени славянского перевода Евхология Великой церкви // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 237–251.
 Пентковская Т. В. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: чудовская и афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009.
 Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. V. La syntaxe. Paris, 1977.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 14-04-00150а.

А. В. Шеков (ТГПУ им. Л. Н. Толстого)

О РАННЕЙ ЧАСТИ ПОМЯННИКА ЧЕРНИГОВСКИХ КНЯЗЕЙ В СОСТАВЕ СИНОДИКОВ ТИПА ЛЮБЕЦКОГО

Помянник «великих князей чернеговских, киевских и прочих» в составе Синодика Антониева Любечского монастыря, основанного в 1694 г., достаточно хорошо известен в историографии [Зайцев, с. 107–109]. В 2007 г. киевский историк А. С. Кузьмук опубликовал помянник Введенской церкви в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, который имеет в своем составе помянник черниговских князей, текстологически очень близкий помяннику великих князей черниговских, читающемуся в Любечком синодике [Лаврский альманах, с. 17–19]. Помянник Введенской церкви сохранился в рукописи второй половины XVII в., содержит ряд более правильных чтений, чем Любечкий синодик, и позволяет восстановить общий протограф помянников черниговских князей, читающихся в синодиках Введенской церкви и Любечком. Например, в Любечком синодике приведено поминовение «Вел: Кнз: Георгия Киевского во иноцех Гавриила Всеволода» (условный № 4), отождествление которого с известными князьями затруднительно [Зотов, с. 34–36; Литвина, Успенский, с. 504, 505, 561, 562]. На основании данных сфрагистики и летописного известия 6702 г. Н. П. Лихачев выдвинул во многом обоснованную гипотезу о принадлежности великому князю черниговскому, а впоследствии — киевскому Всеволоду Ольговичу церковного имени Кирилл, а не Георгий — по Любечкому синодику [Лихачев, с. 83, 84; Янин, с. 71]. Еще архиепископ Филарет (Гумилевский) указывал, что в Елецком синодике, названном по Елецкому монастырю Пресвятой Богородицы в Чернигове и текстологически близком Любечкому, после упоминания князя Георгия стояли слова «убиеннаго в Киеве», в связи с чем исследователь предположил указание источника на князя Игоря Ольговича, младшего брата Всеволода Ольговича, убитого в Киеве 19.09.1147 г. [Филарет (Гумилевский), с. 36, примеч. 23]. Действительно, в синодике Введенской церкви в соответствующем фрагменте записано поминовение: «Велик: Кнз: Георгия Киевского. Велик: Кнз: Всеволода Киевского, в иноцех Кирилла». Таким образом, чтение приведенного фрагмента в Любечком синодике испорчено. Здесь были упомянуты два князя — Всеволод Ольгович и, очевидно, его брат Игорь Ольгович. Правда, по синодику Введенской церкви, Кирилл было монашеским именем Всеволода, а по данным сфрагистики и косвенному летописному известию — крестильным. Возможно, эти имена совпадали. Если определение великого князя Георгия Киевского как Игоря Ольговича верно, то, по записи Любечкого синодика, при постриге он принял имя Гавриил. Как известно, летопись сообщает о принятии Игорем Ольговичем пострига немногим более чем за полгода до его убийства киевлянами.

Поминаемого в Любечком синодике великого князя черниговского «Всеволода Даниила Святослава» (№ 14) архиепископ Филарет (Гумилевский) и Р. В. Зотов отождествляли с Всеволодом Святославичем Черным, указав на очевидную ошибку при переписке его отчества в помяннике [Зотов, с. 44]. Действительно, в помяннике Введенской церкви его отчество написано правильно: «Велик: Кнз: Даниила Всеволода Святославича Черниговского». Таким образом, под условным № 11, скорее всего, указан отец Всеволода Святославича — Святослав Всеволодович, под № 12 явно указан его дядя — Ярослав Всеволодович, под № 15 — брат Олег и племянники Всеволода Святославича, под № 16 — другой брат Всеволода — Глеб, а под № 17 определенно назван сын Всеволода — известный князь Михаил Черниговский, убитый в Орде 20.09.1246 г. и позже причисленный к лику святых. В контексте этой схемы упоминание под № 14 Всеволода Святославича — великого князя черниговского начала XIII в. — вполне уместно.

Р. В. Зотов полагал, что под № 15 указаны некий великий князь Константин Ольгович Черниговский и его сыновья Давид, Глеб и Александр. В опубликованном тексте Любечкого помянника здесь указано поминовение: «Ве: Кнз: Константина Олго Черн: и Сынов его Давыда Глеба и Александра». Написание имени «Олго» с использованием двух букв «от» было отмечено Р. В. Зотовым и принято за сокращение отчества. Думается, более правильная запись сохранилась в соответствующем фрагменте помянника Введенской церкви: «Велик: Кнз: Константина Олга Черниговского и Сынов его Давыда и Глеба, и Александра». Старший брат упоминаемого в синодике под условным № 14 Всеволода Святославича Черного — Олег, скорее всего, был с 1201/1202 по 1204/1205 г. великим князем черниговским. Он хорошо известен по летописным статьям последней четверти XII в.

Можно предположить, что записью о поминовении великого князя Михаила Всеволодовича и его боярина Феодора оканчивалась первая, наиболее ранняя часть протографа помянника. В целом эта часть, даже условно выделенная, более напоминает помянник предков Михаила Всеволодовича, а не синодик черниговских великих князей.

Литература

- Зайцев А. К. Помянник черниговских князей // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. СПб., 2003. С. 107–109.
- Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любечкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
- Лаврский альманах: Киево-Печерська лавра в контексті української історії та культури: Зб. наук. праць. Вип. 18, спецвипуск 7: Поменник Введенської церкви в Ближніх пещерах Києво-Печерської лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. Київ, 2007. С. 17–19.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.
- Лихачев Н. П. Избранные труды. Т. 1: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М., 2014.
- Филарет (Гумилевский), архиеп. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874. Кн. 5.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1.

М. А. Шибаев (РНБ)

КАК БЫЛ «СДЕЛАН» СОФИЙСКИЙ КОМПЛЕКТ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТЫХ¹

Начало работы над Великими Минеями Четвыми приходилось на конец 20-х — начало 30-х годов XVI в., когда в Новгороде после долгого перерыва появился свой владыка — архиепископ Макарий. Создание ВМЧ необходимо рассматривать в контексте процессов объединения русских земель, идущего параллельно с масштабными проектами в области книжных текстов. При этом идея создания целостного комплекта сборника житий на все 12 месяцев в разных книжных центрах реализовывалась различным образом. Попытка создать свой комплект миней четвых была предпринята в 20-е годы XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре. В силу ограниченных возможностей монастырского книгописного центра их составители пошли по пути расформирования предыдущих житийных сборников и включения старых текстов в новые кодексы, где материал был расположен в строгом хронологическом порядке от первого числа месяца к последнему. Таким образом, предыдущие сборники-«доноры» исчезали, будучи распределенными по разным кодексам [Шибаев].

Другим путем пошли создатели ВМЧ. Специфическая форма организации работы, которую можно назвать «распределенный скрипторий», позволила митрополиту Макарию реализовать гораздо более масштабный и грандиозный проект. В целом в создании Софийского комплекта ВМЧ участвовало около полусотни писцов. О значимости замысла говорит и то, что в отличие от кирилловских миней в «четверку» для ВМЧ изначально была закуплена бумага форматом в «александрийский лист». По нашим наблюдениям, первоначальный замысел Софийского комплекта предусматривал создание первоосновы из собственно минейных текстов. Эти тексты переписывала группа, состоящая всего из четырех писцов, по всей видимости непосредственно связанных с архиепископской кафедрой. Именно этот массив текстов образует наиболее ранний «пласт» создававшихся в несколько этапов миней. При этом этот минейный «пласт» рассматривался его создателями как предварительный черновой вариант. Вполне возможно, он даже не предназначался для дальнейшего использования. В некоторых томах этот пласт переписывался последовательно без разрывов на дни. На следующем этапе работы над Софийским комплектом его составители пришли к тому, что в компоновке текста Софийского комплекта ВМЧ должна прослеживаться единая для всех томов установка — чтения за каждый день начинаются с Пролога и заканчиваются Стишным прологом. Между ними зачастую читаются разные тексты, привязанные к той или иной календарной дате. При этом, как и в случае с «ветшаными» минеями Кирилло-Белозерского монастыря, редакторам пришлось заменять первые и последние листы. Изымались начала (или иногда концы) статей, если требовалось поместить новый текст, или правился заголовок. Корректорами предыдущего текста всегда выступали писцы обычного Пролога и почти никогда Стишного. В ряде случаев некоторые части предыдущего «пласта» перечеркивались, а между новым и старым текстом образовывался значительный зазор, иногда размером в целую колонку и более. Сам архиепископ Макарий мог принимать активное участие в редактировании миней. Его пометы² сделаны довольно небрежно, как правило, кинovarью, и представляют собой указания для писцов по размещению текста.

Вероятно, работа над Софийским комплектом была в общем закончена около 1538 г. Именно этим временем датируется часть последнего тома за август Софийского комплекта (РГАДА. Собр. Оболенского. № 161), содержащая лицевой список Козьмы Индикоплова. В отличие от первого «минейного» пласта этот раздел Софийского комплекта ВМЧ явно носит характер парадного и в целом законченного по замыслу раздела.

Литература

Попов Н. П. Автографы митрополита Макария, собирателя Миней // ЛЗАК. СПб., 1913. Вып. 25. Отд. 2. С. 1–12.

Шибаев М. А. «Ветшаны» миней и реконструкция сборников XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 480–496.

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 13-01-00172).

² В историографии бытует устойчивое убеждение, что эти пометы принадлежат руке самого владыки (см., например: [Попов, с. 4–5]). Мы, к сожалению, не можем однозначно утверждать, принадлежат ли данные пометы самому Макарию, или же старшему редактору всего комплекта, не принимавшему участия собственно в написании текстов.

Н. В. Штыков (СПбГУ)

НОВГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА КНЯЗЯ ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ТВЕРСКОГО

Среди русских земель начала XIV в. особую роль играла Новгородская земля. Геополитическое положение и материальные ресурсы Новгорода привлекали внимание претендентов на великокняжеский ярлык из Твери и Москвы. В условиях ордынской зависимости судьба великого княжения Владимирского решалась в Орде, однако при этом немаловажное значение имел еще ряд факторов, одним из которых была позиция новгородцев.

Роль Новгорода в политике русских князей в контексте спора за великое княжение Владимирское наиболее полно отражена в исследованиях А. Е. Преснякова, Л. В. Черепнина, В. Л. Янина, В. А. Кучкина, Э. Крюга, Н. С. Борисова, А. А. Горского, П. Д. Малыгина, А. В. Валерова. При этом некоторые аспекты политики князей Твери и Москвы в отношении Новгорода после гибели в Орде князя

Михаила Ярославича еще недостаточно изучены. Особенно это актуально в отношении действий Дмитрия Михайловича Тверского. Представляется, что привлечение широкого круга источников, прежде всего актов, летописей, житий, родословий, материалов сфрагистики и нумизматики, позволит исследовать особенности новгородско-тверских отношений с 1318 по 1326 г.

Князь Дмитрий Михайлович управлял Тверью в тесном союзе со своим братом Александром, стремясь вернуть великокняжеский ярлык в Тверской княжеский дом [Конявская, с. 63–75]. Для этого Дмитрию Михайловичу надо было наладить отношения с ханом Узбеком. Возможными союзниками тверских князей в деле создания коалиции против московских князей могли выступить Псков и Литва.

Юрий Данилович Московский после возвращения из Орды продолжал сохранять власть над Новгородом. В 1319 г. интересы московских князей в Новгороде представлял князь Афанасий Данилович. Среди приоритетных направлений политики Юрия Даниловича было упрочение своей власти и налаживание мирных отношений с Тверью. Последнему должен был способствовать брак Константина Михайловича Тверского с дочерью Юрия Даниловича Софьей. Однако в 1321 г. тверские князья отказались подчиняться Юрию Даниловичу. После военного похода великокняжеского войска на Тверь Дмитрий Михайлович отказался от великого княжения и выплатил великому князю ордынский выход [Горский, с. 53].

После получения Дмитрием Михайловичем осенью 1322 г. великого княжения Владимирского отношение к Юрию Даниловичу со стороны жителей Новгорода и Пскова должно было измениться. Любое выступление против великого князя могло вызвать ответную реакцию Орды, заинтересованной в сохранении на Руси мира и бесперебойном доставлении в ханскую ставку дани. Юрий Данилович, стремясь восстановить свои позиции, выехал в Орду, но подвергся нападению тверичей на реке Урдоме, потерял обоз и прибыл в Псков. В Пскове московский князь не сумел организовать сопротивление вторжению немцев и предпочел вернуться в Новгород.

В начале 20-х годов XIV в. на границах Новгородской земли участились нападения литовцев, шведов и немцев. В 1322 г. немецкие рыцари осадили Псков, а отряды шведов атаковали Корелу. Новгородцы были крайне заинтересованы в помощи со стороны великого князя и других князей. Ответным ходом против шведской экспансии был поход Юрия Даниловича на Выборг для возвращения Западной Карелии в состав Новгородской земли. Выступив в поход с большим войском, Юрий Данилович осадил город, но после неудачной осады его войско отступило. Юрий Данилович был инициатором строительства крепости Орешек на Ореховом острове. В Орешке 12 августа 1323 г. новгородцы и Юрий Данилович заключили мир со шведами, регулирующий новгородско-шведскую границу [Шаскольский, с. 113]. При этом Юрий именовался в договоре великим князем. В дальнейшем Юрий Данилович в 1324 г. взял с новгородцами Устюг, заключив с устюжскими князьями выгодный для Новгорода мир.

Дмитрий Михайлович Тверской, став великим князем, распространил свою власть на Новгородскую землю. Управление Новгородом осуществлялось, как и при его отце Михаиле Ярославиче, через великокняжеских наместников. Все же активных действий военно-политического плана по защите Новгорода от внешней угрозы он, вероятно, предпринять не успел. Новгородцам для обороны своих территорий необходима была помощь великокняжеского войска и отрядов других князей Северо-Восточной Руси. В отличие от тверских князей, посылавших в Новгород служилых князей, московские князья — Юрий Данилович и его братья — лично участвовали во всех важнейших событиях новгородской политики. Новгородцы, поддерживая Москву, безусловно, преследовали свои интересы. И, хотя им приходилось считаться с любым великим князем во Владимире, в начале 20-х годов XIV в. именно от московских князей жители Новгорода более всего ожидали защиты от внешней угрозы.

Литература

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

А. Л. Щавинская (Исл РАН)

БЕЛОРУССКИЕ «ВОПРОСЫ ЕЛЛИНО-РОССИЙСКИЕ» 1715 г. И ИХ АВТОР

В ненаписанной общей истории католическо-православной богословской полемики и даже борьбы небольшой по формату анонимной печатной книжке «Вопросы еллино-российские» оказалась отведенной своя не вполне заметная роль. Издание это было выпущено в 1715 г. базилианской типографией в Супрасле, что подтверждается целым рядом его типографских особенностей. Все 220 страниц «Вопросов» набраны параллельно церковнославянским шрифтом на «русском» языке и латинским шрифтом на польском. Так же на двух языках набран и титульный лист издания: «ВОПРОСЫ Еллино-росийскіи въ Кнѣзи Свѣтлѣмъ Свѣтлѣмъ въ Книжѣ Црковныхъ извѣстїи, изданыи въ Цркви Святого Пётра въ Гданѣ Рокѣ 1715». em Iednego Prawowiernego KAPŁANA. Roku Pańskiego 1715».

Есть все основания полагать, что текст «Вопросов» вначале был написан на польском языке, а затем переведен на тогдашний книжный «русский» со многими своеобразными белорусскими языковыми особенностями. В целом, этот полемический трактат в определенной мере можно считать и катехизическим сочинением, содержащим разделы о вере, Святом Духе, св. Петре, римских папах, крещении и миропомазании, евхаристии, иереях и литургии, о душах умерших, обычаях церкви и о календаре. «Вопросы» были написаны в первые годы XVIII в., для чего их анонимный автор использовал огромный

корпус разнообразной литературы на многих языках, выпущенной в Антверпене, Базеле, Вильно, Кельне, Киеве, Львове, Майнце, Могилеве, Москве, Остроге, Париже. Автор активно цитирует и ссылается на наиболее авторитетные киевские, московские, черниговские и другие православные издания, используя их в своей прокатолической аргументации.

«Вопросы» почти сразу же были замечены и в России. Более того, один из самых искусственных на тот момент православных полемистов, уроженец города Ярослава, что на крайнем востоке нынешней Польши, иеромонах Стефан Прибылович составил в 1720 г. в Санкт-Петербурге специальное «Восписание на книжечку папезскую “Вопросы Еллино-Россиский”» и посвятил его Петру Первому. «Восписание» — подробнейший обзор и опровержение в форме обстоятельных ответов от лица православных почти всего содержания католических «Вопросов». Выпускник и преподаватель Киево-Могилянской академии, профессор и префект Московской славяно-греко-латинской академии, посвященный в сан иеромонаха святителем Димитрием Ростовским, Стефан Прибылович оставил без своего ответа лишь последний раздел «Вопросов», в где речь шла о некоторых церковных обычаях и календарной проблеме. О возможном авторе «Вопросов» иеромонах Стефан, конечно же, не догадывался, как, впрочем, впоследствии и такие видные деятели Православной церкви и ее историки, как митрополит Евгений (Болховитинов) и архиепископ Филарет (Гумилевский).

Вместе с тем целый ряд католических источников указывает на то, что автором «Вопросов» был иезуит Ян Шапель, уроженец Белоруссии (1663–1720), скончавшийся в городе Бобруйске. Членом иезуитского ордена он стал в 1687 г. в Вильно, а затем уже, имея солидную богословскую подготовку, преподавал в коллегиях Могилева, Орши, Мстиславля. Особенно важна для нас в связи с написанием им «Вопросов» его деятельность в качестве католического миссионера среди православных в ряде местностей Белоруссии, и прежде всего в 1704–1716 г. на Мстиславщине, Минщине и Пинщине. Примечательно, что особый интерес к «Вопросам» вновь появился в XIX в., и тогда же с этой книги были сделаны рукописные списки ее польскоязычной части.

М. К. Юрасов (ИРИ РАН)

КОГДА ПРИНЦ ЭНДРЕ (АНДРАШ) ПОЯВИЛСЯ ПРИ ДВОРЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО?

Датировка времени прибытия на Русь венгерских принцев Эндре и Левенте остается дискуссионной проблемой. Казалось бы, Композиция венгерских хроник XIV в., одной из сюжетных линий которой является описание судьбы братьев, покинувших родину из-за преследований со стороны двоюродного дяди — основателя Венгерского королевства Иштвана I Святого (997–1038), дает достаточно убедительный хронологический ориентир — время второго правления в Польше Мешко II (1032–1034 г.), при дворе которого пребывали братья Эндре, Бела и Левенте, после того как покинули Чехию. При этом, как свидетельствует названный источник, Бела после победы над поморянами породнился с Мешко II, а Эндре и Левенте, не желая быть «статистами» в свите брата, покинули Польшу и направились на Русь, куда им удалось попасть со второй попытки, получив приют у Ярослава Мудрого. На основании данных Композиции — единственного источника, в котором не только описываются скитания принцев, но и они названы по именам, — выдвигается наиболее ранняя датировка времени их прибытия на Русь — 1034 г., закрепившаяся в советской историографии.

Однако уже в конце XIX в. венгерский историк Д. Паулер в ходе поисков параллелей к известиям Венгерского хроникального свода в источниках соседних с Венгрией государств усомнился в том, что рассматриваемые события произошли при Мешко II, поскольку все найденные им примеры относятся к началу 40-х годов XI в. Правда, ни в одном из них упомянутый венгерский принц не назван по имени. Кроме того, сомнения в точности автора этого рассказа Композиции не соответствуют результатам исследований венгерских источниковедов XX в., датирующих появление первоначального варианта официальной хроники королевства Венгрии (Прагесты) перед 1060 г. или около 1066–1067 г., что делает крайне маловероятной ошибку хрониста в имени польского князя. В начале XXI в. путем Д. Паулера пошел А. В. Назаренко и пришел к аналогичным результатам.

По свидетельству Композиции, братья Эндре, Бела и Левенте бежали из Венгрии в Чехию, откуда вынуждены были перебраться в Польшу «из-за нужды» (*paupertatis necessitudinem/inopiam*), что Д. Паулер связал с известием Козьмы Пражского о массовом голоде, поразившем Чехию в 1043 г. Другой аргумент в пользу версии о том, что принцы не могли появиться на Руси раньше этого года, Д. Паулер нашел в Альтайхских анналах и Хронике Херманна из Райхенау, где под 1042 г. упоминается один из племянников Иштвана I, ставший орудием антивенгерской политики чешского князя Бржетислава (1035–1055 г.). Не названного по имени принца Д. Паулер, не приведя конкретных доказательств, отождествил с Эндре. А. В. Назаренко, считающий, что внешняя политика преемников Иштвана I была обусловлена действиями германских императоров, сам факт принятия Ярославом Мудрым венгерских принцев также ставит в зависимость от хода развития русско-немецких отношений. Кроме того, к свидетельству Композиции о победе Бела над поморянами исследователь находит параллель в немецких и польских источниках, где есть сведения о войне поляков с поморянским князем Семомыслом около 1043/1044 г. А. В. Назаренко также обращает внимание на свидетельство Хроники Шимона Кезаи (1282–1285 г.), в которой указано на то, что первая попытка принцев Эндре и Левенте попасть на Русь

не удалась из-за запрета не названного по имени владимиристо-волинского князя, не хотевшего осложнять отношения с венгерским королем Петером Орсеоло (1038–1041, 1044–1046 г.).

Все эти аргументы нельзя признать достаточными для обвинения венгерского хрониста в ошибочном отнесении рассматриваемых событий ко времени правления Мешко II. Покинуть Чехию братья могли не из-за голода, а по причине недостаточной материальной поддержки со стороны чешского князя. Юный венгерский принц Бела мог одержать победу в одном из мелких конфликтов с поморянами, не нашедшем отражения в средневековых хрониках. Привлекаемые Д. Паулером и А. В. Назаренко немецкие источники могут дополнять сведения Композиции венгерских хроник XIV в., поскольку принцем, которого использовал в своих политических целях Бржетислав, мог быть Бела, находившийся в соседней Польше. Что же касается известия Шимона Кезаи, то в целом его сочинение представляет собой является один из вариантов Венгерского хроникального свода, но свидетельство о боязни названным русским князем короля Петера является уникальным и, скорее всего, было добавлено хронистом, считавшим, что описываемые им события произошли при Петере Орсеоло. Аргумент А. В. Назаренко, что в 1034 г. во Владимире-Волинском еще не было князя, также не является бесспорным: создатели первых исторических сочинений королевства Венгрии были убеждены в том, что на Волини и в Галиче были князья уже в эпоху «обретения родины» венграми на Среднем Дунае. Рассматриваемый пассаж можно понимать как неудачную попытку Эндре и Левенте попасть на Русь через карпатские перевалы, вынудившую их уйти к печенегам.

О. Янссон (Упсальский университет)

ИСТОЧНИКИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА А. А. ВИНИУСА

Географический справочник Андрея Андреевича Виниуса 1667 г., упоминаемый в научной литературе также как «Дорожник Виниуса», является важным свидетельством распространения географических знаний в России XVII в. По всей вероятности, он был создан Виниусом в Посольском приказе для нужд приказных служащих. Название справочника («Описание разстоянию столиц нарочитых градов, славных государств и земель, также знатных островов и проливов, водным и сухим путем, по размеру книги, именуемая Водный Мир, и иных, принадлежащих к тому описаний Российскаго государства...») не только описывает содержание сочинения, но и включает упоминание о его источнике.

Еще А. И. Соболевский писал о русском переводе предисловия к голландскому атласу «Водный мир» и его списках, которые исследователь связывал с Виниусом: «упоминание о *Водном мире* — в «Таблице разстояний разных городов от Москвы», Виниуса, 1667 г.» [Соболевский, с. 66]. В. А. Петров, один из первых исследователей справочника Виниуса, ссылаясь на упоминаемый А. И. Соболевским русский перевод предисловия к атласу, уверенно называл источником сочинения Виниуса голландский атлас «Водный мир» [Петров, с. 91]. Н. А. Казакова, основываясь на той же работе А. И. Соболевского, прямо указывала на предисловие к голландскому морскому атласу «De Zee-Atlas, ofte Water-Wereld...» как на источник справочника [Казакова].

В реальности вопрос об источниках Виниуса только кажется решенным. Исходя из имеющейся в заглавии ссылки невозможно утверждать, что именно предисловие к этому изданию, а не сам атлас, использовано при составлении справочника. Кроме того, А. И. Соболевский в своей статье обращался к имевшемуся в России экземпляру голландского атласа 1693 г. «De Zee-Atlas, ofte Water-Wereld, waer in verthoont werden alle de zee-kusten van het bekende des aerd-bodems. Seer dienstigh voor alle herren en kooplieden, als oock booz (sic! = voor) alle scheppers en stuurlieden» (1666 г. в нем датировано лишь посвящение). Естественно, Виниус не мог его использовать.

Атлас под таким названием впервые был опубликован в 1666 г. П. Госом (Pieter Goos) в Амстердаме. Однако утверждать однозначно, что Виниус пользовался изданием 1666 г., также нельзя. Дело в том, что, согласно картографическому справочнику [Schider & Egmond, p. 1401], различные атласы, в названии которых фигурировали слова «Water-Wereld» («Водный мир»), публиковались с 1650 г. (издание И. Янссониуса (Johannes Janssonius)). Получив большую популярность, они начали издаваться в Нидерландах почти каждый год в разных издательствах (Colom, van Alphen, Doncker и др.). Неизвестно и то, как именно Виниус мог использовать подобный морской атлас [Pashnyk, с. 15–16].

Выяснение источников, которыми воспользовался Виниус для подготовки своего справочника, впрочем, не сводится только к вопросу о «Книге, именуемой *Водный мир*». Среди возможных источников справочника Виниуса исследователями упоминаются также «Поверстная книга» [Петров; Юркин] и «Книга Большого Чертежа» [Петров]. Для расчета расстояния от Москвы до разных городов и земель Виниус мог использовать сведения, полученные от других служащих Посольского приказа и почерпнутые из его архива, в том числе из хранившихся там зарубежных газет [Юркин, с. 364]. В Посольском приказе также имелось множество карт и атласов [Шамин, с. 30], и личная библиотека Виниуса насчитывала значительное количество картографических материалов. Вдохнителем Виниуса в деле составления подобного справочника мог стать Н. Витсен [Wladimiroff, p. 248, 252]. Можно делать и другие предположения. К примеру, указание внутренних направлений, вероятно, привязано к почтовым (в 1665 г. была открыта первая международная почтовая линия через Ригу) и ямским маршрутам.

Таким образом, вопрос об источниках справочника Виниуса является сложным и требует дальнейшего исследования.

Литература

- Казакова Н. А. А. А. Вinius и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // ТОДРА. Л., 1985. Т. 39. С. 348–364.
- Петров В. А. Географические справочники XVII в. // ИА. 1950. Т. V. С. 74–165.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.
- Шамин С. М. Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1 (15). С. 16–31.
- Юркин И. Н. Андрей Андреевич Вinius. 1641–1716. М., 2007.
- Pashnyk O. Упсальский список географического справочника А. А. Вinius: историко-палеографическое исследование и издание текста. URL: <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:715578/FULLTEXT01.pdf>.
- Schider G. & Egmond v. M. Maritime Cartography in the Low Countries during the Renaissance // The history of cartography. 2007. V. 3. P. 1384–1432.
- Wladimiroff I. De kaart van een verzwegen vriendschap: Nicolaes Witsen en Andrej Winius en de Nederlandse cartografie van Rusland. Groningen, 2008.

Б. Р. Рахимзянов (Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ)

ШЕРТНАЯ ГРАМОТА АБД АЛ-ЛАТИФА 1508 г.: МОМЕНТЫ ПОДЧИНЕННОСТИ
ТАТАРСКИХ ДИНАСТОВ МОСКВЕ

Условия пребывания выезжей татарской элиты в Московском государстве регулировались присяжными грамотами на верность [Хорошкевич, с. 286]. Таких документов было много; в Царском архиве хранились «грамоты шертные городетские Нордоулатова царева, и Салтангаева, и Зенаева, к Шахъавлярова, и сеитов, и князей городетских — а всех грамот 9». В 16-м ящике архива были собраны грамоты только владетелей Касимова. В Царском архиве находились и другие аналогичные грамоты, в частности грамоты Абд ал-Латифа на Юрьев-Польский, на Каширу, на Каширу с окрестными городами и Мухаммед-Амина на Каширу. В 52-м ящике вместе сосредоточились «грамоты Магмед-Аминева, как на Кошире был, Абдыл-Летифовы, как был на Юрьеве и поручная ево ж, и запись шертная, и новая Абде-Летифова, как ему дал князь велики Коширу». В 105-м ящике с «казанскими крепостными грамотами» соседствовала особая «тетратка, а в ней писано, как пожаловал князь велики Абде-Летифа царя Звенигородом, и Юрьевом, и Коширою и каков ему судебник даван». Из всех этих документов до нашего времени сохранились лишь грамоты «Абдыл-Летифовы, как был на Юрьеве, и поручная ево же и запись шертная» в копиях, занесенных в посольские книги.

О последнем документе и пойдет речь. В декабре 1508 г. между бывшим казанским ханом Абд ал-Латифом б. Ибрагимом и великим князем всея Руси Василием III Ивановичем было заключено специальное соглашение, которое регулировало отношения между ними и их людьми.

Условия этого соглашения весьма показательны как в плане индикации элементов автономии и зависимости татарских выходцев в Московском государстве, так и в плане проведения некоей условной границы во взаимоотношениях между московскими правителями и их прежними сюзеренами — Джучидами. Учитывая, что данный документ неоднократно анализировался исследователями [Вельяминов-Зернов, с. 207–210, 280, 281; Хорошкевич, с. 287–296], заострю внимание лишь на нюансах подчиненности выезжих Джучидов Москве.

В присяжной Абд ал-Латифа имеется четкое самоназвание — рота, шерть: «А се грамота шертная, на которой дал шерть Абдыл-Летиф царь...». Таким образом, это не договор равноправных сторон, а присяга на верность татарского хана московскому великому князю.

Джучид не мог ссылаться с какими-либо какими-либо внешними политическими силами ни устно, ни письменно без разрешения великого князя: «...ни ссылатись без вашего (Василия III. — Б. Р.) веленья». При получении корреспонденции от внешней стороны он был обязан сообщать об этом Василию III незамедлительно: «А от которого от моего брата от царя, или от кого ни буди, приедет ко мне человек с какими речми ни буди, или з грамотою, и мне то сказати вам по сей роте в правду, без хитрости, и того человека, хто ко мне приедет, назад не отпустити без вашего веленья».

Согласно шерти, Абд ал-Латиф являлся военным вассалом Василия: «А куды пойду с тобою на твое дело, или куде меня пошлешь на свое дело с своею братьею, или с своими людьми, или куде одного меня пошлешь на свое дело...». Джучид должен был участвовать в военных кампаниях своего сюзерена — этот пункт уравнивал хана со всеми другими вассалами великого князя.

По всей видимости, отряды выезжей татарской знати вели себя на территории «русского улуса» достаточно бесцеремонно, вероятно памятуя о временах ордынской зависимости. Чтобы минимизировать данные «остаточные явления», документ оговаривал нюансы поведения татарского войска на московской территории: «...и мне Абдыл-Летифу и моим уланом и князем и казаком нашим, ходя по вашим землям, не имать и не грабить своею рукою ничего, ни над хрестьянином ни над каким не учинити никаковы силы».

Сам Абд ал-Латиф, вероятно, как и другие проживавшие на территории Московской Руси татарские ханы и султаны (наивысшая прослойка позднезолотоордынской элиты — Джучиды), к 1508 г. уже не имел права свободного отъезда от своего сюзерена — Василия III: «...и мне (Абд ал-Латифу. — Б. Р.) от тебя из твоей земли вон не итти никуде без твоего веленья...». Данное внешнее несоответствие

¹ Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. Т. 1. С. 39, 52, 61.

статуса и фактических прав (Джучиды не имеют права свободного отъезда, а более низкая страта — подчиненные Джучидам татарские князья (карачи-беки) — имеют: «также ми от вас татар не примати, а вам от меня людей не принимать, опричь Ширинова роду и Баарынова и Аргинова и Кипчакова») может быть объяснено политической «полезностью» для Москвы. Виртуальной (статусной) пользы от представителей карачи-беков было немного — они не обладали харизмой потомков Чингисхана, столь необходимой Москве для самоутверждения в Степи, и ими, соответственно, не дорожили.

Суммируя, можно отметить, что Абд ал-Латиф требовалось быть «послушну во всем» Василию III и «хотети... великому князю во всем добра». Он не мог сослаться с какими-либо внешними силами ни устно, ни письменно без разрешения великого князя. Запрет внешнеполитических контактов — один из важнейших ограничительных пунктов договора для татарского хана. Джучид также не мог покидать Юрьев без разрешения великого князя. В целом, права Джучида были существенно урезаны.

При всем этом формальная (статусная) сторона отношений была обозначена несколько иначе, нежели фактическая, — здесь сказывалась инерция традиции. Абд ал-Латиф был назван «царем» (так как до этого правил в чингисидском позднезолотоордынском юрте — Казани), в то время как Василий — только «великий князь» (в татарской политической системе соответствует второму (вниз) уровню иерархии — беклярибеку). Абд ал-Латиф был Василию «братом», то есть формально равной политической фигурой. Документ не содержит терминов «служба» и «служить» — Абд ал-Латиф не «служит» Василию III (по крайней мере согласно тексту шерти), он всего лишь «послушен» ему. Документ достаточно ярко зафиксировал специфику периода, когда соотношение статусов и реального политического веса бывших вассалов и их прежних властителей стало меняться — военные и политические реалии постепенно приходили в противоречие с силой традиции.

Литература

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1.
Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоюнию. Конец XV в. — начало XVI в. М., 2001.

² «Хотети добра» обязуются государи, по рангу равные.

Т. В. Рождественская (СПбГУ)

К ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ НАДПИСЕЙ НА ФРЕСКАХ В ХРАМАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Памяти Владимира Дмитриевича Сарабьянова

Тексты в составе фресковых композиций являются неотъемлемой частью интерьера средневекового храма. Это, во-первых, **пояснительные** надписи в составе фресковых композиций; во-вторых, **библейские и литургические цитаты** на свитках пророков и святителей; в-третьих, **имена** персонажей, идентифицирующие изображенную фигуру. Особую, очень малочисленную пока, группу составляют надписи **бытового** характера, которые сделаны кистью мастеров, по-видимому, в перерывах между основной работой, подобно тому, как это делали писцы на полях рукописей.

Предметом анализа послужили надписи в составе средневековых росписей храмов Новгорода, Старой Ладogi, Пскова и Полоцка. Большинство рассматриваемых в докладе надписей были расчищены в 1980—2014 г. В. Д. Сарабьяновым. Поскольку палеография фресковых надписей, сохранившихся подчас лишь фрагментарно, имеет датирующее значение, она обычно привлекает внимание прежде всего историков древнерусской монументальной живописи в связи с общими проблемами датировки росписей. Вместе с тем филологическая интерпретация древнерусских надписей, в отличие от аналогичных надписей из храмов византийско-славянского мира (Сербии и Болгарии), почти не предпринималась, а в целом этот материал еще полностью не собран и не систематизирован. Между тем количественное увеличение надписей на фресках в результате реставрационных исследований последних лет, их систематизация и каталогизация способствуют введению этого своеобразного пласта письменных источников в проблематику истории русского языка и письменности. Принципы методики комплексного искусствоведческого и лингвистического изучения фресковых надписей в средневековых храмах Slavia Orthodoxa были предложены в 1963 г. болгарским исследователем И. Гъльбовым, опубликовавшим надписи XIII в. из Боянской церкви [Гъльбов]. Ученый отмечал, что «отсутствует очерк развития монументального письма, почти не исследованы в должной мере принципы, в соответствии с которыми распределялись тексты в общей композиции росписей; остаются неизученными и вопрос о редакциях, к которым относятся тексты, и причины, по которым эти редакции использовались» [Гъльбов, с. 5]. Несмотря на то что за прошедшие десятилетия накоплен значительный опыт исследования надписей на фресках (греческих и славянских) из средневековых храмов Византии и Балкан [Бакалова, Смядовски, с. 22—65; Смядовски; Попконстантинов], слова И. Гъльбова с полным основанием можно отнести сегодня к древнерусскому материалу. В решении вопроса об участии в росписях храмов русских мастеров определяющее значение

¹ Материал подготовлен в рамках проекта РГНФ № 13-01-00212а.

² Раскрытые В. Д. Сарабьяновым надписи первой половины XIII в. на стене ниши лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря **Иване шль лъвою р(оукою)** [Рождественская, 1992, с. 68—69]; надписи XII в. в башне собора Рождества Богородицы Антониева монастыря: **оухъ ми** и **Уланъ дьякъ добрыи псалъ** [Рождественская, 2004, с. 784—787].

имеют графико-орфографические и языковые черты фресковых надписей. Имена ветхозаветных и новозаветных персонажей могли воспроизводиться мастерами, выполнявшими сопроводительные надписи, по памяти, и это создавало условия для отступления от книжных норм. В надписях начала XII в. на свитках пророков в простенках барабана центрального купола Софии Новгородской присутствуют восточнославянские черты (флексия -ть в формах глаголов наст. времени и др.) [Рождественская, 1999, с. 5–7]; во фресковых надписях конца XII в. в церкви св. Георгия в Старой Ладоге — приметы бытовой письменности и древненовгородского диалекта, известные по берестяным грамотам и эпиграфике. Это смешение графем ь / о, е; ъ / е (надписи при изображении пророков Соломона, Иезекииля, Иеремии, св. Николая Мирликийского, апостола Варфоломея); мена ц/ч, отражающая цоканье; написание -брь- в «утвьрьди» (на свитке пророка Соломона); флексия -о/-е в формах Им. пад. ед. ч. м. рода (пророки Наум, Давид, Соломон, апостол Симеон, Иаоким) [Васильев, Рождественская, с. 355–368]. В этом отношении георгиевские надписи сходны с надписями на фресках церкви Спаса на Нередице, в которых сочетаются как грецизированные, так и русифицированные тексты. В надписях на фресках в псковской церкви Рождества Богородицы Снетогорского монастыря отмечаются черты, характерные для орфографии псковских рукописей [Рождественская, Сарабьянов]. В значительно меньшей степени влияние местной языковой среды отразилось в надписях на фресках церкви Спаса Преображения Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке, расчищавшихся под руководством В. Д. Сарабьянова [Сарабьянов]. Самостоятельное значение для истории рукописной традиции славянских библейских переводов имеют лексические разночтения, которые встречаются в ветхозаветных, новозаветных, богослужебных цитатах на свитках пророков и святителей. Соотношение традиционных церковнославянских фресковых текстов и текстов, испытавших воздействие местной диалектной среды, может свидетельствовать об уровне письменной культуры художников, выполнявших росписи того или иного храма Древней Руси.

Литература

- Бакалова, Е., Смядовски С. Ивановските стенописни надписи — текст и функция // Старобългаристика (Palaeobulgarica). 1995. XIX. № 1. С. 22–67.
- Васильев Б. Г., Рождественская Т. В. Надписи и граффити на фресках Георгиевской церкви // Церковь св. Георгия в Старой Ладоге. История, архитектура, фрески. Монографическое исследование памятника XII в. / Автор-составитель В. Д. Сарабьянов. М., 2002. С. 355–387.
- Гълъбов Ив. Надписите към Боянските стенописи. София, 1963.
- Попконстантинов К. Зограф Василие и Боянската църква след 750 години. София, 2009.
- Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Рождественская Т. В. О надписях на свитках пророков в куполе Новгородского Софийского собора // София. 1999. № 2. С. 5–7.
- Рождественская Т. В. Приложение № 4. Надписи из ц. Рождества Богородицы Антониева монастыря в составе фресковых изображений // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. М., 2004. С. 784–787.
- Рождественская Т. В., Сарабьянов В. Д. Сопроводительные надписи на фресках собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи. К 1100-летию Пскова. М., 2008. С. 99–120.
- Сарабьянов В. Д. Спасо-Преображенская церковь Спасо-Евфросиниева монастыря и ее фрески. Изд. 2-е. М., 2009.
- Смядовски С. Надписите към Земенските стенописи. София, 1998.

А. А. Романова (БАН)

СВЯТЫЕ ДВОЙНИКИ И «НЕБЫВШИЕ СВЯТЫЕ»: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Одна из проблем русской агиологии связана со скудостью источниковой базы, не позволяющей в отдельных случаях отождествить или, наоборот, разделить двух одноименных подвижников, почитаемых на территории одного или смежных регионов.

Определенная категория чтимых или считающихся чтимыми святыми, встречающаяся в поздних агиографических сводах: рукописных святцах, иконописных подлинниках, «Книге глаголемой Описание о российских святых» [Книга глаголемая Описание] — относится к числу «неведомых святых», то есть подвижников, сведений о которых не сохранилось, и чаще всего первоначально, в начале почитания, даже имя этого новоявленного святого неизвестно, впоследствии оно озвучивается в видениях, иногда первый вариант отличается от получившего распространение в дальнейшем [Крушельницкая; Ромодановская; Рыжова], в более редких случаях имя так и не обретается.

Существует проблема двойного именованья одного и того же святого и проблема появления памяти святых, которые, вполне вероятно, никогда не жили. Эта проблема возникает и по причине своеобразия

структуры «Книги глаголемой Описание о российских святых» — географического деления святых на группы по регионам, при котором святой, подвизавшийся за многие версты от Новгорода, все же относится к числу новгородских святых и при заимствовании из «Книги глаголемой Описание...» может быть поименован «Новгородским», при этом условное региональное деление на протяжении ряда столетий претерпевает изменения в связи с переделом границ епархий.

В отсутствие достаточного количества источников при работе по пополнению месяцеслова возможны два основных варианта ошибок. Некоторые из них хорошо прослеживаются в старообрядческих месяцесловных сводах.

Одна из ошибок: объединение двух святых (например, Евфросина Синозерского и Евфросина Андомского, как это произошло в месяцеслове начала XIX в., составленном Ионой Керженским и хранящемся в Ярославском музее-заповеднике (инв. 15544. Л. 347). Здесь указана память Евфросина Олонецкого: «Сей преподобный Евфросин... иже на Синичье озере что под Устюжною Железопольскою... и в похвальном слове всем руским чудотворцам именует его тако: Евфросин Андомский»).

Встречается также условное «раздвоение» святого: так, в святцах выговского книжника Ф. П. Бабушкина из собрания Дружинина № 131 (БАН) в разных местах внесена память Анны Тверской и Анны Кашинской: под 3 июня — перенесение честных мощей Анны Кашинской, под 12 июня — преставление (перенесение мощей), еще ее же память помещена под 2 октября — как Анны Тверской.

Если определение ошибочности записи в месяцеслове по отношению к распространенным памятям не представляет затруднений, то решение задач, касающихся истинности или ошибочности памятей, внесенных в святцы и перечни святых, без привлечения дополнительных источников (точнее, обнаружения таких источников) не поддается однозначному решению.

Это подвижники, о которых по тем или иным причинам могло не сохраниться данных. Известны святые, указанные в «Книге глаголемой Описание...», о существовании которых никаких данных нет (не обнаружены), как в случае с преподобным Исаакием Ломским или нижегородским трудником Димитрием.

Поиски местных святынь приводят и к возникновению святых-двойников, как в случае с Нектарием Бежецким и Нектарием Тверским. Нектарий Бежецкий не встречается в святцах и росписях до XIX в., однако высказанное в работе Филарета (Гумилевского) предположение о том, что Нектарий Тверской — основатель Введенского монастыря в Бежецке, было развито в дальнейшем. При этом приводимые в литературе, начиная с Филарета (Гумилевского), детали биографии Нектария Бежецкого совпадают со сведениями о Нектарии Тверском.

Еще один вариант «технической» ошибки при составлении сводов и росписей святых, благодаря которой возникает новая топографическая легенда, — отнесение подвижника совсем не к той географической области, как в случае с Корнилием Кожезерским. Сведения о кожезерском подвижнике есть в списках «Книги глаголемой Описание о российских святых», однако в одном из наиболее ранних из них, Сборнике Моховикова, 1-й четв. XVII в., имена Логгина, Германа и Боголепа, а также Корнилия, именуемого «начальник Спаского монастыря Кожезерского», внесены в основной текст позднее, чем два подзаголовка, присутствующие на странице: «Града Мангазея и Енисея святых» и «Града Каргополя святых» (Л. 441) (после чего следует перечень каргопольских святых). В отдельных поздних списках «Книги глаголемой Описание...» вставка была интерпретирована следующим образом: «Святой преподобный Корнилий начальник Спаского монастыря Кожезерский чудотворец во граде Мангазее и Енесеи», то есть слишком обширные данные, не помещавшиеся в большой раздел о каргопольских святых, были вынесены на поле, а оттуда по недосмотру переписчика попали не на свое место. Однако списки «Книги глаголемой Описание...» с ошибочной вставкой оказали определенное влияние на историографию. Так, Никодим (Кононов) предположил, что Корнилий, Лонгин, Герман и Боголеп Кожезерские, отправившись в Западную Сибирь, сперва основали там новую Кожезерскую обитель, а затем скончались в этом неизвестном по другим источникам монастыре в Мангазее [Никодим (Кононов), с. 83, 84, 197].

Литература

Книга глаголемая Описание о российских святых / Подг. изд. М. В. Толстого. М., 1887.

Крушельницкая Е. В. Сказание о Евфимии Архангелогородском // Рукописные памятники: Публикации и исследования. СПб., 1997. Вып. 4. С. 95–144.

Никодим (Кононов), иером. Архангельский патерик. СПб., 1901.

Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография: исследования, публикации, полемика. СПб., 2005. С. 143–159.

Рыжова Е. А. Жития праведников в агиографической традиции русского Севера // ТОДРА. СПб., 2008. Т. 58. С. 390–442.

А. А. Роменский (Харьковская Школа искусств)

О МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ ОФОРМЛЕНИЯ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОГО
СОГЛАШЕНИЯ В КОНЦЕ X в.

Несмотря на постоянный исследовательский интерес к византийско-русским отношениям в период введения христианства на Русь, обстоятельства и время заключения договора византийских василевсов Василия II и Константина VIII с киевским князем Владимиром Святославичем вызывают споры [Рорре, р. 226–227; Пономарев, Сериков, с. 182–183; Милютенко, с. 237–238]. Дискуссионен вопрос об обязательствах сторон и форме соглашения, в частности, о том, было ли оно зафиксировано письменно подобно договорам 911, 944 и 971 г., сохранившимся в Начальной летописи [Филипчук, с. 223]. Условия рассматриваемого договора можно восстановить лишь по сообщениям нарративных памятников, в первую очередь арабских¹. Армянский историк Степанос Таронечи упоминает о численности и вооружении присланных на помощь византийцам русов². Их дополняют сведения византийских авторов (Михаила Пселла, Иоанна Скилицы и Иоанна Зонары), которые позволяют утверждать, что военная помощь была оказана Византии уже после оформления соглашения и брака киевского князя с Анной Порфирогенитой³. В то же время сообщение Льва Диакона об «огненных столбах» и кометах 975 и 989 г., по нашему мнению, не дает оснований для точной датировки похода на Херсон и русско-византийских переговоров.

Рассмотрим вопрос о времени оформления нового византийско-русского соглашения. А. Поппе полагает, что переговоры с русами начались, как только стало известно о мятеже Варды Склира, самое позднее, после сообщения о предательстве Варды Фоки в мае-июне 987 г.; в октябре-ноябре 987 г. ответное посольство Владимира уже сватало принцессу Анну [Поппе, с. 23–26]. Однако Яхья Антиохийский помещает заключение русско-византийского союза между провозглашением претензий на власть Варды Фоки в сентябре 987 г. и Хрисопольской битвой, произошедшей не раньше весны 988 г. (вероятно, в марте 989 г.)⁴. Представляется, что стимулом для переговоров стало приближение сил Фоки к Дорилею и Хрисополю, в непосредственной близости от Царственного Города (что произошло не раньше 988 г.). Навигационный сезон в Черном море длился с марта по октябрь, и маловероятно, чтобы дипломатическая миссия отправилась на Русь поздней осенью либо зимой 987/988 г. Союз двух держав, сопровождавшийся браком Владимира Святославича и Анны, вероятно, был заключен именно в Херсоне, сразу после его захвата русами, не позже лета-осени 988 г. Источники не подтверждают распространенную в историографии точку зрения о походе на Херсон в ответ на нарушение договоренностей византийцами. Представляется, что соглашение было оформлено непосредственно после взятия Херсона, в мае-июне 988 г. *Terminus ante quem* заключения нового военно-политического альянса известен — это весна 989 г., когда русы приняли участие в битвах против узурпатора Варды Фоки.

Литература

- Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–986 гг. // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 56–124.
- Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Пономарев А. Л., Сериков Н. И. 989 (6496) год — год Крещения Руси. (Филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1995. Вып. 2. С. 156–185.
- Поппе А. В. Византийско-русский союзницький трактат 987 р. // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 20–33.
- Филипчук О. М. *Studia Byzantino-Rossica*. Експансія, війна та соціальні зміни. Чернівці, 2013.
- Рорре А. The Political Background to the Baptism of Rus: Byzantine-Russian Relations between 986–89 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. Vol. 30. P. 195–244.

¹ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского // Записки Императорской академии наук. 1883. Т. 44. С. 24; Histoire de Yahya-Ibn-Said d'Antioche / Ed. et trad. en français par I. Kratchkovsky et A. Vasiliev // *Patrologia orientalis*. 1932. Т. 23. Fasc. 2. P. 423–424; Кримський А. Ю., Кезма Т. Оповідання арабського історика Абу Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь. Київ, 1927. С. 13–14; см.: [Васильевский, с. 73–83, 89].

² Всеобщая история Степаноса Таронского, Асох'ика по прозванию / Пер. с арм. Н. Эмина. М., 1864. С. 200.

³ Michaelis Pselli Chronographia / Hg. D. R. Reinsch. Berlin; Boston, 2014. Bd.1. S. 9; Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn // *Corpus fontium historiae byzantinae*. Berolini, 1973. Vol. 5. P. 336; Ioannis Zonarae Epitomae Historiarum / Ex recens. M. Pinderi // *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Bonnae, 1897. Т. 3. P. 552–553.

⁴ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / Ex recens. C. V. Hasii // *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Bonnae, 1828. Pars 11. P. 175–176.

⁵ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. С. 23–24; Histoire de Yahya-Ibn-Said d'Antioche. P. 423–424.

П. С. Стефанович (ИРИ РАН)

КНЯЖЕСКИЕ ДОХОДЫ И ЦЕРКОВНАЯ ДЕСЯТИНА ПО ГРАМОТАМ XII в.¹

Древнейшие сохранившиеся акты восходят к XII в. Среди них особенно выделяются две уставные грамоты, которые дали князья Святослав Ольгович и Ростислав Мстиславич, соответственно, Новгородской епископской кафедре и Смоленской². В своей основе тексты грамот практически современны, восходя к 1136 г. Обе грамоты содержат дополнения, приписанные позднее. Суть обеих одна — определяется финансовое и материальное обеспечение церковной организации со стороны светской власти, причём главной формой этого обеспечения выступает десятина от княжеских доходов. Грамоты неоднократно исследовались, но остаются трудными и расхождения в интерпретации их данных, в особенности, касающихся налоговой системы, сложившейся в древнерусских княжествах. Предлагаются некоторые выводы последовательного сравнения этих данных.

В установлении доходов в пользу церкви Святослав и Ростислав ориентировались на церковные уставы Владимира и Ярослава или, по крайней мере, на некоторую традицию, заложенную этими уставами (грамота Святослава начинается эксплицитной ссылкой на эту традицию). Но это было следование лишь неким общим принципам, а не определённом закону. Так, в обеих грамотах ничего не говорится о десятине от торговых пошлин, которую предписывал Устав Владимира («ис торгу десятую неделю»). В порядках, принятых в Новгороде и Смоленске, видны расхождения. В обоих документах назначается десятина от княжеских доходов, но в Смоленске «десятина от всех даней смоленских, что ся в них сходить истых кун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья», а в Новгороде — десятина и от «даней», и от «вир и продаж» (т. е. от судебных штрафов). Позднейшие приписки к грамотам не отменяют эти порядки, а подразумевают их как действующие. Эти факты (как и ряд других) говорят против гипотезы

Б. Н. Флори, что «на рубеже XII—XIII вв.» произошло радикальное изменение десятины: княжеская десятина от дани якобы была отменена, и князья обязали всё население вносить десятину от своих доходов в пользу тех или иных церковных учреждений [Флоря, с. 30–34]. Десятина на Руси в Средние века не переживала никаких реформ, и общий принцип был прост: установленная изначально как часть доходов, причитавшихся князю, десятина и в дальнейшем назначалась князьями (а затем и любимыми другими фундаторами) из тех или иных «своих» доходов.

Вместе с тем десятина, как известно, постепенно изживала себя. Обычно историки, фиксирующие этот факт, причину его видят в появлении и расширении земельных владений церковных кафедр, — и вполне справедливо. Но не следует забывать и другое обстоятельство. Суть установлений грамот Святослава и Ростислава состоит в том, что они не просто жалуют епископам десятину, но и определяют конкретные суммы, причитающиеся им от дани или от штрафов. Это явно не случайно: очевидно, в определении и получении фиксированных сумм были заинтересованы сами епископы, которые не могли контролировать изменения в «бюджетных» сборах и выбирать в них свою десятую долю. Но ценность единожды определённой суммы с течением времени девальвировалась, к этим суммам могли добавляться какие-то новые доходы, и в итоге поступающие в пользу кафедры средства уже теряли характер десятины в собственном смысле слова (десятой части чего-либо). Этот итог показывает приписка к грамоте Ростислава «А се погородие», составленная в конце XII — первой трети XIII в.: здесь суммы доходов, поступающие епископу с городов Смоленской земли, явно соотносятся с десятинами от дани, определёнными в 1136 г., но уже, как правило, несколько изменены и дополнены другими доходами (почестьем и лисицами). «Погородие» — это не некий государственный налог и не часть такого налога, причитающаяся церкви [Насонов, с. 47], а особый побор в пользу кафедры, в основе восходящий к десятине от княжеской дани. Такого рода поборы, по-видимому, складывались и в других землях, хотя именовались по традиции десятиной.

Фиксация причитавшихся епископам отчислений от княжеских доходов есть и в грамоте Святослава. В статье 3 устанавливается, что за десятину от судебных штрафов епископ получает 100 «гривен новых кун» вне зависимости от фактических сборов. Обычно статьи 4, 6 и 7, где указаны суммы, поступающие с определённых пунктов Новгородской земли, трактуются как пояснение того, как (откуда) эти 100 гривен собираются. Между тем, попытки пересчитать так или иначе эти суммы, чтобы получить 100 гривен, не приводят к удовлетворительному результату — простого и ясного соответствия не получается [Назаренко, с. 200 и след.]. На мой взгляд, эти суммы надо понимать тоже как указание на доли от княжеской дани, поступающие епископу в качестве десятины, — аналогично тому, как указывались суммы в смоленской грамоте. Смысл грамоты Святослава сводился, с одной стороны, к тому, чтобы зафиксировать сумму, шедшую кафедре от судебных доходов, а с другой — чтобы определить суммы, выделявшиеся из сборов (дани) с определённых пунктов. Списки этих пунктов составлялись по мере того, как соответствующие территории оказывались под контролем князей и они устанавливали там дань [Фролов].

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00327

² Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Подг. Я. Н. Цапов. М., 1976. С. 141–148.

Литература

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 5—211.

Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья) // Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 5—122.

Фролов А. А. «Бежецкий ряд» и «Обонежский ряд» в системе отношений князей и Новгорода XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Мат-лы конференции. М, 2015. С. 293—299.

